

М 9
№ 66

Коркина СЛОБОДА

краеведческий альманах

Выпуск девятый

Ишим-2007

К статье Г.А. Крамора «Лестовка для Агафьи».

**Журналист Василий Песков
в Литературном музее П.П.Ершова.
Ишим. 6 марта 2007 г.
Фотография В.С. Журавлёва.**

219
466

Администрация г. Ишима
Литературный музей П.П.Ершова в г. Ишиме
Ишимский государственный педагогический институт
им. П.П.Ершова

Коркина слобода

Краеведческий альманах

Выпуск девятый

Проверка фонда
2010 г.

Автономное учреждение
"Ишимская городская
централизованная
библиотечная система"
Ишим - 2007

2-812 65424

ББК 63.3 (253.3)
К 66
УДК 908.571.12

Альманах «Коркина слобода» -
лауреат фестиваля «Тюменская пресса-2006»
в номинации «Журнальный проект года».

Приносим искреннюю благодарность за финансовую поддержку в издании альманаха заместителю председателя Тюменской областной Думы Виктору Александровичу Рейну.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ишимского государственного педагогического института им. П. П. Ершова.

Редакционная коллегия:

Г.А. Крамор (главный редактор)
Н.Л. Проскурякова
Т.П. Савченкова

Общественный редакционный совет:

С.Г. Путмин, глава г. Ишима
В.Б. Белоусов
Е.М. Бочкарёва
В.М. Кашлач
И.Ф. Кнапик
Н.П. Кузовкова
И.Б. Новосёлова
Л.А. Сарафанникова
М.В. Тимергазеев
Л.М. Тиховская

Благодарим Ишимский городской историко-краеведческий музей за любезно предоставленные иллюстративные материалы.

К 66

Коркина слобода: Краеведческий альманах. Выпуск 9. - Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П.Ершова, 2007. - 168 с.

Девятый выпуск «Коркиной слободы» включает в себя статьи, очерки, мемуары, иллюстративные материалы, относящиеся к истории Ишима и Пришимья. Ряд материалов номера посвящён 70-летию массовых репрессий в Советском Союзе и 90-летию революции 1917 года.

Альманах адресован широкому кругу читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ ПРИИШИМЬЯ

- 5 А.П. Ярков
Об Ишимском ханстве и историческом самосознании сибиряков
- 9 В.П. Заворохин
Ремёсла и промыслы в хозяйстве государственных крестьян Ишимского округа в XIX - начале XX века
- 15 Н.К. Метелёва
Челюскинцы из Ишима
- 26 Г.П. Кузурманов
Трагедия семьи... и всей страны
Памяти жертв политических репрессий НКВД СССР
- 35 Н.А. Борденко, Г.А. Крамор
Дворец в Синоцинском бору
- 42 Н.Л. Проскурякова
Озеро, в котором нельзя
утонуть

КУЛЬТУРА КРАЯ

- 44 В.Г. Истомин
О ценностях и богатстве
прошлого
Книга А.Д. Колесникова «Край зело
богатый»
- 47 А.Д. Колесников
История Сибири - бескрайнее
поле для исследований
- 57 Е.Н. Коновалова, В.Л. Козлова
Ишимские краеведы и Русское
географическое общество
Период 1840-60-х гг.
- 63 Священник Пётр Лепёхин
Приговоры, употребляемые
при ловлении птиц
- 65 Священник Пётр Лепёхин
О свадьбах, болезнях и лечении
оных, и о посиденке у крестьян
Ишимского округа
- 75 Епископ Евтихий (И.Т. Курочкин)
Потехи и слёзы старой
сибирской деревни
Из рассказов отца

На первой
стр.
обложки:
Корпус
пансионата
с лечением
«Ишимский»
в Синоцин-
ском бору.
Октябрь
2007.
Фотография
Г.А. Крамора.

На второй
стр.
обложки:
Василий
Михайлович
Песков,
журналист
и фотограф,
в г. Ишиме.

На
третьей
стр.
обложки:
Ишимские
акварели
художника
Александра
Костюкова.

**ЛИКИ
ПРОШЛОГО
И НАСТОЯЩЕГО**

79 О.А. Мишкина
Династия Постниковых

83 Л.К. Соскина
В гостях у легендарной Ксении

85 Г.А. Крамор
Звезда комиссара Ксении Чудиновой

108 О.А. Ожгибесова
Летописец из села Дубынка

112 О.Н. Самсонова
Семья Шабановых

**МУЗЕЙ
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ**

115 М.Н. Сметанкина
Викуловский краеведческий музей

**ЖУРНАЛЫ
И ГАЗЕТЫ ЛЕТ
МИНУВШИХ**

121 «Голос ишимского учительства»

**ПЫТЛИВЫЙ
ПОСОХ
СТРАННИКА**

128 Г.А. Крамор
Лестовка для Агафьи

132 В.И. Шадурский
Лыковы: земледелие без риска

**СТРАНИЦЫ
МЕМОАРОВ**

142 А.А. Постников
Тахта

**ВКРАТЦЕ
ОБ АВТОРАХ**

167

История и краеведение Приишимья

А.П. ЯРКОВ

Об Ишимском ханстве и историческом самосознании сибиряков

Развалины разрушенных городов в дикой Татарии
заслуживают, чтоб их исследовали.

Н.-К. Витсен (1710).

Российское общество претерпевает сегодня серьезные мировоззренческие изменения: в условиях, когда складывается новая картина мира, рушатся старые мифы, формируются иные моральные нормы, — становится очень важным культивирование идей гуманизма и толерантности средствами массовой информации, посредством искусства, науки. Выстраданная в Западной Сибири в течение длительного времени идея диалога ныне остро востребована как консолидирующий фактор регионального сообщества.

За несколько веков совместного проживания на этой земле представители разных этносов и конфессий приняли за данность её социокультурное разнообразие, выстроили стратегию и тактику уважительного отношения к другим традициям, обычаям и ритуалам. В этой связи порою необходимо пересмотреть и некоторые положения в сибиреведении, казавшиеся незыблемыми в течение долгого времени.

«Болячка» сибирской истории — снобистски начинать «изначальное повествование» о крае с Русских (Сибирских) летописей (а иногда с Г.Ф. Миллера), фактически не обращая внимания на труды средневековых авторов, под которыми понимаются путешественники и купцы, правители и придворные хроникёры, жившие в ареале от Европы до Дальнего Востока. Не принимались во внимание и местные эпические сказания, легенды, составляющие «опору» коллективной памяти.

Признаем, однако, что одни и те же события могут по-разному интерпретироваться. Так, «Сибирские летописи» по иному, чем предания аборигенного населения, освещают отдельные события, содержат несколько версий, в том числе мифотворящих, что не снижает их значимости, так как свидетельствует об отношении их творца к событиям истории. Ещё в 1916 г. С.В. Бахрушин пришел к выводу, что «туземные легенды наложили очень яркий отпечаток на Сибирские летописи», включая «древнейшие своды»¹.

Конечно, необходимо принять во внимание, что край долгое время был не только бесписьменным, но и труднодоступным для носителей развитой письменной традиции. Согласимся и с тем, что упоминания в разноязычных источниках районов Западной Сибири: *Иртыш/Аби-Джарусь, Sebur, Siber, Шибир, Сибир-и-Абир, Сибир, Шибана улус, Сибирский юрт*², и других нельзя соотносить с современными реалиями. Это касается и истории так называемого **Ишимского ханства**, которая может оказаться (после дополнительного изучения) истинной, ложной или не связанной с территорией современного города. Тем не менее «ишимский» сюжет достоин отдельного рассказа на страницах краеведческого сборника, связанного с Ишимом (городом и рекою).

О стремлении преодолеть давние стереотипы свидетельствует доклад, прочитанный И. Введенским в Тобольске 12 декабря 1882 года (слыштя год опубликован³). Крайне важно заметить, что он обнародован на литературном утреннике, устроенном по поводу «300-летнего юбилея Сибири», словно до того не было здесь ни людей, ни их культуры. Введенский проявил определенное мужество, убеждая современников: «дорусская» история — такая же часть сибирской истории, что и события после прихода Ермака.

Своим докладом Введенский утверждал, что первое в крае государство — на реке Ишим — появилось задолго до походов монголов на Запад в конце XI — начале XII вв. И это обстоятельство должно было стать очень важным этапом исторического развития региона. Ведь, таким образом, первое государство в Западной Сибири создано не пришлыми золотоордынцами, а предками сибирских татар. И, как считает Г.Л. Файзрахманов, — в результате преемственного развития от этого первого тюркского государства в Западной Сибири в 1220-х гг. образовалось второе — Тюменское ханство (Г.Ф. Миллер считал его первым по времени создания), а затем, в 1495 г., формируется третье — Сибирское ханство⁴.

Городище Искер под Тобольском – бывшая столица Сибирского ханства. Вид с Иртыша.
Июнь 2007.

Остаётся, конечно, непрояснённым вопрос: насколько можно доверять материалу, обнаруженному Введенским, который сказал следующее: «Такого характера сведения о Сибири в период, захваченный рамками моего чтения, передают нам непосредственные исторические источники – наши сибирские летописи, источники почти единственные». Но тот вариант летописи, на который ссылался Введенский, современным исследователям не известен. Здесь, впрочем, нет ничего удивительного; тот же Миллер собрал уникальную коллекцию копий древних документов, погибших впоследствии. От этого мы не стали меньше доверять книгам Миллера, ссылавшегося на не дошедшие до нас источники!

О важности изучения устных источников по истории Сибири «дорусского периода» говорили в 1929–1931 гг. составители Сибирской советской энциклопедии⁵, хотя уже тогда некоторые из легенд были введены в научный оборот, но не сопоставлялись с другими видами источников и, конечно, не выявлялись «схематические повествовательные шаблоны»⁶, присущие различным группам интерпретаторов. Дело в том, что устные источники несут немалый отпечаток мифотворчества. Гордость ишимцев – П.П.Ершов – где-то же разыскал рукопись с татарской легендой, перевёл с чьей-то помощью на русский язык и сделал по её мотивам поэму «Сузге», которая была напечатана в журнале «Современник» в 1838 году⁷. Но ершовский сюжет о Сузге не находит подтверждения в других источниках⁸. Поэтому, и в случае с Ершовым, и в ситуации с Введенским необходимо выявлять: насколько привлечённые ими источники соответствуют реальному положению.

Нет сомнения, что исследование ранней истории Сибири, в том числе и поиск новых видов источников, должны стать важнейшей задачей.

Ведь нельзя игнорировать доводы тех учёных, кто высказывает мысль: недопустимо абсолютизировать столь ненадёжные свидетельства, как устные рассказы. Соответственно рождается вопрос: история об Ишимском ханстве – легенда? мистификация? правда, пока не подтверждённая иными источниками? Можно ли на «зыбкой почве» преданий (даже XIX века) строить научные конструкции, а тем более экстраполировать (переносить) эти данные на четыре, а то и на пять столетий раньше? Ведь археологические исследования (правда, «робко» занимающиеся средневековыми поселениями края) не подтверждают эту легенду, хотя и не опровергают её артефактами.

Попробуем в отсутствие археологических находок выстроить логическую систему размышлений на очевидном:

- первое обстоятельство: состоит в том, что описание Введенским дальнейших (после образования государства на реке Ишим) событий, происходивших в Тюменском и Сибирском ханствах, идентичны с содержанием различных вариантов Сибирских летописей;

- второе: об утрате отдельных вариантов Сибирских летописей писали и раньше, и это побуждает высказаться в плане того, что необходимо брать за истину не только сохранившиеся варианты; но и привлекать другие виды источников;

- третье: в родословии 16-ти ханов Ишимского ханства (с XII века) И.Введенский указал властителей, носящих мусульманские имена: Девлет и Аллогул⁹, свидетельствуя о постепенном отказе от древнетюркских имен, совпадающем со временем утверждения здесь ислама;

- четвёртое, и немаловажное: факты, имена, события, названные Введенским, созвучны с некоторыми сюжетами и образами дастана «Ильдан и Гульдан», другими памятниками устного

Гора Кучум в окрестностях города Ишима. По преданию – место одной из стоянок хана Кучума, бежавшего от русских отрядов. Вид с реки Ишим. Июль 2006.

творчества тюрков, обитавших на пространстве Евразии. Фактически Сибирские летописи и «устная память» местного населения передают один и тот же цикл преданий, при этом они не подтверждают (или опровергают) друг друга, а просто излагают одну и ту же информацию.

Совокупность фактов и обстоятельств даёт основание (хотя и не все ученые разделяют данную позицию) для утверждения: та часть сочинения Введенского, где излагается история государства на Ишме, является пересказом содержания не дошедшего до нас варианта Сибирских летописей, а источник, которым пользовался Введенский, вполне мог существовать. Соответственно, легенда об Ишимском ханстве «имеет право жить»!

Не раз отмечено: в истории Западной Сибири XIII–XVI вв. вопрос государственности остаётся неразработанным, хотя на рубеже XX–XXI вв. возросло число публикаций. Попробуем в связи с этим поразмышлять: почему активно реанимируется в науке понятие *Сибирский юрт*¹⁰, которое понимается как «территориально-политическое образование, сложившееся на территории Урала и Западной Сибири к концу XIV в.»? Конечно, в нарративных (устных) источниках такого названия регионально-политического образования нет, но есть: «улус Шейбана/Шибана», «Узбекский вилайят» («дийар-и узбек» или «вилайат-и узбеки»), «Тайбугин юрт», «Искерский юрт».

Определение вводится с оговорками: «в XIII – первой половине XIV вв. Сибирского юрта ... ещё не существовало», а «к концу XIV в. территория юрта оказалась в составе шейбанидских владений ... между отдельными представителями шейбанидского дома». Однако «развитие исторических событий показывает, что владения всех шейбанидских правителей можно рассматривать как единое целое – Сибирский юрт».

С поправкой на окончательное его сложение «к началу XV в. как территории, занятой шейбанидскими ханами и султанами: от владений мангытов на юго-западе до Барабинской степи на северо-востоке и от устья Иртыша на севере до Аральского моря на юге» и со ссылкой в этом на исследование по образованию государства кочевых узбеков, сформировавшегося в 1420 гг. в указанных границах «улуса Шибана», большая часть которого с 1380-х гг. именовалась *Узбекский улус*¹¹.

Многие факты убеждают – в начале XVI в. государство Сибирских Шейбанидов погибло, а на его месте возникло государство Тайбугидов – своеобразная федерация владений полунезависимых сибирско-татарских феодалов и угорских племенных «князей». Поражение Тайбугидов в войне с Узбекскими Шейбанидами в середине XVI в. привело к включению Сибирского юрта в состав Шейбанидского государства в качестве его северного улуса – Сибирского ханства.

Несмотря на смену этнического акцента на «владения угорских племенных князей и сибирско-татарских улусных владений», Тайбугидское государство 1495–1555 гг. признаётся «единственным опытом становления самостоятельной местной государственности», власть которого «реально распространялась только на район Искера и на Ишимский улус – родословное владение Тайбугидов»¹².

Вновь появившийся «ишимский сюжет» позволяет иным исследователям рассматривать общесибирские перипетии как часть своей истории. К тому же независимость Тайбугидов – «чисто местной, не чингизидской династии, с широкими связями родства с лидерами разных улусов, известных как мурзы», отстаивают и зарубежные исследователи, опираясь на Сибирские летописи¹³.

Итак, современный взгляд на проблему формирования и границы постзолотоордынских государств в крае (при различных и порой полярных точках зрения) демонстрирует: с одной стороны, содержащую там установку на большую древность и исконно преемственную самобытность этих этнополитических образований; а с другой – тенденцию на значительное ограничение хронологических рамок, политического статуса и государственного их суверенитета. Каждая из научных точек зрения, опираясь на имеющуюся базу устных и письменных источников, оперируя собственными исследовательскими позициями и аргументами, имеет «плюсы» и «минусы», сторонников и противников. Нам же важнее заметить – немало было, есть и будет неравнодушных исследователей средневековых страниц истории Западной Сибири, которая является «общим домом» для людей различных национальностей.

Сегодня немало политиков и учёных, религиозных и общественных деятелей обоснованно говорят о слабом использовании как своего (этнического, религиозного, регионального), так и общероссийского культурного наследия, объединяющего различные этносы, этнические группы и, безусловно, людей, их составляющих. Осознаётся, что ремиссия (сокращение) исторической памяти, невостребованность, необозначенность и, тем более, утрата историко-культурного наследия – процесс, обладающий скрытой деструктивной силой, чреватый серьёзными негативными последствиями.

Российское общество в процессе исторического развития стало открытой, сложной, развивающейся системой, охватывающей не только различные этнические и религиозные культуры, но и совокупность индивидов, то есть многих «я».

Региональные аспекты в изучении истории – это только часть проблем постсоветской науки, поставленной перед необходимостью осмысления прошлого. В их причине кроется, по всей вероятности, и такая составляющая: формально отказавшись от давней идеи превосходства одной идеологии (религии/культуры/этноса) над остальными, иные сибиреведы фактически так и не смогли пойти по пути объективного анализа вклада другой культуры. До сих пор в их сознании отражается концепция европоцентризма, где «центр цивилизации» находится за пределами Азии. Тогда как сами сибиряки постепенно приходят к осознанию, что история края до прихода дружины Ермака – тоже часть их истории. И таким образом они разрушают исторические шаблоны, внедрявшиеся в коллективную память через легенды, предания, массовое образование, художественную культуру в течение нескольких столетий.

Другая составляющая причины связана с убеждением, что исторический материализм и методология науки – одно явление. Конечно, нельзя полностью отказаться от наследия советского обществоведения, но можно выявить и опасную тенденцию – «вооружённое» подобной методологией традиционное научное сообщество (не воспринимающее новаций: традиции «дедов» важнее, чем традиции «отцов») не может помочь российскому обществу ответить

на очередные вызовы времени. Преодолеть эти проблемы возможно с помощью различных подходов, в том числе и той методологии, которая для советских гуманитариев была запретной – так называемой буржуазной. Пока ещё робко она «пробирается» в труды учёных, иногда стыдливо прячась за именем «цивилизационный подход». Некритичное отношение к русским летописям – с одной стороны; к династийным хроникам и этническим преданиям – с другой, также «произрастает» от нежелания/неумения иных современных исследователей отделить сами источники от конфронтационных установок враждовавших в прошлом историографий.

Названные явления, обусловленные как общемировыми и общероссийскими тенденциями, так и сугубо региональной спецификой Сибири, представляются крайне неоднозначными, подчас противоречивыми и взаимоисключающими.

Объективность их историко-культурного анализа достигается, прежде всего, за счет комплексного подхода к исследованию имеющейся источниковедческой базы, поиску новых и всестороннему осмыслению уже имеющихся письменных свидетельств и памятников устного творчества. Последнее предполагает освобождение от многих стереотипов и исследовательских шаблонов, присущих как досоветской, так и советской традиции. Тогда в науке недостаточно уделялось внимания создателям тех или иных исторических документов (сказителям, летописцам, авторам путевых заметок и мемуаров), восприятию их личности в контексте окружающей их среды и господствовавшей идеологии. Иногда бытует мнение, что только постмодернизм позволил свободно относиться как к событию/явлению, так и к тексту о нём, провоцируя на множество интерпретаций. Но эта же тенденция, отметим, была характерна для источников по региональной истории ислама, в основном созданных до XVIII века, и многих научных работ последующих столетий.

Нельзя не принять во внимание, что кажущаяся с высоты XXI века «доступность» источников и публикаций способна привести к ошибочным выводам в оценке их значимости для предшествующих периодов и различных структур общества, научного и обыденного сознания. Важно также понять, что нынешние моральные и этические нормы не действовали в прошлом. Более того, оценки тех или иных конкретных исторических событий, лиц, документов нередко – от эпохи к эпохе – менялись на диаметрально противоположные, подгонялись под ситуационные конъюнктурные интересы. Только совокупность множества факторов и подходов, признание права создателей источников и авторов научных работ на собственную интерпретацию событий и явлений помогут в исследовании истории ислама в Западной Сибири.

Волей исторической судьбы и из-за географического положения сибирякам суждено было соотносить разные системы мировоззрения, свойственные Европе и Азии, кочевому и оседлому миру, христианской и мусульманской культурам; стать транспортёром достижений каждого из этих элементов, микро- и макропосредником. При этом сибиряки не выступали в роли безучастных «статистов», но были активными

участниками и «режиссёрами» региональной и континентальной истории, способствуя диалогу культур и людей.

Фотографии – Г.А.Крамор.

Примечания

1 Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия. – 1916. – № 3-4. – С. 28.

2 Улус – коллектив/группировка, составлявшие, как правило, этнополитическое целое; улусы у кочевников выделялись в удел представителями правившей династии; территория улуса, именовавшаяся тюркским словом *бурт* (*юрт*), была относительно стабильна. Первоначальную социальную ячейку улуса составляла семья-кибитка, некоторое их число – колено, а некоторое число колен – род или племя, объединение которых и составляло все население улуса, для обозначения которого обычно применялся тюркский термин *эль* (*иль*, *ил*), имевший также и другие значения («государство», «страна» и др.). В русских источниках XVII–XVIII вв. понятия улус и юрт употреблялись для обозначения как политического образования, так и экстерриториального объединения родового или феодального характера.

3 Введенский И. Исторические сведения о Сибири до покорения её Ермаком // Тобольские губернские ведомости. – 1863. – № 3. Оттиск статьи хранится в Тюменской областной научной библиотеке, а также в отделе рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского университета.

4 Фейзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времён до начала XX века). – Казань, 2002. – С. 117-142; его же. Тайбугиды и шибаниды в Западной Сибири. Из взаимоотношений Казанского, Тюменского ханств и Ногайской Орды в XV в. // Проблемы истории Казани: современный взгляд. – Казань, 2004. – С. 130.

5 Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Стб. 399.

6 Wertsch J.V. *Voices of Collective Remembering*. – Cambridge, 2002. – P. 62.

7 Вопрос об источниках поэмы П.П.Ершова «Сузге» остаётся до настоящего времени открытым. Ссылка на татарскую рукопись с легендой о горе Сузгун, найденную и переведённую Петром Павловичем на русский язык, является сомнительной. Приятель Ершова – тобольский художник М.С.Знаменский, благодаря которому эта версия получила хождение, и сам не был вполне уверен в существовании оригинала (см.: РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 1. Д. 30. Л. 9). Не выдерживает критики и легенда о Сузге, якобы рассказанная Ершовым ссыльному поляку К.Волицкому во время совместного посещения татарской деревни Сузгун (см.: Савченко Т.П. К.Волицкий и Г.Зелинский – польские друзья П.П.Ершова // Ершовский сборник. Вып. 1. – Ишим, 2004. – С. 15). (Прим. ред.)

8 Любопытно, что эта же поэма увлекла другого сибиряка – М.С. Знаменского, задумавшего издать её отдельной книжкой. Он переписал весь текст, подчеркнув места, которые надлежало проиллюстрировать (готовил и сами рисунки), составил подробный комментарий к поэме, где попутно привёл историю её возникновения. Но книга так и не была издана. – см.: Рошневский П.И. Воспитанник декабристов художник М.С. Знаменский. – Тюмень, 1954. – С. 72-73.

9 См.: Фейзрахманов Г.Л. Сибирские татары в составе Российского государства: Дисс. ... д.ист.н. – Казань, 2005. – С. 98.

10 См. подробно: Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. – Казань, 2004.

11 Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М., 1965. – С. 29, 38-45; Нестеров А.Г. Династия Сибирских Шейбанидов // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск, 2002. – С. 205; и др.

12 Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв.: археология и история. Дисс. ... к.ист.н. – М., 1988. – С. 6-8.

13 Frank A. *Siberian chronicles and Taybughid biys of Sibir* // *Papers on Inner Asia*. – Bloomington. – № 27. 1994. – P. 16.

В.П. ЗАВОРОХИН

Ремёсла и промыслы в хозяйстве государственных крестьян Ишимского округа в XIX – начале XX века

В отечественной исторической науке и историографии накоплен обширный материал по проблеме становления и развития крестьянского хозяйства Западной Сибири. Для историографии периода 1990-2000 годов характерными стали поиск новых исследовательских подходов, актуализация проблем крестьяноведения и крестьянского хозяйства. Исследователем из Ишима В.И.Шадурским предпринята реконструкция народного опыта агрономии, накопленного крестьянством Западной Сибири с XVII до начала XX века¹. Автором дана обобщённая характеристика агротехнических приёмов, бытующих в практике крестьян Западной Сибири. Важный сектор экономики крестьянского хозяйства – кустарное производство в XIX – начале XX веков иссле-

довано в работах В.В.Коновалова и Е.В.Бородулиной².

В.В.Коноваловым установлено, что развитие крестьянских промыслов в Сибири в пореформенный период выражалось, прежде всего, в привнесении новых производств в районы заселения переселенцами из Европейской России, а также в расширении уже существовавших промыслов среди старожильского населения. В свою очередь образование новых промыслов вело к разрушению патриархального хозяйства.

Производство изделий по заказу потребителя являлось первой формой промышленности, отрывающейся от патриархального земледелия. Однако ремесло как первая форма промышленности ещё не создавала товарного производ-

Утро в сибирской деревне. Акварель
М.С.Знаменского. Сер. XIX в. ГИМ.

ства, здесь появилось лишь товарное обращение, в том случае, когда ремесленник получал плату деньгами или продавал полученную за работу долю продукта, покупая себе сырые материалы и орудия производства. Продукт труда ремесленника первоначально не появлялся на рынке, почти не выходил за рамки натурального хозяйства крестьянина, поэтому ремесло характеризовалось такой же раздробленностью и узостью, как и мелкое патриархальное земледелие. Одним из способов развития ремесла являлся отход ремесленников на заработки в другие местности. Ремесленник, однажды соприкоснувшись с рынком (продав продукты своего труда), со временем переходил к производству товара на рынок, то есть становился товаропроизводителем.

Определение масштабов развития товарного производства в разных отраслях промышленности в государственной деревне Западной Сибири представляет значительные трудности, связанные, главным образом, с состоянием источников, редко позволяющих отчетливо отделить ремесленника от товаропроизводителя и ещё реже содержащих обобщающие данные по этому важному вопросу в границах отдельных губерний, округов, волостей.

В данной статье предпринимается попытка на примере Ишимского округа Тобольской губернии проследить наличие в государственной

деревне ремесел и промыслов, которые, наряду с главными занятиями крестьян — земледелием и скотоводством, — составляли структуру крестьянского хозяйства, определяли его специфику.

В 1841 году в округах Тобольской губернии, в частности в Ишимском, кожевенным и овчинным промыслом занимались 85 крестьян. Средний доход крестьян-промышленников в год составлял 20 рублей³. Анализ этих данных свидетельствует о том, что крестьяне Ишимского округа, занимавшиеся кожевенным и овчинным промыслом, были мелкими товаропроизводителями, их промысел давал незначительный доход.

Из льна и пеньки сибирские крестьяне ткали холст, делали веревки. Из овечьей шерсти ткали сукно, из которого изготавливали верхнюю и нижнюю одежду; из шерсти вырабатывались ковры, подшомутники, носки, шляпы и т.д. Между крестьянами, занимавшимися ткацким промыслом, существовала специализация в производстве определённого вида продукции. Так, в материалах VIII ревизии Тобольской губернии за 1841 год наряду с общей цифрой крестьян-ткачей Ишимского округа — 15040 человек, выделено 8876 человек, ткавших холст, и 6164 человека, производивших сукно⁴.

Н.М.Черняковский отмечает: «Порядочную отрасль промышленности составляет выделывание крестьянами холстов разного качества, начиная от грубых полевых до тонких. Сортов низшего качества три: первый ткнут из льняных подотрёпок и продают от 8 до 10 копеек, второй сорт называется «изгребной», который употребляется уже в носку и продаётся по цене от 10 до 18 копеек, третий сорт — «пачесной», гораздо добротнее предыдущих, продаётся по цене от 10 до 20 копеек за аршин. Холст, вытканый из чистого льна, продают по цене от 20 до 40 копеек. Самый высший льняной сорт холста продают по 50 копеек за аршин, но такого очень мало. Вообще всего холста вырабатывается до 200000 аршин. Он вывозится на сельские ярмарки и покупается тюменскими, омскими и тарскими купцами. Все крестьяне и крестьянки употребляют бельё домашнего изделия»⁵.

Так, например, «в крестьянском хозяйстве Алексея Васильевича Филиппова из Ишимского округа Безруковской волости деревни Большедулово сестра его Степанида Васильевна занималась побочным промыслом — тканием холста»⁶. Некоторые крестьяне ткнут домашнее сукно: «жена Фёдора Афанасьевича Васильева, крестьянина деревни Дымковка Жилияковской волости, занимается прядением и ткачеством, а Пелагея Егоровна Селантьева из этой же деревни шила крестьянскую одежду из сукна на продажу»⁷.

Развито среди крестьян Ишимского округа и кузнечное ремесло. По сообщению Н.М.Черняковского, «в 1822 году, когда ещё в Ишимский округ входил Петропавловск, в округе насчитывалось 200 кузниц. В течение последующих 20 лет (1841 год) количество кузниц увели-

чилось до 268»⁸. Столь быстрое развитие кузнечного промысла в Ишимском округе объясняется действием ряда факторов: уровнем развития сельского хозяйства, наличием сырьевой базы, плотностью населения, близостью к рынку сбыта (к Никольской ярмарке). Помимо того, в частном крестьянском хозяйстве различные промыслы постоянно нуждались в изделиях из металла. Часто крестьяне имели кузницы «при домах своих», где занимались производством топоров, ножей, кос, серпов, замков, хлебопачотных сошников, гвоздей и т.д. Иногда в описаниях имущества крестьян наряду с кузницей перечисляются лошади, рогатый скот, овцы, свиньи⁹. Так, «житель деревни Черемшанка Голышмановской волости Ишимского округа Смолин Фёдор Маркович имел в своём хозяйстве кузницу»¹⁰.

Долгое время в рамках домашнего производства в сибирской государственной деревне было распространено салотопление. «Топлёное сало вывозится на Ирбитскую ярмарку, откуда отправляется в Санкт-Петербург. Сала увозится до 50000 пудов. Доход от продажи сала составляет 100000 рублей серебром. Кроме частных покупок, закуп сала бывает на Никольской ярмарке в г. Ишиме и на ярмарке в слободе Абатской. Это два главных рынка для сбыта сельскохозяйственной продукции в Ишимском округе. Кроме сала крестьяне здесь продают сырые кожи, мясо. Последний падеж скота (1840-1842 гг.) произвёл довольно значительное повышение в цене, почти в полтора раза. Нетоплёное сало продавалось крестьянами по 2 рубля серебром за пуд. Сырая кожа – по 2 рубля за пуд, говядина по 1 рублю 15 копеек за пуд»¹¹. «За выгодную для себя цену ишимские крестьяне продавали на ярмарках коровье масло по цене 4 рубля 50 копеек за пуд»¹².

По данным ревизии государственных имуществ Тобольской губернии за 1841 год, крестьянские промыслы в Ишимском округе распределялись следующим образом: (см. таблицу).

Анализ таблицы даёт основания для следующих выводов: наибольшее количество крестьян в округе занималось ткацким промыслом – 15040 человек или 78,3 %; мукомольным промыслом – 2275 человек или 12 %; охотой и рыболовством – 682 человека или 3,6 %; извозом – 373 человека или 2%. Слабое развитие получили такие промыслы как печной, почтовая гоньба, содержание постоянных дворов и т.д. Число промышленников в Ишимском округе по отношению к численности населения равнялось 15,88 % (главным образом за счёт широкого развития ткацкого промысла).

Большой интерес для выяснения вопроса о формах крестьянской промышленности (домашние промыслы, ремесло, мелкотоварное производство), представляют данные таблицы о среднегодовых доходах крестьян-промышленников. В Ишимском округе минимальный доход в 2-3 рубля давал ткацкий промысел, максимальный, в 38 рублей – содержание мельниц. Таким образом, анализ показателей среднегодовых до-

Ткачиха. Акварель М.С.Знаменского. Сер. XIX в. ГИМ.

ходов крестьян-промышленников Ишимского округа свидетельствует о том, что их промышленная деятельность находилась в значительной степени на стадии домашней промышленности или мелкого товарного производства, так как если доходы крестьян превышали 100 и более рублей в год, это позволяло считать их промышленную деятельность находящейся на стадии капиталистической кооперации и мануфактуры с применением наёмного труда.

Следовательно, и в экономике Тобольской губернии в целом, и в экономике Ишимского уезда в частности промышленная деятельность крестьян имела второстепенное значение в сравнении с сельскохозяйственной.

Среди крестьян государственной деревни Ишимского округа выделялась группа крестьян-скупщиков, поставщиков товаров на рынки. Торговые крестьяне скупали скот как у жителей округа, так и в соседней казахской степи, откармливали его и продавали на зимней Никольской ярмарке, на Ирбитской ярмарке, а также в Оренбург. Лошади сбывались по цене от 10 до 50 рублей серебром, лучшие коровы – от 5 до 14 рублей серебром. Источники фиксируют наличие подобной категории крестьян в Ишимском округе. Например, «крестьяне из государственных, жители деревни Черемшанка Голышмановской волости Тимофей Ларионович Назаров и Пётр Андреевич Кузнецов торговали скотом. Житель этой же деревни Григорий Иванович Хлебников имел побочный промысел – торговлей и променой лошадей»¹³. Торговали крестьяне-скупщики коровьим маслом – например, житель деревни Дымковка Жилияковской волос-

Никольская ярмарка – основной рынок сбыта продуктов скотоводства Приишимья. Ишим. Фотография. Кон. XIX в. ИКМ.

ти Григорий Васильевич Малахов. Рыночная цена масла составляла 4 рубля 50 копеек за пуд. Торговали также молочным товаром, например, житель деревни Черемшанка Голышмановской волости Тарас Варлаамович Плохих¹⁴.

Имели определённое значение и другие занятия крестьян: охота и рыболовство, слесарное, столярное, бондарное, пимокатное, плотницкое ремесла. Доходы от него были незначительны. Продукция использовалась в основном для нужд семьи.

Особенностью хозяйства юга Западной Сибири явилось возникновение и быстрое развитие пчеловодства. Появилось оно в конце XVIII века в местах расселения «поляков» – сосланных из Вятки старообрядцев. В первой половине XIX века пчеловодством занималась часть населения Ишимского округа.

Крестьянское хозяйство Западной Сибири носило комплексный характер на протяжении XIX – начала XX веков. Земледелие сохраняло здесь ведущую роль. Однако даже в земледельческих районах обработкой земли занимались далеко не все крестьянские семьи. Особенно это было характерно для вновь осваиваемых территорий (где хлебопашество переживало первоначальный период становления и не для всех крестьянских хозяйств оказывалось посильным), в частности, для северо-западной и юго-восточной части территории Ишимского округа. Объёма производимого здесь хлеба было недостаточно, чтобы обеспечить внутренние потребности хозяйства. Специализация на промыслах ограничивалась отсутствием рынков сбыта, поэтому в этих районах наблюдается массовый отход крестьян в отдалённые районы Западной и Восточной Сибири на земледельческие заработки.

При переписи 1897 года некоторые крестьяне волостей Ишимского округа отсутствовали, например «крестьянин деревни Шадринская Гагарьевской волости Никита Григорьевич

Желутков. Он собственного двора не имеет, во дворе жилых строений нет, прописан здесь, обыкновенно проживает в городе Благовещенске Амурской губернии. Земледелец на отхожих промыслах. Семья во время переписи отсутствует»; «Парфен Сергеевич Огнёв, 50 лет, житель этой же деревни, земледелец на отхожих промыслах неизвестной отлучки»¹⁵. «Семья Чалкова Кузьмы Ивановича из деревни Черемшанка Голышмановской волости на отхожих промыслах. Во время переписи отсутствует»¹⁶.

Среди лиц, занимавшихся постоянно торговлей, крестьянство среди других профессиональных торговцев даже к концу 50-х годов XIX века не занимало ведущего места. Важным фактором укрепления и развития рынка Западной Сибири следует считать внутриокружные и межобластные связи. Крестьяне Ишимского округа привозили на продажу в Тобольск хлеб, «харчовые припасы и прочие вещи», эти же товары, а также холсты, серые сукна они продавали в Петропавловской крепости. «Великое множество рыбы в разные города Екатеринбургской области» везли на продажу крестьяне Ишимского округа; везли на продажу хлеб на Ирбитскую ярмарку для горных и винокуренных заводов Екатеринбурга¹⁷. Ишимские крестьяне везли на ярмарки Пермского края дублёные и сыромятные кожи, продавали промышленникам Шадринска и Екатеринбурга сало, выделанные и невыделанные кожи, пригоняли большие партии крупного рогатого скота и баранов для продажи на екатеринбургские горные заводы во второй половине 40-х годов XIX века¹⁸. Занимавшихся перевозкой разнообразных грузов и товаров, принадлежавших казне или частным лицам, крестьян Ишимского округа можно было встретить в Шадринске, Ирбите, Перми, Казани, Москве¹⁹.

Развитие всероссийского рынка и отдельных районов страны, в том числе Западной Сибири,

во многом зависело от состояния путей сообщения. Большое значение в решении этого вопроса имело устройство трактовых и почтовых дорог, использование водных путей. Движение товаров в Сибири было связано с Московско-Сибирским трактом и его многочисленными ответвлениями.

Перевоз купеческих и казённых грузов, товаров, людей, проезжавших по торговым и почтовым трактам привлекал крестьян почти всех селений, расположенных вдоль трактов или близко от них. Часть крестьян, занимавшихся извозом, содержало и постоянные дворы. Например, из 87 селений Ишимского уезда, расположенных на трактах, 211 дворов занимались извозом. Кроме того, зажиточные крестьяне, жившие вдоль Московско-Сибирского тракта, содержали постоянные дворы. Они получали большие доходы от продажи сена и овса для обозных лошадей по ценам выше рыночных.

Таким образом, развитие путей сообщения способствовало более активному вовлечению различных районов Западной Сибири в систему рыночных отношений всей России. В связи с этим большое значение приобретает вопрос об интенсивности контактов крестьян Западной Сибири с рынком.

Накануне реформы П.Д.Киселёва крестьяне Ишимского округа брали 18 торговых свидетельств третьего разряда и 6 четвёртого, дававших право на постоянную торговлю. Эти документы крестьяне обязаны были покупать за торговлю товарами на сумму более 2000 рублей²⁰. Наличие подобного рода торговых свидетельств указывало на то, что часть крестьян Ишимского уезда окончательно порывало связь с крестьянством и переходило в мещанское и купеческое сословия. Так, среди купцов Ишимского округа были выходцы из крестьян. Это купеческая династия Бокарёвых, купец 2 гильдии Алексей Леонтьевич Тигунов, купец Павел Фёдорович Желтышев, купец 2 гильдии Никита Иванович Селицкий.

Повышение цен на сельскохозяйственную продукцию в 40-60-х годах XIX века, несомненно, должно было вызывать заинтересованность крестьян в повышении товарности своих хозяйств, определяло стремление крестьян-предпринимателей, крестьян-скупщиков продавать товарную продукцию не на месте производства, а в потребляющих центрах по более высоким ценам. Всё это способствовало улучшению межобластных связей, более органичному слиянию местных рынков, ярмарок, базаров и торжков с всероссийским рынком.

Архивные документы и опубликованные материалы позволяют проследить и определённую эволюцию цен на вольнонаёмный труд, применявшийся в сибирской деревне. По «Табели ценам, существовавшим в Тобольской губернии» в 1827 году в Ишимском округе подённая плата колебалась: в январе-апреле (низшая) от 10 до 18 копеек; высшая – от 36 до 45 копеек.

Плотники Лаврентий Ильич Лаптев и Григорий Васильевич Завражных (слева направо). Фотография. Нач. XX в. Викуловский краеведческий музей.

Месячная плата земледельческому работнику колебалась от 2 рублей 10 копеек до 8 рублей. В 40-х годах XIX века крестьяне Абатской слободы Ишимского округа, распаивавшие от 70 до 100 десятин и нанимавшие до 20 и более годовых работников, платили им от 12 до 30 рублей серебром²¹.

Анализ этих данных позволяет сделать выводы: месячный и годовой наём давали более значительный доход продававшим свою рабочую силу людям, наличие годовых наёмных рабочих и довольно значительные суммы, выплачивавшиеся им, свидетельствовали об усилении отрыва крестьян от средств производства, о возрастающей товарности крестьянских хозяйств.

Таким образом, исследование развивавшихся в государственной деревне Западной Сибири (на примере Ишимского округа Тобольской губернии) промыслов и ремёсел, развития рыночных отношений, свидетельствует о том, что промыслы и торговля как род деятельности охватывали по отношению к общей массе незначительное число крестьян и имели для них в сравнении с остальными занятиями – земледелием и скотоводством – второстепенное значение.

Название промысла	Ишимский округ	
	Число промышленников	Средний доход
Содержание мельниц	287/ 2275	1-38
Кожевенный и овчинный	85	20
сапожный	-	-
маслобойный	-	-
ткацкий	15040	2-3
портновский	-	-
Изготовление неводоов и сетей	-	-
Кузнечный и слесарный	230	15
Добыча и обработка дерева	-	-
Плотничий и пильный	141	19
Добыча дёгтя и смолы	-	-
Кирпичный и каменщический	30	17
Охота и рыболовство	682	10
извозы	373	29
Содержание постоянных дворов	46	30
итого	19189	

Таблица взята из монографии: Пундани В.В. Государственная деревня Западной Сибири во 2-й половине XVIII – первой половине XIX веков. Курган, 1999. С. 113.

Примечания

1 Шадурский В.И. Народный опыт земледелия Зауралья в XVIII – середине XIX века. Новосибирск, 1991.

2 Коновалов В.В. Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура. Новосибирск, 1999; Бородулина Е.В. Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность Тобольской губернии в 1861-1917 гг. Автореф. канд. дисс. Тюмень, 1999.

3 Пундани В.В. Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Курган, 1999. С. 107.

4 ТФ ГАТО. ф. 329. Оп. 541. Д. 789. Лл. 111об-112.

5 Черняковский Н.М., Штейнгейль В.И. Статистическое описание Ишимского уезда Тобольской губернии // Корюка слобода. Вып. 3. Ишим, 2001. С. 130.

6 ТФ ГАТО. ф. 417. Оп. 2. Д. 693. Л. 475.

7 ТФ ГАТО. ф. 417. Оп. 2. Д. 793. Лл. 8-11.

8 Черняковский Н.М. Указ. соч. С. 130.

9 ТФ ГАТО. ф. 329. Оп. 541. Д. 119. Лл. 268-272; Д. 34. Лл. 435-436.

10 ТФ ГАТО. ф. 417. Оп. 2. Д. 781. Л. 51.

11 Черняковский Н.М. Указ. соч. С. 130.

12 Там же.

13 ТФ ГАТО. ф. 417. Оп. 2. Д. 781. Лл. 84, 95.

14 ТФ ГАТО. ф. 417. Оп. 2. Д. 793. Л. 19; Д. 781. Л. 28.

15 ТФ ГАТО. ф. 417. Оп. 2. Д. 70. Лл. 25, 96.

16 ТФ ГАТО. ф. 417. Оп. 2. Д. 781. Л. 69.

17 Кондрашеников А.А. Крестьяне Зауралья в XVII – XVIII вв. Челябинск, 1969.

18 Пундани В.В. Указ. соч. С. 158.

19 ТФ ГАТО. ф. 329. Оп. 541. Д. 119. Л. 277.

20 Мирноев Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XIX века. Л., 1981. С. 156.

21 ТФ ГАТО. ф. 329. Оп. 341. Д. 182. Л. 40-154.

Челюскинцы из Ишима

Это рассказ о событиях почти семидесятилетней давности, рассказ о челюскинской экспедиции 1933-34 годов и мужестве советских полярников, которыми гордились миллионы их современников, как после полёта Гагарина в 1961 году мы гордились космонавтами и нашими достижениями в области космической науки. В экспедиции участвовали и наши земляки – ишимцы. По меньшей мере, пять членов арктической экспедиции, отправлявшейся на остров Врангеля, одну из самых далеких и труднодоступных станций, обитатели которой уже четыре года не получали снабжения с Большой земли, были прямо или косвенно связаны с Ишимом.

Константин Фёдорович Кожин и его сестра Лидия Фёдоровна Кожина-Буйко – члены большой семьи Кожиных (19 детей), жившей в доме № 46 на улице Ленина (раньше: Республики – Сталина – Мира). Сейчас на этом месте около здания администрации Ишимского района строится двухэтажное кирпичное здание.

Константин Фёдорович после окончания средней школы в городе Ишиме работал шофёром, слесарем на заводе. В экспедицию отправился как механик полярной станции, во время плавания выполнял работу кочегара второго класса, направлялся для зимовки на остров Врангеля. После завершения экспедиции окончил военно-транспортную академию, во время войны служил в Волжской флотилии, полковник инженерных войск, после войны жил и работал в Москве, был инженером газового хозяйства Москвы, умер в начале 60-х годов.

Лидия Фёдоровна отправилась на зимовку вместе со своим мужем П.С.Буйко, начальником полярной станции о. Врангеля. Во время плавания работала буфетчицей на судне, в арктическом плавании участвовала впервые. Умерла в 1946 году (здоровье было подорвано тяжёлыми условиями в экспедиции).

Пётр Семенович Буйко (муж Лидии Фёдоровны), коренной ленинградец, работал на ряде ленинградских заводов, затем был помощником заведующего отдела кадров Ленинградского обкома ВКП(б), подбирал кадры для полярных станций. Получил предложение от Арктического института возглавить полярную станцию на о. Врангеля. Погиб в боях за город Керчь в 1942 году.

Аллочка Кожина-Буйко (дочь Лидии Фёдоровны и Петра Семёновича) в одиннадцать месяцев вместе с родителями направлялась на зимовку в Арктику на «Челюскине», где она училась ходить и говорить. До 31 августа 1933 года оставалась самой юной участницей экспедиции.

И, наконец, муж сестры Константина и Лидии Кожиных Елены – Евгений Сергеевич Прокопович, заведующий факторией на о. Врангеля, после челюскинской экспедиции работал бухгалтером-ревизором в одном из учреждений Москвы.

При написании этой статьи использованы дневники челюскинцев, документальные и до-

Пароход «Челюскин» во время экспедиции. 1933.

Рисунок. Веб-сайт cheluskin.ru.

кументально-художественные материалы (в частности, повесть А.Миронова «Ледовая Одиссея»)¹, материалы стендов музея Арктики и Антарктики г. Санкт-Петербурга, рассказы-воспоминания Аллы Петровны Буйко-Кожинной и Карины Васильевны Васильевой, живущих в Санкт-Петербурге, с которыми автор повествования встречалась в 2004-2007 годах.

Задачи арктической экспедиции

Огромны богатства северного края – олово, никель, нефть, газ, золото, платина, алмазы, пушнина, лес... Хозяйственное освоение северных арктических территорий, создание там научных станций, промысловых баз становилось насущной потребностью Советской России в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века.

Естественных широтных коммуникаций (шоссейных, железных дорог) на Севере нет. Реки текут с юга на север. Поэтому необходимо было освоить Северный морской путь, связывающий Центральную часть России с Сибирью и Дальним Востоком. Ни одна страна мира не имеет северных морских границ такой большой протяжённости, скованных льдами почти круглый год.

Первое сквозное плавание по Северному морскому пути (далее – СМП) было осуществлено ледокольным пароходом «А.Сибиряков»

Отто Юльевич Шмидт. 1930-е.
Фотография из архива К.В.Васильевой.

в 1932 году. «Проложить окончательно Северный морской путь..., оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии...» (И.В. Сталин) надлежало новой экспедиции ГУ СМП во главе с Отто Юльевичем Шмидтом.

В 1933 году советское правительство приняло постановление о повторении сквозного плавания с запада на восток в одну навигацию простым транспортным пароходом «Челюскин», построенным в Дании. Надо было проверить, в каких пределах возможно плавание на севере не ледоколов, а грузовых пароходов, каким образом можно организовать совместную работу пароходов и ледоколов на всем пути.

В 30-е годы подобные экспедиции были очень рискованными, сложными, за выполнение их можно было заплатить слишком высокую цену. Но участники челюскинской экспедиции не побоялись летом 1933 года отправиться в неизвестность и участвовать в запланированной импровизации².

Владислав Корякин, доктор географических наук, отмечает, что 110 человек, находившихся на борту «Челюскина», делились на 3 категории: собственно экипаж парохода (52 человека), научная экспедиция (29 человек) и столько же полярников и строительных рабочих, направлявшихся на остров Врангеля. Возраст участников колебался от 20 до 60 лет. Костяк экипажа составляла группа «сибиряков» из 19 моряков и научных работников во главе с капитаном В.И.Ворониным. Руководителем экспеди-

ции был директор Всесоюзного арктического института, руководитель Главного управления СМП, известный полярный исследователь О.Ю.Шмидт, начальником зимовки на о. Врангеля – П. С. Буйко³.

Новой экспедиции предстояло решить целый комплекс задач:

- окончательно удостовериться в возможности прохода Северным морским путём за одну навигацию от Ленинграда до Владивостока;
- дополнить и уточнить данные исследований 1932 года на ледокольном пароходе «А Сибиряков» в результате непрерывных научных наблюдений на всем протяжении арктической трассы;
- провести испытания грузового транспортного судна (не ледокола), пригодного для коммерческих перевозок по СМП;
- произвести исследование океана, льда и атмосферы по всему пути следования, опытным путем получить информацию о научно-оперативном обеспечении арктического судоходства;
- доставить необходимые грузы и новую смену зимовщиков полярной станции на о. Врангеля, а с острова вывезти прежних зимовщиков и заготовленную пушнину, построить на острове дополнительный дом, радиометеостанцию.

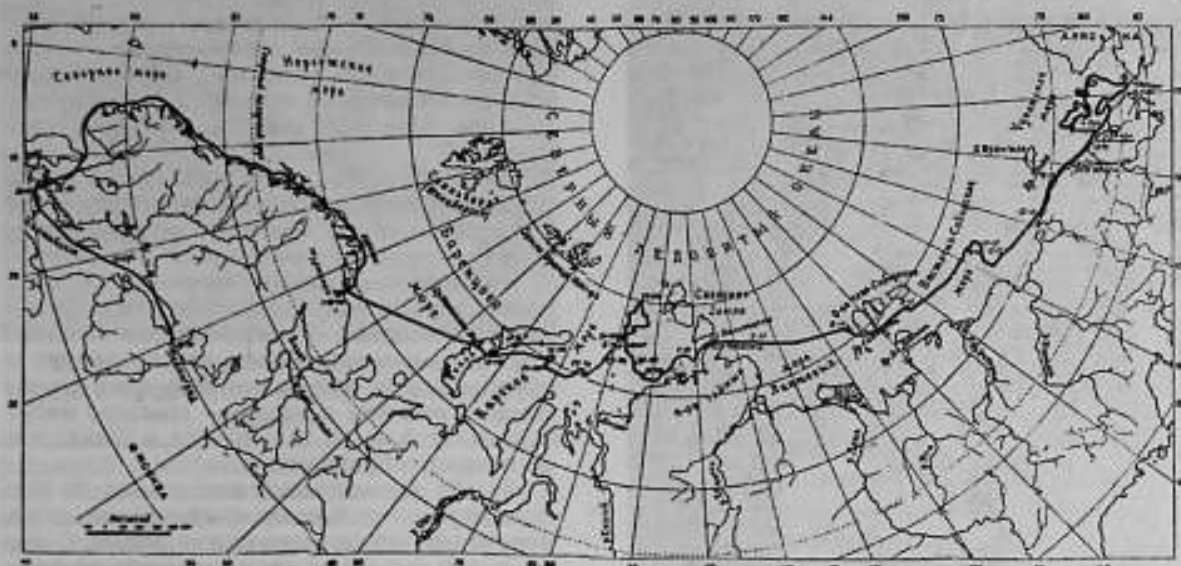
Начало экспедиции. Вынужденный дрейф

13 июля 1933 года «Челюскин» отплыл из Ленинграда, имея 800 тонн груза, 3500 тонн угля и свыше 100 участников плавания.

Жизнь на корабле была четко организована, учёные проводили постоянные наблюдения, каждый занимался своим делом.

19 сентября в Чукотском море «Челюскин» вмерзает в лёд и начинается вынужденный пятимесячный дрейф. В ноябре судно, дрейфуя, настолько приблизилось к Берингову проливу, что капитан Воронин был уверен, что «между мысом Дежнёва и островом Диомид его выжмет в Берингово море». Но внезапный южный ветер снова отнёс пароход на север. В течение зимы «Челюскин» подвергался неоднократным сжатиям, получил массу мелких повреждений. Как вспоминает один из участников экспедиции А.Миронов, «как-то вечером всех коммунистов и комсомольцев созвал к себе О.Ю.Шмидт. Он начал сразу, без обиняков: «Может случиться, что при одном из очередных сжатий „Челюскин“ будет раздавлен и погибнет. Прошу коммунистов и комсомольцев без шума, по возможности по ночам, приготовить всё необходимое на случай высадки на лёд. Почему по ночам? Нет нужды раньше времени тревожить весь экипаж, вызвать напрасные волнения. Не исключено, что зимовка пройдет благополучно. Но наша обязанность быть готовыми и к самому худшему, катастрофическому окончанию экспедиции»⁴.

Так и работали – по ночам. В сотне метров от судна разбили и оборудовали для жилья брезентовую палатку армейского образца. В ней физик Ибрагим Факидов проводил научные опыты и «колдовал» над своими приборами и самописцами. Он наблюдал за деформацией корпуса судна на чистой воде и во льдах, а исследования колебаний ледяного покрова открывали совершенно новую страницу в научном изу-

Путь, пройденный «Челюскиным» в Северном Ледовитом океане.

Рисунок. Веб-сайт cheluskin.ru.

чени Арктики. Ещё два десятка таких палаток, парусиновые мешки с комплектами меховой одежды, обувь и нижним бельём сложили в левом крыле капитанского мостика. На корме приготовили брезентовые кули с каменным углём, бочки с жидким горючим, чугунные камельки, а в трюме вырос целый склад с двухмесячным запасом продуктов.

13 февраля 1934 года после очередного сильного сжатия «Челюскин» ушёл в морские глубины.

Катастрофа

События разворачивались очень быстро. В 13 ч. 20 мин. при пурге и тридцатиградусном морозе начался сильный напор торосов. Ветер разгуливал по палубе с бешеной силой. Гул, грохот, толчки в борт. Такой напор льдов судно переживало впервые. Хаос необычных звуков завершился настоящим взрывом. Судно задёргалось, застонало, слышалась дробь рвущихся заклёпок, попяющихся шпангоутов. Этот шум сливался со зловещим скрежетом льдин, напирających на скорлупку обречённого парохода. Лёды продавили и разорвали левый борт «Челюскина». Люди были готовы к такому повороту событий, все бросились к своим местам спасать, переносить, перебрасывать запасы продовольствия, имущество, приборы и другие грузы...

Накануне закончили сколачивать тяжёлый деревянный лоток, по которому было удобнее и быстрее сбрасывать грузы. И 13 февраля лоток пригодился. Работали быстро, без слов. По лотку летели сверху ящики с консервами и маслом, мешки с сахаром и мукой...

Вот как описывают последние часы, минуты перед гибелью корабля участники экспедиции.

П.С.Буйко: «Трещал корабль. Проходя по коридору, в разверстые пасти дверей увидел в каютах зияющие проломы: стены и лёд, напиравший внутрь. Что это – конец корабля? Холод пробежал по телу. Лёд сдвинулся, сломал деревянные диваны, на одном из них валялись чьи-

то желтые ботинки, носки с резинками... Гибель «Челюскина» неизбежна...»⁵.

Штурман М.Г.Марков: «Одни выгружали радиоаппаратуру, другие – меховую одежду, камельки, трубы, палатки, войлок, третьи – фанеру, кирпич, глину, песок и многое другое. Выгрузка продовольствия шла своим чередом. Судно садилось на нос. Сжатие льда прекратилось. Через открытые двери можно было видеть разорванный борт... Вот-вот вода хлынет на палубу»⁶.

С палубы донеслась последняя команда капитана Воронина: «Все на лёд. Покинуть судно».

А.Е.Мионов: «С борта судна, как яблоки в бурю, посыпались люди. Прошли, быть может, доли секунды, и на борту остались только трое: Шмидт, капитан Воронин и завхоз Борис Могилевич. Начальник экспедиции быстро сошёл с корабля... Мы видели – ещё мгновение, и будет поздно. Перекрывая треск гибнущего корабля и завывание ветра, рядом закричали десятки человек: «Прыгайте! Прыгайте!»

Капитан грузно упал на лёд. Рядом с ним, едва не разможив ему голову, грохнулось бревно. Капитан на четвереньках отполз прочь...»⁷.

Начальник экспедиции О.Ю.Шмидт и капитан В.И.Воронин покинули тонущий корабль за секунды до момента, когда судно ушло на морское дно. Борис Могилевич на глазах у многих был сбит бочкой с горючим, покотившейся по палубе, и ушёл вместе с судном в ледяную пучину.

А.Е.Мионов: «Всё грохотало, скрежетало и трещало. Над местом, где секунду назад стоял «Челюскин», клубились чёрные облака дыма, сажи и угольной пыли...

Молча стояли люди. На месте гибели оседал чёрный дым, и на душе в эту минуту стало так же черно и тяжело, к горлу подкатывал тугой комок, горло сдавила спазма, и на ресницах появилась неприятная влажность»⁸.

Лидия Фёдоровна Буйко-Кожина. 1930-е.
Фотография из архива А.П.Буйко.

Люди разбрелись по льдине, выбирая место для жилья. Грязные льдины, перемешанные с брёвнами, шлюпками, мешками, ящиками, досками напоминали о трагедии. Долго ещё из полыньи вытаскивали лёгкие балки, консервные банки, брёвна и т.д., сдавая всё в общий фонд. Мечтать о тёплой, уютной каюте не приходилось. Мороз ниже 30 градусов. На скорую руку были поставлены палатки, но ветер срывал полотнища, и холод забирался в плохо защищённые места.

За короткий срок построили бревенчатый барак на пятьдесят человек с двумя самодельными печами (через месяц его разорвало на две части лопнувшей льдиной, и спавший в тепле Петя Буйко провалился в трещину, но сразу пришёл в себя и выбрался), кухню с печью из железной бочки, высокую сигнально-наблюдательную башню... Строительных материалов – всплывших с «Челюскина» досок, брёвен – оказалось с избытком, их вырубали изо льда и вытаскивали на поверхность. Полынья ещё долго оставалась источником многочисленных находок.

Установлена связь с Большой землёй. На лажен суровый полярный быт 104 человек. Работа всем была определена. Чёткий режим. Частые лекции, доклады, собрания.

Безусловно, во всей экспедиции не было человека, который имел бы такой непререкаемый авторитет, пользовался бы таким бесконечным доверием, как Отто Юльевич Шмидт. В тя-

жёлых условиях полярного дрейфа он показал себя исключительным организатором, человеком высшей воли, упорства, энергии. Вокруг него сплотился весь коллектив – от матроса, кочегара, повара до учёного, инженера, штурмана.

Огромную роль в этом сыграли его всегда строго разумные и проверенные распоряжения. Его любили за настойчивость, хладнокровие, прямоту, выдержку, невероятный оптимизм.

Но, по словам старого полярника Н.Н.Ермолаева, существовало нечто такое, чем руководители экспедиции не могли поделить ни с кем. Они не представляли, что последует за происшедшими событиями. В лучшем случае ожидали отставку, в худшем – «высшую меру». Воронин ещё на что-то надеялся, а Шмидт прямо говорил: «Расстреляют...»⁹

Судьба же оказалась благосклонной. Из Москвы поступило сообщение: «Шлём героям-челюскинцам горячий большевистский привет. С восхищением следим за вашей героической борьбой со стихией и принимаем все меры к оказанию вам помощи. Уверены в благополучном исходе вашей славной экспедиции и в том, что в историю борьбы за Арктику вы впишете новые славные страницы. Сталин, Молотов, Ворошилов, Куйбышев, Орджоникидзе, Каганович»¹⁰.

Правительство, действительно, приняло все меры к спасению экспедиции. Была создана комиссия по спасению челюскинцев. Возглавил её В.В.Куйбышев. Мобилизованы различные транспортные средства – ледоколы «Литке» и «Красин», дирижабли, азросани, самолёты, в том числе и специально закупленные в Соединённых Штатах.

Первыми пришли на помощь самолёты. В лагере под руководством летчика М.С.Бабушкина стали готовить аэродром. Выравнивать площадки пришлось неоднократно, так как льды подвижны и аэродром то и дело ломало. В самом начале пребывания челюскинцев на льдине был определён порядок эвакуации.

Уже пятого марта А.В.Ляпидевский вывез из лагеря Шмидта женщин и детей. 7 апреля М.Т.Слепнев открыл второй этап спасательной операции, а 13 апреля были вывезены последние шесть челюскинцев и ездовые собаки. Всего было совершено 25 удачных полетов и перевезено 104 человека. Лагерь Шмидта перестал существовать.

Президиум ВЦИК СССР наградил всех участников челюскинской эпопеи орденами Красной Звезды. А только что установленное высшее отличие – звание Героя Советского Союза – было присвоено семерым лётчикам, принимавшим непосредственное участие в спасении челюскинцев: Анатолию Васильевичу Ляпидевскому, Сигизмунду Александровичу Леваневскому, Маврикию Тимофеевичу Слепневу, Василию Сергеевичу Молокову, Николаю Петровичу Каманину, Михаилу Васильевичу Водопьянову, Ивану Васильевичу Доронину.

Специальный «челюскинский голубой экспресс» мчал героев через всю страну по транссибирской железнодорожной магистрали от Тихого океана до столицы нашей Родины. И на каждой станции, даже на самых маленьких

Гибель «Челюскина». С открытки из серии «Героический поход челюскинцев», 1934. РНБ.

разъездах и полустанках, поезд встречали тысячи людей с морем живых цветов, с лозунгами, транспарантами, приветственными листовками, победными маршами оркестров, объятиями и улыбками.

Сейчас мало у кого из ишимцев сохранилась в памяти торжественная встреча поезда, следовавшего из Владивостока в Москву с героями-челюскинцами. Был солнечный тёплый июньский день, масса народа с букетами цветов на железнодорожном вокзале.

Пришли многочисленные родственники и друзья Кожиных. Встречали и семью Васильевых.

Вот как вспоминает эту встречу Георгий Петрович Кузурманов, старейший краевед нашего города: «Был и я, шестилетний мальчик, на руках своего отца на этой встрече. Мы встречали чету зимовщиков Васильевых – геодезиста Василия Гавриловича и Доротею Ивановну, которые готовились к работе на о. Врангеля. Мне запомнилась стоящая в дверях вагона улыбающаяся Дора с маленькой девочкой на руках – это была Карина, родившаяся в августе 1933 года в Карском море. Дора потом оживлённо разговаривала с моим отцом... Из домашних разговоров мне запомнилось, что они нам приходятся какой-то родней, но какой – уточнить не у кого, прошло 73 года...».

Те, кого встречали в Ишиме

О двух девочках, которые волею судьбы оказались на дрейфующей льдине, пойдёт речь далее...

Два месяца полярники жили на льдине, проявляя спокойствие, мужество, выдержку, не поддаваясь панике и отчаянию. А ведь среди членов экспедиции были женщины и две малышки. Как пишет в «Записках челюскинца» П.С.Буйко, «ни одна женщина не проявляла трусости», он вспоминает их «в палатке и бараке, уже на льду, весёлыми, жизнерадостными, улыбающимися, хлопчущими по устройству хозяйства, с живостью воспринимающими условия жизни». И это в то время, когда эти условия были невыносимыми, когда температура воздуха от -30 до -40 градусов.

На мой вопрос, почему на борту «Челюскина», отправлявшегося в столь сложное и опасное путешествие, оказались годовалый ребенок

«Двухгодовалая Алла Буйкова и семимесячная Карина Васильева чувствовали себя хорошо». В палатке после гибели парохода. Фоторепродукция из альбома «Героическая эпопея». 1934. РНБ.

и женщина на последнем месяце беременности, милейший Валерий Сергеевич, заместитель директора Музея Арктики и Антарктики, ответил: «А Вы не знаете, какой была обстановка в начале тридцатых?.. Люди хотели убежать подальше от центра, от всевидящего глаза и все слышащих ушей».

Работа в Арктике была престижной, гарантировала сытое существование полярников и их семей. И руководство не возражало, чтобы люди на зимовку ехали семьями, не только с жёнами, но и с детьми.

Аллочка и её родители

Пётр Семёнович Буйко работал в отделе кадров Ленинградского обкома партии. Он занимался подбором кадров для научных экспедиций, для полярных станций. Полярная экспедиция – дело очень своеобразное, связанное с огромными трудностями, риском, требующее серьёзной выдержки, дисциплинированности, умения её участников. Для «Челюскина» надо было набрать людей самых разнообразных профессий, начиная с высококвалифицированных научных работников и кончая плотниками и печниками, которым предстояло заниматься строительством на острове Врангеля.

Каждая кандидатура для главания санкционировалась О.Ю.Шмидтом. Необходим был начальник полярной станции – хороший организатор, выдержанный человек, умеющий ладить с людьми в самой непростой обстановке, человек, склонный к научной работе, умеющий распределить, загрузить людей, чтобы не заскучали и не прерывали ни на миг научных исследований.

Буйко предложил на эту должность несколько кандидатур. Но сотрудники арктического института предложили человека, по их мнению, самого подходящего – самого Петра Семёновича Буйко.

Весной 1933 года его вызвали в Смольный, к руководителю Ленинградского горкома ВКП(б)

Эвакуация челюскинцев. «Буйко несёт свою дочь Аллу на аэродром. Плотник Соколов укутывает ребёнка».

Фоторепродукция из книги «Поход «Челюскина». 1934. Библиотека ЛМЕ.

и предложили поехать в качестве начальника экспедиции на о. Врангеля. Планировалась трёхгодичная командировка.

Пётр Семёнович обрадовался этому предложению, но радость омрачалась мыслью о неподготовленности к этому семьи. Вечером долго толковали с женой Лидой о зимовке на о. Врангеля. Не поддавался решению вопрос о девятимесячной дочери. Оставлять её с бабушкой или брать с собой? Обе стороны склонялись к тому, чтобы взять ребёнка.

Малышке нужны противцинготные витамины. Они будут: лук, чеснок, лимоны, масло. Всё это запасено в достаточном количестве. А воздух арктический – такой чистый! Утром Пётр Семёнович дал согласие, и все члены семьи Буйко стали челюскинцами, а маленькая Аллочка – самой юной полярницей. Отто Юльевич разрешил её взять с собой, хотя и предупредил о возможных последствиях: «Ребёнка Вы можете везти с собой. В Арктике он будет здоров, но после, на материке, он, может, будет чувствовать себя плохо»¹¹.

Когда 13 июля 1933 года «Челюскин» отправился в плавание, Аллочке было 11 месяцев. Никак не хотевшая ходить по земле, она «на-

В лагере челюскинцев. «Васильева (впереди) и Васильев устраивают Карине прогулку». Фоторепродукция из книги «Поход «Челюскина». 1934. Библиотека ЛМЕ.

училась человеческому способу передвижения на двух ногах» у мыса Челюскина и носилась по коридорам парохода. Здесь же, на корабле, она научилась говорить и есть самостоятельно.

Вспоминает Пётр Семёнович Буйко:

«Мы закусывали в кают-компании. В лакированном под красное дерево зале вытянулись в ряд три стола.

За одним из них сидит комсостав корабля и Отто Юльевич.

Нам очень трудно есть: помеха – Алка. Она старается есть сама, ложка в её руках держится наискось книзу. Она обливает себя и нас. И ещё: она ест руками, сама мажет и мажет окружающих. Но это полбеды. Посередине обеда она срывается с колен на пол и передвигается, держась за стулья, ходит ко всем, того и гляди упадет. Добирается до крайнего стола Отто Юльевича, и, когда он берет её на руки, она непочтительно цепляется за его бороду. Отто Юльевич не обижается»¹².

Каждый на корабле был для нее и «папа, и мама». Чувствовала себя Аллочка прекрасно. Ей было комфортно – рядом любящие родители, все взрослые добры и внимательны, а проблемы взрослых, связанные с дрейфом, тяжелой ледовой обстановкой, многочисленными сжатиями, её не могли волновать.

Но наступил исторический для «Челюскина» последний день – 13 февраля.

«Ледяной вал... неотвратимо двигался на корабль.

– Лида, вставай, одевай Алку. Идёт сжатие, возможна тревога.

– Отстань, пожалуйста, дай заснуть. Подумаешь, сжатие! Сжатия каждый день бывают. И опять уткнулась в подушку...»¹³.

Сначала Лида не отнеслась серьезно к словам мужа, но потом встала, одела, укутала ребенка. Аллочка, сидя в специальном меховом мешке, нетерпеливо торопила отца – хотелось гулять. Когда вышли в коридор, увидели в раскрытых каютах зияющие проломы стены и лёд, напиривший внутрь корабля.

По дороге из Владивостока в Москву, Слева направо: П.С.Буйко, Е.С.Прокопович (?), К.Ф.Кожин, Л.Ф.Кожина-Буйко, Алла Буйко – все связаны с Ишимом. 1934.

Фотография из архива А.П.Буйко.

Вышедший на корму Отто Юльевич, увидев Петра Семёновича с дочерью, как всегда, спокойно улыбувшись, сказал: «Аллочка погулять вышла»...

Левый борт проломлен, а с правого спускают мостики.

Лида увидела стремление мужа сойти на берег, испуганно крикнула: «Ты с ума сошёл, куда идёшь с ребенком? Там трещит, ломается лёд, надо оставаться на корабле!». Но оставаться на корабле было немисливо. Гибель судна была неизбежной.

Лида побежала в каюту, сорвала с двери портьеру, завернула в неё подушки, одеяла и выбросила всё это за борт.

В это время Пётр Семёнович, как он сам вспоминает¹⁴, одной рукой прижимая ребенка, другой цепляясь за лестницу, ступает по перекошенным перекладинам. Смотрит вниз, где ревет, грохочет и пляшет ледяное месиво. Близок уже сломанный конец трапа, надо прыгнуть как можно дальше, собрав все силы. На секунду Пётр задерживается и кидается в пространство. На льдину... Но лёд ломается, трещит, приходится прыгать через трещины – того и гляди провалишься.

Аллочка не плачет. Притаившись, молчит.

Посадив дочь в санки и оставив её у палатки Ибрагима Факидова с больным поваром, Пётр с Лидой начали оттаскивать разные лёгкие вещи, сброшенные с корабля, подальше от судна, чтобы их не затянуло в майну (широкую полыню во льду), когда «Челюскин» будет погружаться на морское дно...

Каринушка и её родители

На зимовку на остров Врангеля отправлялась и семья Васильевых.

В.Г.Васильев и Д.И.Васильева с дочерью Кариной сразу по возвращении из экспедиции. Лето 1934.

Фотография из архива К.В.Васильевой.

Василий Гаврилович Васильев родился в Иваново-Вознесенске в семье рабочих, работал в геодезической партии на Чукотке, встретился там со своей будущей супругой Доротей Ивановой Исайченко, в селе Марково они получили свидетельство о браке № 1 и больше уже никогда не расставались.

Василий Гаврилович учился на факультете геодезии в Ленинграде и одновременно работал в Арктическом институте. В 1933 году за несколько месяцев до снаряжения экспедиции на остров Врангеля ему было предложено принять в ней участие в качестве инженера-геодезиста. Предстояла трёхгодичная командировка. Судя по опыту предыдущих зимовок на о. Врангеля, она могла растянуться и на более длительный срок. Главным управлением Северного морского пути научным сотрудникам было разрешено взять семьи. О.Ю.Шмидт не возражал против поездки Доры Васильевой, хотя она была беременна и до рождения ребёнка на время начала экспедиции оставалось полтора месяца. Беременность протекала без осложнений, опасений у молодых супругов не было, хотя судовой врач Мироненко был не в восторге от решения молодой женщины и даже мрачными красками нарисовал картину возможного тяжёлого исхода.

С первого дня пребывания на «Челюскине» Дора окунулась в судовую жизнь, вместе с другими женщинами разбираала овощи, засахаривала лимоны, перебирала и солила огурцы. С большой радостью и весельем встречали все члены экспедиции каждое событие, происходящее в их не богатой неожиданностями походной жизни. Одним из таких событий было рождение дочери у супругов Васильевых.

В судовом журнале появилась запись: «31 августа 1933 года в 5 часов 30 минут в Карском море в числимых № 75 град. 46 мин. 5 сек. и 91 град. 06 мин. 0 сек. у едущих на остров Врангеля на зимовку супругов Васильевых родился ребёнок женского пола. Девочке присвоено имя Карина».

Встреча поезда с челюскинцами на станции Ишим. Июнь 1934.
Фоторепродукция из книги «Поход «Челюскина». 1934. Библиотека ЛМЕ.

Даже не очень улыбочивый капитан Воронин, узнав об этом, с довольным смехом подёргал себя за каштановый ус:

— К удаче, определённно к удаче. Верная примета!

По общему решению челюскинцев девочка получила имя Карина в честь Карского моря, где малютка появилась на свет. Родители не были против этого имени.

Новому члену экипажа отвели место в специальном номере стенной газеты, который редаклегия готовила к международному юношескому дню. Федя Решетников (автор картины «Опять двойка») ¹⁵ нарисовал смешного карапуза с соской во рту, а под рисунком были написаны «Обязательства Карины».

День рождения праздновали всем парходом. Как вспоминает Д.И.Васильева ¹⁶, уже в августе «Челюскин» встретил первые льды. Понадобилась помощь ледокола. Только вышли из льдов, парход начало раскачивать так, что невозможно было удержаться на ногах. В буфете билась посуда, не закреплённые в каюте вещи летали и разбивались. Ребёнка никак нельзя было удержать в одном положении, и новорождённая малышка, блуждая по сторонам бессмысленными глазёнками, проделывала немислимые пируэты от изголовья до ног матери.

Выделили отдельную каюту. Нашли корзинку для огурцов и приспособили её под колыбель. Детское бельё, пелёнки стирались в прачечной. Купали девочку в раковине для умыва-

ния, предварительно тщательно вымытой и ошпаренной кипятком. Девчушка с наслаждением шлёпала ручонками по мыльной пене.

В четыре месяца Каринка стала самостоятельно сидеть и осмысленно относилась к разным предметам.

13 февраля, когда ветер гулял по палубе со страшной силой, когда нарастал грохот гигантских торосов и ломался металл корпуса, муж Доры работал в палатке Факидова и не знал о грозящей опасности. Дора начала соображать, что надо захватить с собой, если придётся покинуть парход. Собрала пелёнки, распашонки, теплые вещи — всё, что могло понадобиться ребёнку на льду.

Прошло полтора часа с момента аврала, но распоряжений об оставлении пархода не давалось. Забежал муж и велел Доре с девочкой быстро «смываться» с пархода, а сам остался выбрасывать из кают матрасы.

Когда Дора сошла на лёд, корма «Челюскина» была высоко поднята вверх, а нос уже сильно погрузился в воду.

На льду

Первая ночь на льду. Она была самой тяжёлой не только для детей, но и для взрослых.

В палатке Факидова, которая совсем не приспособлена для жилья, разместились семья Буйко, Васильевых, пожилой фотограф и большой повар. Палатка маленькая, брезентовый потолок свешивался низко, двигаться в ней практически невозможно. меховой одежды ещё

Челюскинцы годы спустя. Стоят слева направо: А.В.Ляпидевский, А.П.Кожина-Буйко, М.В.Водопьянов, П.Г.Лобза, Н.П.Каманин; сидит О.Н.Комова. 1950-е.

Фотография из архива А.П.Буйко.

никому не выдали, все страшно озябли. Но спали не на голом льду. Выгруженную с корабля фанеру, войлок использовали для пола, собачьи мешки и оленьи малицы давали относительное тепло.

У Доры Васильевой и Лидии Кожной-Буйко надолго сохранились в памяти первые дни проживания на льдине¹⁷. Девочки хотят есть, а дать нечего. В кармане мехового жакета Лиды каким-то чудом уцелел кусочек шоколада. Он замёрз, превратился в кость, но, разогрев в руках, Лида даёт его дочери. Алла лежит в мокром. Бельё сушить негде, и переодеть ребёнка при 30 градусах мороза невозможно.

С Каринушкой ещё хуже. Кормить её грудью на морозе было страшно. Кусочек шоколада на минуту успокаивал крошку, но она опять и опять продолжала хныкать. К утру она уже охрипла от крика, а затем и его не стало слышно. О том, чтобы перепеленать ребёнка на морозе, также думать не приходилось.

Только на следующий день удалось поставить в палатке самодельную печку, которая позволила несколько согреться детям и их мамам.

С установкой печки в палатке стало уютней и теплей. Мужья заготавливали дрова, на ночь назначались дежурные, чтобы поддерживать огонь в печке.

Четыре дня прожили в маленькой палатке Ибрагима. А затем переселились в барак, где женщинам с детьми отвели привилегированные места у печки. Они пытались наладить быт и

создать уют. Повесили даже детский коврик с изображённой на нём обезьяной с трубкой.

В бараке жизнь была культурной и насыщенной, здесь проводились и собрания, и лекции.

Для женщин и двух детей на лёд был положен деревянный настил, войлок и матрацы. Температура на уровне груди была иногда выше нуля градусов, а на полу – значительно ниже.

У печки стирали пелёнки, рубашонки и даже ухитрялись соблюдать минимум гигиенических процедур.

Днём барак представлял в одно и то же время кузницу, кровельную, песопильню и даже хлебопекарню.

От всяких работ шум и стук стоял непрерывный. Все к этому привыкли, и даже дети под такую музыку засыпали днем на полтора-два часа.

Пища, которую готовили для взрослых, для детей была неподходящей. У Алочки распухли дёсны, стала сочиться кровь. Каринушке не хватало грудного молока. Тогда стали выдавать рис и свежую свинину (на корабле было три поросёнка, перед гибелью «Челюскина» их резали), и для малышей Лидия Фёдоровна готовила отдельный обед.

Так продолжалось три недели – до 5 марта. И когда после многочисленных попыток лётчик А.В.Ляпидевский благополучно сел на подготовленный аэродром, с ним улетели 10 женщин и 2 малышки – Алла и Карина, которые открывали список очерёдности эвакуации.

Сестра в прилетевший самолёт было проблематично. Перед аэродромом, который был в трёх километрах от лагеря Шмидта, образовалась широкая, уходящая в обе стороны десятиметровая полянья. Спустили несколько больших льдин – переправиться не получилось. Капитан Воронин, стоя на вышке, всё это видел и тех, кто остался в лагере, послал за шлюпкой. Люди тащили шлюпку бегом, чтобы самолёт не терял даром времени. Переправились... От заведённого мотора сильнейший ветер. Женщины сами не могут забраться в самолёт – высоко, неудобная одежда, в которой они неповоротливы, на руках – дети... Наконец всех «погрузили».

Кабина открытая. Часть женщин разместились лёжа. Мамочек с детьми устроили на груди вещей в хвостовой части. Девочки были завернуты в одеяла, которые всё время срывало с их головок, и мамам пришлось приложить усилия, чтобы одеяла не открывались. Холодный ветер разгуливал в самолёте, пощипывая лицо и руки. 38 градусов мороза давали о себе знать.

У самого Ляпидевского были большие сомнения, сможет ли самолёт подняться с такой небольшой площадки – был явный риск, риск вынужденный, риск благородный. Первый полёт Ляпидевского был и последним – самолёт оказался слишком капризным для северных широт и больше не использовался. Но этот полёт закончился благополучно. «Ледяные невесты», как шутили лётчики, прибыли в чукотский посёлок Узлен, затем на собачьих упряжках – в бухту Лаврентия. А потом их ждала Большая земля...

Жизнь после экспедиции

По-разному сложилась судьба этих двух малышей с «Челюскина».

Алле было девять лет, когда отец ушёл на фронт. В одном из самых кровопролитных боёв под Керчью старший политрук П.С. Буйко погиб. Чудом спаслись при бомбёжке Алла с мамой в 1942 году. Мать всё время болела, девочка жила в интернате. Когда Лида узнала, что интернат эвакуировали, она кинулась вслед. Отыскала состав с детьми около станции Бологое. Началась бомбёжка. Все побежали в сарай около дороги, а они укрылись в туалете возле насыпи. Бомба угодила в сарай. Три дня Лида с дочкой добирались до Ленинграда – то на попутных поездах, то пешком.

В 1946 году умерла Лидия Фёдоровна. Ей было всего 37 лет – сказались труднейшие условия экспедиции, лишения ледовой эпопеи, военные тяготы. В 14 лет девочка осталась одна. Какое-то время она жила у родственников, потом приехала к отчиму, а он тут же отправил её в детский дом, где она пробыла полгода. Затем её устроили на работу, и четыре года она жила в общежитии, училась в вечерней школе.

Только спустя четыре года ситуация изменилась. Председатель фабричного комитета, внимательная, добрая женщина, знавшая Петра и Лидию Буйко, была поражена, что дочь героев-челюскинцев, жившая до войны в прекрасной по тем временам квартире с допра-

ботницей, имеет лишь угол в общежитии. И материально девочка не была защищена. В случае гибели отца на фронте детям обычно назначали пенсию. Алле отказали, потому что не было похоронки – отец «пропал без вести».

Вызвали юриста. Аллу прописали к отчиму, и она осталась жить в его комнате – необжитой, пустой, без мебели (отчим там фактически не проживал). Ела на подоконнике, там же делала уроки. Спала на полу – ни матраса, ни одеяла, только ватник, в котором ходила и на котором спала.

Девочка выживала, как могла.

Со временем всё наладилось. Вышла замуж, родился сын. Работала в различных организациях, дольше всего (более 20 лет) – администратором в одном из ресторанов на Невском проспекте.

Сейчас на пенсии. Большое утешение и радость у Аллы Петровны – внук Роман, есть заботливая и внимательная невестка, а сын умер от инфаркта за рабочим столом.

В.Стругацкий в статье «Девочка с «Челюскина»¹⁹ говорит о том, что горьковские краеведы долго не могли понять, в честь кого названа одна из городских улиц – улица Аллы Буйко. В конце концов удалось выяснить, что улица носит имя девочки, которой было всего одиннадцать месяцев, когда она вместе с родителями отправилась на «Челюскине» в Арктику. А девочка эта и сейчас живет в Санкт-Петербурге (бывшем Ленинграде) на Васильевском острове в коммунальной квартире из семи комнат, и одну из них занимает она, юная участница челюскинской экспедиции. Недавно отметила семидесятипятилетний юбилей.

К Карине Васильевой судьба была более благосклонной. Жила в семье, полной любви и заботы. Отец, Василий Гаврилович, работал в Арктическом институте, в Главном управлении Северного морского пути, затем, с 1946 года, в качестве доцента Высшего Арктического морского училища при ГУ СМП, затем Макаровского училища.

Доротея Ивановна, геодезист, была верной спутницей в течение всей её жизни.

Карина Васильевна окончила геологический факультет ЛГУ, работала в Киргизии (в городе Фрунзе), в Грузии, затем во Всесоюзном институте геологии на Васильевском острове в Ленинграде. Сейчас на пенсии. У Карины Васильевны прекрасный муж и два сына, есть внуки. Она, как и Алла Петровна, живёт в Санкт-Петербурге.

Такова судьба двух участниц челюскинской эпопеи, живущих доныне на берегах Невы в северной столице.

Итоги

Выполнила ли экспедиция на пароходе «Челюскин» поставленные перед ней задачи?.. Вот итоги:

– из-за тяжёлой ледовой обстановки судну не удалось попасть на остров Врангеля и сменить зимовщиков;

– несмотря на то, что «Челюскин» практически прошёл СМП и был уже в Беринговом про-

Дом Кожиных в Ишиме по ул. Ленина, 46 (снесён). Сентябрь 1996.
Фотография Г.А.Крамора.

ливе, он течением был отброшен назад в Чукотское море, где и затонул;

– погиб молодой, энергичный, жизнерадостный 28-летний завхоз Борис Могилевич;

– 104 человека (8 участников экспедиции высадились во время одной из стоянок и пешком ушли на Большую землю) в течение 2-х месяцев на дрейфующем льду в тяжелейших условиях ждали помощи;

– организация спасательной операции стоила немалых усилий, потребовала огромных средств;

– только благодаря личному героизму лётчиков челюскинцы были спасены.

Челюскинская эпопея закончилась триумфально. Страна наградила героев, в сердцах сотен тысяч людей эти события оставили неизгладимый след, и многие молодые люди мечтали в то время попасть в Арктику. Главное в трагических событиях этой экспедиции – это поведение людей, как челюскинцев, так и их спасителей, которые, несмотря на тяжелейшие условия, победили, не щадя себя. А технический и организационный опыт, накопленный во время экспедиции, не прошёл даром. Стали строиться новые ледоколы, грузовые суда, появилась и полярная авиация. Для проводки судов по СМП стала использоваться ледовая разведка. Организация научных работ в лагере челюскинцев стала прообразом дрейфующих научно-исследовательских станций «Северный полюс».

Поход «Челюскина» не был напрасным.

Послесловие

«Энергетика событий, происходивших более семидесяти лет назад, докатилась и до нас, живущих и в другое время, и в другой стране. Люди с «Челюскина», равно как и их спасители, оказавшиеся в драматических обстоятель-

ствах на фоне экстремальных природных и общественных условий и действовавшие по принципу «сделай или умри», вышли из всех испытаний с незапятнанной репутацией. И уже поэтому достойны всяческого уважения»¹⁹.

События последнего года вновь напомнили нам об арктических экспедициях 30-х годов.

В июле-августе 2007 года новая полярная экспедиция под руководством Артура Чилингарова поставила целью доказать принадлежность хребта Ломоносова и поднятия Менделеева к российскому шельфу. В этом случае Россия может претендовать дополнительно на 1,2 миллиона квадратных километров с крупными запасами углеводородов. Два подводных батискафа «Мир» с научно-исследовательского судна «Академик Фёдоров» опустились на Северном полюсе на глубину свыше 4000 метров и водрузили там титановый флаг России, тем самым указав первооткрывателей и их страну. Путешествие было опасным, как и в далёкие 30-е годы. Как рассказывает руководитель экспедиции А. Чилингаров, «спуск был безумно рискованным, написал несколько писем своей семье, зная, что выйти со дна океана почти невозможно... По сути, эта экспедиция по сложности была подобна запуску первого спутника Земли в космос. И исследование Севера продолжается».

А несколько раньше, в конце 2006 года, группа водолазов во главе с Алексеем Михайловым опустилась на морское дно в месте гибели «Челюскина», были подняты отдельные фрагменты затонувшего корабля, некоторые вещи, предметы. Две бывшие юные участницы челюскинской эпопеи были приглашены из Петербурга в Москву на встречу с прошлым...

Все события, связанные с походом «Челюскина», масштабны и многогранны. Память о них сохраняется во многих собственных именован-

ниях: Архангельское мореходное училище им. В.И.Воронина, траулер «Челюскинец Павлов», лагуна геодезиста-челюскинца Василия Гавриловича Васильева (отца Карины), подводный хребет Я.Я.Гаккеля в Северном Ледовитом океане, улица Аллы Буйко в Горьком и т.д. Наверное, в каждом городе есть улица имени Челюскинцев (есть она и в Ишиме). Хорошо, что история городов хранит имена соотечественников. Хорошо, что ишимцы помнят своих земляков.

Примечания

1 Миронов А.В. Ледовая Одиссея. Документальная повесть. – М.: Молодая гвардия, 1966.

2 В 1932 году О.Ю.Шмидт был назначен директором Всесоюзного арктического института Севера, а затем руководителем главного управления СМП. Как полагает Владислав Корякин, доктор географических наук, надо было доказать дееспособность новой организации очередным рекордным плаванием. Капитан Воронин считал, что «Челюскин» для плавания в Арктике непригоден, и долго не соглашался взять на себя командование слабым, не подходящим для рейса судном. В середине июня Воронина отправили лечиться в Москву на 1,5 месяца. 30 июня он получил телеграмму Шмидта: «Когда можете выехать». Воронин плюнул на лечение и на следующий день выехал в Ленинград. Шмидту он отказать не мог, хотя плавание не было подготовлено в достаточной степени. По словам В.Корякина, «все решения и действия становились сплошной импровизацией – в зависимости от складывающихся обстоятельств... Многие сложные задачи в 1930-е годы решали в стране без оглядки на цену, которую при этом приходилось платить».

3 Корякин В. Долгое эхо рокового рейса // Вокруг света. – 2004. – № 4 (2763).

4 Миронов А.Е. Указ. соч.

5 Буйко П.С. Записки челюскинца. – М., 1934.

6 Поход «Челюскина». Сборник. Тт. 1, 2. – М., 1934.

7 Миронов А.Е. Указ. соч.

8 Там же.

9 Корякин В. Указ. соч.

10 Поход «Челюскина».

11 Буйко П.С. Указ. соч.

12 Там же.

13 Там же.

14 Там же.

15 Участниками экспедиции были многие молодые люди, далёкие от морских профессий, ставшие вскоре известными в мире литературы, живописи, кино: поэт И.Сельвинский, журналист Б.Громов, писатель С.Семёнов, кинооператоры А.Шафран и М.Трояновский, художник Ф.Решетников и др. Некоторые из них должны были освещать события, происходившие во время похода, другие были рядовыми членами экипажа. Так, будущий народный художник, академик живописи Фёдор Решетников работал библиотекарем. Когда же было необходимо, все трудились физически. Так, в августе 1933 г. надо было перегрузить из носовых трюмов на кормовую палубу судна не менее четырехсот тонн угля. Перегрузить – значит на собственных спинах перенести эти четыреста тонн из конца в конец по всему пароходу, в среднем по четыре тонны на каждого человека. И все носили. Всю ночь и всю половину наступившего за ней дня. Таскали мешок за мешком, балансируя на крутых трапах, осторожно шагая по скользким палубам.

16 Васильева Д.И. Рождённая в Карском море; Кожина-Буйко Л.Ф. Мои воспоминания // Дневники челюскинцев. – Л.: Художественная литература, 1935.

17 Там же.

18 Стругацкий В. Девочка с «Челюскинца» // Смена (газета). – 1994. – 8 мая.

19 Корякин В. Указ. соч.

Г.П. КУЗУРМАНОВ

Трагедия семьи... и всей страны

Памяти жертв политических репрессий НКВД СССР

Четыре столетия Сибирь была местом ссылки неугодных для любой власти людей. Таким был и мой дед Константин Минеевич Кузурманов, 1868 года рождения, сосланный в Сибирь с низовьев Дона в 1896 году на поселение в Ишим за участие в «народных волнениях». Все его предки по отцовской линии были кузнецами, и он в Ишиме стал работать кузнецом.

В 1880 году в Сибирь из-под Вологды вместе с родителями-ссыльнопоселенцами прибыла и моя бабушка – Соломея Васильевна Кротких, 1880 года рождения.

Её отец, оставив семью в Ишиме, уехал дальше в Сибирь за лучшей долей и исчез. Мать вскоре умерла, один брат уехал в Томск, другой – Фаддей Васильевич Кротких – поселился в Безруково (ныне Ершово), стал известным пимокатом. Жил ещё и в довоенные времена, возможно, кто-то из старожилів села Ершово его помнит. Да и сейчас кто-то из его потомков там живёт.

Соломея подростком устроилась нянькой в семью местной купчихи.

В 1900 году Константин и Соломея встретились, создали семью, обвенчавшись в Троицкой церкви. В этой семье, где было 13 детей, и родился 2 сентября (нового стиля) 1901 года их

первенец, мой отец Пётр Константинович Кузурманов.

О его судьбе – моё повествование.

Часть I

В 1912 году он поступил, а в 1916-м – окончил полный курс 4-классного Ишимского мужского высшего начального училища. Заканчивающие такие училища имели «права служебные, по воинской повинности и кинопроизводству».

В возрасте пятнадцати лет и четырёх месяцев поступил на службу в ишимское казначейство счетоводом, где и проработал со 2 января 1917 года по 1 июня 1917-го.

В 16 лет, в сентябре 1917 года поступил учиться в ишимскую почтово-телеграфную контору на электромеханика. В октябре того же года успешно выдержал экзамен, получил пятый разряд и специальность «морзист 2-й руки». После сдачи экзамена стал работать в этой же почтово-телеграфной конторе телеграфистом и проработал до 28 октября 1919 года, когда был мобилизован в армию Колчака, отступавшую в сторону Омска.

В колчаковской армии служил рядовым телеграфистом в 1-м техническом батальоне те-

леграфно-телефонной связи. В декабре 1919 года где-то в районе Иркутска сбежал из армии Колчака, перешёл фронтную полосу и 18 января 1920 года добровольцем вступил в ряды Красной Армии, в 210-й Белорецкий стрелковый полк 30-й Иркутской имени ВЦИК стрелковой дивизии 5-й армии, где и был зачислен в команду связи. Кстати, эта же дивизия в составе 3-й армии 5 ноября 1919 года освобождала Ишим от колчаковцев при поддержке 29-й и 51-й стрелковых дивизий.

Вскоре отец заболел тифом и был направлен в Канский военный госпиталь. По выздоровлении, в марте 1920 года, временно был назначен командиром взвода так называемого слабосильного батальона города Канска. В мае 1920 года по заключению врачебной комиссии выписан из слабосильной команды и выехал в свою часть.

Вместе со своим 270-м Белорецким стрелковым полком попал на Южный фронт, участвовал в боях против врангелевцев, был несколько раз ранен в ноги. В конце октября 1920 года в одном из боёв под селом Весёлое Запорожской губернии (ныне город Весёлое, в 40 километрах от Мелитополя) вместе с группой красноармейцев своего полка раненым попал в плен к белоказакам-врангелевцам.

31 октября 1920 года всю группу пленных красноармейцев повели на расстрел. Перед этим всех раздели донага и жестоко избили (у отца были выбиты зубы и покалечена левая рука). Когда пулемёты направили на расстреливаемых, Пётр Кузурманов бросился бежать, увлекая за собой группу красноармейцев. Все-го спаслось 18 человек, остальных врангелевцы расстреляли из пулемётов вдогонку. На морозе спасались в соломе, а когда врангелевцы начали отступать в сторону Мелитополя, перешли линию фронта и влились в свой полк.

Вместе с бойцами 270-го Белорецкого полка отец участвовал в боях за освобождение Мелитополя, когда Красная Армия загоняла армию генерала Врангеля на Крымский полуостров. Дальнейший путь вместе с полком – на Чонгар, Джанкой и на освобождение Феодосии.

В 1921-22 годах принимал участие в боях против банды батьки Махно и прочих националистических банд на юге Украины в Запорожской губернии. В январе 1921 года политотделом 30-й дивизии был принят в ряды РКП(б).

С января 1921 по декабрь 1922 года принимал активное участие в политической жизни полка. Работал в своем 270-м Белорецком стрелковом полку культурником, политруком роты, политруком батальона, заведовал партшколой полка, был заведующим орггруппой полка, информатором военкома полка, членом бюро РКП(б) полка, делегатом на Третью Запорожскую губернскую партконференцию КП(б)У от своего полка.

После реорганизации 30-й Иркутской Краснознаменной им. ВЦИК стрелковой дивизии был назначен политруком команды связи 268-го учебно-кадрового полка этой дивизии, а затем информатором военкома 90-го Уральского (бывшего 270-го Белорецкого) стрелкового полка.

В конце августа 1922 года получил краткосрочный отпуск (с 24 августа по 2 декабря 1922 года) в Ишим Тюменской губернии, куда и прибыл 1 сентября 1922 года. Сразу же после по-

*Пётр Кузурманов – счетовод Ишимского казначейства. 10 января 1917.
Фотокопия. ИКМ.*

становки на учёт был направлен Ишимским уездным исполкомом Совдепа в командировку по волостям уезда для изымания (мобилизации) обывательских лошадей для нужд Красной Армии. С этого времени был зачислен на военную службу красноармейцем 2-го взвода Тюменской губернской конвойной команды войск ГПУ, где и прослужил до 14 мая 1923 года, когда был уволен из рядов Красной Армии по инвалидности.

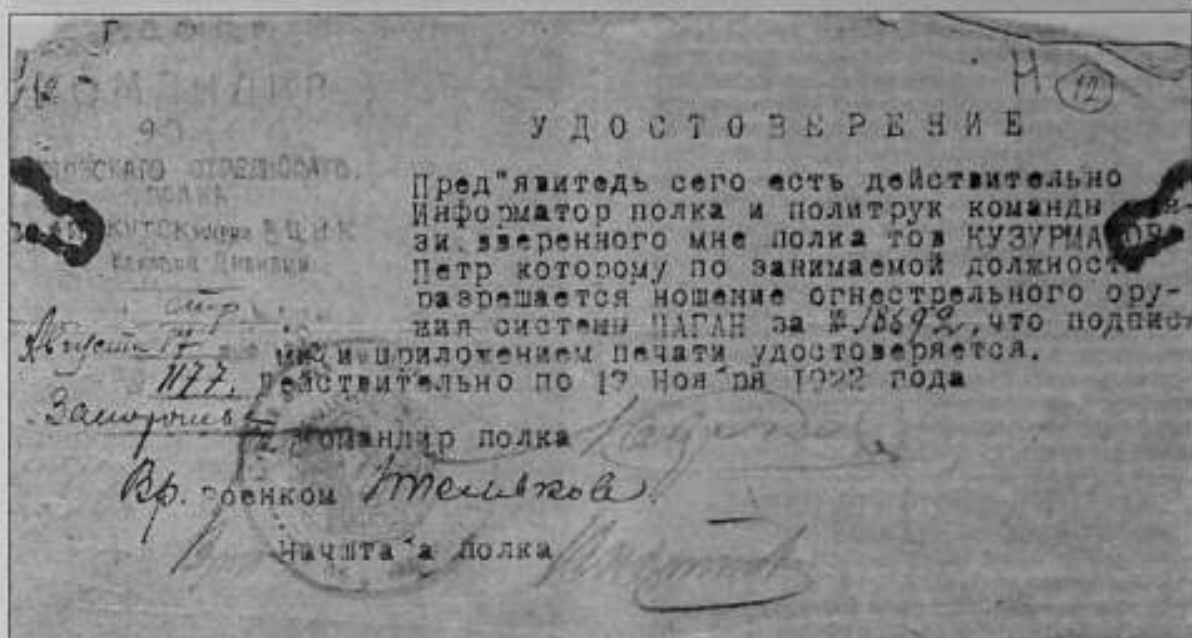
Таким образом, к 22 годам успел прослужить чуть более месяца в колчаковской армии и более трёх лет (с 18.01.1920 по 14.05.1923) в Красной Армии.

Армейская служба закончилась инвалидностью III группы, и нужно было переходить на гражданский образ жизни.

Часть II

Отдохнув лето после демобилизации, Пётр Кузурманов поступил 10 ноября 1923 года на работу помощником бухгалтера в Ишимский уездный финансовый отдел, где трудился до 7 ноября 1924 года.

24 марта 1925 года был избран членом правления Жилияковского кредитно-кооперативного товарищества «Культура», где проработал до 27 декабря 1929 года. Выбыл из состава правления по перевыборам, ибо в то же время с 29 сентября 1929 года был избран председателем

Удостоверение П.К.Кузурманова на право ношения огнестрельного оружия, выданное командованием 90 Уральского стрелкового полка, 17 августа 1922. ИКМ.

Ишимской промыслово-производственной кузнечно-слесарной артели «Кустарь», позднее переименованной в «Кузнецы».

За время этой послеармейской службы занимался ремеслом кузнеца в кузнице, оставшейся после смерти отца, Константина Минеевича в августе 1926 года. Как кузнец-кустарь имел наемных рабочих – одного рабочего-молотобойца и одного ученика кузнечного дела, ибо в кузнице невозможно работать в одиночку.

Нынешняя улица Орджоникидзе в то время называлась Кузнечная площадь, а её южная сторона, прилегающая к берегу старицы Ишимчик – Кузнечный ряд. Здесь и находились многие кузнечные мастерские ещё с дореволюционных времён, перпендикулярно к ним проходила улица Большая Кузнечная, ныне улица Карякина.

В период нэпа кустарное производство в стране и в Ишиме было предоставлено кустарям-одиночкам. В конце 20-х годов началось их кооперирование.

Так, Фома Николаевич Комаров организовал артель имени Ильича, вобравшую в себя кустарей-ремесленников пимокатного, сапожного, гончарного и кирпичного дела. Были открыты мастерские по производству пимов (валенки), ремонту обуви, часов, велосипедов, кирпичный завод и т.д.

Любовь Петровна Фадеева организовала артель «Пролетарка», позднее переименованную в артель имени Крупской, в которой бывшие кустари-одиночки занимались пошивом одежды, белья, трикотажным делом.

Артель «Пищевик» (организатор Г.Г.Пищик), объединив кустарей, организовала производство кондитерских изделий, мороженого, кваса, пива, махорки.

В городе было несколько столовых и буфетов. В сентябре 1929 года ремесленники и кустари слесарно-кузнечного дела также объединились в артель, сдав в неё свои кузнечные мас-

терские и весь слесарно-кузнечный инструмент. Организатором этой артели был Пётр Константинович Кузурманов, сдавший в неё своё кузнечное имущество и кузницу. А 29 сентября 1929 года его избрали председателем правления этой артели.

Сначала были созданы кузнечный и слесарный цехи. Рабочие ковали строительные скобы, штыри, подковывали лошадей, ремонтировали плуги и телеги, изготавливали различные детали к сельхозмашинам.

В дальнейшем производство расширилось. Возникли токарный цех с ремённым трансмиссионным приводом к токарным станкам от установленного здесь же нефтяного двигателя и электроцех, дававший освещение цехам, конторе и территории артели.

Позже, в первой половине 30-х годов, построили новый кузнечный цех, чугунно-литейную вагранку и открыли литейно-формовочный цех. Стали выпускать бытовое чугунное литьё: чугуны различных размеров, печные плиты, колосники, дверцы, вьюшки, задвижки. Чуть позже стали отливать запчасти к нефтедвигателям, втулки для сенокосилок и телег. Эта продукция была нужна жителям как города, так и деревни. В мечтах было создание цеха художественного литья наподобие каслинского.

После реконструкции цехов и оборудования артель «Кузнецы» производственную программу 1935 года выполнила на 194 тыс. рублей, за 1937 год выполнила на 792 тыс. рублей, а на 1938 год был запланирован производственный план 967 тыс. рублей, но... в стране шло большое «но». И аукнулось отцу всё прошлое: служба в колчаковской армии, выход 13 сентября 1924 года из рядов ВКП(б) по личному заявлению, так как «не смог дать правильной оценки политике нэпа, проводимой в стране». В 1931, 1932 и 1936 годах он поднимал вопрос о приеме в ряды ВКП(б), но на эти заявления ответов от руководства парторганизации не было.

Служебная книжка красноармейца
П.К.Кузурманова. 1922. Архив автора.

Часть III

Во второй половине 30-х годов «молох» политических репрессий в стране, проводимых органами ОГПУ-НКВД, требовал всё новых и новых человеческих жертв. Проводились громкие процессы по сфабрикованным делам по разоблачению троцкистов и зиновьевцев, различных контрреволюционных организаций, якобы готовивших свержение советской власти, покушение на членов Политбюро ЦК ВКП(б) и на «великого вождя всех народов товарища Сталина».

В стране успешно разоблачались и уничтожались «враги народа», шпионы и диверсанты германской, польской, японской и других разведок капстран. На территории нынешней Тюменской области (до августа 1944 года входила в состав Омской области) аресты и расстрелы проводились оперативными работниками НКВД и сотрудниками тюрем пяти оперативных секторов: Тюменского, Тобольского, Ишимского, Ханты-Мансийского и Ямало-Немецкого.

В зону Ишимского оперсектора входили районы: Аромашевский, Абатский, Бердюжский, Видуловский, Голышмановский, Ишимский, Казанский, Сладковский, Сорокинский и город Ишим.

На все области по линии НКВД давались разнарядки на разоблачение контрреволюционных организаций с указанием, сколько осудить «по 1-й категории» — это расстрел, и сколько

П.К.Кузурманов — заведующий партийной школой полка. Село Ново-Николаевское Гуляй-Польского уезда Запорожской губернии. 2 августа 1921. Фотография. Архив автора.

«по 2-й категории» — это различные сроки лагерей и ссылки. На вторую половину 1937 года для Омской области по секретному приказу НКВД за № 00447 требовалось осудить «по 1-й категории» — 11000 человек, а «по 2-й категории» — 5000 человек.

Большой террор на территории нынешней Тюменской области начался массовыми арестами в последних числах июля 1937 года (см. таблицу № 1). Только в Ишимском оперсекторе за 4 дня (28-31 июля 1937 г.) было арестовано 265 человек, которые позже, в августе-сентябре, расстреляны. Фактически арестованных было больше, но часть из них осуждены «по 2-й категории».

Кого считали «врагами народа» в это время? Это административно-политические ссылки, бывшие члены оппозиционных партий, офицеры царской армии, перебежчики из Польши, Финляндии и других стран, прибывшие в Советский Союз помогать строить социализм, бывшие и настоящие священнослужители всех рангов, раскулаченные и ранее амнистированные участники крестьянского восстания 1921 года и другие, стоявшие на учёте в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Рабочие ишимской промартели «Кузнецы» около кроватного цеха. Справа налево стоят: 1 – Михаил Константинович Кузурманов, 2 – Пётр Константинович Кузурманов, 4 – Василий Константинович Кузурманов, 6 – Филипп Балакин; на кровати сидит Иван Константинович Кузурманов. 1930-31. Фотография. Архив автора.

Разнарядка, данная «железным наркомом» Н.Ежовым по Омской области, успешно выполнялась. Но этого было мало. Тех, кто отставал в этом страшном соревновании, критиковали в центральной печати.

В июне-июле 1937 года начальником Омского УНКВД был старший майор госбезопасности Э.П.Салынь. В газете «Правда» появилась статья «Пора омским большевикам заговорить полным голосом». И они «заговорили». Не понимающего «сути момента» Салыня заменил майор госбезопасности Г.Ф.Горбач, которого вскоре заменил капитан госбезопасности К.Н.Валухин. Последний в декабре 1937 года к 20-летию органов ВЧК-ОГПУ-НКВД рапортовал наркому Ежову об успешном выполнении приказа № 00447 и вместе с Омским обкомом ВКП(б) просил увеличить лимит «по 1-й категории» на 1000 человек. Просьба была удовлетворена, началась вторая волна репрессий (см. таблицу № 1 за 1938 год). А бывшие начальники Омского УНКВД, получившие ордена за перевыполнение плана по репрессиям, позже как «враги народа» были расстреляны вместе со своим наркомом Н.Ежовым.

После ареста в «тяжкую работу» вступали следователи, которые жестокими пытками за несколько суток непрерывных допросов «по конвейеру», когда один следователь сменял другого, не давая спать допрашиваемому, успешно добивались «признания».

Сломленные физически под пытками «признавались» в любых вымышленных обвинениях; подписывали составленные (часто заранее) протоколы, что они – члены контрреволюционной организации, в которую входили ещё такие-то и такие лица. Следователь диктовал фами-

лии следующих жертв репрессий, якобы входящих в эту организацию. Так расширялся круг «врагов народа», и в стране, в том числе и в Ишиме, искоренялись все новые и новые «контрреволюционные организации». План репрессий успешно выполнялся.

Далее наступала «горячая пора» для «тройки» при УНКВД по Омской области. В неё обычно входили начальник УНКВД, областной прокурор (или председатель облисполкома) и секретарь обкома ВКП(б). Первое время «тройка» требовала зачитывать показания обвиняемого, свидетелей и судила «по 1-й категории» (или «10 лет без права переписки»), что означало – расстрел, или «по 2-й категории», что означало – длительные сроки заключения и ссылку. А вот когда дела на рассмотрение «тройки» стали поступать десятками и сотнями, то заключённые уже на суд не вызывались и даже не называли их фамилии и прочие данные, а просто судили целыми списками.

Приговор приводился в исполнение оперативными работниками Ишимского райотдела НКВД, возможно, в подвале ишимской тюрьмы, в районе Лысой горы под деревней Борки и в бывшей Мещанской роще, примерно в районе нынешней улицы имени 40-летия Победы.

Первый массовый расстрел в Ишиме произошёл 18 августа 1937 года, когда было расстреляно 18 человек. Далее расстрелянная команда работала без усталости (снова см. таблицу № 1).

Часть IV

Продолжу концовку части II-й. Что за «но»? В ночь на 29 мая 1938 года, точнее, в 3 часа утра явились работники РО НКВД, всё перевер-

нули вверх дном в квартире и арестовали моего отца, Петра Константиновича Кузурманова. Всё, что описано в части III-й, было применено и к нему, и через неделю он признался во всём, в чём его обвиняли. Семья ничего не знала о его судьбе, и лишь мне 12 мая 2005 года удалось ознакомиться со следственным делом № 2094 по обвинению граждан:

1. Кузурманова Петра Константиновича, 1901 г.р., технорука артели «Кузнецы», арестованного 29.05.1938 г.;

2. Толкачёва Ивана Васильевича, 1903 г.р., слесаря артели «Кузнецы», арестованного 02.06.1938 г.;

3. Толкачёва Степана Михайловича, 1865 г.р., сторожа артели «Пролетарка», арестованного 23.05.1938 года, обвиняемых по статьям УПК:

58-7 – диверсия, вредительство,

58-10 – антисоветская агитация,

58-11 – антисоветская организация.

Все признали свою вину, и 10 июня 1938 года «тройка» при УНКВД по Омской области осудила Кузурманова Петра, Толкачёва Ивана и Толкачёва Степана по статьям 58-7, 58-10, 58-11 к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведён в исполнение 16 июня 1938 года, в 23 часа трупы преданы земле.

Вот краткая суть дела № 2094.

Обвинение по ст. 58-7 – «диверсия, вредительство»: выпуск некачественной продукции в артели «Кузнецы», складирование её без реализации, вынужденная уценка продукции и нанесение материального ущерба артели после её реализации.

Обвинение по ст. 58-10 – «антисоветская агитация»: задержка зарплаты по 4-5 месяцев, чем вызывается недовольство рабочих, якобы по вине Советской власти. Ведение контрреволюционных разговоров, направленных против политики партии, правительства и ЦК ВКП(б).

Обвинение по ст. 58-11 – «антисоветская организация»: в артель «Кузнецы» собраны бывшие кулаки, участники крестьянского восстания 1921 года, эксплуататоры чужого труда, укрывающиеся от органов Советской власти бывшие каратели-колчаковцы, офицеры царской армии, польские перебежчики и т.п. Вот и получалась «антисоветская организация, ведущая систематическое занятие контрреволюционной деятельностью, направленной против политики партии, правительства и ЦК ВКП(б)».

Свидетелями, якобы раскрывающими контрреволюционную сущность П.К.Кузурманова, обвиняемого как карателя-колчаковца, офицера, эксплуататора, кулака и вредителя, проходили Филипп Б. – кузнец, Григорий Н. – кузнец, Иван Т. – слесарь, Леонтий П. – служащий, Мария Ж. – работница телеграфа и другие, которых после работы вызывали к следователям РО НКВД и долгими часами допрашивали с уклоном к обвинению П.К.Кузурманова. Как заявил Леонтий П. следователю в 1957 году, когда шёл разговор о реабилитации невинно осуждённых и расстрелянных: «Мне надоело каждый вечер ходить к следователю на ночной допрос, и я подписал текст продиктованного показания».

Эти документы имеются в деле № 2094.

А каковы аргументы?

По поводу «кулака и эксплуататора». Отец Петра, Константин Михеевич, имел свою кузниц-

П.К.Кузурманов.

Последний прижизненный снимок.

Ишим. Март 1938. Фотокопия. ИКМ.

цу, в которой работали и его сыновья Пётр, Василий, Михаил. А в кузнице на каждое кузнечное горно кроме кузнеца должен быть один или два молотобойца и ученик, а это – наёмные рабочие. Значит – эксплуатация чужого труда.

По поводу «карателя – колчаковского офицера». Свидетель Дмитрий Л. – работник системы многопромсоюза, был мобилизован в колчаковскую армию несколько раньше Кузурманова, показал следователям, что Кузурманов после мобилизации был направлен в школу прапорщиков г. Екатеринбурга, которую окончил в звании прапорщика, и служил у Колчака, и что Л. видел его в офицерской форме в колчаковской армии.

Уважаемые читатели, вспомните написанное в части I-й: 28 октября 1919 года мобилизован в армию Колчака, отступающую в сторону Омска, из которой бежал в декабре 1919 года.

Ишим был освобождён от колчаковцев 5 ноября 1919 года. Екатеринбург – ещё раньше. Спрашивается, это когда же Кузурманов учился в школе прапорщиков г. Екатеринбурга и когда он сумел её закончить? Чуть собачья! Я не думаю, что Л. тоже пытали, но и ему, видно, надоели еженощные допросы, и он подписал такую ахинею.

Обложка архивного следственного дела № 2094 по обвинению П.К.Кузурманова и др. Май-июнь 1938. Архив РУ УФСБ по Тюменской области.

Ещё один интересный «свидетель» – Ф-в, работник ж.д. станции Ишим, согласно следственному делу, работал в артели «Кузнецы» в 1931-32 годах, выполнял функцию свидетеля по любому вопросу технологии и качества литейного производства, – хотя вагранка и литейный цех начали работу в 1934 году. Подтверждал количество бракованной продукции, её уценки и ущерб, нанесённый после реализации этой продукции. Подтверждал, что заработная плата рабочим не выплачивалась по четыре-пять месяцев, что в артели велись контрреволюционные разговоры против советской власти и политики партии и правительства. Откуда взялся такой всезнайка, уволенный из артели «Кузнецы» 6 лет тому назад? Ларчик открывался просто. Когда я ознакомился с содержанием материалов дела № 2094, то при допросах свидетелей в 1957 году после фамилии Ф-в было написано: «секретный сотрудник НКВД 1929-1935 гг.».

Вот вам и свидетель на любой вопрос по любой «контрреволюционной организации». Правда восторжествовала через много лет. В постановлении президиума Тюменского областного суда от 4 мая 1957 года сказано: «Решение «тройки» УНКВД Омской области от 10 июня 1938 года отменено, и дело производством прекращено».

О расстреле отца в Омске 16 июня 1938 года я узнал лишь 7 октября 1999 года при оформле-

Серебряный портсигар с дарственной надписью на золотой пластине: «Младшему лейтенанту Бороусову Николаю за отличное выполнение заданий командования. 17.11.1937». Фрагмент. Частное собрание.

нии документов по реабилитации на себя, а с личным делом № 2094 я ознакомился, повторно, лишь 12 мая 2005 года.

Часть V

Кто же они, «герои» моего повествования с другой стороны, о деятельности которых говорилось в III части?

Посмотрите на портрет армейского капитана. Перед вами симпатичный, примерно 35-ти лет от роду, волевой мужчина. Ничего плохого о нём не подумаешь. Это Николай Алексеевич Бараусов, 1903 года рождения, уроженец г. Городец Лужского района Ленинградской области, младший лейтенант госбезопасности, начальник Ишимского районного отделения НКВД в период, возможно, конца 1935 или начала 1936 года и до конца 1938 года (более точных данных не имею).

Что предшествовало девятому валу красного террора? 3 июля 1937 года вышло секретное

Сотрудники Ишимского районного отделения НКВД. 2-й слева в нижнем ряду – предположительно Н.А.Бараусов. 1933-35. Фотография. Архив Р.А.Моревой (ИКМ).

постановление ЦК ВКП(б), предлагающее секретарям обкомов ВКП(б) в пятдневный срок представить в ЦК ВКП(б) количество подлежащих планируемому расстрелу и высылке.

7 июля 1937 года руководство Омского обкома ВКП(б) и начальник областного Управления НКВД сообщили в ЦК ВКП(б), что учтены и рассмотрены материалы на 2429 человек, из них:

по 1-й категории (расстрел) – 479 человек,
по 2-й категории (в лагеря на 8-10 лет) – 1950 человек.

Операция по репрессиям должна была начаться 5 августа 1937 года и закончиться в четыре месяца. Как я уже сообщал ранее, вся Омская область была разделена на пять оперативных секторов, и Ишимским оперативным сектором руководил Н.А.Бараусов.

Торопясь успешно выполнить доведённый план «тяжкой работы» и скорее отрапортовать о выполненной «работе», Бараусов приказал своим подчинённым начать аресты не с 5 августа, а с 28 июля 1937 года. Загудела переполненная тюрьма – бывшая мельница по улице Артиллерийской и подвалы здания НКВД по улице Пономарёва. За четыре дня, с 28 по 31 июля 1938 года, было арестовано 265 человек (см. таблицу № 1). В это число не попали арестованные и осуждённые «по 2-й категории», которые тоже прошли помещения тюрьмы и подвалов НКВД. Разнарядка, спущенная сверху, успешно выполнялась. Команда «запечных дел мастеров» оперуполномоченных и следователей (Ведрин, Завалов, Ивнин, Никитин и др.) усердно под руководством Бараусова разоблачала «врагов народа» и контрреволюционные троцкистские организации. Через ишимскую тюремную команду Н.А.Бараусова пропустила под рас-

стрел с февраля 1937 года по август 1938 года 1729 человек (см. таблицу № 1).

Из «Книги расстрелянных», составленной Р.С.Гольдбергом (том 1), я выбрал перечень узников ишимской тюрьмы, расстрелянных в Омске 16 июня 1938 года в один день с моим отцом. Таких набралось 53 человека. Из них я составил таблицу № 2, в которой указаны только ишимцы.

Посмотрите внимательно на этот список: что за «враги народа», очень опасные для государства. Николай Стефанович Гвоздицкий, 1854 г.р., священнослужитель, 84-летний старик... Кира Григорьевич Карчевский, 1860 г.р., священнослужитель, 78-летний больной старик, не ходячий. При аресте его выносили лежащим на одеяле. Вот враг так враг! Это отец известного в городе врача, акушера-гинеколога Александры Кировны Николаевой. Они с мужем Глебом Константиновичем Николаевым, врачом-окулистом, были уважаемыми в городе людьми.

Угрозу своей карьере Н.А.Бараусов почувствовал в конце 1938 года. За необоснованные аресты партийных и советских работников (простой люд не в счёт!), за применение к ним извращённых методов следствия решением бюро Омского обкома ВКП(б) от 17 января 1939 года Н.А.Бараусов был отстранён от занимаемой должности и переведён на рядовую работу в Тюменское городское отделение НКВД.

30 мая 1939 года в газете «Омская правда» появилась статья «Клеветник Бараусов», а в июле 1939 года заседание бюро Омского обкома ВКП(б) постановило: «За грубое нарушение революционной законности, за необоснованность ареста партийных и советских работников:

– Лукина, 1-го секретаря Ишимского РК ВКП(б);

– Черепановой – секретаря Ишимского РК ВКП(б);

– Марычева – председателя Ишимского райисполкома;

– Санейко – редактора газеты «Серп и Молот» и других, всего 11 человек, применение к ним извращённых методов следствия из рядов ВКП(б) исключить Бараусова Н.А., из органов НКВД – уволить, поручить начальнику УНКВД привлечь Бараусова Н.А. к уголовной ответственности...»

Но за Бараусова заступилось московское начальство НКВД СССР, и лишь 22 сентября 1939 года было вынесено заключение, что уголовная ответственность ему не грозит, достаточно увольнения с должности. Лёгким испугом отделались и члены его ишимской команды палачей и истязателей по райотделу НКВД: кого арестовали на 10 суток, кого отправили под домашний арест, а кого перевели на работу в другие органы НКВД. Свой своего не съел.

До апреля 1940 года Н.А.Бараусов проживал в д. Изоры Лужского района, работал председателем сельпо, был женат, имел 4-х детей. Арестован 8 апреля 1940 года. Осуждён 27 апреля 1941 года военным трибуналом войск НКВД Западно-Сибирского округа к 8-ми годам заключения в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах.

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 16 апреля 1941 года приговор оставлен в силе. Наказание отбывал в омской тюрьме. Дважды обращался с просьбой об отправке на фронт. В 1941 году на заявлении резолюция – «отказать». В апреле 1942-го – никаких резолюций. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Н.А.Бараусов – тоже жертва той эпохи, так как он всего лишь добросовестно, и даже слишком добросовестно, исполнял приказы своих вышестоящих начальников.

...Прошло уже 70 лет, а память сердца не утихает. Не могу забыть той страшной майской ночи. Мне было девять лет, дальше я рос без

Панихида на месте массовых захоронений репрессированных у деревни Борки Ишимского района. Служит епископ Евтихий. 30 октября 2003. Фотография Г.А.Крамора.

отца. Артель лишилась руководителя, профессионала своего дела. История страны – героя гражданской войны. Зачем? Почему?..

Таблица №1

Список арестованных в Ишимской области (Матвеи, Ишма, Ишмаевы, Чина, Ишмаевы, Тихоновы, Тел. Рахметов, Осиповичи, П.С. Катерини и в дальнейшем репрессированные в лагерь «Славянск» Свердловской обл.

В данной таблице не указаны арестованные по 1-4 категориям и не арестованные, арестованные по 2-4 категориям в различные сроки заключения и высланы

Арестованы (числ)	Репрессированы в Ишим	Репрессированы в Омск
1-2 1937 - 19	18-19 1937 - 18	10-18 1937 - 24
3-19 1937 - 20		12-2 1937 - 26
20-23 1937 - 10	20 1937 - 279	12-2 1937 - 27
24-28 1937 - 91		12 1937 - 17
29-30 1937 - 115	31 1937 - 355	
31-32 1937 - 41		12-19 1937 - 9
33-34 1937 - 81	32 1937 - 183	12-19 1937 - 532
35-36 1937 - 203		
37-38 1937 - 203	33 1937 - 1	12-19 1937 - 5
39-40 1937 - 156	34 1937 - 4	
41-42 1937 - 100		12-19 1937 - 101
43-44 1937 - 17		12-19 1937 - 10
		12-19 1937 - 29
1 1938 - 10		
2 1938 - 424		
3 1938 - 116		
4 1938 - 24		
5 1938 - 24		
6 1938 - 3		
7 1938 - 3		
8 1938 - 3		
Итого - 1729 чел.	Итого - 1727 чел.	

Таблица составлена на основании архивных документов Ишимского районного архива, г.Ишим, 1999г.

Таблица №2

Перечень 48 арестованных Ишимской тюрьмы репрессированных в Омске 16 июня 1938г.

из списка числа в 50-градусных показаны только жители Ишима

№	Имя	Дата ареста
1	Богданов Мария Тимофеевна	04.06
2	Свиридов Николай Иванович	22.05
3	Григорьев Николай Степанович	22.05
4	Евдоким Терентий Терентьевич	22.05
5	Евдоким Александр Михайлович	30.04
6	Иванская Инна Степановна	25.04
7	Карповский Кирил Григорьевич	01.06
8	Крестовников Григорий Иванович	21.05
9	Кузурманов Петр Константинович	25.05
10	Макаев Михаил Андреевич	20.05
11	Матвеи Екатерина Андреевна	04.06
12	Мельников Лев Александрович	27.04
13	Поповичев Меркурий Яковлевич	24.05
14	Стариковский Евгений Яковлевич	26.05
15	Толкачев Иван Васильевич	02.06
16	Толкачев Степан Михайлович	23.05

Составлено на основании архивных документов Ишимского районного архива, г.Ишим, 1999г.

Н.А. БОРДЕНКО,
Г.А. КРАМОР

Дворец в Сеницынском бору

Мы уже привыкли к этим словам: «Ишимский Дом отдыха». Встречаем эти слова на фотографиях в семейных альбомах, в душевных разговорах старых людей, даже в обыденной речи – хотя и называется теперь это учреждение «Пансионат с лечением «Ишимский». Для нас не удивительно, приехав в Сеницынский бор, погулять по аллеям вдоль белоснежных корпусов, искупаться в горячем целебном источнике. А ведь ровно шестьдесят лет назад ничего этого здесь не было...

Как же открылась эта страница в истории нашей земли?

Сеницынский бор, расположенный в десяти километрах к югу от города Ишима, – памятник природы. Это самый южный реликтовый, то есть выросший естественным путём, сосновый бор в Тюменской области.

Он издавна манил к себе горожан лечебным воздухом, напоённым ароматом хвои. Священник Иоанн Голошубин отмечал в 1914 году, что Детлинский бор (так, по названию протекающей здесь речки, и называли лесной массив до середины XX века) «во время лета привлекает к себе на долгое жительство многих из г.Ишима». Жили в небольших деревянных домиках, национализированных после установления Советской власти. Так, в 1932 году Ишимский горкомхоз сдавал в аренду 17 дач по цене от 35 до 150 рублей за летний сезон. А в 1920-х годах в бору открылось первое детское рекреационное заведение – пионерский лагерь имени Ленина, где и по сей день отдыхают дети железнодорожников.

Руководство Омской железной дороги вынашивало планы устроить в бору здравницу и для взрослых. И в 1948 году было принято решение: строить ведомственный дом отдыха именно здесь, на базе Ишимского отделения железной дороги. До того ли, казалось? Силы страны брошены на восстановление народного хозяйства, разрушенного войной... Но постройка дома отдыха для рабочих подчёркивала заботу о здоровье и досуге трудящихся в пролетарском государстве. И забота эта была действительно, не показной.

О строительстве и первых годах Дома отдыха ЦК ЖДТ (Центрального комитета профсоюза работников железнодорожного транспорта) почти не сохранилось документов. Существует даже легенда, что первоначально корпуса здравницы предполагались под госпиталь. Эта мысль была особенно близка мышлению послевоенных лет.

Но из воспоминаний участников строительства встаёт яркая картина появления в ишимском бору настоящего дворца.

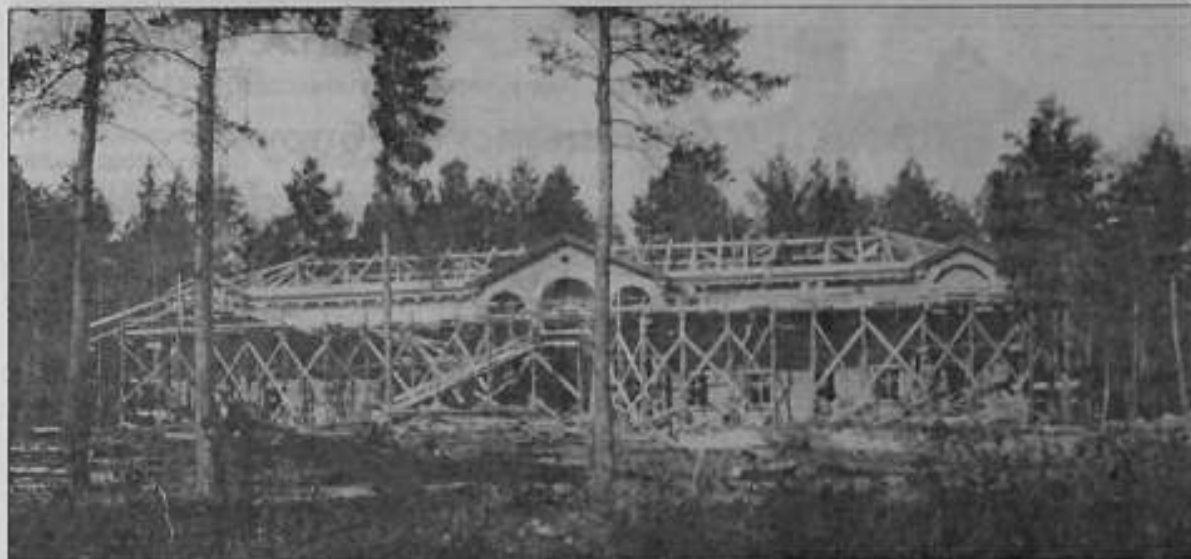
Строители Дома отдыха.

Слева направо, сидят: А.И.Платоненко, И.П.Корниенко; стоят: У.С.Цирукин, В.Кузовков, П.Д.Лавренов.

Сеницынский бор. 1950. Фотография. Музей пансионата с лечением «Ишимский».

За реализацию проекта, разработанного в Новосибирске, взялось дорожное управление строительства (Дорстрой). 4-й, ишимский, участок Дорстроя возглавляли после войны Анатолий Николаевич Сычёв, Константин Константинович Козлов, после – Игнат Гаврилович Солянов, он и сдавал уже готовый объект. (Впоследствии 4-й участок преобразован в 1-й прорабский пункт Дорстроя Омской ж.д., а после – в строительно-монтажный поезд № 695, или СМП-695).

Производителем работ строительства (прорабом) назначили Андрея Ивановича Платоненко. Но, видно, не сразу. Об этом свидетельствует характеристика, подписанная Соляновым в феврале 1950 года: «В целях ускорения работ по строительству дома отдыха был направлен прорабом, где резко улучшил работу. Товарищ Платоненко неоднократно направлялся на самые ответственные объекты, где всегда заканчивал досрочно». Так, перед Домом отдыха он руководил строительными работами на станции Называевской (на полпути между Ишимом и Омском). Водочкачу там долго так и называли: «Платоновская».

*Строится спальный корпус. 1951-52. Фотография.
Музей пансионата с лечением «Ишимский».*

По национальности Платоненко – белорус. С родителями в 1912 году переехал из Могилёвской губернии в Сибирь, Каинский уезд Томской губернии. С 1928 года начал трудиться на железной дороге. Сначала землекопом, потом выучился до техника-строителя, строимастера, прораба на Барабинском участке Дорстроя Омской ж.д. С мая 1944 года работал в Ишиме. Воспитал троих детей, дочь – Анна Андреевна Аксёнова – сорок лет проработала в ишимских учреждениях здравоохранения.

Дом отдыха стал самым важным – и последним – объектом Андрея Ивановича. Должность прораба в Советском Союзе оценивалась просто: «лоработал года три – можно сажать». На Платоненко обрушились многочисленные проверки, вызовы в ОБХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности). «Писали глупые доносы, что он крадёт доски для своего дома», – сокрушённо вспоминала дочь. Огромная нагрузка дала о себе знать по окончании стройки. Как только объект был сдан, сердце Платоненко не выдержало. Умер он будучи всего 53 лет от роду, в 1954 году.

Платоненко запомнился общительностью, чувством юмора и профессионализмом. Это был хороший практик строительства, серьёзный и требовательный руководитель. Дважды, в 1945 и 1946 годах, награждался значком «Отличный строитель» – «за социалистическое отношение к труду, выразившееся в перевыполнении заданных производственных норм, хорошее качество работ, безупречную трудовую дисциплину и оказание товарищеской помощи в приобретении строительных навыков и специальностей вновь прибывшим рабочим».

Первым помощником прораба был старший мастер Михаил Фёдорович Тимофеев. Он, как и Платоненко, приехал в Ишим из Барабинска в 1944 году, 23-летним парнем. Смекалистый

самоучка, мастер на все руки – кузнец, слесарь-монтажник, механик, плотник, сантехник. Хотя имел всего три класса образования, всегда первым осваивал новую технику, заслуживая уважение окружающих. Сам же Тимофеев ценил за науку главного механика Ишимского участка Дорстроя Фёдора Александровича Шульца. Говорили, что он, немец по национальности, был выслан во время войны из города Горького, где работал на авиационном заводе. Тимофеев также был награждён значком «Отличный строитель».

По воспоминаниям санитарного врача Тамары Васильевны Сажиной, на выборе места для нового дома отдыха настоял заведующий горздравотделом А.Ф. Калинин. Это была поляна с редкими соснами вдоль южной стороны бора. Стройные ряды деревьев надёжно защищали поляну от северных ветров. Перед подрядчиком была поставлена строгая задача: сохранять лес. Ни одну сосну не убрали без надобности – только если они попадали под будущий фундамент.

Дорстрой для обеспечения строительства материалами выстроил за свой счёт стальной понтонный мост через Ишим, в районе аэропорта (ныне аэроклуб). Он потом долго и верно служил ишимцам. Осенью 1949 года начались земляные работы. Всего предстояло выстроить 18 объектов, в том числе прачечную, баню, котельную, водоподъёмное здание, электростанцию... Первыми заложили здания администрации, восьмиквартирного жилого дома, пекарни, гаражей. Их достроили к 1951 году. Тогда заложили те здания, которые бросаются в глаза, прежде всего, благодаря своему эффектному местоположению вдоль коренной возвышенности – четыре двухэтажных корпуса на главной аллее (три спальных и клуб-столовая).

Кстати, возвышение перед этими корпусами согласно архитектурному замыслу усилива-

*Идёт отделка корпуса клуба-столовой.
1952-53. Фотография. Музей пансионата
с лечением «Ишимский».*

ли искусственной подсыпкой. И не зря – наводнения реки Детель порою бывали настолько сильными, что волны плескались о нижние ступеньки лестницы-«амфитеатра», устроенной напротив клуба-столовой. Грунт для возвышения привозили от деревни Орловки, в трёх километрах от строительства. Транспорт нехитрый – грузовики-«полуторки» да лошади с телегами. Свеженасыпанное «плато» накрывали дерном. Его резали по вечерам, ножами, вручную.

«В тылу» строительства сохранялись некоторые постройки 384-й и 229-й дивизий, сформировавшихся в Синицынском бору. Блиндажи, землянки давно разобрали местные жители. Остались лишь здание столовой за будущим третьим корпусом, где обедали теперь рабочие (там же разместился и «красный уголок»), конюшня и – столбы с проводкой для радио. Собственно радиоустановку привезли из Омска. Радиопередачи стало отрадой в тяжёлом труде. И если какой рабочий произносил матерное слово, бригадир говорил: «Ну, всё, слушаем Василия, выключаем радио!» Такая забота о чистоте языка не удивляла: вокруг – молоденькие девушки и женщины. Они и составляли «костяк» рабочей силы. Ведь это были первые послевоенные годы. Мужчины-специалисты в основном руководили строительством. Женщины, кстати, любили петь во время работы – совсем как в старой русской деревне.

Жили строители рядом с «объектом», в бараках, выстроенных возле столовой. Лишь на выходной день отправлялись домой, часто – пешком, ведь регулярный транспорт тогда в бор не ходил. Всего трудилось около двухсот человек. Практически все работы выполнялись вручную. Своих рабочих рук не хватало, строили «вахтовым методом», приезжали на полмесяца из других краёв – Омска, Петропавловска.

Платили строителям немного. Месячный оклад разнорабочего – в среднем 250 рублей (дореформенных; эквиваленты 25 рублям после 1961 года – размер хорошей стипендии). Бухгалтер – 1000 рублей. Специалисты получали побольше, у них была сдельная оплата. Зато кормили всех сытно и дешево. Большое благо:

*А.Н.Кувыкин ведёт монтаж
электрооборудования в клубе-столовой.
1952-53. Фотография. Музей пансионата
с лечением «Ишимский».*

ведь ещё не забылся голод военного лихолетья. Платоненко лично заботился о качественном питании.

Работали от зари до зари, хотя норма выработки – 8 часов в день. Даже конторские работники сидели с расчётами до девяти вечера, а в воскресный день (шестидневная рабочая неделя сохранялась до 1960-х годов) работали на стройке, таскали носилками стройматериалы по лесам на второй этаж. Торопились сдать объект в срок. И сверхурочных не выплачивалось. Простой аргумент: «нужно для Родины!»

После работы болели натруженные руки, ноги. Но энергия молодости брала своё. Устраивали ещё вечерами с танцами под гармошку. Там же и знакомились. Так, чета Чечулиных обязана своему крепкому союзу именно строительству Дома отдыха. Василий Петрович Чечулин после окончания ФЗО (фабрично-заводское обучение) по профессии плотник, с 18 лет трудился на стройке в бору. Лидия Яковлевна работала в туберкулёзном санатории. Познакомились в клубе на танцах – и в 1951 году поженились.

Строили корпуса из кирпича и шлакоблоков, которые отливались на стройдворе Дорстроя. Штукатуры-маляры Иннокентий Павлович Шипи-

Последние штрихи в отделке корпусов. Мужчины – руководители, женщины – работники. 1953. Фотография. Музей пансионата с лечением «Ишимский».

лин, Кузьма (Казимир) Иванович Блажевич там же формовали из гипса лепнину для фасадов.

Сейчас, по прошествии более полувека, трудно назвать имена всех, чьими трудами выросли в Синицынском бору белокаменные корпуса, подобные сказочному дворцу. Среди них – бухгалтеры Дорстроя Галина Александровна Фёдорова и Нина Васильевна Белан, сварщик Михаил Фомич Липовка, столяр Людвиг Иванович Бучинский, коновоз Трифон Иванович Пещерский, слесари-сантехники Михаил Ильич Шиленко, Геннадий Иосифович Бубнов, Анатолий Степанович Щербаков, плотник Александр Ольхов и многие, многие другие. А картины художников Максима Федотовича Жухова и Николая Овечкина украшали интерьеры Дома отдыха долгие годы после его открытия.

Отдыхающие тех лет хорошо помнят Терентия Кузьмича Пушкарёва, первого шофера автобуса, который ходил по маршруту «Дом отдыха – Ж.д. вокзал», привозя и увозя отдыхающих. Пушкарёв отличался скромностью, ответственностью, тактичностью.

Анна Алексеевна Антошкина пришла на стройку в 1949 году 16-летней девчушкой. Трудилась разнорабочей – мешала раствор, гасила известь, на носилках таскала стройматериалы. Потом стала пекарем, проработала в пекарне Дома отдыха три десятка лет. Выпеченный ею хлеб был удостоен диплома на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

Традиции сытного и качественного питания, заложенные ещё при строительстве Дома отдыха, продолжались в последующие годы. За тем, как готовятся обеды, строго следили медработники, оценивая блюда по пятибалльной шкале. Первый шеф-повар Александр Николаевич Янсубаев воспитал замечательную смену. Анна Ильинична Гусева – с 1950 года на строительстве Дома отдыха, после открытия осталась на

Один из элементов декоративного оформления здравницы – гипсовая статуя теннисистки у входа на аллею перед корпусами (утрачена). 1950-е. Фотография. Музей пансионата с лечением «Ишимский».

кухне поваром, после – шеф-поваром, трудилась до 1991 года. Александра Ильинична Землянова также работала поваром и шеф-поваром с 1957 по 1992 год. Готовить в первые годы было сложно, не хватало порою даже самых элементарных продуктов, например, муки. Помогало подсобное хозяйство.

С 1953 по 1980 годы трудилась на кухне Анна Семёновна Кныш. Её муж Алексей Алексеевич Кныш работал завхозом. Вместе они закупали первую мебель и оборудование, которое привозили из Москвы.

Это был не единственный пример «семейного подряда» в Доме отдыха. Алексей Николаевич Кувыкин монтировал электрооборудование в корпусах и на подстанции в 1952-53 годах и после работал здесь электриком. Его жена Мария Никитична – первая медсестра Дома отдыха, с июля 1953 по июнь 1959 годов. Она принимала отдыхающих, следила за здоровьем, проверяла работу столовой. Её сменили фельдшеры супруги Елсуковы – Михаил Фаддеевич и Нина Евгеньевна; старшей медсестрой с марта 1959 года работала Клавдия Борисовна Пу-

Парадные ворота Дома отдыха и дом для сотрудников. 1953. Фотография. ИКМ.

зырёва. А Кувыкины уехали в город, чтобы дети жили ближе к школе.

Павел Степанович Шемякин – ещё будучи водителем Дорстроя, возил и прораба Платоненко, и различные грузы. После открытия Дома отдыха остался здесь, трудился водителем до пенсии. Супруга, Валентина Павловна, работала в Доме отдыха с 1953 года – горничной, кастеляншей, рабочей кухни.

Мария Дмитриевна Елисеева – заведующая библиотекой с 1953 по 1989 годы. Она была «лицом» Дома отдыха, самой запоминающейся фигурой. Отличалась скромным, но изысканным нарядом, культурой речи, широким кругозором. Благодаря ей библиотека Дома отдыха сразу после открытия пополнилась редчайшими изданиями, такими как «История государства Российского» Карамзина XIX века, «История русской архитектуры» под редакцией И. Грабаря начала XX века, Полное собрание сочинений А. С. Пушкина середины XX века и другие раритеты. Книги Елисеева приобретала вместе с первым директором Дома отдыха Головиным. На это выделялись деньги по линии профсоюза. Что-то приобретали во время поездок, что-то выписывали из различных городов.

Позднее, в 70-80-е годы, Елисеева открыла при библиотеке музыкальный салон. Неискушенные в искусстве труженики затаив дыхание слушали вдохновенные рассказы Марии Дмитриевны о композиторах и их произведениях.

Кроме чтения книг, отдыхающим предлагалась насыщенная культурная и спортивная программа. Устраивались лекции, концерты, волейбольные, футбольные, легкоатлетические состязания, катание на лодках, походы. Любимое место коллективных прогулок отдыхающих – так называемая Первая сопка. Это сейчас у ишимских молодожёнов завелась традиция ездить на другую гору у села Клепиково. Устроили жертвенное дерево, вяжут ленточки для крепости семейных уз, и гору прозвали горой Любви. Отдыхающие 1950-х годов именовали её Второй сопкой. Но была у них тогда своя «Поляна Любви», как раз под Первой сопкой, у старицы. А

наверху росла старая разлапистая сосна, у которой охотно фотографировались. Существовало поверье: тем, кто заберётся на него, дерево принесёт счастье.

Ходили в эти прогулки-походы с весельем, пели под гармошку песни. Но могли и поработать, не гнушаясь трудом в отпускное время. Труд – святое дело в стране Советов! Пропалявали грядки, посадки картофеля в подсобном хозяйстве Дома отдыха, косили сено.

Это была первая здравница, в которой водопровод провели в каждую палату. Чудо для тех лет, когда даже жители города Ишима ходили по воду на реку либо покупали её в водоразборных будках. Вдоль северных стен корпусов прокопали траншеи для водопроводной и канализационной сети. Каждому давалось задание: прокопать три метра канавы. На берегу Детлинки построили водоподъёмное здание. Из этого водопровода теперь «питаются» все лагеря и базы отдыха в Синицынском бору.

На территории перед корпусами устроили даже небольшой фонтан (от него остались только пересохшая чаша и трубка с рассекателем). Планировали ещё устроить бассейн, как раз к нему и должны были вести ступени «амфитеатра». На всё строительство Дома отдыха ушло пять миллионов дореформенных рублей, а на бассейн по смете требовалось ещё два миллиона. Москва «добро» на это не дала.

Любопытно, что узел сантехсистемы находился под клумбой у здания администрации, в аккурат под памятником Ленину. И когда в конце XX века трубы прохудились, бюст Ильича пришлось спасать от нечистот. Теперь он стоит в стороне, в замечательной еловой аллее. Её называли «Аллея Фронтовиков». Садил её с первыми отдыхающими-ветеранами первый же садовник Дома отдыха Фирс Никифорович Крашенинин. Судьба этого человека остаётся загадкой. Коммунисты его недолюбливали, называли «белогвардейцем». Видно, было за что. Двое работников нынешнего пансионата вспоминают, как старый садовник рассказал им, тогда девочкам, страшную тайну: на поляне рядом с

И отдых, и труд – под гармошку. Отдыхающие на полях подсобного хозяйства...

...А вечером – катание на лодках. 1950-е. Фотография. Музей пансионата с лечением «Ишимский».

Домом отдыха, у дороги, ведущей в лагерь имени Ленина, – братская могила. Сказал коротко: вот сосна с зарубкой, здесь похоронены повстанцы 1921 года. И вздохнул: «*Наши похоронены...*»

Эта история стала известна недавно. После подавления крестьянского восстания в селе Ново-Травном три сотни мужиков погнали в Ишим. Сказали: на вопрос. Однако красные победители поступили с пленными совсем не благородно: у деревни Синицыной согнали на пологий берег речки Детель и – полоснули из пулемётов. Двое или трое выжило – по темноте уползли в кусты. Не был ли Фирс Никифорович из их числа?..

13 июня 1953 года стройку посетила приёмная комиссия из 6 человек, в число которых вошли представители из Москвы. В целом комиссия осталась довольна. И после устранения незначительных недоделок здравница 3 июля 1953 года распахнула свои двери для отдыхающих. Альбомы с чертежами на розовой бумаге (светокопии), акты приёма в эксплуатацию корпусов Дома отдыха были сданы в архив администрации, где и хранились долгие годы. В начале 1990-х они были уничтожены – якобы от того, что вымокли.

Денег не хватило не только на бассейн, но и на строительство дороги с твёрдым покрытием до

Ишима. Вплоть до 1972 года, когда уложили долгожданный асфальт, работники и отдыхающие месили грязь или глотали пыль, добираясь до бора или возвращаясь в город. Так случилось и с первыми гостями Дома отдыха в июле 1953 года.

Это были железнодорожники, премированные путёвкой в Дом отдыха, в основном – ветераны войны, тогда совсем недавней. Нагладили брюки, рубашки, надели лучшие костюмы. Проехали со станции через город, переправились по дорстроевскому понтонному мосту, за которым их ждали «полуторка» и лошади с телегами. А накануне прошёл дождик... И только процессия тронулась – грузовик забуксовал, телеги повалились набок. Пришлось отпускникам закатать брюки, забросить туфли с чемоданами в кузов – и толкать транспорт все десять километров. Только и приговаривали: «Да когда же этот бор покажется?!»

Но когда добрались до изящной арки парадного входа да увидели свежесмысленные голубоватые корпуса, сияющие на фоне тёмной зелени вековых сосен, – просто остолбенели. И забыли про все путевые приключения. Такой красоты большинство просто и не видало, и тем более не мечталось в ней пожить две недели. (Кстати, даже в Ишиме в то время такие здания были наперечёт, а строительство двухэтажного городка железнодорожников на улице Карла

*Аллея перед четырьмя корпусами Дома отдыха. 1970-е.
Фотография. Музей пансионата с лечением «Ишимский».*

Маркса, которое затеял начальник Ишимского отделения дороги Николай Глотов, «ещё только начиналось».)

Архитектура Дома отдыха и сегодня впечатляет своей роскошью. Это было время расцвета т.н. «сталинского классицизма» – стиля изысканно-возвышенного, призванного утверждать радость бытия в стране Советов, в стране победителей фашизма. В двух- и четырёхколонных портиках, венчающихся полукруглыми сводами, угадывалась переключка с «курортной» архитектурой Сочи, Ялты и других южных городов. Вдоль аллеи стояли гипсовые скульптуры – работница с молотом, атлет – метатель ядра, девушка с теннисной ракеткой, офицер с солдатом... Ни одна из них не сохранилась до нашего времени, кроме фигуры студентки, склонившейся над книгой (неподалёку от клуба-столовой).

Первым директором Дома отдыха ЦК ЖДТ был назначен Олег Александрович Головин. До того руководил Дворцом культуры в Омске. На новом месте проработал с июня 1953 по май 1954 года. Его заботами благоустраивалась новая здравница, закупалось оборудование. Его сменил «присланный» из Москвы Эдуард Львович Двоскин. Работал меньше года, по март 1955. Следующим директором, на десять лет, стал Василий Филимонович Фоменко. Он раз-

вернул подсобное хозяйство, увеличил приём отдыхающих со 150 до 400 человек.

При нём же произошла смена ведомственной принадлежности здравницы. Почему железная дорога отказалась от своего Дома отдыха – вопрос пока открытый. В Ишимском архиве хранится документ – протокол № 4 заседания горисполкома от 1 марта 1963 года, согласно которому Дом отдыха принимается «в городскую зону обслуживания, с регистрацией штатов в Ишимском горфинотделе». Так закончилась «железнодорожная» история здравницы.

Напоследок, чтобы избежать исторической путаницы, сделаем пояснение. До начала 1960-х в Синицынском бору существовало два дома отдыха. Первый появился в 1936 году на берегу старицы, неподалёку от реки Ишим. Он был открыт областным профсоюзом учителей, с тридцатью койкоместами, и уже в первый сезон принял 147 отдыхающих; каждый заезд продолжался 12 дней. Впоследствии он расширился. Именно это учреждение и называлось в обиходе Домом отдыха. В 1960-х, когда Дом отдыха ЦК ЖДТ передали городу, директор объединённого Ишимского Дома отдыха Фоменко продал старые «учительские» корпуса обувной фабрике. В дальнейшем же началось развитие второй территории Дома отдыха, рядом с вновь открытым горячим источником. Но это – тема для другого рассказа.

Озеро, в котором нельзя утонуть

Ещё в детстве я слышала рассказы отца о солёном озере у деревни Останиной Бердюжского района, купание в котором снимает усталость. Члены экспедиции из Ишимского краеведческого музея, остановившись на привал у упомянутого озера, с сомнением слушали мои рассказы, так и не решившись искупаться. Камыши и топкая грязь у самого берега не вызвали бурного восторга.

Зато всем запомнилась и полюбилась деревня Останина – маленькая, с двумя улочками, где давно нет радио, да и телевизор не в каждом доме. Многие «первую программу» смотрят в одном окне, а «вторую» – в другом. В памяти остался тракторист, который на огромной скорости промчался по деревне, заставив нас вместе с курами отпрыгнуть на обочину. Мы с неодобрением заметили: надо же какой пьяный ездит по улице! Но обыватели сказали, что тракторист не пьяный, а просто это Мишка-«Скоростипажный».

Собирая музейные предметы в деревне, мы попутно интересовались и останинским солёным озером. Местные жители наперебой рассказывали случаи невероятного излечения. Например, у одной женщины, приехавшей из Казахстана, прошла даже мокрая экзема. После таких рассказов ни камыши, ни топкая грязь не стали для нас препятствием. Без лишних угоров вся экспедиция кинулась в озеро – полечиться «на всякий случай». Там же в Останиной нам рассказали, что, мол, «есть озеро под Окунёвым, Солёным называется, так оно сильнее нашего, с большим сердцем в него не ступить».

Можно себе представить, как я загорелась желанием поскорее найти это необыкновенное озеро! Как показали дальнейшие события, результаты превзошли все мои ожидания.

Есть такие сёла, в которые хочется приезжать, и каждый раз удаётся найти что-то особенное, новое и интересное. В конце девяностых годов, побывав в очередной раз в Окунёве, я познакомилась с Прасковьей Акиндиной Субботиной, 96-ти лет от роду. Это была маленькая, сухонькая старушка с умным и проницательным взглядом. Она мне рассказывала о своём муже Корнее Григорьевиче, сильно страдавшем из-за язв на ногах, которые он «заработал» в трудармии. Никакие мази не помогали, всю зиму лежал в сенках на холоде, спасаясь от сильного зуда. Помог механик из села Пеганово, которое находится по соседству с Окунёвым, подсказал полечиться водой из Солёного озера. Тогда Прасковья Акиндинова запрягла корову и из проруби в бочках стала возить воду, греть на печи в корчагах и лечить мужа. Корней Григорьевич сразу почувствовал себя лучше, зуд прекратился, язвы затянулись, и он постепенно поправился.

Июль 2007 года выдался необыкновенно жарким. Небольшой компанией мы вновь собрались в Окунёво, чтобы сфотографировать озеро Солёное и расспросить местных жителей про чудеса исцеления уникальной водой. Три улицы села: Ленина, Советская, Коммунаров (раньше назывались – Большая, Малая и

Поле перед озером Солёное-Окунёвское.

Зады) – вытянулись вдоль «тривы» между озёрами – Бердюжским и Долгим. В них, да ещё в озере Окунёвском, местные жители ловят карасей. Расстояние между Долгим и Солёным составляет всего лишь несколько десятков метров, но в одном вода пресная, а в другом – такая солёная, что при попадании в глаза их начинает щипать, жечь, а лучше сказать – выжигать. Плавать в этом озере невозможно, потому что заднюю часть тела с такой силой выталкивает из воды, что голова невольно опускается вниз. Зато на спине плаваешь как поплавок. Создаётся впечатление, что ты просто сидишь, а волны раскачивают тебя, как в колыбели. В этом озере действительно нельзя утонуть, подобно тому, как нельзя утонуть в легендарном Мёртвом море, что находится в Палестине и тоже славится своими лечебными свойствами.

Ближе к вечеру мы заехали к Николаю Фомичу Каргаполову. Думали – на минутку. А получилось так, что до самого заката солнца беседовали с этим необыкновенным человеком из уходящего поколения романтиков, который своими руками отремонтировал отеческий дом, посадил яблоневый сад и собрал необыкновенную машину – что-то среднее между самосвалом и легковушкой. Он – один из хранителей истории родного села. Пишет рассказы. На концертах художественной самодеятельности Николай Фомич – неизменный исполнитель русских романсов. Вряд ли мы встретим таких людей в наступающем лютом времени поголовных менеджеров. С горечью заметили, что в селе, которое недавно было одним из центров старообрядчества, пьяные парни за бутылку

*В ветреный день на границе земли и воды образуется белоснежная пена.
Вдали – село Окунёво.*

предлагали иконы своих несгибаемых в вере предков.

Обратимся к рассказу Николая Фомича «Память жива», в котором он вспоминает события военного времени. Было ему в ту пору чуть больше десяти лет. Из Бердюжья на повозке привезли юношу, который с большим трудом передвигался на костылях. Районный военкомат обязал его пройти лечение на Солёном озере. Звали молодого человека Леонид Доронин. Коля подружился с ним и привязался к нему как к старшему брату. В жаркие дни они переплывали на лодке через озеро Долгое и пешком шли на Солёное, обмазывались липкой, жирной грязью и грелись на солнце. Уже через две недели Леонид отбросил костыли, опирался только на трость, а ещё через неделю и трость стала не нужна. Вскоре друзья распрощались: Леонида отправили на фронт, а через три месяца пришла печальная весть о его гибели.

«Озеро – это наша окунёвская Мацеста!» – с гордостью заключает Николай Фомич. Сравнение с Мацестой не случайно и не лишено научного обоснования. Передо мной лежит заключительный отчёт Екатеринбургского медицинского научного центра за 1992 год «Исследование донных отложений озера Солёное-Окунёвое Бердюжского района Тюменской области», которое помог найти бердюжский врач Василий Алексеевич Струев. В отчёте сказано, что на территории бывшего Советского Союза в практике здравоохранения грязи с подобным химическим составом – высокоминерализованные сульфидные метариловые иловые грязи Муялдинского подтипа – используются на курортах «Муялды» (Казахстан) и «Красноусольск» (Башкирия). Хотели построить лечебницу в Бердюжье с использованием лечебных грязей Окунёвского озера, но грянула перестройка, на этом всё и закончилось. Балансовые запасы донных отложений этого уникального озера ученые отнесли к категории «очень больших», со сроком выработки более 200 лет.

Лечебные грязи озера Солёное могут быть использованы при лечении большого числа заболеваний, отмечено в заключительном отчете медицинского центра. Вот их список:

«Заболевания органов движения»:
– артриты и полиартриты различной этиологии, в том числе травматические;
– переломы с замедленной консолидацией или болезненной костной мозолью;
– оститы и периоститы инфекционные и травматические с нарушением функций опорно-двигательного аппарата;
– остеохондроз позвоночника, хронические спондилартриты, спондилозы;
– последствия травм периферической нервной системы;

– трофические язвы.
Гинекологические заболевания:
– воспалительные заболевания придатков матки;

– хронические метроэндометриты;
– бесплодие.

Заболевания кожи:
– ограниченные нейродермиты;
– хронические формы экземы;
– псориаз при артропатическом его разновидностях.

Озеро уникально, но хватит ли на два века его целительной силы, когда оно, заброшенное пластиковыми и пивными банками, бутылками, окурками, заплывающее развешившимися на природе весёлыми компаниями, уже в скором времени может превратиться в грязную лужу? Мне рассказали, что местный пастух в один из воскресных дней не поленился сосчитать, сколько машин проехало на озеро. Более трёхсот! Только наше благоразумное и бережное отношение к озеру, подобному драгоценному камню в оправе окунёвских лесов и полей, может изменить сложившуюся угрожающую ситуацию.

Иначе всем больным и страждущим будет только одна дорога – на Мёртвое море...

Фотографии – А.С.Звонарёв.

Культура края

В.Г. ИСТОМИН

О ценностях и богатстве прошлого Книга А.Д. Колесникова «Край зело богатый»

До самой границы тысячелетий нашему обществу были привычны крайние оценки событий и людей. После революции 1917 года – по принципу «советский – несоветский», в конце XX века: равное в бедности «прокоммунистическое» большинство – стремительно богатеющее «демократическое» меньшинство. Эта контрапозиция в известной мере сохраняется и ныне. Однако... ныне заметна и тенденция всё более ценить общие ценности для обеих сторон. Причём, эти ценности, как ни парадоксально, как бы не замечала прежде ни та, ни другая сторона.

Эти великие ценности – место, где родился и рос (дом, двор, деревня, село или город), люди, которые воспитали нас (родители, братья, сёстры, родственники, друзья, соседи, знакомые, земляки и сослуживцы) и те устремления к счастью, которые вселяли надежду и призывали смыслом наше существование. И хотя конкретная родина у каждого своя, вся эта совокупность «малых родин» объединяется одним словом: Россия.

Вот так вместо отвлечённых суждений о социализме, социалистическом отечестве, о необходимости всемерно развивать и укреплять его и отдавать этому все свои ум, силы, энергию и пр. – вместо этого объектом осмысления становится конкретный человек, живущий в конкретных условиях своего времени и географического места.

Почему же они привлекают внимание учёных? Да потому, что все эти условия, различаясь в зависимости от климата и рельефа местности, социальных отношений, местных художественных и национальных традиций, кристаллизуются в локальных культурных ценностях. И эти ценности формируют мировосприятие каждого, вне зависимости от того, осознаёт он эту ценность именно как ценность или нет. Она впитывается, что называется, с молоком матери, становясь жизненной аксиомой поведения человека в дальнейшем, в синтезе самобытного и социального.

Так, ценности и богатства прошлого не исчезали бесследно, они переходили и воспринимались новыми поколениями людей, питали их жизнедеятельность. Они питают и ныне нашу жизнь, делая её богаче, содержательнее, будут питать и в дальнейшем, если мы, попав в культурное поле глобального информационного

общества, не забудем ценностей вскормившей нас малой родины.

Эта потребность постижения прошлого, его включения в наше настоящее, – потребность в самоидентификации, которая становится всё острее в атмосфере обезличивающего национальные культуры глобального общества, – находит отражение в том, что в последнее время усиливается научный и общественный интерес к локальной истории. В частности, – к истории Сибири. Вот лишь малая толика этих работ: «Ямал – грань веков и тысячелетий» (Салехард, Санкт-Петербург, 2000), «История земли Уватской» (Уват, 2000), «Хлебный, целебный, лесной; Заводоуковский район: история – события – люди» (Екатеринбург, 2004), наконец, книга об Ишиме «Сибирский форпост России» (Тюмень, 2005).

Это – книги объёмистые, богатые иллюстрациями и содержанием, написанные коллек-

*Александр Дмитриевич Колесников,
Омск. Сентябрь 2007.*

тивами квалифицированных авторов. Но среди них совсем не теряется и более скромно изданная, объемом в 304 страницы, монография А.Д. Колесникова «Край зело богатый. Очерки истории Казанского района Тюменской области» (Омск, 2005).

У этой книги можно выделить несколько особенностей.

Первая, и главная – она создана одним автором. Другая, важная для нас, ишимцев, особенность – это книга о лесостепном Среднем Приишимье, его богатых природных условиях, его истории и очень трудолюбивых людях. Третья особенность книги – её автор, Александр Дмитриевич Колесников – крупный учёный-историк, доктор исторических наук, профессор, один из авторов второго тома академического издания «Истории Сибири» (1968). Человек, который уже полвека исследует историю основания в Западной Сибири, в Прииртышье, русских поселений и особенности состава первопоселенцев, в том числе и – историю заселения и освоения ими Приишимья.

И ещё одна важная особенность названного труда: его автор родом из тех мест, историю которых описывает в книге. В деревне Афонкино Казанского района поселились в числе первых его предки, здесь жили его родители, здесь проходили детство и юность Александра Дмитриевича. Это обстоятельство обусловило, с одной стороны, пристрастие исследователя к тем фактам истории, которые относились к его малой родине. Работая с документами центральных (московских) и местных (сибирских) архи-

вов, с публикациями в печати, он долгие годы особо отбирал и накапливал сведения, относящиеся к Приишимью и Казанскому району, его селениям, первопоселенцам – сибирским крестьянам и их потомкам, конкретным людям, чья энергия создавала историю края и чья жизнь была, по сути – подвигом.

С другой стороны, поскольку Колесников вырос в крестьянской среде, познал тяготы и радости крестьянской жизни, – на описании им природы Приишимья, истории его заселения и освоения лежит печать крестьянского взгляда, крестьянского интереса, а в освещении событий заметны особенности мировосприятия сибирского крестьянина, шедшего осваивать природные богатства края, его способность видеть степень полезности и меру необходимости окружающего в природе или происходящего в обществе в сравнении с крестьянскими жизненными ценностями. Наверное, благодаря этим особенностям при описании крупных событий и процессов историк высвечивает много таких деталей (моментов), которые позволяют увидеть явление и полнее, и во взаимосвязи с другими.

Как отмечает Колесников, начало решения вопроса о заселении ранее диких территорий Среднего Приишимья происходило при решающей роли государства. Это проявилось в том, что первоначально были организованы экспедиции (1744–1745 гг.), проведены работы под руководством генерала Киндермана по определению южной границы в регионе – от реки Тобол до Иртыша (в 1745–1750 гг.). Было решено провести её по линии: от урочища Звериная голова (нынешний Курган) через реку Ишим (крепость Петра и Павла) до Омской крепости. После завершения строительства новой оборонительной линии (1752–1755 гг.) встал вопрос о заселении защищённых новых пустынных территорий. В 1758 году губернатор Сибири Ф.И.Соймонов издал указ о вызове охотников к переселению на свободные земли. Для руководства переселением назначались офицеры. В частности, уже 15 апреля 1753 года капитан Шустов получил приказ: «Ехать на реку Ишим для рекогносцировки и описания мест для поселения».

Из последующих описаний в книге видно, что во все эти годы подготовки, проводимой государством, известный интерес и активность проявляли сибирские крестьяне. Хотя им было строго запрещено уходить на промыслы за пределы старой оборонительной линии (она проходила по селениям: Омутная – Усть-Ламенка – Коркина слобода – Абацк – Зудилово – Пустынная, на Иртыше), тем не менее любознательность крестьян брала верх, и они группами и в одиночку ездили, точнее, ходили по лесостепи, присматривали наиболее угодные места. Поэтому не случайно, когда капитан Шустов получил названный выше приказ, то его в пути сопровождали группы крестьян, настроенных на переселение, и они помогали ему в определении мест для поселений. Шустовым была составлена карта с указанием двадцати удобных мест. А после указа Ф.И.Соймонова среди вызвавшихся «охотников» значилось немало крестьян из Тобольского уезда, из малоземельных

Разлив реки Ишим в Казанском районе. Май 2007.

деревень с низовьев Вагая. В заявлении некоторых желавших переселиться указывалось и место, куда им хотелось бы переехать. В числе желающих переселиться, например, на речку Алабугу значились Степан Казанцев, Гавриил Долгушин, Василий Фомин, – эти фамилии и сейчас распространены в Казанском районе.

Как пишет автор, старожильные крестьяне-сибиряки, получив разрешение, переезд совершали за свой счёт, ехали за 200–250 верст на лошадях, с сохами, топорами и запасом продуктов. Переезжали, объединившись ещё на старом месте в компанию, под началом офицера, руководившего переселением. На новом месте они проводили первые сходы, решали все важные вопросы: распределение мест для усадеб, название селения и т.п.

Так в 1758 году было основано село Казанское. Автор называет фамилии основателей села, характеризует их положение, переезды в другие селения. В этой главе автором дано детальное описание образования 34 деревень района. Названы фамилии первых поселенцев каждой деревни, их судьбы, откуда прибыли и куда переехали. По этим сведениям, как верно заметил автор, краеведы и те, кто интересуется своей родословной, могут изучить историю рода до десятого поколения.

Столь же обстоятельно освещены в соответствующих разделах трудовая жизнь пришедших крестьян в XIX и начале XX веков, особенности домоводства, быта и семейного уклада, развития земледелия, скотоводства, промыслов, ремёсел, торговли, духовной жизни (строительство церквей, школ). Представлены интересные сведения о жизни казанских крестьян в годы революций, гражданской войны, о тяготах продразвёрстки и жертвах крестьянского мятежа 1921 года, о развитии экономики деревни в годы НЭПа, о крестьянских бедах при коллективизации, раскулачивании с выселением на север семей старательных крестьян, об арестах 1937–1938 годов, затем – об участии казанцев в Отечественной войне и защите Родины, о созда-

тельной деятельности в 50–80-е годы. Всё изложено обстоятельно, с вниманием к жизни и делам крестьян, их судьбам и решающей роли в развитии экономики, культуры, повышении и улучшении благосостояния.

Впечатляют факты, приводимые автором в последней, шестой, главе «Основные вехи истории района второй половины XX века». Как в первой главе лейтмотивом звучал мотив неиссякаемой энергии и великого трудолюбия сибирских крестьян, их готовности положить все свои силы на благо жизни своей семьи и, как результат, успешное освоение огромных территорий края, – так теперь в открывшейся перспективе мирной жизни и созидания 50–80-х годов дан яркий рассказ о больших достижениях хлеборобов и животноводов Казанского района в экономике. Так, в 1960–80-е гг. в районе урожайность выросла на 30%, сборы зерна – почти на 20%, поголовье скота – на 20%, удои – на 25%, производство мяса – на 30%.

Автор подчёркивает, что высокие результаты были обусловлены главным образом за счёт увеличения помощи государства, благодаря чему завершилась электрификация, возросла техническая вооружённость работ. В колхозах и совхозах работало большое число тракторов (1057 машин), зерновых и кормоуборочных комбайнов, грузовых автомобилей, имелось много электромоторов, увеличилось поголовье скота в сельхозпредприятиях и личных подворьях. Важную роль в этом играло районное предприятие «Сельхозтехника». В районе развивалось не только производство сельскохозяйственной продукции, но и промышленная переработка сырья.

С развитием производства повышался достаток и общий уровень жизни большинства селян. На центральных усадьбах хозяйств возникли центры с кирпичными многоэтажными зданиями администраций, домов культуры, магазинов. Улицы покрылись асфальтом. В целом, следует важный вывод, 60–80-е годы были периодом устойчивого развития района, роста кад-

Село Афонькино. Казанский район. Октябрь 2003.

ров руководящих специалистов из местных уроженцев, которые сыграли ведущую роль в обеспечении высоких результатов. Также в книге обстоятельно раскрывается жизненный путь многих авторитетных представителей местной интеллигенции.

Как заметил автор, названные в начале очерков имена первопоселенцев деревень района мы встречаем в помещённом в конце книги списке знатных людей района, проявивших себя на «трудовом фронте» и в 1990-х годах: Ярков, Долгушин, Ильин, Коптилов, Огнёв, Шорохов и другие. Это – не простое совпадение фамилий, а связь предков и их потомков в едином крестьянском труде через восемь-десять поколений.

Но главное в том, что именно их трудом обживалась сибирская земля, заботливо благоустривалась в богатый и счастливый край. Автор

в заключение призывает читателя – «холить родную землю для себя и общего нашего счастья». Этот мотив проходит сквозь всю книгу от первых её страниц до последних строк и приложений.

И великая ценность книги Александра Дмитриевича Колесникова – в том, что она учит нас простой истине: без знания опыта наших предков, без приобщения к их жизненным ценностям, сформированным общерусской культурой и её местными особенностями, – невозможно полноценное развитие, воспитание подрастающего поколения. Именно ему, будущему земли Казанской и земли Приишимской, и адресован в первую очередь труд нашего маститого земляка-историка.

Фотографии – Г.А.Крамор.

А.Д. КОЛЕСНИКОВ

История Сибири – бескрайнее поле для исследований

Нельзя представить краеведение Ишима и Приишмья без имени сибирского учёного, доктора исторических наук Александра Дмитриевича Колесникова, проживающего в Омске. Обнаруженные этим неутомимым исследователем русской старины документы вывели ишимское краеведение из сферы домыслов и фантазий, в которой оно во многом пребывало в 50-60-е гг. XX века, на твёрдую почву факта. Своими работами, посвящёнными заселению нашего края русскими крестьянами, он аргументированно доказал, что Коркина слобода не могла возникнуть ранее 1687 года и тем самым опроверг ошибочные даты основания ишимского первопоселения; 1631, 1670, имевшие достаточно широкое распространение в историографии.

Богатейшим источником сведений о городе и его обширных окрестностях для всех ишимских краеведов явилось «Топографическое описание Ишима и Ишимского округа» 1790 года, составленное уездным землемером Василием Филимоновым. Оно было найдено Александром Дмитриевичем в архиве Костромы в 1969 году. Благодаря этому обретению (документ был опубликован в книге: Описание Тобольского наместничества. Новосибирск: Наука, 1982 и переиздан в 7-м выпуске «Коркиной слободы») стало возможным интереснейшее «путешествие» всех любителей родной истории по городу и его окрестностям рубежа XVIII-XIX столетий.

В 1993 году А.Д.Колесников вместе с другим омским историком М.Е.Будариным встре-

Афанасий Колесников, первый Георгиевский кавалер в Афонькино. Нач. XX в. Фоторепродукция из книги «Край зело богатый». Библиотека ЛМЕ.

чаются с ишимскими краеведами и выступают с инициативой создания сборника статей о Ишиме и Ишимском крае. Результатом этой встречи стала книга «Очерки истории Ишима», а через четыре года – её дополненный и расширенный вариант: «Ишим далёкий – близкий». Оба издания включали статьи А.Д. Колесникова, посвящённые началу освоения ишимского края русскими первопроходцами. Популяризация сведений о нашем крае происходила и на страницах газеты «Ишимская правда», широко публиковавшей статьи Александра Дмитриевича в 1980-90-е гг.

А.Д. Колесников – великолепный знаток архивов нашей страны, до сегодняшнего времени помогает своими ценными советами исследователям ишимской истории. Одна из его «подсказок» дала возможность совсем недавно обнаружить в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге уникальные документы – план Коркиной слободы 1747 года (также опубликован в 7-м выпуске нашего альманаха) и план Безруковского форпоста.

Интерес Александра Дмитриевича к ишимскому краю, конечно же, не случаен – ведь это его родная земля. Он родился 19 августа 1919

года в селе Афонькино Казанского района в крестьянской семье. По окончании Афонькинской начальной школы учился в ШРМ (школе рабочей молодёжи) села Ильинского, а затем на рабфаке в Ишиме. В 1938 году поступил на исторический факультет Уральского университета, но в 1940 году добровольцем отправился на Финский фронт, а с началом Великой Отечественной войны он был уже в действующей армии в составе 138-й (позже 70-й гвардейской) стрелковой дивизии в должности командира полка.

В военные годы получил три ранения, был награждён тремя орденами и двумя медалями «За отвагу».

После демобилизации в звании майора прибыл в 1945 году в Омск, где работал секретарём обкома ВЛКСМ, заведующим областным отделом культпросветработы, продолжая заочно учиться. С отличием закончил Омский пединститут и Высшую партшколу. С 1948 года начал изучать историю Сибири, обратившись к исследованию центральных и областных архивов. В 1959 году перешёл на преподавательскую работу в институты, в 1967 – защитил кандидатскую диссертацию по теме «Заселение и освоение Среднего Прииртышья в XVIII – первой половине XIX веков и был привлечён к написанию «Истории Сибири», первые тома которой вышли в 1969 году.

В 1973 году Александр Дмитриевич написал книгу «Русское население Западной Сибири в XVIII-XIX вв.». По этой теме в 1973 году защитил докторскую диссертацию. Одновременно он собирал материалы и создавал статьи о роли сибирских дивизий и сибиряков в Великой Отечественной войне. Особенно плодотворной для Александра Дмитриевича стала последняя четверть века.

В общей сложности им написано и под его редакцией издано более тридцати книг и трёхсот научных и научно-популярных статей.

И сегодня А.Д. Колесников много и плодотворно работает. Посещение историка в его омской квартире, где мы побывали в октябре 2007 года, оставляет большое впечатление: статный, седовласый человек среди книг, рукописей и фотографий. В его рассказах о прошлом удивительно соединяются непосредственность очевидца – ведь он свидетель многих героических и трагических событий XX века, – и аналитичность, скрупулёзность исследователя, ревнителя научной истины.

В ближайших планах учёного, посвятившего одну из своих последних книг «Край зело богатый» истории Казанского района, – создание очерков о самом первом городе его жизни, Ишиме.

– Интересовались ли Вы своей родословной и что обнаружили в результате этих изысканий?

– Этот вопрос меня всегда волновал. Обращаясь к церковным книгам, ревизским сказкам и другим источникам, установил в числе служилых тобольских людей Колесника за 1604 год, но он – Колесник, а сыновья его Иван и Сергей уже Колесниковы. Фамилия – от ремес-

ла. И вот удивительно: все мои предки умели делать колёса, то есть это фамильная профессия. В 1740 году уже три Ивана Колесникова было – сродные или троюродные братья, а мой прапрадед – Фрол Колесников Иванов сын, а кто из этих трёх Иванов? Род-то один, но, тем не менее, трое Колесниковых. Фрол был призван рекрутом в суворовские, екатерининские времена, и с Крымом, и с Польшей воевал, а потом после демобилизации приехал в числе основателей Афонькино. Ему было уже 58 лет, наверно, ещё сильный был, жена умерла к тому времени, сын Зиновий в Афонькино уже жил. И вот отставной солдат женился вторично на 22-летней Прасковье Трушниковой, она ему родила трех сыновей, из которых остались в живых Мирон и Фотий. Мирон как первый сын был отдан в рекруты в 1805 году, участвовал в войне с Наполеоном, погиб в Смоленске в 1812 году. А Фотий остался и дал остальной род наш.

А вот ещё было интересно узнать о своём дяде – Афанасии Колесникове. Он был первый Георгиевский кавалер в нашем селе, Немца брал на штык и перебрасывал через плечо, – какую надо иметь силу! Об этом нашей семье рассказал его сослуживец Симонов. Я и мой отец удивились, не поверили. Потом, работая в архивах, я в «Русских ведомостях» нашёл статью «Сибирский богатырь» – как раз об этом Афанасии Колесникове, и было написано, что он ходил в атаку и через плечо перебрасывал немца.

– В каком возрасте Вы стали собирать сведения об истории и природе своего края?

– В раннем детстве. Много любопытного узнавал от стариков – старожилов Палатия Николаевича и Никиты Ивановича Эстремских, потомков ссыльного поляка. Особенно запомнился рассказ Никиты Ивановича о когда-то обитавших в наших краях дрофах – нелетающих птицах, которые, как он говорил, приходили к нам из казахстанских степей. Местные жители называли их полевыми курицами. Я его рассказ позднее записал:

«Около нашего села эти курицы не водились, а за Ишимом, где меньше лесов, жили, и мне приходилось их видеть. Жена-то моя – вагулинская, и раньше было принято ездить в гости. Вскоре после женитьбы летом поехал я к её родителям. А тут свояк на лошади прискакал и зовет своего брата, говорит, выследил полевою курицу. Я тоже поехал с ними. Между колками возле пустоши в таволжаннике и гнездилась эта птица. Свояк мой вместе с братом взяли по длинной палке и стали ездить по зарослям таволжанника и шиповника, чтобы спугнуть курицу. Эта птица не летала, но быстро бегала. Так её не догонишь, а на лошади – можно. Спустили они эту птицу, погнались за ней и стали бить палками. Повалили её, а свояк с лошади упал и стал душить птицу, скрутил ей шею. При этом в обличии как-то изменился. Глаза блестят, раскраснелся. Прямо облик зверя принял.

Страшно мне стало видеть эту сцену. Исправно жил мой свояк. Полон двор кур, большой табун гусей. Да жадность обуюла. Упрекнул я свояка: зачем птицу загубил, ведь она на

Церковь и улица в селе Афонькино. 1950-е. Рисунок с фотографии А.Д.Колесникова. Репродукция из книги «Край zelo богатый». Библиотека ЛМЕ.

гнезде сидела. А он отвечает: если не я, то кто другой всё равно убьёт. По таволжаннику стали бегать, искать гнездо. Нашли, а там малые птенцы, пуховички. Собаки начали их душить, остальные разбежались по кустам. Да где им выжить без родительской помощи!

После свояк приглашал на угощение убитой птицей. Да тошно мне стало, не пошёл в гости. Запряг я свою Рыжуху и, как ни уговаривали, на ночь глядя поехал домой.

Года три после этого не ездил к родне. Потом старуха стала просить свозить на свидание с сестрой. Уговорила. При встрече со свояком спросил его, водятся ли ещё полевые курицы в вагулинских полях. Нет, больше не встречали. Значит, та была последней птицей. А будь люди подобрее, может, до сих пор эти птицы обитали бы в наших краях...

Правда, уж больно они бесхитростные. Ходили по дорогам, оставляя следы, по которым легко можно было их найти. Весной после посева с полосы собирали зёрна, можно было их увидеть. Хотя они собирали зёрна лишь с поверхности, мужики считали, что выбирает из земли и сокращает посев. С созреванием ржи и пшеницы обклеивала колосья и даже целые снопы. После жатвы собирали упавшие колосья и зерно. Но всё-таки можно было терпеть, да человеческая жадность извела этих птиц. Уже перед Японской войной я больше не слышал, что где-то водятся эти полевые курицы.

Дом Непустыных. Афонькино. 1950-е.

Фотография А.Д. Колесникова.

Репродукция из книги

«Край зело богатый». Библиотека ЛМЕ.

Правда, дядя Палатий, ездивший за Петропавловск в Атбасар, говорил, что там их ещё можно встретить».

Никита Иванович был из той породы людей, которых в деревне называли чудаками. Он был настолько увлечён природой, что вместо работы по хозяйству мог отправиться охранять места гнездовой птиц или нереста рыб. Вот как он однажды с моим отцом спасал казарок: «В тот год рано сошёл снег, в полях появилась зелень, лёд растаял на озёрах. Овец в табуны отогнали. Прилетели казарки и гуси, по полям стали колосья собирать. А тут как на грех разыгралась падера: подул холодный ветер, а потом снег пошёл. Стая гусей осталась на Касьянихе. Сбились в кучу, крылья льдом покрылись, взлететь не могут, погибают. Жалко мне стало беспомощных птиц. Ведь их палками могли перебить. Позвал я твоего отца и Егора, поехали на Касьяниху, перевезли от Касьяновой избушки соломы в колок. Стали птиц сторожить. Птицы перешли на солому, стали выбирать колосья с зерном. Так три дня мы охраняли диких гусей. А потом потеплело, они улетели. Да только вот, пока мы охраняли гусей, стали мёрзнуть овцы в табуне: шерсть покрылась снегом, заледенела. Мужики-то разобрали овец по дворам, а наши остались в поле и замёрзли. Бабы нас сильно ругали: дескать, диких гусей спасли, а своих овец загубили...»

— А что Вы знаете о церкви в селе Афонькино?

— Её построили в 1870 году афонские прихожане, до этого ходили в Ильинскую церковь, но когда Ишим разливался, то дороги туда уже не было. Вот и решили построить собственную церковь. Стали делать сборы. В епархии заказали проект, попросили прислать священника, Тобольскую семинарию тогда заканчивал Карпов, женился, получил сан. И восемнадцати лет от роду приехал в Афонькино, привёз этот проект и организовывал все работы, по сути дела, был прорабом, следил, чтобы заложили фундамент, построили кирпичные сараи. Тогда же было принято решение: коли открывается церковь, то должно быть кладбище. На окраине села Афонькино была выбрана роща, и священник по периметру выбранного участка посадил сосны. Участвовали в этом деле и прихожане, в

том числе моя тётка. Каждую сосенку священник брал, макал в ведро с водой и лично сам сажал. И сейчас эти сосны столетние сохранились, и все, кто врезает мимо нашего села, обращают на них внимание: голая степь и вдруг — сосны. Они разрослись, дают семена, и кладбище тоже сохранилось.

В 1930-е годы священником в нашей церкви был Клюев, представитель старинного церковного рода. Поселились они рядом с нами, Матушка, его жена, мне первые книжки давала. Они же первыми в нашу деревню помидоры завезли. Как раз тридцатый год, гонения на церковь, всё искали как бы церкви позакрывать, да попов поарестовать. Вот этого Клюева, пожилого священника, вызвали в Ильинку, районный центр, в аккурат накануне Пасхи. Прдержали в милиции на допросе и освободили только к ночи. А в это время был разлив Ишима. От Афонькино до Ильинки шесть километров — сплошная вода, иногда и со льдом. И вот этот священник Клюев, вместе Иваном Новиковым, старостой нашей церкви, чтобы не сорвать Пасхальную службу, решили на лодке при разливе Ишима ехать 6 километров. В темноте, где лёд, где мели, так, что лодку тащить надо, где водовороты... А матушка догадалась на окошко поставить свечку, чтоб ориентир дать. И вот на эту свечку они ночью накануне Пасхи на простой крестьянской лодкеплыли. И как раз к началу церковной службы прибыли, и он отслужил, и куличи освятил, и только тогда домой пошёл. Представляете, сколько нужно моральных сил, чтобы на старости лет преодолеть физическое недомогание, усталость после трудной переправы и отслужить службу? Это же подвиг.

Клюев отслужил у нас ещё год, потом он с матушкой уехал в Ишим, там Клюева обвинили в заговоре и расстреляли в 1937 году. А у нас был священником Сахаров. И году в 1933-34-м афонскую церковь закрыли.

Вот на этом рисунке наша церковь. Рисунок с фотографии, которую я сделал после войны. От церкви улица сперва однорядная была, с другой стороны только огорода были и бани, у речки. Потом и её застроили.

— А чей дом вот на этой фотографии из Вашей книги «Край зело богатый»?

— Это афонский дом Непустыных, построен в 1912-13 годах, когда стала действовать железная дорога и крестьяне свой хлеб могли продать, выручить за это хорошие деньги, купить брёвна и железо. Вот этот дом и был построен с резными наличниками. А когда из Ильинки центр района перевели в Казанку, дома богатых раскулаченных мужиков чиновники выбирали и перевозили себе. И этот тоже перевезли. Высокий подклет там был и большой подвал. Печки стояли на втором этаже, а в нижнем этаже — склад, кладовая, там могла храниться картошка и мука.

— Где Вы получили первоначальное образование?

— Окончил четыре класса дома, ещё три закончил в Ильинке, в школе крестьянской молодёжи. Жил на квартирах у добрых людей, платить было нечем, голодал. Когда учился в шес-

*Учителя и ученики 7 класса Ильинской школы крестьянской молодёжи.
Александр Колесников – 1-й справа во 2-м ряду; 4-я в том же ряду –
учитель литературы Вера Павловна Грицук; 2-я в 1-м ряду – Валя Грицук.
9 июня 1936. Фотография. Архив автора.*

том классе, преподавательнице Вере Павловне Грицук (она вела литературу) её дочь Валя сказала, что у Саньки очень хорошая память, со второго чтения стихотворение может запомнить. Вера Павловна приносит книгу Тютчева, которую никто не читал, и говорит: «Вот, Саня, прочитай два раза и расскажи». Я прочитал первый раз, второй раз с подглядом и рассказал. На второй день она урок начинает: «Саня, запомнил стихотворение?» – «Запомнил». – «Расскажи». Я его рассказал. «У тебя же удивительная память, учишь, Саня дальше».

Вот с тех пор у меня появилось желание учиться. Но родители – колхозники, ничем не могут помочь. В Ишиме были техникумы: сельскохозяйственный, медицинский, педагогический. В седьмом классе стали готовиться для поездки в Ишим. В одной из статей я сказал, что Ишим для Приишимья – это некая Сорбонна, куда все идут учиться. Но нам тогда хотя бы среднее образование получить, не до институтов было. Так благодаря Вере Павловне почти половина седьмого класса поехала учиться в Ишим: 5 человек в медтехникум, 5 – в педагогический. А сельхозтехникум в 1936 году из Ишима перевели в Тобольск, зато из Омска в Ишим перевели рабфак, и остальная четвёрка, включая и меня, поступила туда. Рабфак – это тоже среднее образование, как бы ветвь института, после него можно поступать в любой вуз. Находился ишимский рабфак в здании, где сейчас пединститут. Преподаватели у нас были отличные, среди них – профессора, находившиеся в сибирской ссылке, кандидаты наук, доценты. Например, профессор Смолич – географию вёл, в педтехникуме и у нас. Известнейший инженер Зубов преподавал физику – он был раньше работником народного комиссари-

ата связи. Когда репрессировали наркома Рыкова, то и многие его сотрудники оказались в немилости у власти.

На рабфаке была комсомольская организация, и я был в числе актива. И в Ишиме же меня приняли в кандидаты в коммунистическую партию.

– Когда пришло увлечение историей?

– Прошлым, в первую очередь гражданской войной, стал интересоваться в Ишиме. Ещё в Ильинке мы делали походы по местам гражданской войны. Вот тогда мы и узнали, что через Казанку и Большие Ярки проходила кавалерийская часть Красной армии, а наши мальчишки водили поить красноармейских лошадей. На восточной стороне стояли колчаковцы, а с западной в Ильинку, Большие Ярки пришли красные. Вот, чтобы с той стороны не заметили, что стоит красная кавалерийская часть, то не красноармейцы лошадей к озеру поить водили, а мальчишки. Они-то и рассказали, что была такая часть.

И вдруг в годы войны, когда был капитаном, уже после Сталинградской битвы, в которой я участвовал, сказали: будет встреча с Рокоссовским. Мы о нём ничего не знали, биографии генералов в войну считались секретными, чтобы немцы не узнали о них каких-нибудь компрометирующих вещей. Но, наверно, или самому Рокоссовскому, или членам военного совета захотелось, чтобы мы узнали о своём командире. Собрали комсомольский актив центрального фронта под Курском, всех опросили, кто откуда. Я написал из Омской области.

И вот встреча. Рокоссовский рассказал о Сталинграде и добавил, что война ещё не закончена, нужно хорошо готовиться, чтоб до Берлина дойти. И потом, прерывая свою бесе-

Учащиеся 1 группы 1 курса Ишимского рабфака. А. Колесников – 3-й слева во 2-м ряду.
26 мая 1937. Фотография. Архив автора.

ду, спрашивает: «Кто у вас тут из Сибири?» Встаю я один. Рокоссовский: «Сибирь большая. Откуда?» – «Из Омской области». – «Точнее?» – «Казанский район». – «Село Вакарينو знаешь? Схему местности сможешь нарисовать?» А Вакарينو от нас в 10 или 12 верстах, они к нам даже в церковь ходили. Я подхожу к столу, где сидел Рокоссовский, мне подают лист бумаги. Провожу линию волнистую через весь лист, пишу сверху «Ишим», внизу «Петропавловск», посередине «Казанское», ну, и правее реки Ишим – «Вакарينو». Подаю лист. «А вот здесь какое село?» – «Большие Ярки». – «А вот здесь?» – «Малые Ярки». – «А вот здесь за Ишимом какое село?» – «Боровлянка, или ещё, в гражданскую называли Боровлянское». И он начинает рассказывать, что в начале ноября 1919 года его дивизион (как раз те самые кавалеристы, о которых мне рассказывали) вышел к Ишиму в село Большие Ярки. Чтобы разведать, что у Колчака делается на другом берегу Ишима, выехал незаметно, забрался на стог, – а стогов в долине Ишима было полно, – и наблюдал колчаковский берег. Установил, что правее Боровлянки к Архиповке – чистое место, и там колчаковские окопы, прослеживается колючая проволока, а где речка Боровлянка впадает, колчаковцы не бегают, значит, это свободное пространство. И он принимает решение: на следующую ночь пойти в атаку, Ишим перейти возле Боровлянки в этот лог, по логу подняться к селу Вакарينو. Когда они поднялись – вдруг против них выскакивает целый эскадрон белой конницы и три пушки. У Рокоссовского была

небольшая группа, но он указывает своим конникам – 15 человек – «За мной! В атаку!» На эти три пушки, которые нацелились на красных. Белого офицера зарубили, солдаты сдались в плен. Рокоссовский скомандовал: «Кто хочет жить – к пушкам! Поворачивай их против белой конницы!» Солдаты команду Рокоссовского приняли, пушки повернули, сделали залп по бело-гвардейцам, они разбежались. И вот эти три пушки, которые захватил Рокоссовский, они с ним прошли на Дальний Восток.

За этот подвиг, за Вакаринский бой Рокоссовский получил орден Красного Знамени. Первый орден из четырёх, которые получил за гражданскую войну. Это Рокоссовский нам сам рассказал и на той же встрече. И добавил, что для 70-й гвардейской дивизии (наша дивизия после Сталинграда стала гвардейской) получено гвардейское знамя. А я набрался хамства и сказал: «Товарищ командующий, приезжайте вручать это знамя, у нас в дивизии очень много сибиряков!» Он дал согласие. А чиновники армейские тут же позвонили в нашу дивизию, что получено знамя, а Рокоссовский дал согласие приехать его вручать.

Это было примерно 20 апреля 1943 года, у нас в дивизии началась подготовка к вручению красного гвардейского знамени. Но сам Рокоссовский всё же был занят, готовилась Курская битва. Для встречи знамени мы выбрали из полков тех, кто участвовал в Сталинградской битве. Знамя должны были нести гвардейцы, а поскольку Рокоссовский по моей инициативе дал это знамя, меня выбрали ассистентом при его

Первые боевые награды А.Д.Колесникова.

вручении. Этот момент запечатлел фронтовой корреспондент.

— Где Вы жили во время учёбы в Ишиме? На какой улице?

— В Ишиме я жил с 1935 по 1938 год. На первом курсе — возле деревянной школы напротив памятника Ленину, там, где на углу улиц Советской и Ленина районная библиотека была, рядом небольшое помещение школьное. Во втором курсе мы жили где-то на улице Луначарского. А на третьем курсе — напротив педучилища, в двухэтажном деревянном здании, бывшем доме Еманановых. Там жили преподаватели педучилища и одну северную комнату сдавали нам. Жили вшестером. Питались в столовой во дворе педучилища. Платили стипендию 19 рублей, а поскольку родители бедняки, то мы рассчитывали так, чтобы денег хватило.

— Чем занимались в свободное время?

— Ходили в кинотеатр имени Блюхера (нынешний концертный зал имени 30-летия ВЛКСМ — Прим. ред.). Смотрели фильмы «Мы из Кронштадта», «Чапаев», тогда много военных фильмов было, старались не пропускать. Мы покупали билеты подешевле, на первый ряд, а потом смотрели, где место свободное и подальше переселялись. Физкультурой занимались, как и везде, — регулярно, бегали кроссы, ходили в походы. Мы не увлекались ни танцами, ни концертами — не было их тогда; мы хотели только учиться.

У меня сохранилась фотография группы рабфака, в которой я учился. Из ребят в живых остались только я и Федя Белов, потом он в Ишиме заведовал ветеринарным делом. А остальные все погибли. Перед войной в четыре раза увеличилось количество мест в военных училищах, надо было где-то взять курсантов, со средним образованием. И почти все выпускники

ки техникумов и средних школ Ишима в 1939-40 годах пошли в военные училища. В Омском военном училище половина была ишимцев, очень много было взято в Томское артиллерийское училище и в Тюмень, а к 1941 году были уже выпускники. Все ребята стали лейтенантами, командирами взводов. А что значит быть командиром взвода: идти первым в атаку — и «все за мной!».

Вот выпускники наш курс. В центре учителя: Зудов; слева от него — директор; в галстуке во втором ряду — Геймус, наш историк; Михаил Михайлович — доцент, кандидат наук, за поддержку какого-то профессора, которого в 1937 году объявили как врага народа, его уволили из института, и он приехал к нам преподавателем химии. Как педагоги и как воспитатели они были на высшем уровне.

— Когда покинули Ишим?

— В 1938 году, закончив на «отлично» рабфак, я уехал в Свердловск, где поступил в Уральский университет на исторический факультет. Но в 1939 году началась война с Финляндией, в Свердловске стали комплектовать лыжный добровольческий студенческий уральский батальон. Я, как активист, естественно, подал заявление. Нас немножко подучили, даже из пулемётов стреляли, из винтовок. А в конце февраля был сбор, и нас повезли в Ленинград, на Ладожское озеро. 8 марта мы пошли по Ладожскому озеру в поход в тыл финнам, а когда вернулись из похода, нам объявили, что война уже закончилась. Мы сразу Ворошилову послали телеграмму: мы добровольцы-студенты, отпустите дружить. На нашу телеграмму Ворошилов среагировал, нас отпустили.

Отличникам тогда разрешалось учиться сразу на двух курсах. Поскольку первый курс я на «отлично» закончил, второй и третий курс я за-

Вручение красного знамени 70-й гвардейской дивизии. Ассистент знаменосца – А.Д.Колесников. Май 1943. Фоторепродукция. Архив автора.

кончил в один год. За второй курс полностью сдал экзамены, за третий не полностью, и вот по какой причине. В июне 1940 года меня призвали по так называемым партмобилизациям. Кто-то из партийных работников Свердловска должен был идти в армию. Таких желающих мало нашлось, а план надо выполнить. И тут вспомнили, что в университете есть член партии, коммунист, отличник Колесников, да ещё и добровольцем ходил на финскую войну. В разрядку я и попал. Единственное, что я попросил, чтобы меня отправили в ту же дивизию, в которой мы воевали с Финляндией. А к этому времени 138 дивизия была награждена орденом Красного Знамени и из Выборга направлена на турецкую границу. Собирались тогда от Польши отхватить земли, и на Турцию нацелились. Так я оказался в городе Кировакане в Армении. Поскольку шёл по партмобилизации, меня сразу избрали комсоргом полка. Так и началась моя военная биография. Когда я заполнял личное дело, то написал: образование н. высшее (т.е. «не законченное»). Комиссар полка Власов взял, да букву «н» и зачеркнул. И это личное дело пошло по всем инстанциям. Коммунист в 22 года и уже с высшим образованием! Приходилось каждый раз объяснять, что у меня высшее – не законченное.

– Александр Дмитриевич, когда Вы впервые решили профессионально изучать, исследовать именно Сибирь?

– После войны я сдал экзамены за истфак и получил, теперь уже «законно», высшее образование. Тогда «в моде» была Высшая партийная школа, или ВПШ, в Москве. Обязательно было писать рефераты. Поскольку я прошёл войну, то написал реферат «Сибиряки в боях за Сталинград». На кафедре истории обратили на него внимание. Меня с этим рефератом пригласили в Москву в ВПШ. Я кое-что дополнил. Там сидели видные историки – Шунков, Бахрушин и ещё один – и они заинтересовались: «Про

сибиряков вы написали хорошо, но вот вопрос – а почему сибиряки лучше воевали по сравнению с остальными? Ведь надо не только знать, что они хорошо воевали, но и как сформировалось русское население в Сибири». И они порекомендовали мне взяться за этот вопрос. Так с 1948 года я начал заниматься историей Сибири.

Вот две темы меня и «гложут» всю жизнь – сибиряки в Великой Отечественной войне и происхождение сибиряков.

– А какие историки, занимавшиеся Сибирью, оказали на Вас воздействие?

– Сергей Владимирович Бахрушин. Он из знаменитого купеческого рода Бахрушиных, из которого, к примеру, театральный деятель и коллекционер А.А.Бахрушин. Сергей Владимирович был сослан в конце 1920-х годов. Попал в город Енисейск Красноярского края и собрал по нему богатый материал. У меня есть собрание его сочинений, трёхтомник. Я с ним познакомился в 1948 году в Москве, на защите реферата «Сибиряки в боях за Сталинград», он и рекомендовал мне изучать происхождение русских в Сибири.

Ещё могу назвать Виктора Ивановича Шункова. Он родом с Кузбасса, окончил Московский университет. Его можно назвать учеником Бахрушина. Он начал изучать историю сибирского крестьянства, потом стал академиком, потом заведовал научной библиотекой Академии наук. Написал книги о происхождении сибирского крестьянства, защитил докторскую диссертацию, а после началась война. Потом его избрали членом-корреспондентом АН. Он привлекал тех, кто мог бы заниматься происхождением русского населения в Сибири. Обратился к двум Колесниковым – один из Вологды и я из Омска, да Саша Преображенский. Дал нам задание: вологодскому Колесникову – как зарождались миграционные потоки из севера России, Преображенскому – как они проходили через

Встреча с академиком А.П.Окладниковым перед научной конференцией «Сибиряки – фронту». 2-й слева – А.Д.Колесников, 3-й – А.П.Окладников, 4-й – М.Е.Бударин. 12 мая 1971. Фотография. ЛМЕ.

Урал, а мне – как оседали. Начали мы изучать. Колесников вологодский изучил ленинградские и московские архивы, Преображенский – уральские. Ещё был Александров, ему был дан вопрос – конечные итоги, куда переселенцы доходили.

Тогда господствовала «народническая» теория, что Сибирь заселяли только беглые крепостные. Она крепко вошла в советскую историографию. Александров быстро среагировал и строил доказательства в этом русле. А мы с Преображенским стали изучать государственное переселение. Вот в ту же Коркину слободу с разрешения воеводы и под охраной тобольских казаков переселялись крестьяне со своим скотом. Не беглые, а государственные крестьяне! Наши с Сашей попытки «протащить» эту теорию встретили неодобрение: как же, крепостные бежали от крепостного права, а вы власть государственную прославляете! Наша защита задержалась, а Александров успешно защитился. Но мы с Преображенским и вологодским Колесниковым из конференции в конференцию стали доказывать, что государственная власть, хоть и царская, принимала непосредственное участие в процессах заселения некоторых европейских территорий и Сибири. И когда я вышел на защиту, это стали уже принимать. А вот когда писали пятитомную «Историю Сибири», то там ещё отдали дань этой «народнической» теории. Как раз Александров это и написал, что крепостные бежали. Но ведь поедет крепостной от Тулы, допустим, до Пензы – двое суток езды, так он туда поедет, понятно. А вот как два года ехать в Сибирь? Он же с голоду умрёт, и ни коровы, ни лошади не привезёт.

И очень важное моё открытие – внутрисибирские переселения. Ведь не сразу в Коркину слободу приехали крестьяне, а вначале пожилые возле Тобольска. На второе, третье поколение земли стало не хватать, – а в лесостепи пустуют земли. И вот это поколение переселяется. Так внутри Сибири ходили и поэтапно. Из-

под Тюмени по Тоболу стали за Челябинск заселяться, из-под Тобольска по Ишиму – в Тарский уезд. Вот на этот момент внутрисибирских переселений до меня особого внимания не обращали; и за открытие меня похвалили.

– Когда произошла встреча с академиком Окладниковым?

– После войны. Алексей Павлович жил в Ленинграде, работал в Ленинградском институте истории. Кто-то из моих сослуживцев меня познакомил с ним. А когда начали создавать институт истории в Сибири, Алексея Павловича сделали академиком и назначили директором этого института. Я с ним поддерживал постоянную связь, получал от него одобрение. У меня появились недруги – сторонники «народнической» теории, а Алексей Павлович поддержал меня. Когда я выходил на защиту докторской диссертации, он с экспедицией был в Забайкалье, а мне потребовался его отзыв как академика. Так он своего заместителя заставил написать этот отзыв и слетать в Бурятию, чтобы сам Окладников его подписал.

– Почему Вы считаете датой основания Коркиной слободы, впоследствии ставшей городом Ишимом, 1687 год?

– В энциклопедиях и словарях встречаются разные даты основания Ишима, но никто не приводит ни одного документа. Поэтому я стал искать документы по заселению Приишимья. Документы по этому периоду хранятся только в Москве и в Ленинграде, я изучил все архивы и наконец нашёл ответ в так называемых «портфелях Миллера». Миллер разослал вопросник во все города и крупные населённые пункты, в том числе и в Коркину слободу: где и когда основана, кто первые жители и так далее. И на вопрос Миллера из Коркиной слободы последовал ответ: 1687 год. Я нашёл личное дело дворянина Онуфриева, который основывал Коркину слободу, и там написано, что в такие-то годы он был управляющим Коркиной слободы. Он – основатель Коркиной и Абатской слобод.

А.Д.Колесников рассказывает о работе с рукописями Василия Филимонова. Омск, Сентябрь 2007. Фотография Г.А.Крамора.

– Откуда же произошло название Коркиной слободы? Распространено мнение, что оно дано по имени первопоселенца крестьянина Коркина.

– Не считаю подобное объяснение убедительным. Крестьяне в голой степи на границе с кочевниками не могли селиться без защиты. Вначале основывается военное поселение, а потом уже к нему присылаются крестьяне – так уже их не могли разорить кочевники. И поэтому крестьяне не могли поселиться раньше военных. А Онуфриев пришел вместе с казаками, узкий перешеек Ишима перекрыли небольшим укреплением и начали основывать Коркину слободу.

А фамилия Коркиных была в то время очень распространена.

– Хотелось бы узнать подробности обнаружения Вами в Костромском архиве «Топографического описания Тобольского наместничества», составитель которого уездный землемер Василий Филимонов описывает также город Ишим и «уезд онаго». Как этот документ 1790 года оказался в Костроме?

– Когда я работал в Ленинградском архиве, один историк сказал мне, что в Костроме есть интересные материалы по Сибири. Я написал в Кострому письмо и получил подтверждение. В областном архиве имелся фонд бывшего губернатора Тобольского наместничества Ивана Осиповича Селифонтова. После 1806 года он был переведен в Кострому и увез с собой документы.

Я побывал в Костроме в 1969 году, а затем ещё раз съездил туда. Местный фотограф сделал мне копию этих документов, за довольно приличную по тем временам сумму, которую я

выложил из своего кармана. Вскоре после этого в архиве случился пожар. В Костроме много церквей, в одном из старых соборов и находилось архивохранилище. По верхнему этажу бегали ребяташки, бросили факел – и всё сгорело! Имеющаяся у меня фотокопия – всё, что осталось от этой рукописи. Со временем я передам её в музей Ишима.

– Что известно о самом составителе Василии Филимонове?

– Немного. Я находил послужные списки, где он значится – вначале землемером Тарского, потом Ишимского, а затем Тобольского уездов. И везде он сделал подобные описания. Считаю его одним из выдающихся краеведов конца XVIII – начала XIX веков.

– А как же оказались материалы по Ишимской оборонительной линии 1747 года, включающие в себя план и чертежи оборонительных сооружений Коркиной слободы, в архиве Военно-морского флота? Вот уж где мы меньше всего ожидали их найти...

– В 1930-е годы, чтобы разгрузить Российский государственный исторический архив (тогда он назывался Архив Октябрьской революции), большеформатные материалы картографического фонда частично передали в архив Военно-морского флота, на пустующие полки. Так эти материалы, составленные полковником Киндерманом, оказались на Миллионной улице. Я знал по историческим источникам, что были такие карты, но не мог их найти ни в архиве Русского географического общества, ни в фонде Миллера. А потом мне кто-то подсказал, где искать. Я ведь тоже думал, что там только чертежи кораблей хранятся!

– Вы хорошо знаете архивы. С точки зрения дальнейшего изучения Ишима и Ишимского округа, насколько полезным можно считать Омский архив?

– Очень полезным. Сибирский воевода из Тобольска переселился в Омск, и часть материалов привезли сюда – это первый фонд.

Самым ценным у нас является шестнадцатый фонд – церковные книги. Когда была создана Омская епархия, выделенная из Тобольской в 1895 году, то церковные книги тех приходов, которые отходили в Омскую епархию, переписали и переслали в Омск. Поэтому здесь хранятся все материалы по церквям, которые относились к Омской епархии, в том числе Ишим, часть Ишимского, Казанского районов, Аромашевский и другие. По этим церковным спискам можно изучать родословные. До начала XX века священники и их помощники ежегодно составляли список прихожан, кто был на исповеди, кто не был, кто дважды был и так далее. Также – ревизские сказки, своего рода перепись населения. Больше они сохранились в Тобольске, но часть имеется и в Омске.

Имеется очень хороший материал по Киселёвским переселениям середины XIX века. Когда Киселёв, друг декабристов, стал министром, то из малоземельных губерний центра России стали за государственные деньги переселять крестьян в Сибирь. И вот эти материалы, списки переселенцев, маршруты, где им выдавали маршруты, где они останавливались, как хозяйством обзаводились, сколько пашен, сколько лошадей, домов, – всё это в Омске сохранилось.

– Над чем Вы сейчас работаете и каковы дальнейшие планы?

– Заканчиваю последние главы книги «Сибиряки в боях за Сталинград». Вернулся к теме, которую начал в 1943 году. Пишу о том, что видел, слышал, о чём разговаривал с людьми. Сейчас заканчиваю о 138-й дивизии. 14 октября 1942 года немцы начали генеральный штурм Сталинграда. Наша героическая дивизия как раз стояла на острие главного удара, когда по сорок танков на наши позиции шло. Вот я об этом вспоминаю, нахожу документы, пишу.

В своё время у меня было намерение написать очерк об Ишимском крае. С вашим мэром я разговаривал, получил от него согласие. Он написал, что как депутат областной Думы поможет издать. Но потом меня захлестнула Казанка, тут материала много, родина моя, и я все силы переключил на неё. Этот материал вполне можно использовать и по отношению к Ишиму. Южная часть Ишимского района, южнее Карасульки, она как раз заселялась вместе с Казанским районом.

Последнее, что меня задело, – это сибирское казачество. История сибирских казаков, в том числе тех, которые основывали Коркину и Абатскую слободы. Материалы уже собраны.

А вообще, история Сибири – бескрайнее поле для исследований...

*Предисловие и интервью –
Т.П.Савченкова.*

*Подготовка текста к публикации –
Т.П.Савченкова, К.С.Труханова.*

**Е.Н. КОНОВАЛОВА,
В.Л. КОЗЛОВА**

Ишимские краеведы и Русское географическое общество Период 1840–60-х гг.

Русское географическое общество¹ (РГО), созданное в 1845 году в Петербурге, внесло существенный вклад в развитие научных исследований российской провинции, в том числе – Западной Сибири. В первые годы своего существования РГО поставило задачу широкого собирания сведений о русском народе. Для выполнения этой задачи Отделение этнографии Русского географического общества во главе с Н.И.Надеждиным² разработало в 1847 году Программу по сбору русского этнографического материала на местах страны с последующей обработкой и публикацией в специальном издании – «Этнографическом сборнике». Она содержала шесть разделов: «Относительно наружности», «О языке», «Домашний быт», «Особенности общественного быта», «Умственные и нравственные способности и образование», «Народные предания и памятники»³.

В 1848 году Программа была издана РГО и распространена вместе с печатным обращением по всем его отделениям. Она была разосла-

на также в центры епархий, директорам училищ, управляющим удельных контор и палат государственных имуществ. В 1853 году отправлено второе, переработанное издание Программы, объём которой увеличился вдвое. Составители, сохранив те же рубрики, расширили «расшифровку» собственно этнографических сведений (разделов 2-6). Программа, в отличие от первой, обрела заглавие – «Программа для составления местных этнографических сведений».

Рассылка Программы на места дала плодотворные результаты. К 1853 году число присланных рукописей дошло до двух тысяч. На первую Программу были получены материалы из 36 губерний страны⁴, в том числе – из Тобольской губернии. Часть поступивших рукописей была опубликована в изданиях общества (часто – в сокращённом виде, с изъятием обширных текстов, ценных описательных данных), другие – отложились в 55-м и 61-м разрядах этого архива. К сожалению, сибирский, в том числе и тобольский материал, не вошёл в об-

стоятельное описание архива РГО, сделанное Д.К.Зелениным⁵. До сих пор историческая и этнографическая науки лишь в малой степени включали этот материал в научный оборот. Частично он использовался в работах историков, этнографов и фольклористов (С.А.Токарев⁶, М.М.Громыко⁷, Н.А.Миненко⁸, М.Г.Рабинович⁹, В.И.Смирнова¹⁰, Н.Н.Стеланов¹¹, Р.С.Липец¹², Я.Р.Кошелева¹³). Тем не менее, изучение архивных материалов РГО по Тобольской губернии не было предметом специального исследования. Задача данной статьи – выявить и проанализировать все архивные материалы 55 и 61 разрядов, отражающие работу краеведов-корреспондентов Тобольской губернии с РГО и таким образом ввести их в научный оборот.

Так, в 61-м разряде архива РГО хранятся 53 рукописи – описания Тобольской губернии (1847-1915 гг.), в 55-м разряде – 31 рукопись с описанием Сибири, в том числе – Тобольской губернии. Из них более тридцати рукописей являются ответами на Программу общества 1847-1853 гг. Особая ценность этих материалов заключается в том, что они были собраны большей частью в середине XIX века, когда ещё не начался процесс разрушения традиционной русской культуры. Большая часть архивного материала по Тобольской губернии по сей день не описана и не опубликована. Некоторым исключением в этом плане является работа М.М.Громыко, которая сгруппировала и описала архивный материал, собранный в разных губерниях Сибири, в том числе в Тобольской. Ответы сибирских корреспондентов она классифицировала по административно-территориальному принципу, выделив при этом три группы: 1) по целым округам; 2) по волостям; 3) по отдельным сёлам. В четвёртую группу ответов – «по отдельным вопросам», т.е. тематическую, вошли материалы «с разным территориальным охватом».

Авторы данной работы, проанализировав архивы по Тобольской губернии, предлагают свою классификацию, основанную на двух принципах – административно-территориальном и тематическом (семантическом).

Административно-территориальный принцип позволяет выделить следующие темы описания: а) архивы по губернии в целом; б) архивы по отдельным городам и их окрестностям: Тобольску, Тюмени, Берёзову, Кургану, Туринску; в) архивы уездов и округов: Тобольского, Тюменского, Ишимского, Курганского, Берёзовского, Ялуторовского, Тарского, Сургутского, Туринского; г) архивы отдельных сёл (с. Долгоярское и другие).

Тематический (семантический) принцип даёт возможность обозначить следующие темы: 1) комплексные описания (историко-географические, статистические и этнографические описания городов, округов); 2) исторические описания городов (их основания, могил, исторических событий и др.); 3) экономико-статистические описания; 4) географические описания; 5) описания космогонических явлений, в том числе – экстремальных (комет, метеоритов и др.); 6) описания культовых православных зданий (церквей, монастырей); 7) этнографические описания и тексты, с подтемами: а) комплексные и недифференцированные описания; б) материалы по народной медицине; в) фольклорные тек-

сты, в т.ч. тексты песен; г) образцы речи сибирских крестьян.

Этнографические описания отличаются разнообразием и широтой охвата материала, его содержания.

Корреспондентами-информаторами РГО в основном были сельские священники, действовавшие по запросам консисторий¹⁴, и учителя. По сведениям М.Г.Рабиновича, это объясняется тем, что РГО общество распространяло программы «по двум каналам – церковного управления (через архиереев) и народного образования (непосредственно через директоров училищ и гимназий)»¹⁵. Этим самым Географическое общество (как говорилось во вводной части Программы) рассчитывало обеспечить собиравшие сведения людьми, близко знакомыми с жизнью народа, то есть прежде всего – приходскими священниками и учителями.

Подтверждением этому является «Дело по отношению Императорского Русского Географического Общества с препровождением программы для исследования русской народности», которое хранится в Тобольском архиве¹⁶. В этом документе большой интерес представляет печатное обращение Общества от 26 августа 1853 года к тобольскому архиепископу Евлампию¹⁷, которое было выслано ему вместе со второй программой для исследования русской народности¹⁸.

Евлампий, исполняя просьбу РГО, отправил программы в духовные правления Тюменского, Тобольского, Ишимского, Курганского, Петропавловского, Тюкалинского, Ялуторовского, Берёзовского, Омского, Тарского и Туринского уездов Тобольской губернии, «чтобы их дать людям, которые хотели бы заниматься этим исследованием»¹⁹. Чтобы обеспечить всех желающих, Тобольская епархия дополнительно напечатала эту программу²⁰.

Согласие принять участие в исследованиях РГО дали священнослужители почти из всех духовных правлений Тобольской епархии, за исключением Туринского. Священник Павел Машанов писал 23 ноября 1853 года, что хотя «из Тюменских церквей участвовать в трудах Русского географического общества никто не желает из градского духовенства», сам он желал бы «участвовать в трудах Географического общества столько, сколько время и прочие занятия позволят». Изъявили желание «заниматься составлением сведений для исследования русской народности»: от Петропавловского духовного правления – священник село-Каменской Вознесенской церкви Михаил Серебренников (29 марта 1854 г.); от Ялуторовского духовного правления – священники села Спасского Евгений Лелёхин, слободы Терской Иованн Блохин, села Шатровского Василий Свежников, села Агаракского Иаков Арефьев и слободы Бешкильской Иона Успенский (10 мая 1854 г.); от Тарского духовного правления – священники слободы Такмыкской Дмитрий Серебренников, села Кольевского Иованн Андреев и села Крайчиковского Иованн Быстрицкий (31 августа 1854 г.); от Курганского духовного правления – Градо-Курганской Богородской церкви Иованн Радионов, слободо-Солтосарайской церкви Федор Попов и слободо-Белоярской церкви Василий Адрианов (4 сентября 1854 г.)²¹.

Поступление ответов растянулось на несколько лет. На первый вариант Программы ответы приходили иногда уже после издания второго варианта. Кроме приходских священников, среди корреспондентов Общества были смотрители местных училищ и преподаватели истории или словесности (Н.А.Абрамов, И.Ф.Лисицын, А.Г.Худяков), чиновники (помощник писаря Ф.В.Бузолин); купцы (ишимский купец-меценат Н.М.Черняковский).

Почти все корреспонденты отнесли к порученному делу добросовестно, с большой ответственностью. В отчете РГО за 1849 год было отмечено, что тюменский житель [Ф.Ф.]Соловьёв и павлодарский купец Ищенко «прислали... порядочные описания, хотя по немногим предметам»²². Штатный смотритель ишимских училищ Александр Гаврилович Худяков представил материалы: «Этнографические заметки по Ишимскому округу»²³, «Этнографические сведения о жителях Ишимского округа»²⁴. За эти работы А.Г.Худякову 28 февраля 1849 года от имени РГО была объявлена благодарность²⁵. Однако впервые опубликованы они только в 2003 году в г. Ишиме²⁶.

А.Г.Худяков (1811-1867) родился в Тобольске в купеческой семье, некогда богатой, но утратившей всё состояние. Четырнадцать лет окончил курс Тобольской гимназии. Учился блестяще и собирался поступить в Казанский университет «на казённый счёт». Однако по неизвестным причинам это намерение не было осуществлено. После окончания гимназии А.Г.Худяков становится учителем сначала приходского, а затем уездного училищ в Тюмени и Кургане. В 1842 году его переводят из Кургана смотрителем трёхклассного уездного училища в Ишим. Училище было открыто в 1817 году и стараниями А.Г.Худякова стало в середине века лучшим во всей Тобольской губернии. В мае 1854 года он переведён из Ишима в Тобольскую гимназию на место старшего учителя математики, а в 1856-м уволен со службы «с мундиром и пенсией».

Педагогическую деятельность А.Г.Худяков сочетал с научно-исследовательской работой. Он вёл метеорологические наблюдения, изучал быт (одежду, жилище, пищу), праздники и развлечения русских крестьян, записывал поговорки, «рассказы и разговоры» крестьян-старожил юга Западной Сибири. В 1852 году за доставленные метеорологические сведения А.Г.Худякову была объявлена от РГО искренняя признательность²⁷.

«Этнографические заметки по Ишимскому округу» А.Г.Худякова включают пять небольших разделов.

Первый раздел содержит четыре диалектных слова с объяснением их лексических значений. Во втором — три поговорки с указанием жизненных обстоятельств, при которых они употребляются. Например: «Увидя падающую звезду, некоторые говорят: «Не до неба, не до земли, Аминь, аминь». Правда, эта «поговорка» больше похожа на заклинание, или закличку.

Третий раздел включает десять примет, отражающих причинно-следственные связи между явлениями природы, поведением животных и людей и последующих событий: «Покровска на-голе, дак и Митревка на-голе», — речь идёт о праздниках Покрова и Димитриевской субботе).

Суеверия составляют четвёртый раздел, включающий 4 текста. Например: «Заяц перебежал дорогу — встретить неприятность в пути». Сюда же отнесён фрагмент свадебного действия, связанный с одним из важных его персонажей — «большаком». Известно, что на других территориях Тобольской губернии, в частности, в бывшей Дубровинской волости, этого персонажа называли «дружкой». Фрагмент содержит уникальную этнографическую информацию.

Последний раздел — рассказы и разговоры. Это небольшие народные рассказы из крестьянского быта (например, о деревенском священнике; о «планшике», т.е. землеустроителе), а также отдельные высказывания («Начинат настывать погоды-то...») и диалоги («Яков-от чево там делат? — На улке ходит...»). Ценные детали: в ряде случаев проставлено словесное ударение, услышанное корреспондентом; тексты воспроизводят живую крестьянскую речь без её искажений и «улучшений».

Другая рукопись А.Г.Худякова — «Этнографические сведения о жителях Ишимского округа Тобольской губернии» представляет собой более полное описание разных явлений крестьянской культуры с введением новых разделов, в том числе — «антропологический тип» и «характер питания».

Первый раздел «Относительно наружности» содержит краткую характеристику антропологического типа русского населения (рост, телосложение, «господствующий» цвет волос и глаз; наиболее распространенные болезни и их причины) и отношения к труду: «Работами занимаются усердно».

Начало и наименование второго раздела отсутствуют. Рукопись продолжается с подраздела под литерой «Д», где помещены «в особенном смысле употребляемые слова». До слов на букву «Б» алфавитный порядок подачи материала нарушен. Далее он соблюдается, и не только по начальной, но и по второй, третьей буквам в словах.

В целом материал представляет собой словарные статьи на диалектные слова, которые отличаются от общерусских лексическим значением, но совпадают с ними по фонематическому облику. Например: «капустка — вечерка, или вечерний праздник для рубивших днём капусту», «грядка — палка, проведённая от русской печи к противоположной стене» и другие.

В подразделе под буквой «Е» (заголовок «Местные слова») также помещены словарные статьи на диалектные слова, которые отличаются от общерусских фонематическим составом («бзлзть» в значении «кричать», «морговать» в значении «пренебрегать, презирать» и др.). Однако этот принцип отбора иногда нарушается («фамилля» в значении «жена», «хлопать» в значении «лгать» и др.).

В обоих реестрах словарных статей диалектные слова имеют проставленное «местное» словесное ударение. Кроме того, каждое слово сопровождается грамматическими пометами (принадлежность к части речи; для имён существительных — указание на тип склонения по окончании родительного падежа единственного числа, грамматический род; для глаголов — личные окончания в единственном числе).

После грамматических помет толкуется лексическое значение слова. При этом использу-

ются два типа толкования: через ссылку на синонимы («балон» – краснойбай) либо через указание на семантические признаки: («Бусиль (о дожде) – падать мелкими каплями»). В некоторых случаях отмечается многозначность, причем значения нумеруются арабскими цифрами. (Так, для слова «дивно» указано три значения: довольно много; довольно долго; довольно давно).

В большинстве случаев словарная статья заканчивается иллюстративным материалом, представляющим собой образцы живой крестьянской речи («Хорошенько сей, не буси»), иногда как иллюстрация приводится словосочетание («Баской парень»).

Характер подачи словарного диалектного материала, таким образом, существенно отличается от того, который отражен в «Заметках»: это не отдельные слова с объяснением их значений, а словарные статьи, включающие разностороннюю характеристику слов, что свидетельствует о знакомстве корреспондента с современными ему толковыми словарями. Подтверждением этому является прямая ссылка в одной из словарных статей на «Словарь церковнославянского и русского языка» (издан Академией наук в 1847 году).

Третий раздел «Домашний быт» посвящен описанию некоторых явлений материальной крестьянской культуры: описанию избы и двора, т.е. усадьбы с хозяйственными постройками. При этом главное внимание сосредоточено на описании крестьянского жилища связного типа (две избы, соединенные сенями). Интересно, что корреспондент обращает внимание на опрятность крестьянского жилья.

Далее следует описание одежды, которая классифицируется по нескольким признакам в зависимости от назначения, половой и социальной принадлежности и т.д. Эта детализация отражает реальную полифункциональность и качественное многообразие русского традиционного костюма. Так, А.Г.Худяков кратко описывает одежду «обыкновенную» («повседневную») и «праздничную»: «летнюю и зимнюю»; мужскую и женскую. Особое внимание уделено некоторым деталям девичьей одежды и одежде зажиточных крестьян.

Заканчивается описание домашнего быта характеристикой крестьянской пищи. В соответствии с русской традицией представлен материал, характеризующий пищу ежедневную и праздничную, отдельно – по постным и «скромным» дням. При этом особое внимание уделено пище «праздничной», которая отличалась в праздники «общие» (Рождество Христово, Пасха) и «местные», т.е. престольные, где она представлена разнообразием блюд.

Большой интерес для исследователей представляет труд «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии», который опубликован в «Журнале Министерства Внутренних Дел» за 1843 год. В нём он подписан так: «Сообщено Н. Черныковским, ишимским купцом». Историк литературы и краевед Ю.А.Дворяшин, разделяя точку зрения В.И.Семевского и А.И.Дмитриева-Мамонова, считает, что автором опубликованной статьи был не купец Николай Максимович Черныковский, а декабрист Владимир Иванович Штейнгейль²⁸. В Ишим он

прибыл 11 марта 1837 года из-под Иркутска, в соответствии с решением Николая I. Здесь декабрист нашёл приют в доме купца Н.М.Черныковского, который был членом РГО. Вероятно, знакомство Николая Максимовича с таким блестящим естествоиспытателем, как В.И.Штейнгейль, натолкнуло ишимского купца на мысль о создании исследования по краевой географии Сибири. Государственные органы пристально следили, чтобы политические ссылки не имели возможности публичного выражения своих взглядов, поэтому не удивительно, что публикация не подписана именем В.И.Штейнгейля.

На авторство В.И.Штейнгейля впервые указал Капитон Голодников²⁹ в мемуарах о декабристах: «... в бытность свою в Ишиме он по поручению ишимского купца Черныковского, члена Географического общества, написал «Историческое описание Ишимского округа», которое и было напечатано в «Журнале Министерства Внутренних Дел». М.И.Муравьев-Апостол во время жительства моего в Ялуторовске сообщил мне книжку этого журнала, посоветовал составить таковое же описание и Ялуторовского округа, что мною и было исполнено»³⁰. Эта информация повторяется затем в очерках В.И.Семевского³¹ и А.И.Дмитриева-Мамонова³². Эти сообщения привели к полному забвению имени Н.М.Черныковского, купца-мecenата и члена РГО, который внёс большой вклад в развитие образования и культуры Ишима. В настоящее время невозможно определить величину вклада каждого из создателей работы. Авторы статьи, разделяя мнение редакции альманаха «Коркина слобода», считают, что имена этих исследователей должны стоять рядом³³.

По признанию специалистов-географов, их труд явился для своего времени новаторским. «Статистическое описание...» содержит следующие разделы: естественные условия; население; правительственное устройство; земское устройство; промышленность и торговля; повинности; физические свойства жителей; нравственный характер жителей, тёмные пятна; общие выводы. По содержанию оно является комплексным, так как наряду с физико-географическими даются экономико-географические характеристики. Данные о почве, климате, флоре становятся в тесную связь со сведениями о степени товарности хлеба и уровне хлебных цен. Материал «Статистического описания...», опирающийся на непосредственное обследование, получает конкретное цифровое выражение и точную географическую локализацию, что делает его незаменимым источником экономико-географического изучения Ишимского округа первой половины XIX века. Содержание «Статистического описания...» не всегда сводится к сообщению и анализу количественных данных. Здесь широко использованы сведения исторического, географического и культурологического характера. С душевной щедростью, свойственной истинным учёным, авторы рисуют картины быта и межличностных отношений в крестьянском обществе 40-х годов XIX века.

Характеризуя крестьянское хозяйство, авторы указывают на «земледельческое благосостояние» крестьянина. У крестьян Ишимского округа земли было так много, что они всегда

имели места для новой распахки. Зажиточные крестьяне засеивали от 80 до 100 десятин, сена ставили от 1000 до 2000 копен, имели по 50-70 лошадей, до 40 коров и до 100 голов мелкого скота. Крестьяне среднего состояния вспахивали от 15 до 25 десятин, скота имели втрое меньше. Авторы подчёркивают: такой «пример земледельческого благосостояния» очень редок для России». Особое внимание в описании уделено огородничеству. Крестьяне сажали для собственного потребления огурцы, капусту, редьку, свёклу, морковь, репу, брюкву, бобы, тыква; много сеяли луку. В южных волостях выращивали арбузы и дыни, в городе и некоторых местах разводили табак, сеяли садовый хмель и мак, повсеместно разводили в огородах картофель.

Из поля зрения авторов не выпадают и приметы здорового образа жизни, достоинства местных жителей. С большим уважением они отмечают трудолюбие, «промышленную изворотливость» ишимцев. С любовью описаны семейные нравы и обычаи крестьян, особенно их семейные устои. «Приглядываясь к семейным нравам, можно найти в домах зажиточных крестьян родственную любовь, согласие, повиновение родителям, уважение к старшим. Отличительную черту составляет здесь вообще наблюдаемая в домах чистота. В самых бедных домах нельзя увидеть той неопрятности, какая встречается в России от содержания домашних животных в той же избе, в которой живут сами. Большой частью избы выбелены внутри, и это обновляется, по крайней мере, раза два в год, особенно — к большим праздникам, как-то, к Рождеству и к Пасхе. Полы держат в изумительной белизне: загаженный пол — стыд хозяйке, их не только моют, но и скоблят ножами, хотя это сопряжено с особенной трудностью. Вообще трудолюбие здесь более примечается со стороны женского пола. На них лежит всё хозяйство, весь домашний обиход: они треплют лён, ткнут холсты, обшивают всю семью. В одежде видна не только опрятность, но и щегольство».

Авторы «Статистического описания...» отмечают у ишимцев большую тягу к знаниям, почти повсеместное «желание учиться грамоте». «Разъезжающие торгаша, известные здесь под названием вязниковцев, подстрекают охоту к чтению разными книжками в лицах, между прочим, «Брюсовым календарем», «Астрономическим телескопом» и некоторыми повестями. Всякий семьянин охотно пользуется первым случаем научить сына грамоте. ... В массе крестьян молодых теперь не более половины грамотных». Эти сведения позволяют изменить распространённое представление о сибиряках начала XIX века как о людях весьма малокультурных и почти сплошь необразованных.

Таким образом, в «Статистическом описании...» содержится и достаточно богатый материал по этнографии русского крестьянства Ишимского округа как части Тобольской губернии.

Анализ архивных материалов РГО по Тобольской губернии показал, что, с одной стороны, есть описания, которые касались лишь части предложенных разделов Программы (ведь информаторы писали чаще всего о тех предме-

тах, в которых были хорошо осведомлены). С другой стороны, есть такие описания, которые содержат материал, выходящий за рамки Программы. Как отмечает М.М. Громыко²⁴, запросы Программы «послужили толчком к подаче дополнительных материалов, форма которых была предложена самими информаторами», например, записи разговоров крестьян, произведённые И.Бедняковым.

Так, священник из села Истошинского Ишимского уезда Тобольской губернии Пётр Лепёхин занимался сбором фольклорного материала. Им были представлены в РГО две рукописи, в которых собраны приговоры, употребляемые при ловле птиц, и сделаны описания свадеб, болезней, способов их лечения и посиденок²⁵ у крестьян Ишимского округа. Впервые они публикуются в настоящем номере «Коркиной слободы».

Пётр Лепёхин сотрудничал и с Вольным экономическим обществом (ВЭО). В 1861 году он обратился туда с письмом, в котором сообщил о желании проводить опыты по сельскому хозяйству. Не имея сведений по этой части, прислал учёное общество о помощи консультациями, книгами и семенами²⁶.

Таким образом, деятельность Русского географического общества уже в первые годы его существования носила ярко выраженный общественный характер. Оно способствовало оживлению работ краеведов во многих районах России, в том числе и в Тобольской губернии. Своими программами (в 40-50-е годы XIX века) Общество внесло целенаправленность в сбор материалов на местах, расширило круг корреспондентов, принимавших участие в изучении Тобольской губернии, которые, участвуя в составлении ответов на анкету РГО, освещали различные аспекты жизни сибирских крестьян. Благодаря их работе историческое краеведение обогатилось фактами по вопросам истории, этнографии, экономики и географии Тобольской губернии.

Примечания

1 Полное дореволюционное наименование: «Императорское Русское Географическое Общество». Подробнее о его деятельности см.: Семёнов П. П. История полувековой деятельности Русского географического общества, 1845-1895. В 2-х т. Ч. 1. — СПб., 1896; Степанов Н. Н. Русское географическое общество и этнография (1845-1861) // Сов. этнография. — 1946. — № 4. — С. 187-206; Рабинович М. Г. Ответы на программу Русского географического общества как источник для изучения этнографии города // Очерки русской этнографии, фольклористики и антропологии. — М., 1971. — С. 36-61.

2 Надеждин Николай Иванович (5.10.1804 — 11.01.1856, СПб.), русский критик, журналист, историк, этнограф.

3 Подробнее о разъяснении задач каждого раздела см.: Рабинович М. Г. Ответы... С. 38.

4 Смирнова В. И. Русское географическое общество и краеведы Западной Сибири в 40-50-х гг. XIX в. // Культурная жизнь Сибири XVII — XX века. Бахрушинские чтения 1981 г.; сб. науч. тр. — Новосибирск, 1981. — С. 120.

5 Зеленин Д. К. Описание рукописей учёного архива Русского географического общества. Вып. 1. — Пг., 1914.

6 Токарев С. А. История русской этнографии (дооктябрьский период). — М., 1966. — Он же. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии (проблема периодизации) // Сов. этнография. — 1951. — № 2. — С. 160-178.

7 Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.) — Новосибирск, 1975; Она же. Этнографические и фольклорные

источники в исследовании общественного сознания русских крестьян Сибири XVIII – первой половины XIX в. // *Источниковедение отечественной истории*: сб. ст. 1976 г. – М., 1977. – С. 97-124.

8 *Миленко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). – Новосибирск, 1979.

9 *Рабинович М. Г.* Ответы на программу русского географического общества как источник для изучения этнографии города // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. Вып. 5. – М., 1971. – С. 36-61.

10 *Смирнова В. И.* Русское географическое общество и краеведы Западной Сибири в 40-50-х гг. XIX в. // *Культурная жизнь Сибири XVII-XX века*: Бахрушинские чтения 1981 г.: сб. науч. тр. – Новосибирск, 1981. – С. 118-122. Она же. Изучение материальной культуры русского крестьянства краеведами Западной Сибири (40-60 гг. XIX в.) // *Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.)*. – Новосибирск, 1983. – С. 150-161.

11 *Степанов Н. Н.* Русское географическое общество и этнография (1845-1861) // *Сов. этнография*. – 1946. – № 4. – С. 187-206.

12 *Лилец Р. С.* Изучение обычного права в конце XIX – в начале XX в. // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. Вып. 4. – М., 1968.

13 *Кошелев Я. Р.* Русская фольклористика Сибири XIX – начала XX в. – Томск, 1962.

14 *Консистория* – епархиальное духовное управление (Прим. ред.).

15 *Рабинович М. Г.* Ответы. С. 42.

16 *ТФ ГАТО*. Ф. 156. Оп. 25. Д. 125 (1853 г.).

17 *Евлампий (Пётр Пятницкий)* – архиепископ Тобольский и Сибирский (1853-1856) // *Софрониев В. Ю.* Евлампий (Пётр Пятницкий) // *Тобольский биографический словарь*. – Екатеринбург, 2004. – С. 158-159.

18 «Высокопреосвященный Владыко, Милостивый государь и архиепископ!

Ваше Высокопресвященство, не безызвестно, что Императорское Русское Географическое Общество, с 1845 г. в Санкт-Петербурге под председательством Его Императорского Величества Великого князя Константина Николаевича существующее, преимущественно имеет целью собирать, обрабатывать и распространять географические, этнографические и статистические сведения о России, для чего оно должно стараться войти в сношение внутри Империи с возможно большим числом лиц, от которых может получить нужные ему данные. Для вернейшего достижения своих целей и для направления внимания лиц, которые бы захотели оказать своё просвещенное содействие трудам общества, на те именно предметы, о которых сведения наиболее важны и необходимы, общество в разное время составило по разным специальным отраслям своих занятий программы и руководства для местных наблюдателей, которые и старалось распространить в возможно большем числе экземпляров по России. В нужде на благосклонную готовность Вашего Высокопреосвященства оказать зависящее от Вас содействие трудам Императорского Русского Географического Общества, имею честь препроводить при сем к Вам 25 экземпляров программы для исследования Русской народности с покорнейшею просьбою разослать их тем лицам городского и сельского духовенства вверенной Вам Епархии, которые, по мнению Вашему, могли бы доставить в Императорское Русское Географическое Общество желаемые сведения. Приглашая такие лица заняться собиранием вышесказанных сведений, не благоугодно ли будет Вашему Пресвященству передать им, что всякое сообщение с их стороны будет принято Императорским Русским Географическим Обществом с полной признательностью, и что председатель общества обратит особое внимание на доказательство просвещенного усердия их к изучению отечества, искренне любимого. Географическое Общество просит также Вас, Ваше Пресвященство, сообщить ему именныя списки и адреса тех лиц, которых Вы снабдите посылаемыми программами, с тем, чтоб в последствии времени оно могло вступить с ними в непосредственное сношение, не затрудняя Вас излишним переписком.

Весьма бы желательно было, чтоб эти руководства разосланы были в возможно непродолжительном времени, дабы уже в нынешнем году получить некоторые сведения.

Константин Арсеньев

26 августа 1853 г.

(ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 125 (1853 г.). Лл. 1-1 об.)

19 Там же. Л. 23.

20 Программа для составления местных этнографических описаний. – Тобольск: Тип. губ. правл., [1853]. – 8 с.

21 АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 15.

22 *Соловьев Ф. Ф.* Игры и забавы в Западной Сибири. (АРГО. Р. 55. Оп. 1. Д. 36.) // *Записки Императорского русского географического общества за 1849 г.* – СПб., 1850. – С. II.

23 АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 11.

24 АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 12.

25 *Савенкова Т. П.* Педагогическая и исследовательская деятельность Александра Гавриловича Худякова // *Коркина слобода*. Вып. 5. – Ишим, 2003. – С. 43.

26 *Худяков А. Г.* Этнографические сведения о жителях Ишимского округа Тобольской губернии // *Коркина слобода*. Вып. 5. – Ишим, 2003. – С. 47-55; *Худяков А. Г.* Этнографические заметки по Ишимскому округу // *Коркина слобода*. Вып. 5. – Ишим, 2003. – С. 56-57.

27 *Савенкова Т. П.* Отец и сын Худяковы // *Западносибирское краеведение*. Вып. 3. – Ишим, 2000. – С. 28.

28 Сибирь В. И. Штейнгейль начал изучать еще в молодости, а продолжил исследование в период ссылки. Еще в Петровском заводе он написал статью «Сибирские сагрыли», где, пользуясь бумагами Иркутского архива, обличил самодурство высшей администрации Сибири. Впервые эти материалы – «Записки о Сибири» – были опубликованы в герценовском «Историческом сборнике Вольной русской типографии» в 1859 г. в Лондоне, а затем, в 1884 г. – в журнале «Исторический вестник».

(Более подробно о В. И. Штейнгейле см.: *Рождевский П. И.* Декабристы в Тобольском изгнании. – Свердловск, 1975; *Дворяшкин Ю. А.* Ишимское поселение В. И. Штейнгейля // *Ишим далёкий-близкий*. – Ишим, 1997. – С. 68-74; *Акушева К. А.* Штейнгейль (Штейнгейль) Владимир Иванович // *Большая Тюменская энциклопедия*. В 3-х тт. Т. 3. Р-Я. – Тюмень, 2004. – С. 421-422).

29 *Голодников К. М.* Декабристы в Тобольской губернии (Из моих воспоминаний). – Тюмень: Тип. «Сиб. торг. газ.», (А. А. Крылова), 1899. – 28 с. – (Отт. из «Сиб. торг. газ.» за 1899 г.)

30 *Голодников Калитон Михайлович* (ок. 1825–1906, Тобольск) – уроженец г. Тобольск, воспитанник декабристов, сибирский историк, учитель, секретарь Тобольского статистического комитета, один из первых сибирских газетчиков, редактор неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» в 1880-е годы, журналист. После окончания губернской гимназии в 1839 году направлен учителем русского языка в Ялуторовское уездное училище. В Ялуторовске близко сошелся с декабристами, с их помощью изучал иностранные языки. В 1843 г. под руководством М. И. Муравьева-Алостола К. И. Голодников составил историко-статистический обзор Ялуторовского округа. Сотрудник Императорских учёных обществ: Русского географического и Любителей естествознания, антропологии и этнографии. Внимание К. М. Голодникова как исследователя и краеведа привлекали история Тобольской губернии, археология края, историческая ономастика, библиография, этнография. Более подробно см.: *Горбачёва Н.* «В потомках ваше племя оживёт» (Ю. К. М. Голодникове и героях его мемуаров) // *Лукич*. – 1996. – № 4. – С. 87-120).

31 *Семевский В. И.* Барон Вл. И. Штейнгейль // *Общественные движения в России в первую половину XIX века*. – СПб., 1905.

32 *Дмитриев-Мамонов А. И.* Декабристы в Западной Сибири: ист. очерк по офиц. док. – СПб., 1905.

33 *Черныковский Н. М.* Штейнгейль В. И. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // *Коркина слобода*. Вып. 2. – Ишим, 2000. – С. 75-90. Вып. 3. – Ишим, 2001. – С. 123-144.

34 *Граммы М. М.* Этнографические и фольклорные источники. С. 102.

35 «Посиденком называется собрание девиц, молодых и пожилых женщин к кому-либо в один дом и их угощение» (АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 29).

36 Более подробно см.: *Белониха Ю.* Тобольские члены и сотрудники Вольного экономического общества (1765-1861) // *Югра*. – 1995. – № 12. – С. 37.

Приговоры, употребляемые при ловлении птиц¹

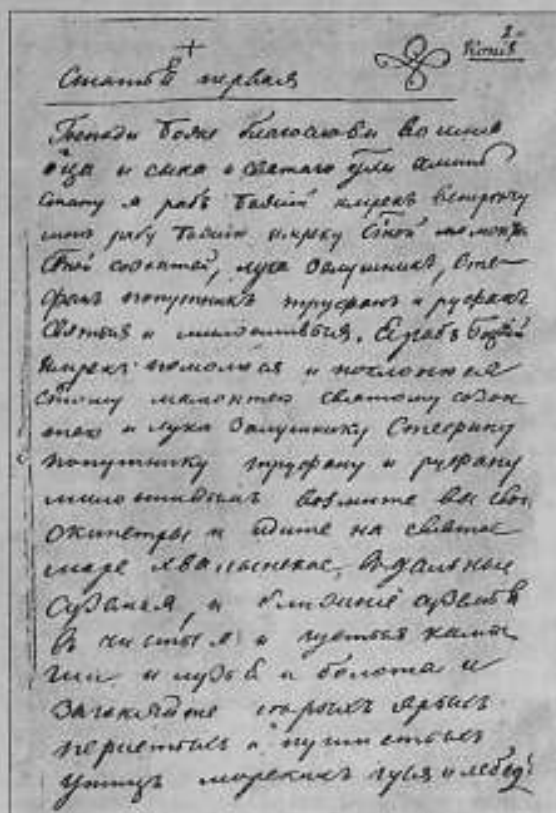
Переписано с тетрадошки, писанной старыми чернилами и старым почерком, но никем не подписанной. Говорят, что она принадлежала человеку, занимавшемуся птицеводством².

Статья первая

Господи Боже, благослови, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Стану я, раб Божий имрек³, встречу мне рабу Божию имреку, святой Мамонтей, святой Сазонтей, Лука залутник, Стефан попутник, Труфан и Руфан святые и милостивые⁴. Я, раб Божий, помолюсь и поклонюсь святому Мамонтею, святому Созонтею, и Луке залутнику, Стефану попутнику, Труфану и Руфану милостивым, возьмите вы свои скипетры и идите на святое море Хвальинское⁵, в дальние суземья⁶ и ближние суземья, в чистые и густые камыши, и лузья⁷, и болота. И загоняйте серых, ярых, перистых и пушистых утиц морских, гуся и лебеда в мои ловушки и поставушки⁸, шелковы плутива, висячие силья со всех Божиих четырех сторон. Как катится Божия тварь, Божия колесница солнце, и месяц, частые звезды, и оболочка кудрявы в день при солнце, в ночь при месяце, также и вы, Божии птицы, четыре утицы, гуси и лебеди, летите и пловите прямо в мои ловушки и поставушки, и придите. А ежели в правую сторону своротите – тын⁹ железной от земли и до неба, в левую руку своротите – то тут пламень огненный вверх. Не слетать вниз, не подныривать, взят¹⁰ воротиться – [тут] Христовы апостолы, святой Мамонтей, святой Сазонтей, Лука залутник, Стефан попутник, Труфан и Руфан милостивые со своими скипетрами. А впереду плыть, аки в поло¹¹. Как крепко и плотно лежит мертвое тело в земле, так же бы крепки и плотны были мои белые нити, шелковые плутива, висячие силья, коневый всякой волос. Во веки веков, аминь. Во имя Отца, и Сына, и святаго Духа, аминь.

Статья¹²

Стану я, раб Божий имрек, благословесь, пойду перекрестесь¹³, из избы дверми, из двора воротами на восточную сторону, под красную зорю, под светел месяц, под луну Господню, на киян-море. На кияне-море стоит остров. В том острову святая, соборная и апостольская церковь. В той церкви святой злат престол. За престолом сидит мать пресвятая Богородица, Иисус Христос, Василий Архимандрит, вся сила небесная. Подойду я поближе, поклонюсь пониже, матушка пресвятая Богородица, благослови меня на озеро на батюшко¹⁴, на реку на матушку ставити и ладити ловушки и поставушки, конопленные поводки, хвостовые силья, на серых Божих утиц, на перистых, на пушистых, на полетучую да на пропловучую, на всю слетную птицу снебесную и поднебесную воденную птицу. Как народ православный в светлю Христово Воскресенье идет в церковь Божию веселится и радуется, и ко мне, рабу Божию имрек, такожды серыя Божии утицы плыли бы и летели в мои ловушки, в мои поставушки, со всех четырех сторон с северу, и с полуден, с востоку, из запа-

Страница рукописи П.Лепёхина «Приговоры, употребляемые при ловлении птиц». АРГО.

ду, во дне при солнце, в ночь при месяце, при мерных частых звездах, отныне и до веку. Аминь.

Как Господь Бог заключает и замыкает всю свою надселенную =кре=+++|=¹⁵, так же я заключаю и замыкаю свои слова языком. Будьте и вы, мои слова, крепки и лепки, лепче клею, тверже булата. Ключ да замок, и ключ – в море, язык – в роте, уста мои, отныне и до веку, аминь.

От уроков¹⁶

Стану я, раб Божий имрек, благословесь, пойду перекрестясь из избы дверьми, из двора воротыми на восточную сторону, под красную зорю, под светел месяц, под луну Господню, на киян-море, заговорюсь¹⁷ я, раб Божий от стрешнова и поперешнаго, из боку смотряцова¹⁸, из саде¹⁹ находящева, от колдуна и от колдунницы, от еретика и от еретицы, от чернова и от черемнаго, от рыбава, от двоезубаго, от троезубова, от двоежнова, от троежнова, от девки самокрутки, от бабы простоволоски, от чернеца, от черницы²⁰, от священника, от священницы, спереди стоящева, и з зади находящаго, сбоку смотрящева, и от завидящева, от порчящего, от урочящего, стрешному и поперешному, из боку смотрящему, и з заду находящему, и колдуну, и колдуннице, и еретику и еретице, и черному, и черемному, и рыжому, и двоезубому, и троезубому, и

двоеженому, и троеженому, девке самокрутке, бабе простоволоске, чернецу и чернице, священнику и священнице, спереди стоящему из зада находящему, из боку смотрящему, и завидящему – в один глаз соли, в другой песку, на язык горячей камень, в сердце вострый нож, на глаза тшетинки, на оба ж чтоб не видел не земли, не неба, отныне и до веку. Аминь.

Плыть ко пленкам²¹

Верую, Господи, и поклоняюсь апостолам и лицу твоему, Николае батюшко, Николай чудотворец, [как] закрыл и защитил Василия Архимандрита от морской потопы, также закрой и защити меня, раба Божия (имрек) своею нетленною ризою, отныне и до веку. Аминь.

Выплывать со зера²²

Верую, Господи, поклоняюсь апостолам и лицу твоему, Николае батюшко, Николай Чудотворец, как закрыл и защитил Василия Архимандрита от морской потопы, так закрой и защити меня, раба Божия (имрек) своею нетленною ризою от зова человека, от порченья, от уроченья, стрешному и поперешному, колдуну и колдунице, еретику и еретице, черному и черемному, рькому и белому, и русому, двоезубому, и троезубому, двоеженому и троеженому, девке самокрутке, бабе простоволоске, чернецу и чернице, спереди стоящему и з зада находящему, и з боку смотрящему и заходящему – в один глаз соли, в другой песку, на язык горячей камень, в сердце булатной нож и с шетинки на оба, что б бы не видел ни земли, ни неба, отныне и до веку. Аминь.

Как добудешь первую утку живую, то выплови на берег, вырежь пласт земли на восток и вынь, и положи белый плат, и говори:

Режу я тебя, серую утицу Божию, вострым ножом булатным. Как из тебе, из серой Божией утицы бежит кровь горячая от ретива сердца, от черной печени, от красного лехха²³ сквозь белой плат в мать сырую землю прытко, и яро, и скоро, также бы летели бы серые Божии утицы прытко, и яро, и скоро в мои ловушки, в мои поставушки со всех четырех сторон: с востоку, и с полдень, с западу и северу, отныне и до века, аминь.

Стань правой ногой пятой и приговаривай:

Как у меня, раба Божия (имрек) под правой ногой и под пятой лежит кровь горячая, и не слышит, и не видит оружейнова галку, колокольнаго звону, церковнаго пения, также бы не видели, и не слышали бы в моих ловушках и поставушках орел с орлом, коршун с коршунном, мышелов с мышеловом, ворона с вороною, сорока с сорокою не видали и не слышали бы в моих ловушках и поставушках, круг моих ловушек и поставушек три тына железных, три тына булатных отныне и до веку, аминь.

Увидишь утицу в пленнице, переговори:

Завидел я, раб Божий, в своих ловушках, в своих поставушках серую Божию утицу, свою добычу. Чур, мои думы, чур, мои худыя помышления, отныне и до веку. Аминь.

От руки брать, приговаривать:

Беру я тебя, серую Божию утицу, на белыя руки, чистыя и не порочныя. Как ты летала, серая Божия утица, по синим морям и по зеленым лугам, не урочилася и не призорилася, таковы и я, раб Божий, не урочился и не призорился, отныне до веку, аминь.

Не я тебе ломаю, чируха, голову – ломают тебе уроки и призоры урошны и полуношны, стрешны и поперешны. Не урочил я, раб (имрек) не от глазу моего, не от крови моей, не от поту моего, не от думы моей, не от слова моего, не от рук моих, отныне и до веку, аминь.

Как Бог и добрые люди города обходят, а ты, серая Божия утица, не можешь оплыть эти пленицы, отныне до веку, аминь.

Как у меня плешь чиста и гладка, так и у ево, раба (имрек), чисто и гладко в ловушках и поставушках, отныне и до веку, аминь.

Конец.

Примечания

1 Публикуется по рукописи, хранящейся в архиве Русского географического общества (АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 17). Публикация – Е.Н. Коновалова, В.Л. Козлова, примечания – Е.Н. Коновалова, В.Л. Козлова, Г.А. Крамор; сверка текста – Г.А. Крамор.

2 Предисловие Петра Лепёхина. В рукописи им тщательно сохранена стилистика оригинала, в частности, отсутствие разделительных запятых и т.п. В настоящей публикации для большей ясности понимания произведена грамматическая правка.

3 *Имрек*, т.е. нужно вставить соответствующее имя.

4 Имена святых – покровителей промысла.

5 Хвалынского море – древнерусское название Каспийского моря (БСЭ. Т. 28. – 3-е изд. – С. 222).

6 Суземья – соседние земли, хотя и дальние, в пустыях, незаселенных местах (СД. Т. 4. – С. 357). (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4-х тт.] Т. 1-4. – М., 1978-1980. Далее: СД.)

7 Лузья – устаревшая форма винительного падежа множительного числа от слова «луг»: лузья – луга.

8 *Поставушка* (сев.) – ловушка, насторожка, западня (СД. Т. 3. – С. 342).

9 *Уын* – сплошной забор, частокол. (СД. Т. 4. – С. 447.)

10 Так в рукописи, имеется в виду: «взад», т.е. назад.

11 Так в рукописи. Возможно, «полук», «оловодье».

12 Без нумерации. Надписание первой и второй статьи сопровождается изображением четырехконечного равностороннего креста и также равностороннего квадрифолия (четверолистника) с точками внутри лепестков.

13 Так в рукописи, в более поздних записях заговор: «благословясь», «перекрестясь».

14 Так в рукописи, имеется в виду: «батюшку».

15 Так в рукописи; возможно, таким образом переписчик передал неразборчивое слово.

16 Урок, призор – изуроченье, порча, глаз, насылка ворожбыта (по В.И. Далю); см. также объяснение в статье «О свадьбах, болезнях и лечении оных, и о посиденке у крестьян Ишимского округа», раздел «Болезни и лечение оных».

17 В рукописи это слово сопровождается знаком в виде восьмиконечной звезды в круге, подобной знаку сноски; однако нигде сноски не встречается.

18 Зачёркнуто: «смотрящего».

19 Так в рукописи, имеется в виду: «и сзади».

20 *Чернец*, *черница* – монах, монахиня. (СД. Т. 4. – С. 595.)

21 Пленка, пленница – вид ловушки.

22 Т.е. «с озера».

23 Т.е. «лехкого».

К статье Н.Л. Проскуряковой «Озеро, в котором нельзя утонуть».
Фотографии А.С. Звонарёва.

Закат на озере Солёном-Окунёвском.

*Жаркий день
на озере.*

*Песочные замки
на берегу.*

К статье А.П. Яркова «Об Ишимском ханстве и историческом самосознании сибиряков».

Мои старцы и повстанцы,
 (Тегорнта Сузге Кочмань)
 Билко твое владенье,
 Ловили твои жадьяны,
 Но одно тебе сосалы
 - больше кажетса мнѣ всѣмъ,
 Тамъ есть земля, дамы выстроит
 Съ десса стогны стынно горы
 Съ десса стогны кочроны ехны
 Ужонна не сменио дента,
 Руческа сканты из гадниры,
 А вдали шемитъ Нетьшы
 Прикажи мнѣ; мой бластителъ
 Тамъ построитъ тегеме
 Царскій.

Милые братья! не снѣжъ
 Вилитъ мнѣ; къ мнѣ вѣтъ мнѣ
 Шекъ какъ мнѣ пожелитъ
 Листахъ земли изъ мнѣ мнѣ
 Не вѣ рѣчѣхъ пожелитъ
 Помыслитъ мнѣ мнѣ
 Уте тѣ сѣмѣхъ, парни
 Руческихъ тегеме кочола,
 Крѣкъ мнѣ мнѣ
 Браты мнѣхъ задѣжѣхъ
 На мнѣ мнѣ мнѣ
 Уте не мнѣ мнѣ мнѣ
 Уте мнѣ мнѣ мнѣ

Иллюстрация к поэме «Сузге» П.П.Ершова.
 Акварель М.С. Знаменского.
 Сер. XIX в. ГИМ.

К статье епископа Евтихия
«Потехи и слёзы сибирской деревни».

Хоровод на Троицу.
Акварель М.С. Знаменского. Сер. XIX в. ГИМ.

Вечорка в сибирской деревне.
Акварель М.С. Знаменского. Сер. XIX в. ГИМ.

К статье Г.А. Крамора «Лестовка для Агафьи».
Фотографии автора.

Деревня Лыкова и речка Боровая Ингалинка.

В.М. Песков в деревне Лыковой.

*Та самая старообрядческая
листовка.*

Священник ПЁТР ЛЕПЁХИН

О свадьбах, болезнях и лечении оных, и о посиденке у крестьян Ишимского округа*

СВАДЬБЫ

Сватовство

Когда сын достигнет 18 лет, родители стараются приискать ему невесту. Узнав о хорошей девушке, начинают её сватать. Если невеста в другой деревне, то отец жениха приезжает сперва не прямо к отцу невесты, но к кому-либо из своих знакомых или родственников невесты, которых и посылает к невесте осведомиться у её родителей, можно ли побывать у них ему самому. Если есть на уме присватать дочь, родители её велят побывать у них женихову отцу спустя день или два, и тогда делают договор¹. Отец невесты просит с женихова отца денег, вина и даров. Самые последние² просят 9 рублей серебром и ведро вина, средственные³ 20 рублей и ведра два вина, а побогаче 30 рублей серебром и ведра три или четыре вина. Деньги эти называются калымом⁴, или запросом⁵, и расходуются на покупку невесте различных нарядов для приданого и на дары жениховой родне.

Рукобитье

Когда сделают договор о деньгах, вине и дарах, тогда бывает рукобитье⁶. Родитель невесты зажигает восковые свечи пред образами, все молятся Богу и дают отцу невестин и женихов друг другу правые руки, покрыв их платком, а сватовщик⁷ разминает у них руки. Прежде же чем невеста бывает просватана, падает отцу и матери в ноги и воеет:

«Не запросватывай, родимый батюшко,
мою буйну голову,

Не запоручивай свою праву рученьку,
Как нечем у вас будет выкупить,
Нету ста рублей, нету тысячи.

Знать-то ты, родимой батюшко,
выкупишь
Моей-то буйной головой свою-то праву
рученьку,

И отдашь-то ты меня, родимой батюшко.
Застули у своего друга милого мою-то
буйну голову,

Чтобы он не просватывал мою буйну голову
И не запоручивал свою праву рученьку».

Таким же образом причитает по братьям и сёстрам, чтобы они уговорили батюшка и матушку не запросватывать её буйную голову, не запоручивать трубчатую косу:

«Не подходи, родимый батюшко,
ко столу-то ко дубовому,

Не давай, родимой батюшко, свою праву
рученьку,

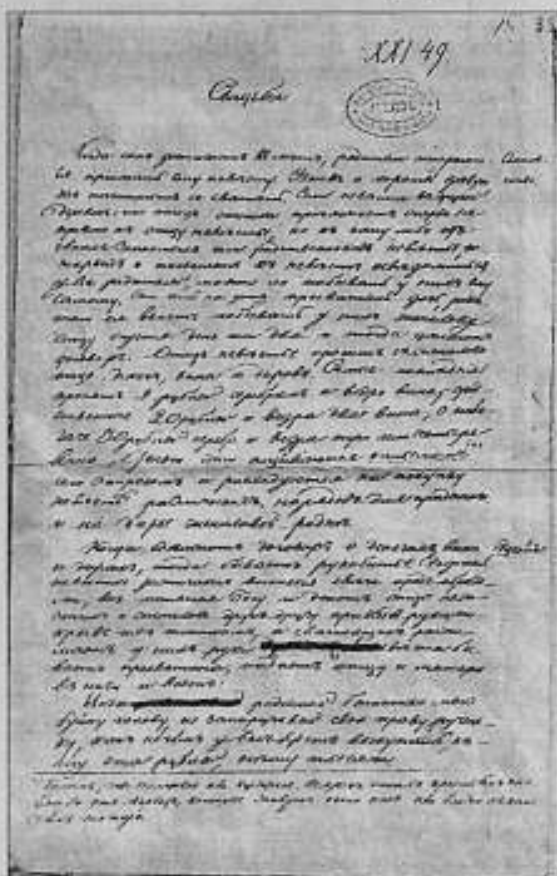
Не запоручивай, родимой батюшко,
мою-то буйну голову,

Мою-то трубчатую косу, мою-то девью
красоту,

Не сдавайся, батюшко, на чарочку зелена
вина.

Не ходи-ко, родима матушка, по полу
по кирпичному,

Не подходи-ко, родима матушка, ко столу
да ко дубовому...»

Страница рукописи П.Лепёхина
«О свадьбах, болезнях и лечении оных,
и о посиденке...». АРГО.

Так же к сёстрам и братьям.
А девицы, приглашённые на рукобитье,
поют:

«Не огни в поле загораются,
Не искорочки разсыпаются,
Не две тученьки,
Не две грозные соплываются, —
Сватушко со сватушкой,
Сватьюшка со сватьюшкой соединаются.
Пётр Иванович приходил потихохоньку,
Говорил помалёхоньку,
Он хвалит-нахваливает
Чудну дальнюю сторону,
Как чужа-то сторонюшка
Вишеньем обсажена,
Виноградьем обгорожена,
Медовой сотой⁸ полёвана,
Я сама-то знаю-ведаю,
С глупа разума догадаюся,
Что чужа-то дальна сторона
Горестью обсажена,
Горячьми слезьми полёвана.
Нанче по Волге-реке
Не пройти, не проехати,
Мощёны мосты калиновье»

Не пройти, не проехать,
На тех дубовых плотах
Агафья дары мыла,
Дары мыла дорожие,
На тех плотах Харитон коня поил,
А с Агафьюшкой речь говорил:
Агафьюшка, не утони,
Гавриловна, не утони.
Хоть я утону, хоть я упаду,
За тебя не схватаюсь⁹,
Я схватаюсь за батюшка
За Гаврила Егоровича,
Ещё я схватаюсь за родиму за матушку».
В этой же песне пропевают всех родственников невесты.

«Из терему в шатёр прошла,
Из высока в новой прошла
Агафья Гавриловна
Она будила-убуживала
Дородна добра молодца
Харитона Игнатича:
Стань, убудися, доброй молодец,
Я пришла к тебе не пить, не ись,
Я пришла к тебе в карты играть.
Играли день до вечера,
Проигрался, прохвастался
Удалой доброй молодец Харитон Игнатьевич,
Проиграл он с руки золот перстень
Со алмазной со ставочкой,
Отошла она, разсмеялася,
Что проигрался, прохвастался.
Из терема в шатёр прошла,
Из высока в новой прошла
Агафья Гавриловна
Она будила-убуживала
Дородна добра молодца
Харитона Игнатича:
Стань, убудися, доброй молодец,
Я пришла к тебе не пить, не ись,
Я пришла к тебе в карты играть.
Играли день до вечера
Тогда проиграла, прохвасталася
красна девица,

Проиграла буйну голову,
С трубчатой косой,
С алой ленточкой,
С девьей красотой».

После просватанья¹⁰ невеста дарит будущему свёкру плат¹¹, а он отдаривает ей деньгами. Тут бывает угощение вином. Свага просят, чтобы привёз посмотреть жениха. Пока сват гостит у свага, девицы — подружки невесты, приглашенные к рукобитью, прогуливаются на его лошади по улице с проголосными песнями¹². После того сват отправляется домой.

Подружки гостят у невесты до самой свадьбы и во всё это время поют разные свадебные песни и шьют на невесту приданое, а невеста проводит время в слезах и воет, особенно она воет каждое утро и вечер. Утром, пробудясь от сна, невеста воет:

«Вы любезны мои подруженьки,
Станьте, пробудитесь,
Покот-то ранны петухи,
Будят да ранны петухи
Чужого чужанина.
Вы, любезные подруженьки,
Побудите родимого батюшка,
Чтобы мой родимой батюшко
Изооставил ко дверям-то приверников,
К воротам-то приворотников,
Изооставил по путям и по дороженькам

Караулы крепкие, чтобы нельзя было
Пройти и проехать моему-то разлучнику
И разлучить меня-то, горькорькую,
С родимым-то батюшкой,
И со родимой матушкой,
И со всем-то родом-племенем
И с мой-то девьей красотой».

К брату:
«Ты вставай, родимой братец,
Поутру раненько,
Ты умойся холодной, ключевой водой,
Ты утрись, родимой братец,
Тонким белым полотенечком,
Ты помолись, родимой братец,
И поиди во конюшний двор,
Ты поймай своего доброго коня
На тесмянную уздицу,
Оседлай ты его
Во черкасское седельышко,
Да поезжай-ко ты,
Родимый братец, к чужу-чужанину.
Откажи, родимой братец,
Чужу-чужанину
От мой-то девьей красоты».

Когда кто приходит к невесте из знакомых или родственников, подружки уводят её за занавесу, накрывают голову шалью, она наклоняется, уперши руки в лице, а подружки воют:

«В горях-то я не услышала,
Во слезах-то я не увидела,
Что есть в гостях у батюшка
Дорогой гость небывалой.
Присупись-ко ты,
Млад ясен сокол,
Во темну куть¹³, за занавесу,
Ко кручинной красной девушке
От роду не впервые,
Девьей красоте впоследны».
Когда гость придёт за занавесу, воют:
«Уж как я-то, горько-бедная,
Не могу я стать, поднятися
Со брущатой белой лавицы,
На свои-то ножки резвые».

По пропетии невеста подаёт гостю рюмку вина, которое оставляет ей отец женихов. Гость выпивает вино, кладет ей на поднос денег копеек 20 или 10 меди и целует невесту и всех её подруг.

Свидание жениха с невестой

Спустя дня три после рукобитья жених с сестрой или хресьной¹⁴ приезжают в гости к невесте. Их встречают родители и подружки невесты и сама невеста, родители доходят до самых саней, а невеста с сестрой или подружкой остаётся на крыльчке; и как только жених поклонится, невеста наперёд всех уходит в горницу и садится за занавесу, жених со своей гостьей идёт впереди всех в горницу¹⁵, молится Богу, кланяется всем и садится на лавку. Спустя не много времени жениха приглашают девицы за занавесу:

«Во горях-то я не услышала,
Во слезах-то я не увидела
Дородна добра молодца
Семьна Офонасьича.
Присупись-ко ты,
Млад ясен сокол,
Во темну куть, за занавесу
Ко кручинной красной девице.
Не убойся-ко моего горя великого,
Не огнём-то оно горит, не пламенем,

Не сожжёт твоего лица белого,
 Мою-то горячи слёзы
 Не рекой текут, не быстрою,
 Не подмочат твоё платье цветное.
 Зову я тебя не ради гостиничков,
 Зову я тебя ради свиданьица».
 Когда взойдёт жених, вюют:
 «Не могу я, горька бедная,
 Стать, подняться
 Со брусчатой белой лавицы
 На свои-то ножки резвые».

Невеста подаёт жениху рюмку вина и дарит плат, а он отдаривает ей деньгами. После того припевают за занавесу гостью женихову, которой невеста подаёт вина и дарит шаль, а она отдаривает ей деньгами. Это свиданье жениха с невестой называется маленьким смотреньцем¹⁶.

По выходе из-за занавесы гостей угощают хлебом-солью, вином, пряниками, орехами. После закуски гости отправляются домой, их провожают, на крыльце невеста дарит жениху ковер и бранные вожжи¹⁷, прощаются и уезжают домой, а девицы садятся в сани жениху и поют разные проголосные песни. Проехав улицу, жених подвозит девиц до дому невесты и тогда же уже окончательно уезжает.

Приготовление к свадьбе

К свадьбе готовят с обеих сторон. Варят помногу пива, запасают разные кушанья, моют избы¹⁸. Особенно замечательно мытьё избы у жениха. Тут собираются знакомые женщины и девицы, скоблят ножами не только полы, даже стены и потолки с пением разных песен. Мыльниц¹⁹ угощают хлебом-солью и вином, прокатывают на конях по улицам, а они распевают громко проголосные песни и по тому прочие жители догадываются, что у жениха мыли избы.

Девишник

Жених и невеста моются в бане. Особенно замечательно мытьё невесты. Она моется накануне приезда жениха. День этот называется девишником. Идти в баню невеста благословляется у отца и матери, в бане моют её девицы, которые у невесты с головы берут себе мыльную пену, хлопают её ладонями, и на которую девицу улетит пена, та, по замечанию их, в этот же год должна выйти в замужество. По выходе из бани невеста воеет:

К матери:

«Почеши, родима матушка,
 Мою буйну голову,
 Ты тихошенько да помалёшиньку,
 Не испужай мою девью красоту,
 Моя-то девья красота
 Вьётся да увивается,
 Поверх моей буйной головушки,
 Она ласточкой-косаточкой,
 По конец-то трубочатой косы,
 От роду не аперевы,
 Девью красоте впоследни».

К подружке:

«Ты любезная подруженька,
 Оведоть ты Михайловна,
 Ты заплети, моя голубушка,
 Мою-то трубочату косу,
 Мелким-то ты мелкёшеньки,
 Во пшенишно мелко зёрнышко,
 А ещё мельчае того, в маково семячко;
 По корень-то трубочатой косы

Два ножичка булатные,
 Посередь-то трубочатой косы
 Два камня самоцветные,
 По конец-то трубочатой косы
 Две кисточки красна золота;
 Буду я, горька-бедная,
 На чужой-то дальней сторонушке,
 И станут-то княжи свашиньки
 Расплетать-то трубочату косу,
 И доплетутся оне
 До кисточек красна золота,
 Оне будут дивоватися,
 Я ещё да покрасуюся
 Во своей-то девью красоте;
 Доплетутся княжи свашиньки
 До двух камушков самоцветных,
 Оне будут дивоватися,
 Я ещё да покрасуюся;
 Доплетутся княжи свашиньки
 До двух ножичков булатных,
 Оне подрежут да ручки белья,
 Оне пойдут-то, княжи свашиньки,
 На Дунай-реку, замывати ручки белья,
 Я ещё да покрасуюся
 Во своей-то девью красоте:
 Теперь-то моя девья красота
 Поверх моей буйной головушки,
 Обернётся моя девья красота,
 Она ласточкой-косаточкой,
 Полетит-то моя девья красота
 Во далече во чисто поле,
 На кустички на ракитовы,
 И поведет чужой чужанин
 На своём добром комане²⁰,
 И подстрелит мою девью красоту,
 А ко мне-то, горемышной,
 Придёт бабья старость,
 Косточками подпирается
 И ногами запинается».

Поезд за невестой²¹

После разных приготовлений женихов отец собирает поезжан²²: вежливца²³, тысяцкого²⁴, дружек²⁵, бояр²⁶, сваху. Когда все гости соберутся и всё готово будет к поезду, тогда дружка или вежливец наговаривает:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Есь ли у себя, у Бога в доме, у себя во светлой грине²⁷, у нашего князя молодого отец да мать? Есть ли?»

Отвечают: «Есь».

Дружка: «Батюшко родимой, матушка родима, как вы своего милого сына хорошо породили, умели поить-кормить и в цветное платье нарядить, благословите-ко вы своего милого чада взять ковши и чары²⁸ налить, из корца в корец²⁹ сладкий мёд перелить, и по светлой грине³⁰ ходить, себе княжий полк³¹ прибрать, по роду бояр выбирать, и по породству бояр садить, кому быть тысяцким, и кому большим человеком вежливецом, и большими боярами, и меньшими боярами, и княжьей свахой, резвой дружкой и подружьём³², проводником³³ и повозником³⁴».

Отвечают: «Бог благословит».

Дружка продолжает: «Посередь, под полаты, дедья и тётки, отцы и хрёсны, кум, кума, весь род-племя, старые старики и пожилые мужики, головы гладки, бороды широки, усы толсты, умы густы-зависисты, Господу Богу сполжовны, а у нашего светлого князя во всю светлую гринку посажёные, бла-

гословите-ко вы нашего князя молодого взять ковши и чары налить, из корца в корец мёд перелить, и по светлой грине ходить, себе княжий полк прибрать, по роду бояр выбирать и по породству бояр садить, кому быть тысяцким, и кому быть большим человеком вежливым, и большими боярами, и меньшими боярами, и княжьей свахой, резвой дружкой и подружьем, проводником и повозником».

Отвечают: «Бог благословит».

Дружка продолжает: «И в куть, по лавице, за перчатъми занавесы, полки травчатые и стены муравчатые, девицы-певицы, молодья молодичи, дочери отецки, жёны молодецки, а у нашего князя молодого сплюбовныя потешницы, благословите-ко вы нашего князя молодого взять ковши и чары налить, из корца в корец мёд перелить, и по светлой грине ходить, себе княжий полк прибрать, по роду бояр выбирать и по породству бояр садить, кому быть тысяцким, и кому быть большим человеком вежливым, и большими боярами, и меньшими боярами, и княжьей свахой, резвой дружкой и подружьем, проводником, повозником».

Отвечают: «Бог благословит».

Дружка: «По брусьям, по грядкам³⁵, маленьки ребятки, свиные опупки, курицьи желудки, косые воротки и строченые лямки, носы толсты, сопли густы и зависисты, благословите-ко вы нашего князя молодого взять ковши и чары налить, из корца в корец мёд перелить, по светлой грине ходить, себе княжий полк прибрать, по роду бояр выбирать и по породству бояр садить, кому быть тысяцким, и кому быть большим человеком вежливым, и большими боярами, и меньшими боярами, и княжьей свахой, резвой дружкой и подружьем, проводником, повозником».

Отвечают: «Бог благословит».

Благословившись у всех прибрать жениху княжьей полк, дружка наговаривает:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Батюшко родимый, матушка родима, благословите-ко вы нашего князя молодого со всем его дорогим храбрым полком-поездом с большим человеком тысяцким, и с большим человеком вежливым, и с большими боярами, и с меньшими боярами, и с княжьей свахой, и с дружкой, подружьем, проводником, повозником зайти, заступит за столы дубовые, и за скатерти браные, и за яства сахарныя, и за питья медвяныя, и стать нам в княжье место, и где ведётся княжье место, под чудными образами, под воскуяровыми свечами, и присесть нам на брущатую лавицу, на тавты, камки сарацынская, на куницы заморския, на бобры пецорския, и благословите».

Отвечают: «Бог благословит».

«Посередь под полатями дедья и тётки, отцы и хрёсны, кум, кума, весь род-племя, старые старики и пожилые мужики, головы гладки, бороды широки, усы толсты, умы густы-зависисты, Господу Богу сплюбовны, а у нашего светлого князя во всю светлую гриню посажённы, благословите-ко вы нашего князя молодого и со всем его дорогим храбрым полком-поездом, с большим человеком тысяцким, и с большим человеком вежливым, и с большими боярами, и с меньшими боярами, и с княжьей свахой, и с резвой дружкой, подружьем, с проводником, повозником зайти, заступит за столы дубовые, за скатерти

браные, за яства сахарныя, и за питья медвяныя, и стать нам в княжье место, и где ведётся княжье место, под чудными образами, под воскуяровыми свечами, и присесть нам на брущатую лавицу, на тавты³⁷, камки сарацынская³⁸, на куницы заморския, на бобры пецорския⁴⁰, и благословите».

Отвечают: «Бог благословит».

«И в куть, по лавице, за перчатъми занавесы, полки травчатые и стены муравчатые, девицы-певицы, молодья молодичи, дочери отецки, жёны молодецки, а у нашего князя молодого сплюбовныя потешницы, благословите-ко вы нашего князя молодого и со всем его дорогим храбрым полком-поездом, с большим человеком тысяцким, и с большим человеком вежливым, и с большими боярами, и с меньшими боярами, и с княжьей свахой, и с резвой дружкой и подружьем, проводником, повозником зайти, заступит за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарныя, и за питья медвяныя, и стать нам в княжье место, и где ведётся княжье место, под чудными образами, под воскуяровыми свечами, и присесть нам на брущатую лавицу, на тавты, камки сарацынская, на куницы заморския, на бобры пецорския, и благословите».

Отвечают: «Бог благословит».

«По брусьям, по грядкам, маленьки ребятки, свиные опупки, курицьи желудки, косые воротки и строченые лямки, носы толсты, сопли густы и зависисты, благословите-ко вы нашего князя молодого и со всем его дорогим храбрым полком-поездом, с большим человеком тысяцким, и с большим человеком вежливым, и с большими боярами, и с меньшими боярами, и с княжьей свахой, и с резвой дружкой и подружьем, проводником, повозником зайти, заступит за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарныя, и за питья медвяныя, и стать нам в княжье место, и где ведётся княжье место, под чудными образами, под воскуяровыми свечами, и присесть нам на брущатую лавицу, на тавты, камки сарацынская, на куницы заморския, на бобры пецорския, и благословите».

Отвечают: «Бог благословит».

После того дружка или вежливее заводит весь поезд за стол по солнышку, садятся за стол и едят разные кушанья, пред каждым озражая себя крестным знаменем и пред каждым кушаньем пьют вино, и дружка наговаривает: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Батюшко родимый, будь тебе челом наш князь молодой, вашему здоровью корцем, мёдом, низким поклоном, извольте-ко вы от нас, резвых дружек, корец принять, из корца мёд выкушать, и дайте вам Господи сахаровы уста, винограды в сердце, душе на спасенье и буйной голове на веселье, пей до дна и моли добра нашему князю молодому».

Дружка подаёт вина повару с поварихой, приговаривая: «Повар-батюшко, поварушка-матушка, попой, покорми нашего князя молодого со всем его храбрым полком-поездом на путь на дорожку».

Всех гостей дружки подчивают⁴¹ с приговорами.

После еды дружка говорит: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Батюшко родимый, матушка родима, благословите-ко нас, резвых дружек, хлеб да соль звеличать».

Посередь под полатями, дедья и тётки, отцы и хрёсны, кум, кума, весь род-племя, старые старики и пожилые мужики, головы гладки, бороды широки, усы толсты, умы густы-зависисты, Господу Богу сполюбовны, а у нашего светлого князя во всю светлую гриню посажёные, благословите-ко нас, резвых дружек, хлеб да соль звеличать.

И в куть, по лавице, за перчатая занавесы, полки травчаты и стены муравчаты, девицы-певицы, молодья молодичи, дочери отецки, жёны молодецки, а у нашего князя молодого сполюбовныя потешницы, благословите-ко нас, резвых дружек, хлеб да соль звеличать.

По брусьям, по грядкам, маленьки ребятки, свиные опупки, куричы желудки, косые воротки и строчёные лямки, носы толсты, сопли густы и зависисты, благословите-ко нас, резвых дружек, хлеб да соль звеличать».

Взвеличав хлеб и соль, молятся Богу, выхоят из-за стола⁴² и благодарят хозяев.

После того дружка опять громогласно с важным видом начинает наговаривать, а прочие слушают:

«Батюшко родимой, матушка родима! Как вы своего милого чада хорошо породили, умели поить-кормить и в цветное платье нарядить, благословите-ко своего милого чада выйти на широкую улицу, взять узду тесмянную, идти к себе на конюший двор, поймать себе добрый конь, запрягчи в скачки⁴³, санки-пошевёночки⁴⁴, и встать ему на путь на дорогу, и по пути по дороге соколом лететь и ехать ему по сужено⁴⁵ по ряжено⁴⁶, и сужено ряжено понять⁴⁷, и к Божьей церкви предстать, и под злат венец стать, и Закон Божий принять, и чуден крест целовать, и к отцу, к матери на орченое место стать, где ему Господь Бог повелел.

Посередь под полатями, дедья и тётки, отцы и хрёсны, кум, кума, весь род-племя, старые старики и пожилые мужики, головы гладки, бороды широки, усы толсты, умы густы-зависисты, Господу Богу сполюбовны, а у нашего светлого князя во всю светлую гриню посажёные, благословите-ко вы нашего князя молодого выйти на широкую улицу, взять узду тесмянную, идти к себе на конюший двор, поймать себе добрый конь, запрягчи в скачки, санки-пошевёночки, и встать ему на путь на дорогу, и по пути по дороге соколом лететь и ехать ему по сужено по ряжено, и сужено ряжено понять, и к Божьей церкви предстать, и под злат венец стать, и Закон Божий принять, и чуден крест целовать, и к отцу, к матери на орченое место стать, где ему Господь Бог повелел.

И в куть, по лавице, за перчатая занавесы, полки травчаты и стены муравчаты, девицы-певицы, молодья молодичи, дочери отецки, жёны молодецки, а у нашего князя молодого сполюбовныя потешницы, благословите-ко вы нашего князя молодого выйти на широкую улицу, взять узду тесмянную, идти к себе на конюший двор, поймать себе добрый конь, запрягчи в скачки, санки-пошевёночки, и встать ему на путь на дорогу, и по пути по дороге соколом лететь и ехать ему по сужено по ряжено, и сужено ряжено понять, и к Божьей церкви предстать, и под злат венец стать, и Закон Божий принять, и чуден крест

целовать, и к отцу, к матери на орченое место стать, где ему Господь Бог повелел.

По брусьям, по грядкам, маленьки ребятки, свиные опупки, куричы желудки, косые воротки и строчёные лямки, носы толсты, сопли густы и зависисты, благословите-ко вы нашего князя молодого выйти на широкую улицу, взять узду тесмянную, идти к себе на конюший двор, поймать себе добрый конь, запрягчи в скачки, санки-пошевёночки, и встать ему на путь на дорогу, и по пути по дороге соколом лететь и ехать ему по сужено по ряжено, и сужено ряжено понять, и к Божьей церкви предстать, и под злат венец стать, и Закон Божий принять, и чуден крест целовать, и к отцу, к матери на орченое место стать, где ему Господь Бог повелел».

Родители благословляют жениха

После слов дружки родители благословляют жениха образом и хлебом-солью. Жених, стоя на потнике⁴⁸, кладёт пред образом, который отец держит в руках своих, с зажжёною свечою, три в пояс и три земных поклона, потом лежит ниц⁴⁹, его лежащего благословляет, ограждает крестообразно иконою отец. Потом жених встаёт, опять кладёт три в пояс и три земных поклона пред иконою, которую держит мать, опять лежит на полу, тогда мать ограждает его той же иконою. Так же благословляют хлебом-солью, а девицы в то время поют:

«Не стук стучит во тереме,
Не гром гремит во высоком –
Семён Богу молится,
Афанасьевич низко кланяется,
У батюшки, у матушки благословляется:
Благословляй, сударь батюшко,
Благословляй, сударыня матушка,
Съездить мне по душу красну девицу
Пелагею Ивановну».

После благословения жених и все поезжане молятся Богу, одеваются в дорожное платье и отправляются на улицу. При этом поют песню:

«Из лугу, лугу, из зелёного лугу
Кони-то бегут с чёрна и ворона.
Чей конь леродом, наперёд он забегает,
Ивана Абрамовича наперёд конь забегает.
Голову конь несёт кочетом⁵⁰,
А уши конь несёт – два булатные ножа,
А гриву конь несёт колесом да колесом,
А спину конь несёт дубовой скамьей,
А хвост конь несёт золотой трубою,
Копыта конь несёт на седельной на луке⁵¹.
Хочет разлучить Акулину с батюшкой,
С Логином Гавриловичем,
Хочет прилучить к чудну батюшку,
Абраму Васильевичу».

Впереди всех их идёт вежливец с благословенной иконою с коєю по солнышку и обходит кругом три раза всех уже запряжённых лошадей, кои стоят привязанными у верёвки, протянутой нарочно для свадьбы среди огады. На восточной стороне жених останавливается, молится Богу, а дружки на верховых [лошадях] объезжают за ним же.

Потом сторож отдаёт икону, все садятся и, сняв шапки и перекрестившись, выезжают из огады и отправляются к невесте. Жених садится с тысяцким, сторож – с каким-либо боярином, сваха – с повозником, а двое дружек впереди на верховых лошадях. У лошадей привязаны ширкуны⁵², а на самих дружках при про-

чем хорошим наряде обыкновенно бывают надеты цветные драдедимовые²³ шали крест накрест через плечи на груди, а за опояской затыкаются плети. При отправке вежливцев налепляется на кресты всех, кои поедут со свадьбой, воск с какими-то тайными словами. Сколько бы сaney ни запрягалось для поезжан, к дугам всех их привязывают колокольца по два или по три.

Приезд к невесте

По приезде в деревню, где живёт невеста, весь поезд въезжает на ограду к сватовщиму. Погодив немного, дружка со сватовщиком отправляются к невесте. Пришед в ограду, дружка стучится на улице у избоного окна и говорит: *«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!»* Ему из избы отвечают: *«Аминь»*. Дружка продолжает: *«Родимой сватушко, как у вас было с нашим сватовщиком на сватанье ввечеру, на обрученье на время положились, на тот-то час-время, вставал наш князь молодой поутру раненько, обувался, умывался, в цветное платье наряжался, у отца, у матери благословлялся, себе княжий полк прибрал, по роду бояр выбирал, по породству бояр садил, кому быть тысяцким, кому быть большим человеком вежливецем, и большими боярами, и меньшими боярами, княжей свахой, резвой дружкой и подружьем, проводником повозником, вышел он на широкую улицу, взял тесмяную узду, пошёл на конюший двор, поймал себе добрый конь, запряг в санки, скачки, пошевеночки, стал на путь на дороженьку, ехали мы с ним путём-дорогою, наехали на куней след²⁴; следили мы тот след по кустам, по раки-там²⁵, по мелким чащам, приследили мы этот след к твоему двору – как к городу, а к избе – как к терему, и ушла кунца в терем, прикажи кунцу сыскать, или в терем пускай»*.

Отец невесты велит войти дружке со сватовщиком. Дружка берёт дверь за скобу, творит молитву, стучает каблуком три раза в дверь, отворяет двери, идёт через порог и говорит: *«Скок через порог, едва ноги переволок, мохнатой зверь да на боатой двор. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Есть ли у себя, у Бога в доме, у себя во светлой грине, у нашей княжни молодой, есть ли отец да мать?»* Отвечают: *«Есть»*. Дружка: *«Родимой сватушко, как у вас было с нашим сватовщиком на сватанье ввечеру, на обрученье, на время положились, на тот-то час-время, вставал наш князь молодой поутру раненько, обувался, умывался, в цветное платье наряжался, у отца, у матери благословлялся, себе княжий полк прибрал, по роду бояр выбирал, по породству бояр садил, кому быть тысяцким, кому быть большим человеком вежливецем, и большими боярами, и меньшими боярами, княжей свахой, резвой дружкой и подружьем, проводником повозником, вышел он на широкую улицу, взял тесмяную узду, пошёл на конюший двор, поймал себе добрый конь, запряг в скачки, санки-пошевеночки, стал на путь на дороженьку, ехали мы с ним путём-дорогою, и с пути с дороги нас, резвых дружек, послали к вашему здоровью челообитье отправить, и поклон отдать, что едет в добром здоровье и во всяком благополучии наш князь молодой Семён Афанасьевич, как у вас, здорово ли и благополучно?»* Ему отвечают: *«Слава Богу»*. Дружка подбивает вином родственников не-

весты и просит, чтобы ему позволили приехать со всем поездом. Ему отвечают: *«Надо ещё погодить, невеста не готова»*. Дружка отправляется в квартиру. Погодив немного, дружка опять приезжает к невесте и входит в избу с прежними наговорами. Тогда ему велют приезжать с поездом.

Смотренье

Когда приедут к невесте с поездом, входят в избу, накрывают скатерть, садятся прямо за стол, ставят на стол всё своё: каральки²⁶, пироги, вино, стакан, ножик, свечу, подсвечник, даже огонь, ибо случается, что если оробеет дружка до поезда войти в избу и взять на свою свечу огня со свечи, горящей в избе невесты, то огонь погашают, и поезд должен входить в потёмках. Тогда невеста выходит из занавесы с сестрою или подружкою, кладёт святым иконам три поклона в пояс, кланяется на все четыре стороны, постоит немного и уходит опять за занавесу. Потом спрашивают потихоньку родственники у жениха, поглянула ли ему невеста, а у невесты – поглянулся ли ей жених. Если поглянулись друг другу жених и невеста, то с обеих сторон объявляют о том вслух.

Тогда зажигают пред образами свечи и делают рукобитье, которое происходит несколько отлично от первого, которое было на сватаньи. Сперва даёт руку отец женихов, сторож покрывает её платочком. На руку женихова отца кладёт руку отец невесты, сторож покрывает её платочком. Потом кладут руки мать женихова и мать невестина, на верх всех жених, и все эти руки сторож покрывает одним и тем же платочком. Потом сторож раскрывает платочек, а тысяцкий размывает руки.

После рукобитья отец женихов отдаёт отцу невестину рядное²⁷ вино, из коего половину этот уносит в особое место, а другую оставляет тут. Потом приглашают к стакану родню невестину. После того ходят за занавеску свёкор, свекровка и все поезжане. Невесту садят за стол с женихом, вежливцев переменяет у них кольца. Невестин отец опять призывает к стакану или к угощению вином свою родню. Все эти церемонии у невесты продолжаются почти всю ночь. Утром, уже иногда на свету, женихи (так обыкновенно [называют] жениха и весь его поезд) уезжают от невесты в свою квартиру, куда просят отца и мать невестиных, потом невестиных подружек-девочек, коих угощают вином, пряниками, орехами; девочки приезжают на жениховых конях с песнями.

Когда гости уедут от жениха, тогда посылают от жениха чулки, башмаки, шубу, шаль и просят, чтобы невесту одели к венцу.

Невесту одевают к венцу

Невесте расплетают косу, одевают в рубашку и сарафан, подпоясывают, на сарафан надевают другую рубашку и другой сарафан; чулки, башмаки, шубу, шаль надевают жениховы, хотя бы свои были лучше. Сарафан к венцу надевают не самый лучший, а похуже; лучший надевают уже на завтра свадьбы, в стол²⁸. В пазуху под нижний сарафан кладут невесте копейку, пирог, горсть кудели²⁹, часть мыла, которое она держит и во время венчания; и всё это для того, чтобы счастливо жить в замужестве.

Когда невеста оденется, приезжает поезд. Невестина сваха выходит на улицу, здороваает-

ся с жениховой свахой. Тут у крыльца происходит у них подчиванье, одна сваха другой старается из своего стакана перелить вино, если женихова сваха успеет налить невестиною, то замечают, что женихова будет бульшина, а если невестина сваха наперед нальет вина жениховой, то бульшина будет невестина.

Отправляются к венцу

Поезд входит в избу, молится Богу, кланяется, а невестины братья или сёстры сидят за столом и на поклоны не откланиваются, и не встают с места. Тут им подают вина, дают каралек, даже денег, но они всё не встают с места. Тогда дружка бросает за них плетль, и они выходят из-за стола, а поезд входит за стол. Отец и мать выводят невесту из-за занавеси во всём наряде. Невеста молится Богу и причитает со слезами:

*«Первой поклон положу я за царя белаго,
Второй поклон положу за родимаго батюшка,
А третий поклон положу за матушку».*

Потом кладёт поклоны за разных родственников, а последний поклон — за свою девью красоту, и все — с причетами. Тогда невесту садят за стол с женихом, и сторож невесту с её свахой принимает в своё хранение, в свой полк. За столом поезжане едят и пьют, а жених с невестой не едят до венца. Из-за стола выходят, когда будет поставлен тут сырой закрытый гусь. В это время дарят невестину родню. Сторож всем, кои поедут к венцу, налепляет воск с тайными словами, а те кланяются ему в ноги. После того отец и мать невестины благословляют иконой жениха и невесту. Сторож с иконой выходит на улицу, обходит по солнцу три раза коней, возвращается в дом, и тогда, распростившись, отправляются к венцу. Невеста садится со своей свахой. С пути дружки возвращаются в дом невесты, репортуют о благополучном своём путешествии, благодарят за угощение. Тут ещё достаётся им по несколько рюмочек винца. А поезд едет потихоньку или останавливается на дороге; тут зимой поезжане друг друга катают в снегу.

Что бывает во время венчания

Во время венчания тысяцкий стоит по правую руку жениха, переменяет обручальные кольца, после венчания берёт свечи, кои держали жених и невеста, завертывает их в платок и увозит домой⁶⁵. Свахи стоят на невестиней стороне: невестина сваха подле невесты, а женихова — возле невестиною; когда жениха с невестой обедают круг налю⁶¹, свахи целуются и переменяются местами.

После венчания

После венчания с невестой садится в сани женихова сваха, а жених с тысяцким — в другие сани. Невесту в сани должен посадить жених. После венчания редкая свадьба не заезжает к кабаку, в который входят поезжане выпить на дорожку и взять винца с собой.

Приезд от венца

Когда приедут от венца, новобрачных встречают на улице с пением следующей песни:

*— Уж вы, соколы, соколы,
Перелётные соколы,
Вы куда, соколы, летали?
— Уж мы летали, соколы,
С моря на море.*

— Вы чего, соколы, видели?

— Уж мы видели, соколы,

Белую лебедь на збводе⁶².

— Вы о чём её не поймали?

— Уж мы поймати не поймали,

Право крылышко заломили.

— Уж вы, бояра, бояра,

Куда, бояра, ездили?

— Мы ездили, ездили

С города на город.

— Вы чего, бояра, видели?

— Уж мы видели, бояра,

Красну девицу в высоком терему.

— Вы о чём её не привезли?

— Мы привезти не привезли,

Русу косу расплели,

На две заплели.

Благословляют новобрачных

Потом отец и мать, а также хрёсной и хрёсна благословляют новобрачных иконою, хлебом и солью. Это некоторые совершают в избе, а другие — на улице перед крыльцом, даже зимой. Сторож заводит весь поезд за стол, а дружка производит такие же наговоры, как и прежде.

Окручают невесту

Пред началом кушанья невесту окружают, т.е. свахи заплетают ей косу на две половины, надевают на голову шамшуру⁶³ или рогульку⁶⁴, и на неё уже плат или косынку. А дружки в то время пред невестой держат шаль, чтобы другие не видели этого действия. Во время окручивания поют:

«Семичко, семичко голубино,

Мелко зёрнышко.

Тебя не множно посеяно,

Тебя много уродилося.

Тебя три поля чистья,

Три раздолья широкия,

Первое поле — до Киева,

Второе поле — до Астрахани,

Третье поле — до Чернова.

Девья красота в меду полоскалася,

В сахару омывалася,

На солнышке сушилася,

От Окулины откатилася,

А бабья старость во дёгте купалася,

Во смоле обмывалася,

На пече в углу сушилася,

По подлавецью валялася,

К Окулине подпигалася⁶⁵,

На головушку надевалася».

Подклет

Из-за третьего или пятого кушанья новобрачных отводят на подклет⁶⁶, после чего они называются молодыми. В это-то время особенно просят сторожа, чтобы он поладил на совет и на любовь. Об этом хлопочет невестина сторона, и сторожу идут дары от невесты.

Баня для молодых

На следующее утро молодых ведут в баню с песнями, порознь: мужчины — молодого, а женщины — молодую. Баню топят только для смеху голиками⁶⁷ и вместо горячей воды употребляют снег. В бане молодая подбивает прочих пивом, даже и вином, это называется «быть у молодой на белилах». Тут бывает довольно шуток у обоих полов. Свекровь молодой приез-

жают в баню в шубе вверх шерстью и в мохнатой шапке и на клюке или помеле²⁰, в штанах или чембарах²¹, с колокольцем и с плетью. В бане молодая сноха дарит ей рубаху, надевая на шубу и кланяясь, а свекровь стегает её плетью и приговаривает: «*Это свекрова гроза*», — опять стегает и говорит: «*Это свекровкина гроза*», — а в третий раз стегает попухе и приговаривает: «*Это мужнина гроза*». По выходе из бани молодая должна чесать голову у молодого. Если молодая бойкая, то лишь всадит гребень в голову молодому, тотчас и целует его; если же она не догадается при начале чесания поцеловать его, то другие свадебщики полстят²⁰ голову, и это делается до тех пор, пока молодая не поцелует молодого.

Столовый день

Когда после бани молодые приоденутся, дружки ездят на санях звать соседей и знакомых на обед, на стол, на беседу. Кто идёт на стол, тот несёт вина по своей силе и отдаёт его отцу женихову. Из-за 9-го и 12-го кушанья все гости прокатываются на конях по улицам с громогласными проголосными песнями, кои поют, как довольно пьяненькие, очень нестройно, — это называется «провождать невестину сваху»; а молодые в то время остаются за столом. Погулявши, опять садятся за стол, а молодые во время стола стоят и кланяются гостям пред каждым кушаньем.

На другой день свадьбы утром молодая печёт блины и подбивает всех гостей, а ей на блины дарят, кто что поусердствует. После того молодая метёт солому, которая была наношена на пол, когда ждали от венца, и которая от разных шуток мужчин с женщинами и девочками вся измята. В солому молодой бросают денег, кои она выбирает и снова метёт.

Гости разъезжаются

Наконец, дарят сторожа и провожают его и всех гостей.

Хлебины

Спустя несколько времени бывают хлебины. Хлебинами называется то, когда молодые приезжают в гости к родителям молодой. Тогда родители молодой созывают к себе своих родственников или знакомых, кои, в свою очередь, зовут к себе молодых с гостями, и это гулянье продолжается дня по три и более.

Название «молодые» присваивается новобрачным в течение целого года.

БОЛЕЗНИ И ЛЕЧЕНИЕ ОНЫХ

Уроки, призоры, т.е. головная боль с холодными ушами. Они случаются как с младенцами, так и с возрастными, будто после того, как кто сторонний или домашние посмеются над затылками или похвалят большого за какие-нибудь проворства, здоровье, весёлость. Лечат от уроков наши лекаря обыкновенно так: берут стакан или чашку воды, подносят его к самому рту, ограждают себя крестным знаменем, читают известные им слова над водою, потом вдрут спрыскивают больного — или всего, или только лице, — в бане или дома, и после того бывает легче.

Уроки бывают над цыплятами гусиными и утичьими; цыплята, особенно если их много, с глазу или озевица падают на спины, мognут на

воде и пропадают. У нас есть люди, кои пособляют²¹ этому горю, кои падут цыплят от уроков, и им бывает легче.

Полунощница, чекотуха. Ночью дети не спят от того будто, что у них кто-то щекотит подошвы у ног. От щекотухи наши лекаря лечат так: берут младенца в свои руки и в избе на пороге делают пример голиком, как будто парят его. Парят от щекотухи и в бане; и во время парения младенца ножками тычут в верхнюю дверную колоду и в матицу²², и опять парят, попарив несколько, веник колем²³ тоже тычут в матицу и опять парят. Кроме того, ножки очерчивают банным ожогом²⁴ и сажей, а на ночь под постельку в ноги кладут, мальчику — лучок и стрелочку, а девочке — прялку с куделькой и веретешечком.

Собачья старость — тело всё делается морщиноватым. От неё парят в бане с собакой; женщины одна другой подают младенца в баню окошко, секут под корытом.

Усыан — брюхо бывает большое и синее. От неё младенца мнут в мялке.

Кочерга — в спине бывают как будто щетины, коими и колет младенца. Её вытирают овечьей весенней шерстью.

Грыжа — пуп у детей бывает большой, который мажут кровью из собачьего уха, которое нарочно для того отрезают у щенят.

Лихорадка — её называют ещё лихоманкой, тёткой. Каждый верит, что она есть живое существо и кажется большею частью женщиною. При лечении сей болезни особенно замечательно следующее пособие: болонку с сырого куриного яйца привязывают на безмянные пальцы обеих рук на несколько суток и не велят в это время есть луку, сырого молока, свинины. Если будет на пользу, то больному на несколько времени сделается очень тяжело, но после того он выздоровеет. Если же не будет в это время больному тяжелее, то не будет и легче.

От зубной боли. Замечательно то, что есть такие знахари, которые вылечивают её позаочь, коим нужно знать только имя и приметы больного. Это они делают посредством известных им заклинаний над прутом осины, растущей в лесу. Таким же образом вылечивают червей у лошадей и овец.

Все упомянутые видимые средства против болезней сопровождаются невидимыми, тайными, т.е. разными наговорами, как они называют, молитвами. Вот пример наговоров:

Опуская горячие угли в стакан воды, говорят: «*Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Как уголь воды боится, так чтобы уроки, призоры боялись раба Божия младенца (имярек). Отойдите, уроки, призоры, от тебя, раба Божья (такого-то) на быстры воды, на шилучи грязи, на зыбучи болота на мышьях деток*». Это говорят до трёх раз, а в конце скажут: «*Будьте же, слова мои, крепки и лепки, аминь*».

«*Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану я, раб Божий (такой-то), благословесь, пойду, перекрестись, из дверей в двери, из ворот в ворота, в восточну сторону, во чисто поле, под красно солнце, под светел месяц, под чисты звезды, под всю луну Господню на океан море. На океане море свят остров, на том острове святая церковь с престолом, на престоле сидит Пресвятая Матерь Божия Богородица. Подойду я к ней поближе, поклонюсь пониже, покорюсь, покло-*

нюсь, поканваюся⁷⁵ о рабе Божием младенце (имя). Матерь Пресвятая Богородица, как ты своего чада закрывала своей ризой нетленною, так закрой, защити раба Божия младенца (имя) от уроков, от призоров, от щилоты, от лютоты, от позвоты, с буйной головы, с чёрных бровей, с ясных очей, с белого лица, с ретива сердца, с горячей чёрной печени от денны и полуденны, от ночны и полуночны, от всякого злого человека, от черного, от черемного, от двоезубого, от троезубого, от девки простоволоски, от бабы самокрутки. Будьте, слова мои, крепки, лепки, крепче булатнаго ножа, будь моя голова коробья, ключ да замока!

Это только пример наговоров, а их от всякой болезни очень много, и у разных лекарей разные манеры. Но узнать их довольно трудно, ибо лекаря наши верят, что если они своим словам научат другого, то их слова не будут иметь действия, особенно если слова их будут переписаны на бумагу.

К числу таковых наговоров относится так называемый «сон Богородицы», который будто читается на 12 манеров, но мне довелось встретить только два, как при сем же на особых тетрадочках и представляются⁷⁶.

Кроме лечения, наговоры употребляются при ловле зверей и при ловле птиц. Образцы таковых тоже при сем представляются на особых тетрадочках.

ПОСИДЕНОК

В Великий пост со второй недели до шестой у крестьянок бывают посиденки. Посиденком называется собрание девиц, молодых и пожилых женщин к кому-либо в один дом и их угощение. На посиденки собираются по зову хозяйки, которая для того одевается в какой-либо смешной вид, например, по-цыгански, или в мужское платье. Собираются на посиденки после обеда и сидят до вечера, занимаясь каким-либо делом: шитьём, вязанием, а больше – пражей, причём довольно бывает смеху, шуток и песен. Угощение происходит во время паузы⁷⁷, причём употребляют следующие кушанья:

редька с маслом;

блины с маслом пшенишны, гороховы, гречушны;

оладьи с маслом же пшенишны печёны и варёны, гороховы, гречушны;

пирожки – их бывает до 12 родов, например: морковны, картовны, соковы⁷⁸, маковы, из разных ягод: из глублинки⁷⁹, смородины, костянки, брусники и других;

помакушки из соку, маку, из ягод;

каши: картовна, ячменна, овсяна, просяна;

жареное – картошка;

пирог из сушёных опёнков⁸⁰, репной, морковной, кагустной, с соком, свёкольной;

разные ягоды сушёные и варёные в сусле;

парёнки в сусле: репны, морковны, свёкольные;

кисели: пшеничной с мёдом, гороховой и овсяной с маслом.

Таким образом, на наших посиденках бывает кушаньев перемен по 20, 30, даже по 40 и 60.

Посиденки делаются только в будни⁸¹, и где большое селение, там начиная со второй недели поста и до шестой бывают посиденки каждый день: сего дня – у той, завтра – у другой, послезавтра – у третьей хозяйки дома, и так

далее; ибо на посиденку собирается женщин по 20, по 40 и более из разных домов, и каждая, в свою очередь, делает посиденку у себя.

Посиденки начинаются большею частью с тех, к кому приезжает в гости молодая, дочь или родственница, вышедшая в замужество в большое промежовенье. Её привозит в гости в какое-либо воскресенье молодой муж, коего теща и теща стараются угостить поприятнее. Спустя же неделю опять приезжает и увозит её домой, уже не одну, а с гостейками – девицами, родственницами молодухи. По приезде домой молодуха для гостей начинает делать посиденки.

Молодухи приезжают в гости к своим родителям в некоторых деревнях на второй неделе поста, отправив дома только одну стряпчую неделю, а в некоторых – на третьей неделе, отправивши стряпчую и скотную.

Примечания

* Полное название – «О свадьбах, болезнях и лечении оных, и о посиденке у крестьян Тобольской губернии Ишимского округа село-Истошинского прихода, волостей Бердюжской, Шабаловской, Локтинской, Усть-Ламенской и соседних разных селений». Публикуется по рукописи, хранящейся в архиве Русского географического общества (АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 29). Публикация – Е.Н.Конвалова, В.Л.Козлова; примечания – Е.Н.Конвалова, В.Л.Козлова, Г.А.Крамор; сверка текста – Г.А.Крамор. Село Истошино, быв. волостной центр – ныне Бердюжского района Тюменской области. Расположено на старой дороге от ж.д. станции Петухово к селу Голышмановскому; первый деревянный храм во имя св. великомученицы Екатерины построен в 1765 г., новый деревянный же – в 1806; заменен каменным в 1853 году (Справочная книга Тобольской епархии. – Тобольск, 1913. – С. 61). Село Бердюжье – ныне центр Бердюжского района, деревня Шабалино – ныне Армизонского района; село Локти – ныне Ишимского района; село Усть-Ламенское – ныне Голышмановского района Тюменской же области.

1 Договор – то же, что сговор – свадебный обряд, рукобитие, соглашение родителей на брак детей своих и слово, решающее дело. Он следует за сватовством, негласно помоловкой (СД. Т. 4. – С. 164) (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4-х тт.] Т. 1-4. – М., 1978-1980. Далее: СД.)

2 Последний – бедный.

3 Средственный – человек среднего достатка.

4 Калым – слово татарское или киргизское. В язык наших крестьян оно вошло от киргиз, которые живут около нас, или ближе к нам, чем татары. (Прим. П.Л.) Киргизы, точнее киргис-кайсаки – казахи.

5 Запрос – кладка, столовые деньги, откуп жениха за невесту (СД. Т. 1. – С. 621).

6 Рукобитие – битие по рукам отцов жениха и невесты; конец сватовства и начало свадебных обрядов; помолвка, сговор, зарученье.

7 Сватовщик -ица (лерб., сиб.) – сват и сваха, сват и сватья (СД. Т. 4. – С. 145).

8 Сота – пластовый мед, запечатанный воском ячеей с мёдом, как пчелы его делают. (СД. Т. 4. – С. 283.)

9 Сватаются.

10 Просватанье – зарученье, рукобитие, пропой, первый гласный обряд и вечер. Родители благословляют чету, бьют по рукам с родителями молодой и пьют вино. (СД. Т. 3. – С. 509.)

11 Плат – платок, платочек. (СД. Т. 3. – С. 121.)

12 Прозолосия лесня – народная протяжная, заунывная. (СД. Т. 3. – С. 478.)

13 Куль – задний, бабий, второй (по старшинству) угол в избе; место и угол против печного устья; кухня. (СД. Т. 2. – С. 228.)

14 Хрёсный, хрёсная – крёстный отец и крёстная мать; восприимники, духовные родители, которые участвовали в обряде крещения новорождённых.

15 Горница – у крестьян задняя изба, чистая полова, летняя, гостиная, холодная изба. (СД. Т. 1. – С. 376.)

16 Смотренье – глядимье, облюбованье, смотр невесты будущим женихом или кем-нибудь с его стороны. (СД. Т. 4. – С. 238.)

- 17 *Браная ткань* (яросл.) — узорчатая, которая тянется не просто через нитку, а где основа перебирается по узору. Здесь — о ложках, сотканых из разноцветных ниток. (СД. Т. 1. — С. 126.)
- 18 В крестьянской избе, которая топилась по-черному (дым выходил из печи непосредственно в помещение и вытягивался в отверстие в стене у крыши), к празднику или другим важным событиям мыли и скоблили стены, потолок, лавки и т.д., т.к. на них оседала сажа.
- 19 *Мытница* — поломойка, здесь — участница свадебного обряда, готовящая избу к свадьбе, навещающая чистоту. (СД. Т. 2. — С. 366.)
- 20 На коне. (Прим. П.Л.)
- 21 *Свадебный поезд* — вообще все поезжане, поезжаты или поезжие — должностные лица и званые гости свадьбы с молодыми, как едут они в церковь и из церкви. Жеников поезд состоит из 12-ти неизменных лиц: 1. молодой князь, жених; 2. тысяцкий, он же расходчик; 3. большой боярин; 4. меньшей; 5, 6 — простые бояре; 7, 8 — свахи; 9. их повозник, кучер; 10. лагуник, угощающий встречных; 11. дружка; 12. подружие, подружие. На пути из церкви оба поезда соединяются. (СД. Т. 3. — С. 375.)
- 22 *Поезжане* — участники свадебного поезда.
- 23 *Векливица* ещё называют сторожем, большим. Его должность состоит в том, чтобы своими познаниями сохранять жениха и невесту, а также и всех поезжан от злых людей, от порчи, от разных бедствий и несчастий. (Прим. П.Л.)
- 24 *Тысяцкий* — старший свадебный чин; обычно это крестный, он же и посаженный отец жениха; он распорядитель поезда и обрядов, благословляет и увозит жениха, меняет кольца четы, платит за свадьбу и привозит домой молодых. (СД. Т. 4. — С. 448.)
- 25 *Дружка* — второй свадебный чин со стороны жениха; женатый молодец; главный распорядитель, бойкий, знающий весь обряд, говорун, обидий увеселитель и затейник; он же уводит и ночью стережет молодых; ему помощники подружие и третья; в Сибири дружка самое почётное свадебное лицо, дога, знахарь, который отводит всякую порчу; где бывает по двое и более друзей, из холостых, там это помощники и прислужники шафера. (СД. Т. 1. — С. 496.)
- 26 *Бояре* — на свадьбах все гости, все поезжане. Свадебный боярин — старший дружка женихов, распорядитель и речистый говорун; вообще, большие бояре — жениховы дружки, или шаферы, малые — невестины. Малым боярином называют и помощника большого подружия. (СД. Т. 1. — С. 121.)
- 27 *Гриня* — то же, что гридня, гридня; в свадебных песнях — комната, в которой играют свадьбу. (СД. Т. 1. — С. 396.)
- 28 *Чара* — чарка, чарочка, кубок, стакан, рюмка. (СД. Т. 4. — С. 582.)
- 29 *Корец* (тамбов.) — ковш, особенно железный, для черпания ковш воды, кваса. (СД. Т. 2. — С. 163.)
- 30 *Корец, зриня* — этих слов в обыкновенном разговоре нет; а они показывают древность русских обычаев, а с тем вместе и происхождение сибирских обычаев от русских же. (Прим. П.Л.)
- 31 *Книжий полк* — свадебный, жениховы поезжане. (СД. Т. 3. — С. 202.)
- 32 *Подружие* — помощник дружки.
- 33 *Повозники* — гости на свадьбе со стороны невесты; холостые парни и родные. (СД. Т. 3. — С. 473.)
- 34 *Повозник, повозник* — тот, кто правит упряжному лошадей, повозкой. (СД. Т. 3. — С. 140.)
- 35 *Перчатый* — здесь: лёгкий, воздушный.
- 36 *Грядка* (сибир.) — брус или две толстые доски от печи к стене, противоположной дверям. (СД. Т. 1. — С. 403.)
- 37 *Тафта* — гладкая тонкая шелковая ткань. (СД. Т. 4. — С. 393.)
- 38 *Камка* — шелковая китайская ткань с разводами. (СД. Т. 2. — С. 62.)
- 39 *Сарацинский*, от слова сарацины. В средние века сарацинами называли арабов и всех мусульман. Здесь: привозной из восточных (арабских) стран.
- 40 *Лещдорский* (печёрский), от имени реки Печора. Здесь: северный.
- 41 *Потчуют, угощают*.
- 42 В это время, также после венца и в столовый день в конце яств ставится на стол сырой гусь, покрытый чем-либо, и из-за него, — из-за летучего — выходит из-за стола. По окончании свадьбы этот гусь поступает в дар сторожу. (Прим. П.Л.)
- 43 *Скачки* (перм., сиб.) — малые саночки с крутыми полозьями, казанские сянки, козырёчки. (СД. Т. 4. — С. 191.)
- 44 *Пашевеночки* или *пашевни* — широкие сани, оббитые лубом, розвальни. (СД. Т. 3. — С. 374.)

- 45 *Суженый* — жених, невеста, будущие супруги. (СД. Т. 4. — С. 356.)
- 46 *Ряженный* — назначенный судьбою, суженый, жених. (СД. Т. 4. — С. 125.)
- 47 *Понять и поять* (о жене) — взять, сосватать, жениться. (СД. Т. 3. — С. 235.)
- 48 *Полтук* — кошма, войлок. (СД. Т. 3. — С. 356.)
- 49 *Лиц, личком* — лицом к земле. (СД. Т. 2. — С. 546.)
- 50 *Кончат* (рязан.) — петух. (СД. Т. 2. — С. 181.)
- 51 *Лука* — изгиб, кривизна, излучина. Седельных лук две — передняя и задняя. (СД. Т. 2. — С. 272.)
- 52 *Широк* (вост., сиб.) — большой, упряжной бубенчик. (СД. Т. 4. — С. 635.)
- 53 *Драдедам* — лёгкое суконце, полусукно. (СД. Т. 1. — С. 489.)
- 54 *Куний след* — след куницы.
- 55 *Ракита* — ветла, верба, ива. (СД. Т. 4. — С. 56.)
- 56 *Коральки, каралька* (оремб., сиб.) — клач, крендель особого вида, рогулька, рогатый бублик. (СД. Т. 2. — С. 90.)
- 57 *Рядный* — тот, который определяется условиями договора. (СД. Т. 4. — С. 125.) рядное вино — договорное, обещанное в качестве калыма.
- 58 *Объяснение см. далее, в подразделе «Столовый день».*
- 59 *Куделя* — вычесанный и перевязанный пучок льна, изготовленный для пряжи. (СД. Т. 2. — С. 211.)
- 60 *Подвеченные свечи* крестьяне не хранят так долго, как другие сословия, а скоро измалывают их перед образом. Других же сословий люди, например, духовные, подвеченные свечи хранят за стеклом благословенной иконы во всю жизнь. (Прим. П.Л.) Измалывают — сжигают во время молитвы.
- 61 *Налой*, аналог — столик посреди храма, на котором находится икона праздника. Новобрачных священник трижды обводит вокруг аналой под особые песнопения.
- 62 *Заводь* — речной залив; мелкий, открытый залив, обычно на плесу, где воды по колону. (СД. Т. 1. — С. 561.)
- 63 *Верхушка шамшуря* не закрывается платом и бывает нарядная — шёлковая, верверетовая, а также серебряная или позолоченная. В последнем случае она называется *цолцом*. (Прим. П.Л.)
- 64 На *рогульке* делается как бы обруч в два пальца толщиной, и верхушка её закрывается платком. Концы плата как по шамшуре, так и по рогульке заеживаются и наперед, и назад. (Прим. П.Л.)
- 65 *Пигальиш* — надоедать, докучать, как докучает одним и тем же киклянём безотаянная пигалица (по В.И. Далю).
- 66 *Поклмет* — нижний этаж избы, как правило, невысокий и используемый для хозяйственных целей; в свадебном обряде подлетом называют вообще всякое помещение, где устраивается брачное ложе молодых (по В.И. Далю).
- 67 *Галих* — веник с обитыми листьями, голые прутья, связанные в пук. (СД. Т. 1. — С. 373.)
- 68 *Ломело* — пук мочал или тряпья, ветоши для обмета печного лада под посадку хлебов. (СД. Т. 3. — С. 271.)
- 69 *Чембары* — холщовые белые шапки, которые зимой надевают сверху шубы, чтобы не поддувал ветер с низу. А шапки бывают большей частью козлиные жёлтые. (Прим. П.Л.)
- 70 *Полстить* (о шерсти, волосах) — валять, сбивать. (СД. Т. 3. — С. 206.)
- 71 *Пособлять* — помогать, оказывать подмогу, быть помощником. (СД. Т. 3. С. 338.)
- 72 *Матюца* — балка, брус поперёк всей избы, на котором настан накат, потолок. (СД. Т. 2. — С. 307.)
- 73 *Комель* — нижний обруч дерева, веника; снопа. (СД. Т. 2. — С. 147.)
- 74 *Омеж* — палка вместо печной клюки, кочерга. (СД. Т. 2. — С. 580.)
- 75 *Поканаться* — попросить убедительно, поклоняться. (СД. Т. 3. — С. 24.)
- 76 *Местонахождение* этого текста неизвестно.
- 77 *Паужна* бывает у крестьян часу во 2-м или 3-ем полуночи, и есть среднее время между обедом и ужином. Обедают крестьяне часу в 8-м утра, а иногда и раньше, зимой даже и до свету по измолочении овина, а ужинают вскоре после того, как управятся с домашностью, икают снот и надают ему сена для того, чтобы раньше встать утром. (Прим. П.Л.) *Овин* — помещение, где сушат зерно.
- 78 *Сок* — избойна, выжимки конопляного масла. (Прим. П.Л.)
- 79 *Глубянка* — клубника.
- 80 *Опенки* — род грибов, растущий около погнивших пней берёзы. (Прим. П.Л.)
- 81 *Будни* — простые, не праздничные, рабочие дни. (Прим. П.Л.)

Епископ ЕВТИХИЙ (И.Т. КУРОЧКИН)

Потехи и слёзы старой сибирской деревни

Из рассказов отца

Деревенские свадьбы

Мне посчастливилось родиться в семье глубоко верующих людей. Причём вера гармонично входила во всю жизнь: и в быт, и в отдых.

Мой отец Тимофей Порфирьевич Курочкин — из крестьян деревни Чирковой Армизонского района Тюменской области. Церкви в деревне не было. Только деревянная часовня, в которую несколько раз в году приезжал священник службу совершать. Но праздновался престольный праздник деревни — Вознесение Господне. При какой сельской церкви была открыта церковноприходская школа, в которой папа закончил полный курс обучения (4 класса) — не знаю. Однако он помогал решать задачи ещё и моим сёстрам-восьмиклассницам.

Дед мой Порфирий Алексеевич был человеком общительным и знающим старинные порядки, за что его приглашали шафером на деревенские свадьбы. А свадьбы тогда были значительным событием. Папа мне рассказывал о них три ночи подряд, когда у нас на покосе случилось вынужденное безделье из-за дождя. А ночевали мы в поле, в шалаше. Меня, 16-летнего парня, больше всего удивляло то, что на всю свадьбу, которая гулялась двумя деревнями — жениха и невесты, покупали всего две четверти (5 литров) водки. Получалось максимум по сто граммов на человека, но гуляли-то три дня! Оказывается, холостые парни и девки вообще не пили водки. «Как же, — спрашиваю, — они гуляли?!» На что папа с удивлением ответил: «Так нам же и так было весело, столько игр и потех, как же на свадьбе заскучаешь?! Вот пожилые — те выпьют по рюмочке-две и песни запоют».

Передать всего повествования про сибирскую свадьбу мне сейчас не по силам, уже за тридцать лет тем рассказам. Особенно запомнился мне из рассказов один случай. В свадебном «поезде» подсел к моему деду пожилой человек и спросил его разрешения подшутить над молодыми. Дед ответил, что если шутка не будет злой, то он разрешает её разыграть. Тогда этот человек остановил тройку с молодыми, и жених с невестой под силою гипноза сошли с саней и на потеху всей свадьбе стали собирать в подол невестинуго платья застывшие «глызки» конского навоза... Позже молодые никак не могли объяснить своего странного поведения, а родители их были благодарны Порфирию Алексеевичу за то, что не позволил «колдуну» ничего страшного, кроме безобидной шутки. Это добавило авторитета деревенскому шаферу.

Песни в Чирковой любили, особенно как едут с покоса: накидают на телеги травы, едут на ней — и поют. И в городе у нас раньше пели. Пели по-настоящему, искусно. Такая яркая картинка моего детства: играя во дворе, я вдруг не услышал, а почувствовал вдруг что-то очень хорошее, душещемяющее — и замер от восторга, стараясь понять, что это такое... Потом только слух коснулось пение, но какое же красивое! Я, бросив все, побежал на голос. За квартал от дома увидел, что поют лишь две пожилые женщины. Я долго шёл за ними, пока они пели. Песни те были распевные, старинные, с подголоском.

Тимофей Порфирьевич Курочкин. 1941.
Фотография. Архив автора.

У нас в доме тоже пели. Пели, когда приходили гости. Пела мама, когда ей было тяжело. Пели молитвы по воскресеньям. На Пасху приходила моя крёстная Анисья Степановна Белова с одной-двумя подружками, и они очень красиво пели пасхальные песнопения. Но время-то какое было! Я трусовато выбегал на улицу и озирался: не слышит ли кто? Вдруг услышат — донесут, лишат маму с папой родительских прав, а нас, как детей «фанатиков», сдадут в детдом-интернат. Всё детство страшно этого боялся. Помню, расшалось — мама припугнет интернатом или летним пионерским лагерем — очень действенная страшилка для меня была...

«Футбол» по-чирковски

В дедовой деревне игры были не только для детей, но и для всей деревни. Как и положено, тянулась она вдоль единственной улицы, заканчивавшейся с обеих сторон воротами, чтобы скотина не гуляла как себе захочет. Эту дислокацию и использовали чирковцы. Летом гоняли из ворот в ворота деревянный мячик, специально вырубленный из корневища берёзы, — оно прочнее к ударам берёзовых же клюк. По деревенским правилам разрешалось этой клюшкой не только мячик гонять, но и зацепить за ногу бегущего соперника, если догнать неловко. При советской уже власти присмотрели одного мужика в районную команду по хоккею на траве, да скоро выгнали — не смог он избавиться от деревенской привычки при удобном случае клюшкой за ногу подцепить.

Сибирские крестьяне в праздничный день. Село Готопутово Ишимского округа. 1920-е. Музей Готопутовской средней школы.

А зимой к Святкам готовили другой мячик. Закалявая скотину, приберегали впрок мочевой пузырь старого быка. Выделав его надлежащим образом, набивали сухим мхом и зашивали. И вот опять край-на-край деревни гнали мячик по заснеженной улице, чтобы забить в противоположные ворота. Ещё засветло игру начинали самые малые ребята, потом подключались старшие. Порой играли до полуночи. В трудный момент и старики выбегали защищать свои ворота. Некоторые умельцы этой уличной игры знали себе цену и посиживали в избе, пока мячик не пригонят на их сторону. Тут уж и из постели подскочат – шубу, валенки наденут и ну в кальсонах мячик гнать от своих ворот к другой околице. Наступление отбито – бегом снова на печку.

В моё детство подобная уличная игра была только у соседей с Большой Садовой улицы, живших возле элеватора. Игра называлась «попнагон». Нечто похожее на лапту, но с более сложным правилом: метание бит сочеталось с массовыми забегами. Играли мужики от мала до велика, человек до двадцати. Забег за забегом, снова метание, ещё и ещё, и перемещалась эта шумная ватага играющих по нашему околотку порой до улицы Артиллерийской, привлекая ребятишек весёлым зрелищем. Представляю, какая же потеха была в отцовской деревне с её играми.

Но играм отводилось лишь своё время. Масленица связывалась с катаньем и играми на санках, на лошадях. Картина «Взятие снежного городка» Сурикова – тоже про нашу игру. Папа рассказывал, что в их деревне устраивали подобное. Но в Прощёное воскресенье, в последний день Масленицы – последнее катанье на лошадях, со скачками и песнями, и игры прекращались на весь Великий пост, до Пасхи. Обычно не только помнили, но и соблюдали. Троица, Петровки, Бабье лето, Святки, Масленица, Великий пост, Пасха, Красная горка – это же год христианского (крестьянского) календаря.

Как же мне, потомку деревенского «блюстителя старых обычаев», дико слышать про «язы-

ческую Масленицу!» Речь-то идёт про семь дней, в которые мясо уже не едят, а «маслице коровье с блинами и шаньгами – на Ваше здоровье!». Нынешние ревнители «возрождения духовности» эту самую духовность и закапывают хламом суеверий и искусствоведческих выдумок с пережитком классового и атеистического подхода. Дети и молодёжь чувствуют какую-то ложь, искусственность и не верят этой псевдодуховности. Но, конечно, более всего теряют дети из-за разрыва преемственности поколений. То, что я впитал от папы и мамы, – это девяносто процентов от меня. Счастливец я, и в том заслуга моих родителей и старшего поколения, которое мне посчастливилось видеть.

Тревожные сказки и тревожная быль

Крестьяне в нашей местности жили крепко, зажиточно. Для этого благополучия требовался труд, и ежедневный, и страдный, когда работа шла от зари до зари. Поэтому, может быть, и отдыхать могли и умели в удовольствие. Кроме уличных детских и молодецких игр устраивались и девичьи хороводы, и посиделки, и вечерки. Вечёрки – это когда по договору с хозяином собиралась молодёжь в избе попросторнее разговоры говорить, песни петь, игры играть. В иных избах собирались сказки послушать. Неудивительно, что и мой папа помнил удивительные долгие сказки, которые он мог рассказывать по несколько вечеров подряд. А мне так интересно было их слушать даже в двадцать лет, ведь таких не было в книжках-сборниках.

Один умелый рассказчик ещё и подшучивал над своими слушателями. Он поздним тёмным вечером заводил самую страшную сказку и останавливал её внезапно как раз тогда, когда начиналась самая жуть. Тут он объявлял, что сильно хочет спать и выдворял из избы всех, в том числе и слабонервных, которые с плачем просились остаться на ночлег. Ведь ночная темень за дверью избы казалась реальным про-

*Боевая подготовка расчёта 45-миллиметрового орудия. 1272-й стрелковый полк 384-й стрелковой дивизии. Синицынский бор. 1941-42. Фотокопия.
Музей средней школы № 1 г. Ишима.*

должением страшной сказки. Можно представить, как смешно выглядели парни и девки возрастом «на выданье», когда они, трясаясь от страха и откревщаясь от каждого тёмного куста, бежали, сверкая пятками, в сумерках деревенской улицы.

Всё это были детские страхи. Настоящие страхи пришли с установлением советской власти. По палиному мнению, советская власть по-настоящему установилась в Сибирь только в 1928 году. Но и Гражданская война не прошла стороной. Папа даже видел в Армизоне адмирала Колчака. Но честно признавался, что все внимание его, 11-летнего мальчишки, было приковано не к тому, кто в группе высшего военного начальства есть «сам Колчак», а к автомобилю — такую машину он видел в первый раз. Хотя механизмы и технику в то время уже знали даже и в такой глухой деревне как Чиркова. Папа бережно хранил страничку из старинного журнала «Нива» с фотографией пароконной сенокосилки «Зингер» — точно такая была в семье моего деда. А немцы, жившие в той местности, имели паровую мельницу и даже трактор «Фордзон».

Фронту требовалось много лошадей, а взять их можно было только у крестьян. Прослышав о приближении «красных», дедушка Порфирий Алексеевич отправил своего сына Тимошку с лошадьми в лес, чтобы спрятать их от неизбежной конфискации. Вот мой папа ещё мальчишкой и кочевал по глухому лесу, спрятавшись от глаз людских. Вскоре пришли «белые». Дед поехал за сыном в лес, да и сам не смог его найти. Когда Тимошка решился поехать домой на разведку, о нём беспокоилась уже не только вся деревня, но и белые офицеры, ставшие на постой в избе Курочкиных. Папе запомнилось, как его приветствовали красивые белые офицеры: «О, Тимка вернулся, Тимка нашёлся!» А ещё папе запомнилось, что они очень красиво пели. Папа точно запомнил слова одной песни: «Трансваль, Трансваль, страна родная...»

Позже Порфирий Алексеевич со своими лошадьми ушёл в обоз Колчака и дошёл с обозом до Читы. Там заболел тифом, вернулся домой и через две недели умер. Не знаю, почему дед не вступил в действующую армию, ведь в Первую мировую войну он был героем и имел Георгиевские кресты за храбрость. Один крест получил в такой ситуации. Во время боя убило командира. Мой дед надел на себя командирскую форму и поднял подразделение в атаку. За этот бой он и получил один из крестов. Сколько их было точно — не помню. После смерти дедушки папа со своими сёстрами закопали их в деревенскую землю, опасаясь преследований от советской власти.

Беды от «комбеда»

Остался папа единственным мужчиной в семье со своей матерью Синклитикией (в девичестве Потаниной) и четырьмя сёстрами: Марией, Анфисой, Феофилой и Александрой. Жили не бедно, держали четырёх дойных коров (прочую животную «мелочь» — не считали). Деревня жила кооперативно. Курочкины косили соседям сено своей пароконной косилкой «Зингер», а соседи помогали им в другой работе. Никто не бедствовал. Так что, когда в 1928 году новая власть организовывала «комбед» — комитет деревенской бедноты, — то в Чирковой оказался дефицит этой самой «бедноты». Нашли одну бедную, безродную женщину, жившую на краю деревни, которая ещё оказалась безграмотной. Нашли и гуляку-парня, лодыря, от которого не было покоя деревне. К этому деревенскому «бичу» прилепился по пьяному делу ещё один пришлый — то ли дезертир, то ли беглый каторжанин.

Вот этим-то трём и вручили участь деревни. Только открылась «неувязочка» — дед гулящего парня самый что ни на есть кулак, да ещё и зажиточный. Гуляка эту проблему решил просто и наглядно... В одно утро вся деревня Чиркова увидела страшное зрелище: по улице с револь-

вером в руке ехал верхом на родном дедушке «красный» гуляка, избивая в кровь старого крестьянина и вырывая волосы с головы и с бороды. «Классовая верность» новому строю была доказана. В деревню пришла новая жизнь.

Вскоре комбедовцы вызвали и моего отца в сельскую школу. Стали кричать: «Тимка, мы знаем, что ты не весь хлеб сдал, говори, где прячешь!» За отрицательный ответ стали бить. Папа не посмел поднять руку на представителя власти, но, увидев, что комбедовец размахивается для удара, подался вперёд. Тот, оказавшись в неустойчивой позе, упал на классную доску. На грохот вбежал кто-то из волостного или губернского начальства, заехавший в школу по служебным делам. Он остановил драку и сделал выговор комбедовцам, ведущим с населением работу неправильными методами.

Но большое-то начальство «приехало и уехало». А местная власть осталась, и комбедовцы пообещали расквитаться с «Тимкой-кулаком». Угроза была реальной и смертельной. Оставалось только бежать. Но как уедешь, если сельчане не имеют паспорта? Папа пошёл на хитрость. Написал справку, что такой-то такой отпущен в город за документом. И с этой справкой подошёл к председателю «комбеда» за печатью и росписью. Когда зачитал ей справку, та встретилась: «Что за документ?!» — «Да вот, в газетах пишут, надо на охотничьи ружья документ оформлять». — «Ну раз в газетах написано, тут уж, конечно, надо подписать, — давай твою справку». И поставила неграмотная председательша печать и крестик, вместо подписи.

С этой справкой и бежал мой отец в город. Но год пришлось ещё жить без паспорта, и этот год был в его жизни самый тяжёлый. Как папа говорил, он завидовал нищим, ожидая доноса и ареста, боясь каждой форменной фуражки... Тогда арест его миновал, но тюрьма всё-таки подстерегла. Это было уже в другие годы, когда советская власть принялась рьяно защищать еврейскую нацию.

Папа зашёл в нашу городскую библиотеку, где был постоянным читателем, и попросил томик стихов Ивана Никитина — его любимого поэта (его и мои любимые — Никитин, Кольцов, Тютчев). Библиотекарь ответила, что Никитин «на руках», а взамен порекомендовала Самуила Маршак. Папа возьми да и ответь, что не любит стихов Маршак, который к тому же и еврей. Вскоре к дому, где он жил, подъехал «чёрный воронок», и папе дали год тюрьмы за «антисемитизм». Замечу, однако, что когда моей старшей сестре подруга по школе подарила толстый сборник детских стихов и сказок Маршак, то эта книга читалась в нашем доме наряду с прочими. Только цитирование строк типа: «разбойники, воры, уроды — собака другой породы...» или: «Отец воскликнул: Крокодил! За что ты двойку получил?...» — нам не разрешали, дабы мы не упражнялись в «ругачке».

Пушку — одной рукой

Я убедился в правдивости рассказов отца о деревне, когда к нам в гости заехал его друг детства Евгений. Они долго вспоминали деревенскую жизнь, и многие папины рассказы я тогда услышал вновь. Самого же Евгения папа заочно характеризовал как неумёжного фантазера-привиралу. Он, например, мог закричать другим ребятишкам, бросившим патроны в костёр и из засады наблюдавшим за хлопками взрывов: «Вон, вон пуля пролетела, я её видал!»

И вот завёл этот Евгений рассказ о военном времени: «Помнишь ли, Тимка, такого-то нашего земляка, какой он был богатырь? Я в начале войны был поваром на Тюменском пересыльном пункте для новобранцев. И что ты думаешь? Вижу я доходягу — кожа да кости, идёт — ветер его качает. Пригладелся — да это наш богатырь! Довели его чуть не до смерти в пункте начальной военподготовки, что тут в Синицыно была».

Справедливости ради надо заметить, что в этой детали про Синецинский учебный лагерь новобранцев рассказчик был прав. Там царил голод, холод в землянках, дизентерия. Новобранцы болели и даже умирали. Они рвались на фронт, потому что там их ожидали более сносные условия для жизни. Да и смерть на фронте казалась куда более целесообразной, чем среди сосен Синецинского бора, в тылу. Не видели новобранцы смысла и в том, что их изнуряли выкапыванием и закапыванием окопов в мерзлом грунте. Ведь лопата была хорошо знакома крестьянским и рабочим парням.

«Увидел я этого земляка нашего, — продолжал Евгений, — и не узнал. Хорошо, что он сам меня окликнул. Повёл я его к себе на кухню и наложил ему рисовой каши целый таз — он всё съел зараз. И так каждый день я ему давал подкормки по тазу рисовой каши. Ведь выходил! Что ты думаешь: он у меня через неделю уже «сорокапятку» одной рукой катал!» Мы с папой переглянулись и улыбнулись. Хоть и самая она лёгкая пушка, «сорокапятка», но одному-то человеку, да одной рукой — уж что-то слишком. Да и откуда бы она взялась на пересыльном-то пункте? Но спорить не стали. Такой рассказчик никогда и малой вралью не попустится, только перессоришься. Да и не было желания спорить о рассказе, где горькая правда так тесно переплелась с желанием приукрасить действительность...

Папа хорошо знал эту действительность. В 1941 году он прошёл подготовку на миномётчика и ушёл на фронт. На Пулковских высотах в октябре-ноябре того же года он посылал мины в немецкие окопы. Но не прошло и месяца, как немецкая мина сделала его инвалидом. Больше месяца лечился в Ташкентском эвакогоспитале. Потом на курсах инвалидов в Омске получил профессию приёмщика утильсырья. А вот от инвалидности его «чудесно вылечила» хрущёвская кампания по борьбе с религией.

В 1960 или 1961 году его вызвали в ишимский военкомат и сказали: «Курочкин, ты позоришь высокое звание инвалида Великой Отечественной войны — в церковь ходишь. Откажись от Бога — получишь вторую группу, не откажешься — и с третьей снимем». Папа попытался ещё бороться с «перегибами на местах» и поехал в областной военкомат — правды искать. Помню, как мы все, дети, вместе с мамой стояли на коленях перед иконами и просили Бога — нет, не о том, чтобы папину инвалидность сохранили, а чтобы он благополучно вернулся домой. Мне было всего лет шесть, но я чётко помню, что никаких просьб и надежд на лучшее у нас не было, — только страх, чтобы не стало хуже.

Помню, как медленно наступал зимний вечер, а папы всё не было. Пришёл он с вокзала уже совсем поздно. Принёс маленькие фигурки лошадок, купленные в Тюмени. Правду он не отстоял и пенсию потом получал в 46 рублей.

Но совестью не поступился.

Лики прошлого и настоящего

О.А. МИШКИНА

Династии Постниковых

Семья А.К.Постникова. Слева направо: Валентин, Антонина, Леонид, Константин, Александр, Алексей Константинович, Анатолий, Зинаида, Виктор, Евдокия Андреевна. Ишим. 1913. Фотография. Архив семьи Постниковых.

Постниковы – довольно известная фамилия в Ишиме, как современном, так и дореволюционном. Обратить внимание на это заставили архивные документы по истории Ишимской городской Думы дореволюционного периода. А именно – списки горожан, влиятельных и авторитетных, наделённых избирательными правами, и списки гласных городской Думы на различные четырёхлетия работы. В этих списках было обнаружено несколько обладателей фамилии Постниковых. Это Помпей Постников – первый городской Голова; Николай Помпеевич

Постников – гласный городской Думы, мещанин; Алексей Константинович Постников – мещанин, директор Общественного банка, гласный городской Думы, член городской Управы; Виктор Алексеевич Постников – гласный Думы, принимавший участие в создании пожарного обоза в городе; Иван Алексеевич Постников, мещанин; чиновник Георгий Иванович Постников.

Сразу возник вопрос: кто эти люди, в какой степени родства состоят между собой, да и родственники ли они, и где их потомки. Очередная

А.А.Постников – офицер колчаковской армии, с первой женой. 1918-19. Фотография. Архив К.А.Хотунцевой (Постниковой).

поездка в Государственный архив г. Тобольска определила пути поиска...

Согласно «ревизским сказкам», на 1851 год в городе Ишиме проживало три династии Постниковых¹. Родственные отношения между ними уже не прослеживаются. Возможно, они были утрачены задолго до рассматриваемого нами периода, а может быть, родственниками они действительно не были. Этот вопрос пока открыт для исследования.

Что же это за семьи Постниковых?

Основатель первой семьи – мещанин Григорий Алексеевич Постников. Он родился в 1778 году, имел детей: Алексея, 1803 г.р., Помпея, 1813 г.р., и дочь Екатерину, 1811 г.р. После смерти отца, в 1844 году, сыновья Постниковы приобрели себе гильдейство и перешли в купеческое сословие². Судьба Алексея Григорьевича нам неизвестна, а вот Помпей добился определённого успеха на торговом поприще и в общественной жизни. К концу XIX века материальное положение Помпея несколько пошатнулось, ему пришлось заложить в банке собственный деревянный дом, который впоследствии был выкуплен сыном Николаем Помпеевичем Постниковым³.

В том же архивном документе найдены ещё более скудные сведения о другой семье Постниковых, основатели которой – два брата мещане Александр Петрович, 1791 г.р., и Алексей

Петрович, родившийся в 1805 году. У Александра было три дочери, а вот Алексей имел, помимо дочерей, двух сыновей: Ивана, 1838 г.р., и Нила, 1843 г.р. Скорее всего, именно Иван Алексеевич попал в список избирателей городской Думы 1894 года, с пометкой: платит налог в сумме 75 копеек⁴. Как видим, материальное положение его тоже не очень стабильное. Вероятно, чиновник Георгий Иванович Постников – его сын.

И, наконец, Алексей Константинович Постников. Потомки этого человека неоднократно обращались в музей в поисках какой-либо информации об их семье. И вот что удалось «накопать».

Основатель династии – мещанин Константин Васильевич Постников, родившийся в 1804 году. У него было две сестры: Елена, родившаяся в том же 1804 году (вероятно, единокровная сестра) и Зиновия, 1812 г.р. Константин Васильевич женат был два раза. К 1851 году у него было три сына: Андрей, 1837 г.р., Василий, 1844 г.р., и Григорий, 1847 г.р. О принадлежности Алексея Константиновича к этой семье свидетельствует тот факт, что его правнуки – Евгений Косинцев из Тюмени и Татьяна Долгих из Калининграда – говорят о том, что их прапрадеда звали Константин Васильевич Постников. Значит, Алексей родился после 1851 года, а потому его имени не оказалось в «ревизских сказках».

Кстати, со слов родственников, Василий Константинович, старший брат Алексея, был купцом первой гильдии и крупным домовладельцем. У него была одна красавица-дочь, которую выкрал дворянин. Что здесь правда, что вымысел, предстоит ещё выяснить. Зато благодаря правнукам А.К.Постникова нам стали известны очень интересные факты из истории этой семьи.

Алексей Константинович Постников родился в 1855 году в Ишиме. Окончил Ишимское уездное училище. После окончания, в 1875 году, поступил на воинскую службу и был зачислен рядовым в 3-й Западно-Сибирский Линейный батальон. Через четыре года «уволнен в запас армии фельдфебелем унтер-офицерского звания»⁵. Уволившись из армии, Алексей вернулся в Ишим, где стал активно заниматься общественной деятельностью. Уже через 12 лет в журнале Ишимской городской Думы за 1891 год (основной думский документ) Алексей Константинович Постников числится товарищем (заместителем) директора Общественного банка. Примерно с этого же года он становится гласным городской Думы, членом-казначеем исполнительного органа городской Думы – городской Управы, неоднократно выполняет обязанности заступающего места (заместителя) городского Головы.

Как видно из послужного списка, общественная деятельность А.К.Постникова складывается вполне удачно. С 1909 года он уже директор Общественного банка⁶. Сама должность эта определяет основные черты характера человека – образованность, порядоч-

Любительская театральная труппа. 1-й слева сидит А.А.Постников, напротив – З.Ф.Постникова; крайний справа стоит Л.А.Постников. Ишим. 1920-е. Фотография. Архив К.А.Хотунцевой (Постниковой).

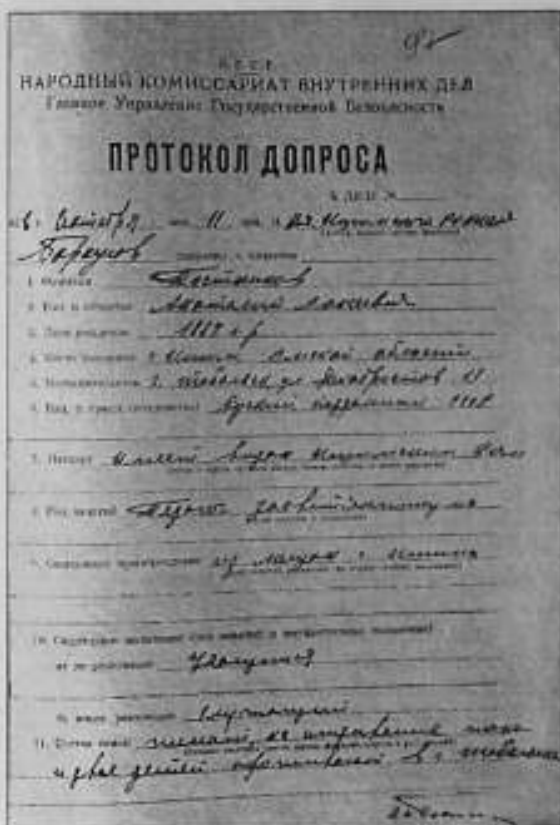
ность, честность, бескомпромиссность, финансовая и политическая грамотность и, конечно, незыблемый авторитет. Всеми этими качествами, по всей вероятности, обладал Алексей Константинович Постников. Именно эти качества своей жизнью, своим примером он стремился воспитывать в своих детях. Их у него было восемь – шесть сыновей и две дочери.

Алексей Константинович Постников был женат на крестьянской дочери Евдокии Андреевны Дятлевой. Как видим, у него не было цели составить себе выгодную партию, чтобы занять высокое положение в обществе или увеличить капитал, что было правилом в то время. И это тоже определённая черта характера. Можно достоверно полагать, что брак был основан на любви. Плодом этой любви стали дети – Валентин, Анатолий, Александр, Виктор, Константин, Леонид, Зинаида, Антонина, которые воспитывались в любви и ласке. Большая семья проживала в собственном полукаменном доме стоимостью в 1500 рублей⁷ по улице Большой Вокзальной (ныне ул. К.Маркса, 5, территория воинской части). Каждый из детей получил образование: девочки в женской прогимназии, старший сын Валентин окончил Тобольскую гимназию, Анатолий – Ишимское трёхклассное учи-

лище, Александр – приходское училище, Константин – мужскую гимназию.

Каждый из детей (а потом – и внуков) этой семьи достоин внимания. Среди них – учителя, инженеры, военные, врачи, учёные. Люди достойные и уважаемые. Их разбросало по всей стране. Живут в Петербурге, Москве, Тюмени, Челябинске, Калининграде, Новороссийске. Но как бы ни разделяло расстояние, родственные узы дают себя знать. Постниковы стремятся собрать историю своей семьи, общаются друг с другом, ищут «потерявшихся» родственников, бережно хранят в семье каждый факт, касающийся кого-то из них. В этом есть их сила. Они вместе. Благодаря им и на родине помнят их предков.

Составить полное генеалогическое древо этой семьи – работа будущего. Кстати, эта работа уже ведётся Евгением Косинцевым, внуком младшей дочери А.К.Постникова Антонины. От него же мы узнали о том, что один из детей Постниковых был репрессирован. Это второй брат – Анатолий Алексеевич. В семье жила легенда о том, что в тюрьме он написал книгу, которую у него выкрали и, по слухам, начальник тюрьмы издал её под своим именем. Что называется, нет дыма без огня. Судьба книги нас заинтересовала. Начался поиск родствен-

Страница протокола допроса А.А.Постникова, заполненная рукой младшего лейтенанта госбезопасности, начальника Ишимского РО НКВД Н.А.Бараусова. 11 сентября 1936. Архивное следственное дело № 15075. Архив РУ УФСБ по Тюменской области.

ников Анатолия. Со слов Евгения Косинцева мы знали, что дети живут в Москве и Омутнинске. Нам удалось найти дочь Анатолия Киру Хотунцеву. От неё мы узнали подробности о жизни Анатолия Постникова и судьбе его литературных произведений.

Анатолий Алексеевич, второй ребёнок в семье, родился в 1889 году. Окончил Ишимское трёхклассное училище. Поступил в Петербургский государственный университет на физико-математический факультет. После его окончания посвятил себя педагогической деятельности.

Но политическая неразбериха гражданской войны оставила глубокий след в судьбе этого человека. Его мобилизовали в армию Колчака, где он служил в чине штабс-капитана. Этот факт самым драматическим образом отразился на судьбе Постникова. Гонения начались уже в 1920 году. Он отбыл наказание в Красноярске и вернулся в родной город, чтобы продолжить педагогическую деятельность. Анатолий Алексеевич работал учителем математики. Будучи человеком творческим, ярким и многогранным, он успешно сочетает дар педагога с артистическим талантом. Он, как и его брат Леонид и

сноха Зинаида, – актёры народного театра. На подмостках сцены в спектаклях русских классиков Анатолий Постников мог выражать свой внутренний мир и отношение к происходящему. Это его качество тоже сыграло с ним злую шутку.

Образованный, интеллигентный, значимый в обществе человек в суровые 30-е годы оказался на задворках жизни. В 1936 году он был арестован за «участие в контрреволюционной группировке бывших белых офицеров». В это время он работал в Тобольском сельхозтехникуме преподавателем математики, пользовался там большим авторитетом. По воспоминаниям детей Анатолия Алексеевича, «весь техникум, где он преподавал – рыдал; рыдала Елена Николаевна, его жена (осталась с двумя детьми), рыдала дочь... а Борис Анатольевич бежал за «чёрным вороном» и кричал: «Папа!»...». В вину ставилось прошлое – служба у Колчака. Анатолия Алексеевича отправили в ишимскую тюрьму, а затем в Омск. Вместе с ним по делу проходило несколько человек местной интеллигенции – преподаватели учебных заведений Прокопий Артемьев, Михаил Соколов, Александр Шикин, Иван Аликин. Все эти люди в прошлом служили в колчаковской армии, потому их вместе обвинили в создании контрреволюционной группировки. Каждый из них получил различные сроки, Анатолия Постникова осудили на 5 лет лагерей.

Наказание он отбывал в Вятлаге (Кировская область). Его жена Елена Николаевна осталась одна с двумя детьми, окончила фельдшерскую школу, вернулась из Тобольска в Ишим, в годы войны работала в заводоуправлении № 1502. В 1940 году она предприняла попытку освободить мужа из лагеря, написала жалобу в НКВД. Ссылаясь на возраст мужа – 51 год – и слабое здоровье, она просила освободить его. Её жалобу рассмотрели и отказали. Анатолий Алексеевич отбыл полный срок. После своего освобождения вернулся к любимому делу, работал преподавателем математики в интернате для детей в городе Омутнинске Кировской области. Но после освобождения прожил недолго: лагеря серьёзно подорвали его здоровье. А после того, как он спасал детей из горящего интерната, его сердце не выдержало – случился инсульт. После приступа он прожил недолго и умер в апреле 1953 года.

Стремление выжить в нечеловеческих условиях, не пасть духом открывает в педагоге, актёре, а теперь и заключённом ещё один талант – писателя. Он пишет рассказы, повести и даже пьесы. Его желание уйти от действительности становилось сильнее проблем, связанных с отсутствием бумаги. Он пишет на клочках бумаги и отдельных листочках. Исписанные мелким почерком листочки он бережно хранит, оберегая от постороннего взгляда. После освобождения он переписывает всё в отдельные тетрадки. Сейчас эти тетрадки бережно хранит Кира Анатольевна.

Рассказ «Волк» он посвятил младшему брату Александру. Постниковы очень любили при-

роду, были заядлыми охотниками. В этом рассказе Анатолий Алексеевич очень живописно и с большой любовью описывает природные пейзажи, повадки волков. Чутким к природе и человеческой доброте сердцем написана и повесть «Тахта» (ударение на первом слоге). Прототипами героев этого произведения стали реальные люди, окружавшие его с детства. Картинки описанного с большой любовью, в ярких красках провинциального городка создают образ старого Ишима. Тахта – так звали главного героя повести старика-голубятника по его особенности приговаривать после каждой фразы реплику «так-то». В повести с поразительными подробностями воссозданы черты быта жителей Ишима, со знанием дела вырисованы традиции голубятников – той когорты увлечённых людей, которая почти полностью исчезла в наше время.

В этом выпуске альманаха мы публикуем повесть «Тахта». Данное произведение – это не мемуары в строгом смысле этого слова, но в нём очень открыто проступает личное восприя-

тие автором маленького города Ишима, здесь представлено множество героев, имеющих конкретные прообразы среди жителей Ишима, силен местный колорит, выражены особенности архитектурного облика, ландшафта. Помимо литературных достоинств, она имеет большую ценность и с точки зрения исторической, как описание жизни Ишима рубежа XIX и XX веков, времени детства и учебы Анатолия Алексеевича Постникова в уездном училище. По этой причине мы считаем возможным включить эту повесть в раздел «Страницы мемуаров».

Примечания

- 1 ФГАО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 688.
- 2 Там же.
- 3 ФГАО. Ф. 152. Оп. 35. Д. 516. Л. 8.
- 4 Там же.
- 5 ФГАО. Ф. 152. Оп. 35. Д. 607.
- 6 ФГАО. Ф. 152. Оп. 35. Д. 887.
- 7 ФГАО. Ф. 152. Оп. 35. Д. 607.
- 8 Архив РУ ФСБ по Тюменской обл., арх. следств. дело № 15075.

Л.К. СОСКИНА

В гостях у легендарной Ксении

Шел 1989 год...

Для членов совета Ленинской комнаты боевой и трудовой славы (музея) Ишимского сельскохозяйственного техникума стало традицией ежегодно в зимние каникулы отправляться по местам боевых и трудовых подвигов советского народа. Побывали мы в Севастополе, Сталинграде, Ленинграде, в Брестской крепости.

Путь наш всегда пролегал через Москву. А поскольку мы занимались и поиском наших знаменитых земляков, то знали, что в столице живёт легендарный большевик, автор книги «Юности прекрасное начало» Ксения Павловна Чудинова.

Найти её оказалось не просто. Всё, что мне было известно, – она когда-то работала в Центральном музее В.И.Ленина. Побывали мы там с ребятами на экскурсии. Я обратилась к администрации музея с просьбой дать адрес Чудиновой. Эта просьба ввела сотрудников в замешательство. То ли у них действительно не было её координат, то ли побоялись дать их незнакомому человеку... Но посоветовали идти в Музей Октябрьской революции.

Мы моментально передислоцировались, благо музеи эти не так далеко друг от друга. После экскурсии вновь обратилась к администрации: «Мы приехали из далёкой Сибири, хотим познакомиться с нашей знаменитой землячкой, учащиеся техникума очень хотят с ней встретиться. Дайте нам, пожалуйста, адрес!» Директор живо откликнулась, – Чудинова, оказывается, возглавляла тогда совет ветеранов музея. И вместо адреса предложила позвонить Ксении Павловне со служебного телефона.

Ксения Павловна Чудинова. 1970-е.
Фотография. Архив автора.

Журналисты в гостях у Чудиновой. 7 февраля 1985. Фотография. Архив автора.

У меня перехватило дыхание, когда я услышала в трубке чей-то мягкий, приятный голос. Это была Наталья Дмитриевна Селезнёва – дочь Ксении Павловны, как оказалось впоследствии, – профессор медицины с мировой известностью. Преодолевая нерешительность, я объяснилась и попросила разрешения на встречу с её матерью. «Хорошо, если врачи разрешат... Перезвоните завтра».

На следующий день я получила не только согласие, но и подробный адрес, в том числе код от подъездной двери дома № 36 на Фрунзенской набережной.

К десяти часам утра 22 января 1989 года мы уже были на месте. Я волновалась всё сильнее. Ведь во время телефонных переговоров совсем забыла предупредить, что гостей придёт не два, не три человека – а тридцать один! Но отступать было некуда...

Бережно прижимая к груди алые гвоздики, члены совета музея Ишимского сельхозтехникума несмело входили в полумрак старой квартиры с высокими потолками. Нас встречали две женщины. Обе – небольшого роста. Та, что помоложе, Наталья Дмитриевна – с высокой причёской. Та, что постарше, – с седыми пушистыми волосами, аккуратно забранными на затылке в узелок, – когда-то «роскошная сибирская коса», как выразился один из журналистов. Ведь о Ксении Павловне много писали, и я старательно собирала все попадавшие в руки публикации.

Да, это была она – в скромном, опрятном домашнем наряде. Живой свидетель... что там свидетель – строитель нашей почти вековой

истории! Мы растерялись и во все глаза смотрели на маленькую, худощавую фигурку. Голова высоко поднята, тёмные, живые глаза внимательно глядят на нас из-под очков. От неё исходила энергия. А мы-то ожидали увидеть немощную старушку, не встающую с постели! Ведь она недавно отметила 95-летие, к тому же едва минуло сорок дней, как похоронила своего сына Костика, Константина – ему было 72...

Ксения Павловна взяла инициативу на себя. И со словами приветствия поздоровалась с каждым лично. Я ощутила по-комиссарски крепкое рукопожатие. И опять взволновалась. Ведь эта теперь уже прохладная, узловатая рука помнила ленинское приветствие! И сколько ещё выдающихся людей знали Чудинову!

А она уже радушно приглашала нас в свою комнату. Небольшая, но уютная, с простой мебелью. Бросилась в глаза деревянная кровать – аккуратно заправленная, с горой пышных подушек в белых наволочках, – совсем по-сибирски. Здесь же – шкаф с книгами, тумбочка, стол с пишущей машинкой, два кресла и стулья.

Не успела я осмотреться, как ребята комфортно расположились. Кто на стульях и креслах, а кто уже освоился на кровати, зарывшись в подушки. Я была возмущена до предела и уже решила приструнить своих питомцев. Но хозяйка меня успокоила: «Это я разрешила им сесть, куда хочется». И побежала (именно побежала – для своего возраста она была удивительно проворна!) на кухню, откуда вернулась с большой, разрезанной на кусочки дыней. Всех, опять же, угостила лично.

Мы достали магнитофон, фотоаппарат... Завязалась непринуждённая беседа. Три часа пролетели как одно мгновение. Нас не покидало чувство давнего знакомства с этими прекрасными людьми. Студенты задавали вопросы, Ксения Павловна отвечала. Мы и не заметили, как закончилась кассета в магнитофоне. Чудинова быстро порылась в своих вещах и отыскала новую кассету. Запись продолжилась.

Наконец, Наталья Дмитриевна, опасаясь за здоровье мамы, дала нам знать, что пора прощаться. Перед уходом она завела меня в свой кабинет, чтобы подписать две книги «Юности прекрасное начало». Ксении Павловне было тяжело писать от руки, она только поставила свою подпись, а пожелание написала дочь. Её кабинет был просторнее. До самого потолка – шкафы с книгами. Посредине – круглый стол, стулья. Мебель красивая, но строгая.

Уходили мы одухотворённые, очарованные увиденным и услышанным, словно прикоснувшись к живой истории нашего края. На прощание сфотографировались. Но, видно, случилось волнение: ни один снимок, к нашему огорчению, не получился... Мы тоже подарили нашей землячке альбом «Избранные фотографии», а также её портрет, написанный студентом техникума Костей Кичигиным. На портрете Ксения Павловна была изображена молодой. Обе женщины отметили, что с Чудиновой писали портрет многие художники, но этот – лучший.

Это была не последняя наша встреча с Чудиновой. В январе 1990 года я уже с другой группой студентов вновь посетила «товарища Ксению». А моё знакомство с её родными – те-

Титульный лист книги «Юности прекрасное начало» с дарственной надписью К.П.Чудиновой. 22 января 1989. Архив автора.

перь уже внуками и правнуками – продолжает и по сей день.

Г.А. КРАМОР

Звезда комиссара Ксении Чудиновой

«... Когда мы слушали рассказы Ксении Павловны, подумалось: покажи режиссёр на экране её сибирскую юность, всего несколько лет, вместивших и царское подполье в Тобольске, и продкомиссарские рейды в Омске, и другое подполье – в Иркутске, захваченном колчаковцами, и арест с ребёнком на руках, и побег из тюрьмы, и двухлетнего Костика, взятого контрразведкой в заложники, – покажи такую ленту, зрители упрекут кинодеятеля в отсутствии чувства меры – нельзя же столько «втиснуть» в один фильм! В фильм – нельзя, а в одну человеческую судьбу, оказывается, можно».

Такие слова были написаны о Ксении Павловне Чудиновой в праздничном ноябрьском выпуске газеты «Советская Россия» в 1987 году. Нашей землячке шёл тогда 94-й год...

На дворе 2007-й, год 90-летия революций – и февральской, и октябрьской, круто изменивших путь нашей страны. И в этот год вновь не-

вольно хочется обратиться к первопричине. Как это произошло, какие люди делали революцию? Этих людей уже нет в живых, но есть фотографии, воспоминания, в том числе тех лет, когда можно было приоткрыть завесу над заретушированной донельзя советской историей.

Директор музея ишимской школы № 1 Лидия Константиновна Соскина всю жизнь собирала материалы о знаменитых земляках. В том числе и о Ксении Павловне Чудиновой. Благодаря знакомству с семьёй Чудиновых ей удалось узнать о судьбе «комиссара Ксении» чуть больше, чем было написано в книгах и очерках «доперестроечной» эпохи. Узнать то, чем она стала делиться только в последние годы. Ведь судьба её после установления Советской власти складывалась далеко не безоблачно, как и у многих старых большевиков, – тех, про кого Маяковский сказал: «Гвозди бы делать из этих людей!» Репрессии, лагеря, ссылка... Она пережила и роспуск компартии, развал Союза. Что же давало ей сил выжить, не изменить своим

Никольская ярмарка в Ишиме. Соборная площадь. Конец XIX в. Фотография. ИКМ.

идеалам, до последнего дня оставаться убеждённым ленинцем?

С этим вопросом я перелистываю страницы её биографии – страницы, написанные, рассказанные ею самой и её дочерью Натальей Дмитриевной Селезнёвой – в книгах, сборниках воспоминаний, газетных и журнальных интервью, неопубликованных мемуарах, которых немало скопилось в домашнем архиве Лидии Константиновны...

Кто же лучше самой Ксении Павловны расскажет о её ишимском детстве?

Родилась она 6 февраля 1894 года в Ишиме. «Семья наша была небольшой. Мой отец, ишимский мастеровой, умер, оставив маму – Матрону Семеновну Теплоухову – вдовой с пятимесячным ребёнком на руках. Жили мы с мамой бедно, и, чтобы заработать на пропитание, мама не гнушалась никакой работой. Летом, когда наступало время сенокоса, она вместе с мужчинами брала косу и занималась к богатым крестьянам косить траву. Высокая, статная, в цветастой кофте и яркой юбке, мама широкими, сильными движениями ловко орудовала сверкавшей на солнце косой, оставляя за собой зелёный след, пахнувший ещё росой и цветами. Многие мужчины даже не пытались спорить с ней, они откровенно завидовали её сноровке и ловкости.

Отправляясь спозаранку на работу, мама боялась оставить маленькую девчонку одну дома и брала меня с собой на сенокос. Я старалась помогать ей чем могла: приносила воды напиться, мыла посуду после еды и, таким образом, не была матери в тягость.

В пятнадцати верстах от Ишима находился небольшой хутор Малиновка. Там жили потомки поляков, восставших в 1863 году против русского царя. С одним из участников этого восстания, дедушкой Шадурским, я подружилась. Это был высокий, худой старик с длинными, белыми, как лён, свисающими усами. Он хоро-

шо владел русским языком и только букву «л» не умел выговаривать правильно. Он почти через каждое слово повторял «проше бардзе», что по-польски означает «пожалуйста».

Для меня Малиновка – прекрасная детская страна. Лес – смешанный, а потому всегда зелёный, таинственный – полон всяких богатств: малина, ежевика, костянка, смородина, черника, земляника... И нет, кажется, на свете такой ягоды, которая не росла бы в Малиновке. Около самого дома, вроде горки небольшой – поляна, вся покрытая клубникой. Мама кричит мне: «Ты с низины заходи, а то всю ягоду потопчешь!» И действительно, негде ногу поставить – пригорок весь кумачовый от клубники. В течение часа набираю целое ведро, а ягоды вроде и не убавилось совсем.

Иногда мы приезжали специально «на заготовки». Нас везёт наша маленькая, шустрая киргизская лошадедка. Совсем не заметим, как отмахаем пятнадцать вёрст, а ехать по лугу летом весело. Мама берёт с собой мешок соли и две пустых кадушки. За день мы с ней наберём сырых груздей одну кадушку, а вторую кадушку – волнушек и сухих груздей. Тут же обрежем, промоем и засолим, со всякими травами. На всю зиму питание обеспечено. Насушим ещё грибов белых и ягод в русской печке у Шадурских – из ягод получается блин толщиной в палец, это и начинка для пирогов, и сладкие паренки к чаю, для долгих зимних вечеров...

Пока мама косила траву, дедушка Шадурский уводил меня в сосновую рощу, угощал вкусными медовыми конфетами и рассказывал мне о своей далекой родине Польше, о борьбе польского народа за свободу, о народном вожде Костюшко и о том, как русский царь расправился с участниками восстания. Я, разумеется, не всё понимала из рассказов старика Шадурского, но одно мне запало в душу: русский царь был жестоким и несправедливым человеком.

Базарная площадь со зданием городской управы. Ишим. 1910-е. Фоторепродукция. ИКМ.

Ишим славился лишь знаменитой ярмаркой, которая устраивалась в каждый год, в декабре. На ярмарку съезжались купцы из многих сибирских городов, крестьяне из далёких и близких деревень, торговцы и покупатели – все, кому было что продать и купить. Ишим в эти дни менялся до неузнаваемости. Хозяевами города становились богатые воротилы, ловкие предприниматели, искусные ремесленники. Чего только не было навалено на нескончаемых ярмарочных развалах, выставлено напоказ, предлагалось покупателям! Грудами лежали на прилавках дорогие меха-чернобулки с густой проседью, пушистые, светло-золотистые куницы, тёмные соболя, серебристые бобры. На другом краю ярмарки на железных крюках были развешаны туши молодых телят и овец, и тут же, на промерзлой рогоже, положены утки, куры, гуси. В открытых бочках, отливая чешуёй, манила покупателя бледно-розовая сёмга, кета, сочный балык; на чистых полотняных полотенцах лежали увесистые куски замороженного молока. Повсюду сновали горластые пирожники, блинники. Сбитенщики разливали, по копейке за стакан, горячий сбитень, очень вкусный медовый напиток, согревавший продавцов и покупателей.

С утра до позднего вечера по всей ярмарке стоял сплошной шум, раздавались охрипшие голоса зазывал, слышался пронзительный смех, острые словечки, шутки да прибаутки приказчиков, торговцев мануфактурой и галантерейными товарами.

Для детей ярмарка была незабываема ещё и своими акробатами, петрушками, скоморохами и каруселями; она доставляла нам много радостей.

Но ярмарка закрывалась, и в небольшом сибирском городке вновь наступала однообразная и монотонная, скучная жизнь. Такой, правда, она казалась только тем, кто не знал, что происходит в заснеженном и завьюженном Ишиме, за плотно закрытыми ставнями домов,

за надёжно запертыми тесовыми воротами. А там порой жили люди, которые никак не были похожи на ярмарочных толстопузых купчиков или на их подхалимов приказчиков, на горластых зазывал и наших серых ишимских обывателей. Люди эти вели совсем иную жизнь, никак не похожую на унылое существование коренного населения города.

Это были политические ссыльные, которых упекли в наши глухие места за их убеждения и революционную деятельность. Они заметно отличались от местных жителей. Даже своей внешностью. Живя в постоянной нужде, они тем не менее всегда были опрятно одеты, весело настроены, неизменно внимательны к окружающим, доброжелательны и вежливы в общении. На улице их почти всегда видели со связками книг, которые они несли из городской библиотеки. Они пользовались авторитетом среди местной молодежи, овладевали её думами, её мечтами. Политические ссыльные были центром, вокруг которого протекала вся культурная жизнь Ишима. Многие из них были широко образованы и поэтому являлись инициаторами, организаторами и непременными участниками различных просветительских лекций, вечеров самодеятельности, на которые неизменно собиралась почти вся местная интеллигенция, и особенно молодёжь».

Конечно, на юную Ксению, жадно впитывающую всё новое и интересное, появление в городе необычных людей не могло не оказать влияния. Тем более, что вскоре эти посланники неведомых миров стали почти членами семьи Теплоуховых, жившей в просторном двухэтажном деревянном доме. Этот дом по нынешнему адресу: улица Чайковского, 16 – сохранился, и в наши дни ещё выглядит бодро. Согласно материалам 1896 года – подготовки к Переписи населения, судьба значилась за «наследниками [Фельдфебеля] Павла Семёновича Теплоухова» – отца Ксении. Правда, в книге «Юности прекрасное

Полицейское управление и казначейство на Базарной площади.
Ишим. 1910-е. Фотография. ИКМ.

начало» он предстаёт как «небольшой приземистый и чуть покосившийся» – но о причине такой «скромной» оценки нетрудно догадаться: не мог будущий революционер жить в почти купеческих хоростах! Однако на фотографии дома, сделанной в 1978 году, собственноручная подпись Чудиновой: «Наш дом».

Но... продолжим рассказ, записанный в тех же 70-х:

«Мне было восемь лет, когда я познакомилась с этими людьми поближе. Мама продолжала бороться с нуждой, много и тяжело работала, бралась за любое дело, но денег на жизнь нам всё равно не хватало. В конце концов мама решила на крайнее – пустить в дом жильцов, квартирантов.

В одной из комнат нашего дома поселилась семья Елены Ивановны Хоменко со своими двумя девочками, в другой – политические ссыльные: Лев Герштейн, Леонид Воронцов и Анджей Волянский. Зажили мы дружно и весело, дочери Елены Ивановны – Дона и Нелли – стали моими подружками, а к Лева, Лёне и Анджею я очень привязалась.

Мне нравилось заходить в комнату к нашим квартирантам. У них всегда было чисто подметено, постели аккуратно заправлены, вдоль стен стояли сколоченные из простых досок книжные полки. По вечерам я приносила жильцам чай и, усевшись потихоньку в уголке комнаты, слушала их мудрёные разговоры, которые часто переходили в жаркие споры. Я, конечно, ничегошеньки не понимала из того, о чём они говорили, но мне нравилось слушать, нравилось наблюдать, как они громко, до хрипоты, пытаются что-то доказать друг другу. Только как бы они ни спорили, никто не позволял себе грубой ругани, я никогда не слышала от них ни одного бранного слова, без которого не обходились наши ишимские обыватели. Жильцы никогда не кричали на женщину, не обижали детей и другим не позволяли делать это.

Находясь под одной крышей с революционерами, я каждый день имела перед собой на-

глядный пример высокой нравственности и мужества и вскоре очень полюбила этих людей – честных и смелых, добрых и образованных. Они много знали, могли ответить, как мне тогда казалось, на все вопросы, и это восхищало меня. Они не тратили время попусту, и я всегда видела их либо поодиночке углублёнными в чтение, либо усевшимися по вечерам вокруг стола и читающими вслух по очереди. Чаще всего для всех читал Леонид. Он читал медленно, с выражением, и, когда слушали его, перед глазами вставали живые люди, яркие картины жизни...

Особенно запомнился мне вечер, когда Леонид читал роман Гончарова «Обрыв». Усевшись, как обычно, в углу комнаты, жильцы наши поначалу не заметили меня и приступили к громкому чтению. Читали уже конец романа, как раз то место, где Верочка после пережитого ею тяжело заболела... Мне стало очень жаль эту прекрасную, гордую девушку, и я заплакала. Я плакала громко, навзрыд, и меня едва успокоили. С тех пор мне запретили присутствовать на громких чтениях.

– Эти книги пока не для тебя, – строго сказал Леонид. – Подрастёшь – сама прочитаешь...

С того вечера я стала приставать к Леониду с просьбой научить меня читать. Он охотно согласился, и я довольно быстро запомнила все буквы алфавита, потом медленно, по слогам начала читать. И дело пошло. Лёня и Лева – они разрешили мне так себя называть – принесли теперь из городской библиотеки книжки специально для меня: сказки Пушкина, басни Крылова. А «Конёк-Горбунок» стал любимой книжкой моего детства. Читала я быстро, проглатывая одну книгу за другой. Я уже не расставалась с книгами, и однажды эта моя горячая любовь к чтению чуть было не привела к большой беде.

Летом мы с мамой спали на полу, расстелив соломенный тюфяк. Обычно, чтобы не мешать маме спать, я залезала под стол, покрытый

длинной домотканой скатертью, ставила перед собой керосиновую лампу и читала всю ночь напролёт.

И вот как-то, уснув, я опрокинула под столом лампу. Вспыхнули концы скатерти, загорелся стол. Проснувшись от запаха гари, мама с трудом успела вытащить меня за ноги из-под горевшего, как сухой костер, стола...

Мне очень хотелось учиться, и я с ранних лет с завистью смотрела на ребят, спешивших зимой в школу с сумками в руках. Но о том, чтобы и я ходила в школу, мама даже слушать не хотела. И снова помогли мне мои друзья, наши жильцы, которых мама за их трезвое и смиренное поведение очень уважала и относилась к их советам с большим доверием. Они-то и убедили её отдать меня в школу.

— И то правда, — согласилась наконец мама. — Мужик себя силой прокормит, а бабе грамоту надо знать...

В девять лет я поступила в шестиклассную Ишимскую прогимназию. Она находилась в большом одноэтажном здании, в самом центре города, неподалёку от базара.

Это здание, как и дом Теплоуховых, сохранилось. Женскую школу в Ишиме открывал в 1859 году Пётр Павлович Ершов, и новое здание школы строилось при его участии, в 1862-63 годах. Поэтому теперь в здании женской гимназии по улице Советской, 30 открыт Литературный музей П.П.Ершова, чью сказку «Конёк-Горбун» так любила маленькая Ксюша.

«Во втором классе к нам пришла новая учительница Ольга Ивановна Куминова и с первого дня поразила моё детское воображение главным образом своей красотой. Молодая, стройная, она с удивительным изяществом носила белую, туго накрахмаленную блузку, отделанную рюшами, и строгую чёрную длинную юбку. Я очень полюбила Ольгу Ивановну за её доброту, за какую-то необыкновенную мягкость и спокойный тон.

Были, конечно, в школе и другие хорошие учителя. С тёплым чувством я вспоминаю Прасковью Гавриловну Хавкину, преподававшую нам в старших классах математику, но душа моя, вся детская моя любовь были целиком отданы Ольге Ивановне. Мне во всём хотелось ей подражать, я мечтала быть такой же умной и красивой, иметь такую же длинную, пушистую косу и укладывать её тяжёлым узлом на затылке. Она, как первая любовь, навсегда вошла в мою жизнь и оставила добрую память о себе.

Вскоре она вышла замуж за Александра Ермиловича Карякина. Это был известный в городе человек, которого все называли просто: «студент». Из раннего детства мне запомнился слу-

Базарная площадь, центр нашего города, обычно с раннего утра была полна народу. И вот, гулко громяхая колёсами, на площадь въехала чёрная тюремная карета. Мы, детвора, бежавшие за каретой от самой тюрьмы, что находилась неподалёку от старого кладбища, уже

Ишимские друзья Ксюши Теплоуховой: Дона и Нелли Хоменко, Шура Смирнов, Вася Кондрашов. 1910-е. Фотография И.Г.Фёдорова. Архив Л.К.Соскиной.

знали, что в ней везут студента. Он, бунтовщик, восстал против царя и за какое-то новое преступление посажен в тюрьму.

У полицейской управы — большого здания, выкрашенного в ядовитый желтый цвет, — карета останавливается, и арестанта ведут к полицейскому начальству. Все на Базарной площади с волнением и любопытством ожидают, что будет дальше. Нам, вездесущей детворе, удалось протиснуться к самой двери управления, где уже стоит мать арестованного. Она плачет.

Вдруг дверь резко открывается, и на крыльце появляется сам студент. Высокий, красивый молодой человек. У него чёрные, выющиеся крупными кольцами волосы и большие тёмные глаза. Улыбаясь, он нежно обнимает плачущую мать и громко, чтобы всем было слышно, говорит: «Ну, мать, пошли домой чай пить... Комедия окончена».

В тот раз я впервые увидела революционера, оказавшегося победителем, и навсегда уверовала, что царские жандармы не всемогущи, надо только не робеть перед ними.

Несколько лет спустя, когда я была уже хорошо знакома с этим «студентом», оказавшимся большевиком Александром Ермиловичем Карякиным и ставшим моим учителем, другом и наставником в нелегальном кружке, он под-

Ишимская женская гимназия. 1910-е. Фотокопия Г.П.Кузурманова. ЛМЕ.

робно рассказал мне о том случае в полицейской управе Ишима.

Студент Петербургского университета Александр Карякин был участником «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». За это он был арестован, а затем выслан в Ишим. В 1904 году он оказался на подпольной работе в Томске, где активно участвовал в студенческих волнениях. После того как очередная забастовка студентов Томского университета была подавлена, Александру Карякину удалось вовремя скрыться и снова уехать в Ишим. Его, однако, выследили и арестовали. Но полицейские власти не располагали никакими уликами и не смогли доказать причастность Александра Ермиловича к студенческим волнениям. После допроса, не давшего никаких результатов, полиция вынуждена была освободить его из-под ареста.

Две маленькие комнаты в доме Карякиных были сплошь заставлены книжными шкафами. На окнах в горшках стояло много цветов. Ольга Ивановна, как оказалось, была их большой любительницей. В небольшом уютном домике царили покой и мир, скромный, тихий уют и веяло духом высокой, подлинной интеллигентности и счастья горячо любящих друг друга прекрасных людей. Александр Ермилович и Ольга Ивановна охотно встречались с молодежью, были непременными участниками всех городских вечеров и концертов. А сколько добра они делали нуждавшимся людям! Многих девушек и юношей бесплатно подготовили к экзаменам на аттестат зрелости, помогли им поступить в высшие учебные заведения.

Большое участие Ольга Ивановна и Александр Ермилович приняли и в моей судьбе. Они помогли мне продолжить образование, выбрать верный путь в жизни.

Но вернёмся к дням моего детства.

Я всё сильнее привязывалась к нашим жильцам. Они стали для меня примером во всём — и в том, как они дружили между собой, как относились к людям. Мне было двенадцать лет, и я не могла ещё понять смысла их подпольной работы. Одно лишь я крепко усвоила: за это людей сурово наказывают, а они не сдаются.

Мне очень хотелось сделать для моих друзей что-нибудь хорошее, доброе, хотя бы чем-нибудь помочь в их деле.

Скоро и они стали мне доверять: то попросят передать больному товарищу записку, то поручат отнести знакомому книгу, да так, чтобы никто не увидел, не подглядел. Особенно я была горда, когда меня просили выйти на улицу и разведать, не ходит ли возле дома городской.

Наконец настал день, когда мне дали настоящее серьёзное поручение. Первое в моей жизни.

Приближалась весна, и политические ссыльные решили отметить праздник трудящихся — Первое мая — маёвкой в лесу.

Накануне Леонид впервые разговаривал со мной особенно серьёзно и таинственно.

— Завтра, — начал он почти шёпотом, — мы хотим собраться в берёзовой роще. Придут товарищи. Не могла бы ты, Ксюша, покараулить в это время на опушке... Если увидишь чужого человека или городского, тут же свистни. Ты ведь, я знаю, умеешь свистеть не хуже любого мальчишки.

Я немедленно согласилась, но всё же немного струсил.

— А можно с собой Петьку взять? — спросила я. Петька Фадеев был моим товарищем и соседом. С ним, казалось мне, будет не так страшно.

— А он парень надёжный? — спросил Леонид — Можно на него положиться?

— Можно! — прошептала я, кивнув головой.

И вот утром первого мая мы с Петькой стоим на стрёме.

Было холодно. Весна к нам в Сибирь приходит поздно, и, хотя по календарю наступил май, деревья стояли ещё без листвы; сквозь проталую землю едва пробивалась первая нежная зеленая трава, а под бугорками белели крупные головки сибирских подснежников. Мы с Петькой молча прогуливались по опушке берёзовой рощи и, как нам было наказано, внимательно наблюдали за местностью.

Неожиданно из рощи появился Леонид. Быстро оглянувшись, он подошел к нам вплотную и достал из кармана небольшой свёрток.

Александр Ермилович Карякин. 1910-е. Фоторепродукция из книги «Юности прекрасное начало». Архив Л.К.Соскиной.

Ольга Ивановна Куминова (Карякина). 1910-е. Фотокопия Г.П.Кузурманова. Музей средней школы № 1 г. Ишима.

– Ты знаешь, Ксюша, – обратился ко мне Леонид, – где находится Дитли?

– Конечно! – бойко ответила я, – Надо перейти мост, а там до этой деревни рукой подать.

– Этот пакет, – едва слышно произнес Леонид, – надо передать Ивану Ивановичу Самодурову. Он не смог прийти сюда. Живет он на самом краю Дитли.

– Сделаю всё, как надо, – заверила я Леонида.

Он внимательно посмотрел мне в глаза и добавил:

– Об этом никто не должен знать... И пакет никому другому не отдавай... Поняла?

Я спрятала тоненький пакет на груди под своей шубейкой, стянула покрепче на спине концы платка, которым была повязана, и отправилась с Петькой по назначению.

Хотя я уверяла, что до Дитлей от моста рукой подать, но до самого этого моста надо было пройти версты две, не меньше. Поэтому мы шли быстро, почти бежали. Вдруг небо заволочли чёрные тучи, стал накрапывать дождь.

– Не пойдут! – заявил категорически Петька. Повернулся и побежал в город.

Пришлось идти мне одной – вот так друг оказался!

До моста оставалось ещё далеко, когда позади себя я услышала чьи-то тяжёлые шаги. Оглянулась и увидела городского. Он, запыхавшись, поспешал за мной. Стало очень страшно, но я и виду не подавала.

– Остановись! – кричал мне вдогонку городской.

И тут словно бес какой-то меня подзадорил.

– А ты догони! – дерзко смеясь, ответила я и бросилась бежать вдоль реки к мосту.

Городовой побежал за мной.

– Стой, противная девчонка! – орал блюститель порядка. – Догоню – хуже будет!..

Бегала я очень быстро – ни один мальчишка с нашей Старо-Больничной улицы, на которой мы с мамой жили, не мог догнать меня.

Но вдруг я почувствовала, что больше бежать не могу, сердце готово выпрыгнуть из груди или разорваться, в голове шумит, лицо покрылось испариной. Ах, если бы можно было хотя бы на секундочку остановиться, передохнуть, набрать в лёгкие больше воздуха! Но я понимала, что сделать этого нельзя ни в коем случае: городской был уже совсем близко, вот-вот настигнет. Мне казалось, что я уже чувствую на своем плече его тяжёлую, увесистую руку...

И не раздумывая, с разбегу я бросилась в речку.

Никогда прежде я не думала, что холодная вода может обжечь так же сильно, как огонь. От холода перехватило дыхание, руки и ноги стали деревянными, и я стала погружаться под воду.

К счастью, река в этом месте оказалась неглубокой. Отталивая руками плавающие в воде льдинки, я с трудом выбралась на другой берег. Тут только я перевела дух... Отжав мокрую

Дом Теплоуховых в Ишиме по ул. Старо-Сенной (ныне ул. Чайковского, 16), 1978. Фотография. Архив Л.К.Соскиной.

одежду и свою длинную тяжелую косу, начала медленно подниматься вверх по откосу. В это время раздался пронзительный свист. Оглянувшись, я увидела, как на другом берегу беспомощно бегают городской, грозит мне кулаком и что есть силы дует в свой казённый свисток.

Я помахала ему рукой и побежала в деревню.

Иван Иванович помог мне сменить одежду. Он надел на меня свою рубашку, которая доходила мне до пяток, потом закутал в овчинный тулуп и уложил на печку.

— Жаль, что водки не пью, — сокрушался Иван Иванович. — Ноги бы тебе растёр... Не захворать бы тебе, девочка...

Пока я отогревалась на печке, Иван Иванович аккуратно развязал пакет, достал оттуда намокший номер свежей нелегальной газеты и разложил ее на столе. Формат газеты был невелик. Она состояла из нескольких двойных листов размером с обыкновенную школьную тетрадку... Но по тому, как обращался с этими листами Иван Иванович, я поняла, что они были очень важными и нужными. Он, не торопясь, протянул через всю избу веревку и аккуратно, словно тонкое батистовое бельё, развесил каждый мокрый листок газеты в отдельности. Когда листки эти немного подсохли, он положил их на стол и стал осторожно проглаживать теплым утюгом.

Обсохнув и отогрившись, я отправилась домой.

— Спасибо, Ксения! — сказал, провожая меня, Иван Иванович. — Ты выполнила важное, секретное задание.

Крепко, как взрослой, он пожал мне руку».

Поясним, что такое Дитли, или Детли — так называлась в народе деревня Синицына, что существует и поныне, в сосновом бору. От города до неё десять вёрст — представьте, что значит пройти такое расстояние в мокрой одежде холодным весенним днём! И не раз ещё впоследствии Ксению Павловну будет спасать от страшных болезней её крепкое сибирское здоровье и вера в правильность большевистской борьбы...

«В пятнадцать лет я закончила школу и, как говорится в таких случаях, стояла на перепутье. Маме очень хотелось, чтобы я и дальше продолжала своё образование, она уже мечтала видеть меня врачом. Но прогимназия, которую я окончила, имела всего шесть классов, и аттестат зрелости она не выдавала. Без него же ни в одно учебное заведение поступить было невозможно. Лучшее, на что я могла рассчитывать, — это акушерско-фельдшерские курсы.

Но, сказать по правде, меня к тому времени стало очень увлекать дело моих друзей — политических ссыльных. В Ишиме тогда существовало несколько нелегальных марксистских кружков, где сосланные революционеры занимались самообразованием, готовили себя к будущей революции. Один из таких кружков за год до окончания мною школы начал работать в нашем доме. Я регулярно посещала его. Организатором и руководителем этого кружка был Эразм Самуилович Кадомцев, большевик ленинской гвардии, человек нелёгкой, но яркой судьбы. Мы, его ученики, очень им гордились.

Офицер царской армии Эразм Самуилович Кадомцев активно участвовал в русско-японской войне. Он храбро сражался в боях под Ляояном, а также в двухнедельном кровопролитном сражении под Мукденом. Многие восхищались ратными подвигами Эразма Кадомцева; никто, однако, не знал, что под мундиром офицера царской армии билось горячее сердце революционера-большевика.

После окончания войны Кадомцев покидает службу и целиком посвящает себя революционной борьбе. Он организует на Урале подпольные кружки. Нелегальная деятельность Кадомцева становится известной властям, и поэтому он вынужден часто менять места своего жительства. Его всё же арестовали и в административном порядке выслали в Ишим.

А вскоре произошло нечто совсем неожиданное.

Эразма Самуиловича любезно пригласили явиться в городскую управу, где всё уже было подготовлено к его встрече. В большом зале, под портретом нарисованного во весь рост, в форме полковника русской армии, императора Николая II, стоял массивный дубовый стол, покрытый зелёным сукном. За столом восседали представители городской власти: городской голова, уездный исправник, почтмейстер, воинский начальник.

Когда в зале появился Кадомцев, воинский начальник города встал и торжественно зачитал приказ военного министра о том, что за проявленную в боях храбрость и отвагу офицер русской армии Эразм Самуилович Кадомцев награждается орденами святого Георгия и святого Владимира с мечами. Окончив чтение, воинский начальник достал из нарядной, обшитой красным муаровым шёлком коробки орден святого Георгия и приготовился вручить его герою. Вдруг в наступившей тишине громко и чётко раздался голос Кадомцева:

— Я отказываюсь принять награды от правительства, позорно проигравшего войну и погубившего сотни тысяч доблестных русских солдат...

Воинский начальник чуть было не выронил из рук обшитую красным муаровым шёлком коробку. А в зале, среди притихших и остолбеневших гостей, продолжал звучать спокойный голос Эразма Самуиловича:

— Война, которую вели русское и японское правительства, была несправедливой. Она была нужна русской и японской буржуазии. Так при чем же здесь, господа, русский народ, русский рабочий класс? Народ служил только пушечным мясом для военных авантюристов. Его кровью поливали поля Маньчжурии для того, чтобы богатые стали ещё богаче, а бедные ещё бедней. Эта война велась не за свободу России... Она была не нужна и даже чужда русскому народу...

По-военному повернувшись на каблуках, Эразм Самуилович Кадомцев покинул нарядный и торжественный зал...

Встреча с таким человеком, как Эразм Самуилович, занятия в его кружке оставили боль-

Матрёна Семёновна Теплоухова, мать К.П.Чудиновой. 1920-е (?). Фотокопия. Архив семьи Чудиновых.

шой след в моей судьбе. Кружок Кадомцева объединял передовую молодежь Ишима. Вместе со мной в нем занимались Наташа Ершова, Нюра Хайкина, Капа Березовская, Валя Альберт, учительница начальной школы из деревни Жиляковой Зоя Ивановна, рабочий пивоваренного завода Володя Волков, политический ссыльный Ян Гальперин — все энергичные, стремящиеся к знаниям девушки и юноши.

В кружке Кадомцева я многому научилась, и прежде всего умению самостоятельно работать над серьёзной литературой. Мы изучали историю, философию, физику, астрономию и понемногу приобщались к марксистской литературе — вначале к популярной, а потом и сложней.

— Революционер-марксист, — говорил Эразм Самуилович, — должен быть всесторонне образованным человеком, всемерно расширять свой кругозор.

В кружке Кадомцева я прочитала первые серьёзные книги по астрономии, такие как «Луна и галактика» Камиля Фламариона и «Астрономические вечера» Клейна. В школе географию мы изучали поверхностно, нам давали лишь основные сведения о физическом строении Зем-

Эразм Самуилович Кадомцев. 1910-е.
Фотокопия. Архив Л.К.Соскиной.

ли и о государственном устройстве больших стран. Основы же астрономии в школе в то время совсем не преподавали.

Эразм Самуилович дал мне прочесть популярную в те годы брошюру Баха «Царь-голод». Элиграфом к ней стояли известные строки из стихотворения Н.А. Некрасова «Железная дорога»: «В мире есть царь: этот царь беспощаден, голод названье ему». В этой брошюре рассказывалось о каторжном труде и тяжелой жизни рабочих царской России.

После этой брошюры Эразм Самуилович принёс мне книгу Августа Бебеля «Женщина и социализм», в которой говорилось о борьбе работниц за равноправие, о необходимости активного участия трудящихся женщин в революционной борьбе.

Вскоре Кадомцев дал мне тоненькую книжку, которую за её объем и книжкой-то назвать было нельзя, скорее, небольшая брошюрка. Называлась она «Манифест Коммунистической партии». Не сразу дошло до меня глубокое содержание этой книги, не всё в ней было понятно. Но уже с первого раза я наизусть запомнила слова, которыми заканчивается «Манифест»: «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Эразм Самуилович Кадомцев был первым, кто рассказал нам в кружке о партии большевиков, от него же я впервые услышала о Ленине. С Владимиром Ильичом Кадомцев познакомился ещё в 1900 году, в Уфе, когда Ленин приезжал туда к отбывавшей ссылку Надежде Константиновне Крупской. В то время Владимир Ильич Ленин был уже признанным авторитетом в среде русских революционеров. С помощью Эразма Самуиловича мы впервые начали изучать книгу Ленина «Что делать?».

Эразм Самуилович, Александр Ермилович Карякин и моя школьная учительница Ольга Ивановна горячо советовали мне после окончания школы продолжить образование. Однако тут в моей личной жизни произошло важное событие. В шестнадцать лет я вышла замуж за ссыльного поселенца, революционера Николая Никифорова.

Участник революции 1905 года, Николай Никифоров был приговорен к смертной казни. Но ему в то время было восемнадцать лет, и по законам царского правительства он считался несовершеннолетним. Поэтому в последнюю минуту, перед самой казнью, виселица была заменена вечной каторгой. У Николая развился туберкулёз. Власти разрешили ему поселиться в Ишиме.

После замужества у меня родились дочки — Галя и Вера. Казалось, об учёбе уже думать не придется. Всё же, следуя советам моих друзей, я решила продолжить образование. Но в Ишиме не было никаких учебных заведений. И, как говорят в народе, не было бы счастья, да несчастье помогло.

В Ишиме начали поговаривать о том, что к городу будет проведена железная дорога, поэтому всех политических ссыльных решили отправить в более отдалённые места, им ведь не полагалось жить вблизи от станций. В числе других и моему мужу было приказано немедленно вместе с семьёй оставить Ишим и переехать в город Тобольск, от которого до ближайшей железнодорожной станции более трехсот верст.

Так в 1912 году закончился ишимский период жизни Ксении — теперь уже не Теплоуховой, а Никифоровой. Зароненное в Ишиме романтическое зерно революционной борьбы за счастье трудового народа нашло благодарную почву и проросло теперь уже под небом губернской столицы. Впереди была жизнь, полная неожиданных поворотов. Рассказать о ней так же подробно в пределах статьи просто невозможно. Поэтому обрисую её только яркими штрихами.

Поступив в Тобольскую фельдшерско-акушерскую школу, Ксения, разумеется, вскоре вошла в нелегальный марксистский кружок, который посещали слушатели фельдшерской школы, старшеклассники мужской гимназии и учащиеся духовной семинарии, «Подкова-

шись» в политических вопросах, кружковцы стали выходить с агитацией в артели, за неимением в Тобольске крупных заводов. А когда в 1914 году началась мобилизация на фронт, с началом Первой мировой войны, кружковцы выходили провожать пароходы с призывниками. «Мы рассказывали, что война не нужна трудовому народу России, что её развязали царское правительство и буржуа многих стран, которые хотят заново поделить между собой мир, чтобы завладеть ещё большими богатствами».

За эту агитацию чуть было не лишились своих голов по законам военного времени два юных кружковца – тогда последователи толстовского учения Вениамин Тверитин и Залман Лобков. Лишь крупная взятка их богатых отцов спасла непутёвых сыновей от виселицы. Зато сыновья стали убеждёнными большевиками и погибли в годы колчаковщины.

После этого случая существование кружка было поставлено под угрозу, и «старшие товарищи» посоветовали молодым марксистам ехать в Москву, в Народный университет Шанявского. Ксения, оставив на попечение матери малолетних дочерей Веру и Галю и благословлённая мужем, поехала устраиваться в Москву. А вскоре получила печальное известие: в Тобольске умер от воспаления лёгких Николай Никифоров. «Я навсегда сохранила добрую и светлую память о Николае – муже и отце моих старших дочерей».

Московский городской народный университет, основанный А.Л.Шанявским на собственные средства, считался «прогрессивным» учебным заведением. «Для поступления туда не требовалось ни свидетельства о политической благонадёжности, ни аттестата об окончании среднего учебного заведения». Занятия проводились по вечерам, чтобы их могли посещать рабочие. Девушки ходили на занятия наряду с юношами, здесь можно было встретить представительниц всех сословий. Хотя университет не выдавал дипломы государственного образца, его выпускники пользовались репутацией образованных людей, их охотно приглашали на работу.

В конце 1914 года Бутырский районный комитет партии, по рекомендации тобольских большевиков, официально принял Ксению Никифорову в свои ряды. «Вместе с молодыми большевиками я вела в Москве кружки среди членов профсоюза сумочников и ремесленников, проводила сборы денег для партийной печати, помогала московскому подпольному Красному Кресту, приносила политическим заключённым передачи, сообщала им новости с воли». Для более тесной связи с рабочими Ксения устроилась на работу на фабрику приводных ремней. Условия труда на ней были тяжелейшими. Ксения с подружкой по партийному подполью Стивой Дорониной переворачивали в красильных котлах тяжёлые кожаные ремни, а в перерывах убеждали работниц пойти на забастовку с требованием увеличения оплаты труда. Забастовка продолжалась неделю, увещевания о том,

Тобольские подпольщики. Вторая слева К.П.Никифорова (Чудинова). 1914. Фоторепродукция из книги «Юности прекрасное начало». Архив Л.К.Соскиной.

что ремни нужны фронту, не помогали. Хозяин был вынужден принять требования рабочих...

Это было первое успешное крупное партийное поручение Ксении.

Зимним вечером 1915 года Ксения познакомилась с Дмитрием Константиновичем Чудиновым. «Я сидела в читальном зале нашей библиотеки и конспектировала работу английского экономиста Милля. Невольно моё внимание было обращено на сидевшего рядом молодого человека. Сосед так быстро переворачивал страницы, что мне показалось, будто он не читает, а лишь переворачивает книгу. Позже я узнала, что Дмитрий Константинович сознательно выработал в себе способность быстро просматривать и читать литературу... Познакомившись поближе, мы почувствовали, что наши ежедневия во многом совпадают. Дмитрий в ту пору ещё не был большевиком, но он полностью разделял наши взгляды. Мы подружились. Когда выпадало свободное время, бродили по Москве, вспоминали родную Сибирь... Постепенно наша дружба переросла в более глубокое чувство. Дмитрий сделал мне предложение, которое я не сразу приняла.

– Я понимаю, Ксения, – сказал Дмитрий, – тебя останавливают дети. Но я всё сделаю, чтобы заменить им отца.

И Дмитрий Константинович сдержал своё слово. Вся жизнь он был любящим и заботливым отцом моих старших дочек – Гали и Веры».

В первый раз Ксению арестовали с партийной литературой в том же году и поместили в камеру Бутырской тюрьмы. Через полтора месяца отпустили, чтобы вскоре задержать снова и выслать в город Ардатов Нижегородской губернии. Однако вместо этого Ксения по подложным документам отправилась в подмосковный

Тобольск. Подгорная часть. Нач. XX в.
Фотография. АРГО.

Богородск (ныне Ногинск). Случилось это осенью 1916 года.

«Было очень заманчиво проникнуть на Глуховскую мануфактуру, чтобы вести там пропаганду идей классовой борьбы. Однако хитрый и умный хозяин Арсений Морозов установил на своих предприятиях тщательную проверку всех вновь нанявавшихся служащих, и я побоялась рисковать. Решила устроиться инструктором в «Союз кооператоров» и уже оттуда искать пути к рабочим-текстильщикам.

В Богородск постепенно съехалась почти вся наша сибирская коммуна, студенты университета Шанявского. В Москве шли аресты, и Вениамин Тверитин, Стива Доронина и Дмитрий Чудинов приехали ко мне, устроились на работу в «Союз кооператоров» и стали руководить нелегальными кружками на втором этаже «Общества трезвости».

Не знаю даже почему, но вся наша коммуна возлагала большие надежды на приближавшийся новый, 1917 год. Мы, революционеры, верили: будущее за нами. Поэтому решено было всей коммуной вместе отпраздновать наступление Нового года – нелегально, в нашей университетской столовой на Большой Грузинской. Незадолго до этого я вернулась из Ишима, куда ездила повидаться со своими девочками, и привезла с собой младшую, четырёхлетнюю Верочку...»

Февраль 1917 года принёс известие об отречении императора Николая II от престола. Народ был опьянён непонятной для него свободой. Партийные деятели поняли, что наступил их час. В Богородске также был создан Совет рабочих и солдатских депутатов, Ксения Никифорова стала заместителем председателя уездного комитета РСДРП(б).

Ранним утром 27 октября Богородский Совет получил телеграмму: «В Петрограде победила революция. Создано новое правительство – Совет народных комиссаров во главе с Лениным». В тот же день Совет взял власть в свои руки, не встретив ни малейшего сопротивления. Богородская революция прошла по сценарию питерской: отряды красногвардейцев заняли почту, телеграф, телефон, вокзал, банк. Был создан свой Совет народных комиссаров, включавший в себя помимо прочего и Наркомат иностранных дел.

«Храбрости и мужества нам было не занимать, а вот опыта и государственной мудрости пока недоставало». В полной мере это познала

Омск. Чернявинский (Любинский) проспект – главная торговая улица города.
1910-е. Фоторепродукция. РНБ.

Ксения, назначенная комиссаром продовольствия Богородского уезда. «Не арестами, а силой большевистской правды мы должны вести за собой людей», – напутствовал Ксению её старший товарищ, председатель уездного комитета партии Александр Петрович Смирнов. Но не всегда хватало слов. Чтобы обеспечить рабочих продуктами, 23-летняя Ксения Павловна с помощниками ходила по квартирам богатых богородцев, с револьвером в руках убеждая поделить своими запасами.

Но такие реквизиции давали кратковременный эффект.

«Вдруг нам очень повезло. В Богородск с Украины приехали представители кооперации и предложили: они дают нам четырнадцать вагонов хлеба, а мы даём им столько же вагонов мануфактуры. Я и тогда понимала, что это невыгодная сделка, но, как говорится, голод не тётка... Но и этого украинского хлеба нам не выдала Москва...»

Узнав, что вагон с хлебом задержан, я в тот же день выехала в Москву, куда совсем недавно, 11 марта 1918 года, переехало из Петрограда Советское правительство во главе с Лениным». В наркомате продовольствия Ксения Павловна не нашла понимания. Более того, пригрозили судить за анархизм. Плача от досады и вины перед рабочими, она вспомнила, что в этом же наркомате работает теперь её старший товарищ Смирнов. Он устроил ей на следующий день встречу с Лениным, который жил и работал тогда в здании гостиницы «Националь».

«Владимир Ильич слушает меня хорошо, спокойно, только замечаю, как у него в глазах мелькают смешинки.

– Может, мы что-то не так сделали, нам действительно надо было обратиться в Наркомпрод? – спрашиваю я. – Но ведь там сидят одни бюрократы.

– Так-так, – улыбается Ленин. – Значит, в Народном комиссариате продовольствия, который ведёт упорную борьбу с голодом, где бьются за каждый грамм хлеба для рабочих России, там, значит, сидят одни бюрократы... Ну, а что вы будете делать, когда съедите свой украинский хлеб? Куда тогда пойдёте?

– Не знаю, – чистосердечно призналась я.

– А я знаю! – весело заметил Владимир Ильич. – К нам придёте. В Наркомпрод обратитесь... Больше некуда... А по вашей теории, вообще ерунда какая-то получается. Вы, богородские,

Иркутск. Собор и Тихвинская площадь. 1910-е. Фоторепродукция. РНБ.

выпускающие мануфактуру, можете иметь хлеб. Ну а что делать, скажем, питерскому пролетариату или, например, рабочим Донбасса, у которых нет ни ситца, ни бязи, ни бумагеи... Они, стало быть, должны голодать? Так, что ли? Нет, товарищи, — сурово сказал Ленин, обращаясь ко мне, — вы поступили в корне неправильно, не по-государственному. Большевики взяли власть вовсе не для того, чтобы заниматься самоснабжением и местничеством. Мы потому и создали Народный комиссариат продовольствия, чтобы взять на учёт каждый фунт хлеба, крупы, масла.

Я сидела низко опустив голову, понимая, что Владимир Ильич совершенно прав.

— Что же мне теперь делать?

— Поезжайте домой и расскажите рабочим всю правду.

— Да что вы, меня же и слушать не будут! Они же голодные...

— Честные рабочие вас поймут, — сказал Ленин, пожимая мне руку. — Желаю вам удачи.

Так и вышло. Рабочие поддержали Ленина и постановили создать продовольственные отряды. Начались поездки по деревням, где у зажиточных крестьян силой отбирали зерно и продовольствие.

А в конце марта 1918 года Ксении Павловне сообщили, что она вместе с другими партийными работниками мобилизована на продовольственный фронт. Ей предстояло добывать хлеб для российских городов в родной Сибири — единственной житнице страны, где ещё не полыхала гражданская война.

«Ранним утром до отказа переполненный пассажирский поезд увозил меня из Москвы в город Омск. Пассажиров не перечесть, они заняли все места в вагоне и, как селёдки в бочке, плотно прижаты друг к другу, сидят на полу и в проходах, стоят в тамбурах, а самые отчаянные устроились на крышах, и ни ветер, ни дым им ничоём! Это горожане, которых голод погнал в глубинные районы России в надежде обменять свои небогатые пожитки — одежду и обувь, спички и мыло — на муку или хлеб... Товарищи помогли мне протиснуться в вагон. Сделать это было не легко, если учесть, что со мной в дальний путь отправлялись свекровь Анисья Львовна Чудинова и двое моих детей: дочка Верочка пяти лет и четырёхмесячный

Ксения Павловна и Дмитрий Константинович Чудиновы. Иркутск. 1920. Фоторепродукция из книги «Юности прекрасное начало». Архив Л.К.Соскиной.

Костик. Друзьям всё же удалось занять среднюю полку, на которой и разместилось всё моё семейство».

Путь продолжался около двух недель, хотя раньше на дорогу уходило не более трёх-четырёх суток. В Омске Ксения Павловна направилась к председателю Сибсовдепа Владимиру Михайловичу Косыреву. Он направил Никифорову (выйдя замуж за Чудинова, фамилию она сменила лишь к окончанию гражданской войны, в Иркутске, в 1920 году) председателем продовольственного комитета, иначе — омским продкомиссаром.

Работа, конечно, была более чем трудной. Деньги не имели цены, хлеб можно было только менять на товар, а товара тоже не было. Так, когда на складах обнаружилось небольшое количество резиновых галош перепутанных размеров, то выдавать их решили, во имя социальной справедливости, по... рецептам врача. Руководствовались простым принципом: опаснее всего промочить ноги больным ревматизмом, подагрой, ангиной и — детям. Меньшевики и эсеры открыто смеялись:

— Когда вы, большевики, воздух начнёте по рецептам продавать?

Хлеб давался с трудом и не без крови. Его держали в своих кладовых купцы, зажиточные крестьяне и, конечно, отдавать задарма не спешили. «Действуя именем революции, руководствуясь высшими законами справедливости и гуманности, мы поставили своей задачей отобрать насильно хлеб у врага... Многие из продотрядовцев погибли в жестокой схватке...»

Дети К.П.Чудиновой – Вера, Костя, Наташа. 1922. Фоторепродукция из книги «Юности прекрасное начало». Архив Л.К.Соскиной.

О количестве погибших «классовых врагов» Чудинова умалчивает.

7 июня 1918 года советское руководство Омска оставило город под натиском войск мятежных чехов, бывших военнопленных Первой мировой, которые были готовы рубиться с любой властью, лишь бы вернуться домой. Пароход, на котором находилась Ксения Павловна, отходил от пристани под выстрелы из винтовок. На руках у Ксении – семимесячный младенец Костя. Рядом – жена Тверитина Жена Мельтцер, у которой тоже сын Юра, ровесник Кости. Они задумываются, как поступить, если белые нападут на пароход. «Мы с Женей твердо решили, что уложим детей в приготовленные плетёные корзинки, пустим вниз по Иртышу – авось кто-нибудь заметит и спасёт».

Однако последовать примеру матери пророка Моисея им не пришлось. Пароход благополучно дошёл до Тобольска, оттуда – до Тюмени. Здесь произошла встреча Ксении с мужем, который, руководя отрядом, с боями прорывался через Ишим на Тюмень. И дальше – как в той песне: «Дан приказ: ему – на запад, ей – в другую сторону...» Чудинов отправляется на фронт, его жена – в Екатеринбург.

Город уже готовился к эвакуации. Ещё жила в особняке Ипатьева царская семья, но участь их была предreshена. В эти дни наша землячка появляется в Екатеринбурге с документами на имя Ксении Теплоуховой. Она знает, что ей вновь предстоит работа в подполье. Её легенда – московская студентка, бежавшая от голода с сыном и няней. Вениамин Тверитин выдаёт себя за сына омского купца Хрякова.

30 июля, на пятый день после прихода белочехов в Екатеринбург, Тверитин был аресто-

Ксения Павловна Чудинова. 1920-е. Фоторепродукция из книги «Юности прекрасное начало». Архив Л.К.Соскиной.

ван и вскоре расстрелян. Арестовали и Ксению с сыном. Но, не найдя улики, ограничились высылкой из города. Путь молодой революционерки лежал теперь на восток, в город Томск. Но по дороге Ксения не удержалась и заехала в родной Ишим, чтобы встретиться с дочерью Галей и мамой, Матрёной Семёновной Теплоуховой.

«Моя мама была удивительной и по-своему яркой личностью. Коренная сибирячка, она сохранила неукротимый дух своих далёких предков – свободолюбивых крестьян, не желавших признать крепостное право и бежавших от помещичьей неволи. Как и они, мама была человеком непокорным и независимым.

И своей внешностью мама в молодости была очень хороша собою. Чернбровая, с длинными чёрными косами, с ярким румянцем на смуглом лице. Всю жизнь она много работала. Ещё совсем молодой оставшись без мужа, она несла на своих плечах заботы о нашем пропитании. За практичный ум и хозяйственную смекалку соседи прозвали ее «англичанкой»...

Руки у мамы были золотые. Выучившись строчить на швейной машинке, она сначала шила солдатское бельё, потом, прикинув, что выгодней, принялась разводить на продажу табак: в наших краях он был в большой цене. Я же этот табак возненавидела на всю жизнь. Табак, как известно, растение прихотливое; чтобы он хорошо рос и давал хороший урожай, его надо часто и обильно поливать. И вот уже с восьмилетнего возраста, помогая маме, я с ран-

него утра до позднего вечера должна была носить воду. Идешь, бывало, согнувшись под коромыслом, а в глазах темно, ноги подкашиваются, и думаешь только об одном: как бы не споткнуться и не пролить воду.

К осени, когда мама увозила табак на базар, у меня на плечах образовывались сплошные волдыри и раны. Всю зиму мама смазывала их жиром, но к весне только мои болячки успевали зажить, как всё начиналось снова: большие ведра, жёсткое коромысло и вставай чуть свет... И так целых три года подряд.

Летом, как я уже рассказывала, мама иногда занималась косить траву для богатых хозяев — они хорошо платили. Отправляясь на сенокос, она брала с собой и меня. Иногда мы с мамой уходили далеко в степь, где стояли покрытые толстым войлоком кибитки киргизов (казахов). Мама дружила с ними, и киргизы радушно угощали нас кумысом, подавали яркие пиалы с зелёным чаем, в котором плавали жёлтые кружки бараньего жира.

Каждый раз, приезжая в Ишим на базар, киргизы обязательно приходили к маме в гости с неизменными гостинцами для меня.

— Скажи, бачка [т.е. госпожа], — обращались они к маме, низко кланяясь, — когда у тебя наступит день «не хошь, да ешь»?

Мама в ответ весело смеялась. Оказывалось, киргизам очень понравился православный праздник заговенье, перед началом Великого поста. В тот день русские хозяйки готовили обычно вкусные кушанья, и ели все, как говорится, до отвала. Для такого застолья ведрами варили студень, жарили десятки кур и гусей; пекли блины, лепили несчётное количество пельменей.

Одолеть всё это в один день было невозможно, а назавтра есть мясные блюда — это означало совершить грех, оскоромиться. Поэтому на второй после заговенья день к нам приходили в гости наши друзья-киргизы. У нас, конечно, не было такого обильного угощения, как у богатых, но студнем и традиционными сибирскими пельменями мама кормила гостей до отвала: «Хочешь не хочешь, а ешь!» Она по-доброму, дружески относилась к киргизам.

...Мама не одобряла ни мою жизнь, ни выбранный мною путь. «Не женское это дело, — сказала мне мама, узнав, что я стала революционеркой. — В тюрьмах мужики должны сидеть, а бабье дело детей рожать да хлопотать по хозяйству...» И всё же мать не отказала мне в своей помощи. Она взяла на себя заботу о моих маленьких дочках, горячо любила своих внуков Галочку и Верочку.

...Увидев меня с Костиком на руках, мама только схватилась за голову и вскрикнула:

— Ах, Господи, что ты наделала! О тебе тут давно уже справлялись... Уезжай немедленно!

— Кто справлялся?

— Начальство! Несколько раз приходили, всё про тебя расспрашивали...

В июле 1918 года в Ишиме у власти оказались эсеры и меньшевики, именовавшие себя «Временным сибирским правительством».

Партийный билет Марии Ильиничны Ульяновой (1936 г.).

Партийный билет М.И.Ульяновой, подписанный рукой К.П.Чудиновой. 20 июня 1936. Фоторепродукция с автографом К.П.Чудиновой. 14 января 1990. Архив Л.К.Соскиной.

Вначале они заигрывали с народом, выдавали себя за истинных демократов и требовали, чтобы жители, обращаясь к представителям власти, называли их товарищами. «Гусь свинье не товарищ!» — сказала мама, когда члены этого «правительства» стали навещать в наш дом и расспрашивать, где я нахожусь. За «непочтительный» ответ маму, тогда уже пожилую женщину, представители этой «демократической» власти публично высекали на Базарной площади.

После такого издевательства мама, разумеется, возненавидела городское начальство и вместе с тем была до смерти напугана. Особенно беспокоилась она о судьбе моих детей. Положение осложнялось ещё и тем, что в доме скрывалась моя золовка Маруся Никифорова, младшая сестра моего покойного мужа, Николая Никифорова.

*Эля Млинник, Наташа и Лёва.
Конец 1930-х. Фотография.
Архив семьи Чудиновых.*

*Ким (Алексей) и Наташа Чудиновы. 1939.
Фоторепродукция из книги «Юности
прекрасное начало». Архив Л.К.Соскиной.*

Семнадцатилетней девушкой она ушла в революционную работу и проявила незаурядную смелость и отвагу. Маруся не отказывалась ни от каких самых опасных и рискованных поручений – распространяла газеты, расклеивала под носом жандармов листовки, была связной между партийными группами. В июне 1918 года, когда по всей Сибири разгорелась гражданская война, Маруся добровольцем вступила в отряд Красной гвардии и вместе с ним ушла на фронт. Тяжело раненная в ногу, она с трудом добралась до Ишима и тёмной ночью постучалась в дом моей матери. Мама, слова не сказав, приняла Марусю, укрыла её, выходила, окружив заботой и вниманием.

– Возьми меня с собой, Ксения, – упрашивала Маруся, узнав, что я уезжаю в Томск.

– И вправду, – сказала мама. – Пусть с тобой едет. Что будет, если тебя арестуют? С кем Костя останется?

Я согласилась.

Мы начали собираться в дорогу, но тут проснулись мои девочки Галочка и Верунька. «Мама! Мамочка!» – закричали они в один голос и бросились мне на шею. Я обняла их, крепко прижала к груди и почувствовала, что у меня

не хватит сил оторваться от детей. Старшая дочь Галя, впервые увидев своего младшего брата, начала тормошить его, носить на руках. А время торопило нас, подстёгивало. Наступало утро, и в наш дом в любую минуту могли нагрянуть представители власти.

Заливаясь слезами, с трудом я заставила себя оторваться от детей.

– Беги скорей за извозчиком! – крикнула я маме, боясь, что сердце моё не выдержит...»

Томск, город, где был открыт первый в Сибири университет – давняя мечта Ксении. Но теперь на смену академическому учению пришла иная наука – конспирации. Ксения вместе с Марусей занимались подготовкой нелегальной 2-й Сибирской партийной конференции. Здесь же Маруся встретила свою любовь – Кешу Григорьева, по кличке «Аргентов», с которым Ксения сидела в одной тюрьме в Екатеринбурге. Однако, когда партия дала поручение Ксении ехать помогать в работе подпольной организации Барнаула, Маруся без размышлений согласилась поехать. Она должна была выполнять роль няни для малолетнего Костики и детей Блюмы Канатчиковой, помощницы Ксении.

На станции Тайга, где следовало сделать пересадку на поезд, произошло неприятное событие: Ксению узнал её бывший товарищ по омскому продкомитету, а ныне начальник карательного отряда Симон. И хотя он заявил ей: «С женщинами, а тем более с детьми, я не воюю», – и отпустил, Ксения была взволнова-

Большевики – участники тобольского подполья 1912-14 годов. Слева направо, сидят: З.И.Могилевская, К.И.Наумов, К.П.Чудинова; стоят: А.Н.Виноградов, Т.И.Наумова-Теумина, К.А.Козлов. Москва. 1955-56. Фотография. Архив Л.К.Соскиной.

имени советской власти подтвердил решение губкома. 7 февраля адмирал Колчак был расстрелян на берегу Ангары. В марте 1920 года в Иркутск входят красноармейцы 5-й армии.

Чудинова работает в комиссии помощи пострадавшим от колчаковской диктатуры, затем – заместителем губернского продкомиссара. В начале 1921 года Сиббюро ЦК РКП(б) отозвало её для работы в Омск, тогда ещё столицу Сибири. Всё тот же В.М.Косырев направил её заместителем уполномоченного Наркомздрава по Сибири, а чуть позже её назначили и заместителем председателя сибирского отделения Чекадета. Чекадет – сокращённо Чрезвычайная комиссия помощи детям. Её отделением руководил председатель Сибирского ЧК И.П.Павловский.

В 1922 году столицей Сибирского края стал Новосибирск. Туда же переезжает семья Чудиновых. Наконец-то все оказались вместе. Дмитрий Константинович, председатель комитета по народному образованию, всегда находил в день час-другой, чтобы пообщаться с детьми. Учил их музыке, читал детские книжки. Их тогда только-только начали вновь издавать, одна из первых – любимый Ксенией Павловной «Конёк-Горбунок». Дети знают эту сказку наизусть. А детей уже четверо. Гале – 13, Вере – 10 лет. Родным детям Дмитрия Чудинова: Косте – 6, а Наташе – три. Наташа родилась в дни восстановления в Иркутске советской власти, 23 февраля 1920 года. Ксения Павловна сидела на собрании, в президиуме. Вдруг просит у председателя отпустить её. «Зачем?» – «Рожать!» – «Как рожать?!» Чудинова едва успела доехать до роддома...

Ксения Павловна всей жизнью опровергала представление о себе как «аскетичном комиссаре». Да, жила она скромно, излишеств в быту не позволяла. Но: «Мы были молоды, мы любили жизнь и своих любимых, мы были кем угодно, но не аскетами...» И всё же... Дочь Наталья Дмитриевна, улыбаясь, замечала: «Мама всегда служила сначала революции, а потом детям... Когда уходила на работу, я ещё спала, а когда приходила – я уже спала. Поэтому мы, дети, любили, когда мама болела, – тогда она принадлежала нам».

Вскоре в семье родился ещё мальчик. Революционные родители дали ему имя Рексёма, от аббревиатуры РКСМ – Российский коммунистический союз молодёжи. Бабушка, мать Дмитрия, однако, вписала в документы и «человеческое» имя – Алексей. Так он и жил с двумя именами; дома его звали Ким (КИМ – Коммунистический интернационал молодёжи).

Новая столица Сибири обустроивается с революционным размахом. Она должна стать центром новой культуры. Строится величественный Рабочий дворец, где зрительный зал устроен по образцу Большого зала Московской консерватории. Организуется Сибгосиздат, возглавить который Чудинов приглашает своего друга по университету Шаняевского Валериана Правдухина. Вместе с женой Лидией Сейфуллиной они начинают издание журнала «Сибирские огни», бываю частыми гостями в доме Чудиновых. Сейфуллина даже пишет для их детей сказки, – к сожалению, не сохранившиеся.

Однако в 1924 году Чудиновы переезжают в Москву. Ксения Павловна поступает по направ-

*Встреча подпольщиков Сибири на 50-летие Октября.
Омск. Ноябрь 1957. Фотография. Архив Л.К.Соскиной.*

лению партии в промышленно-экономический институт. Это было непростое для «солдат партии» время. В подполье, на фронтах гражданской войны ситуация была яснее: вот враг – вот друг. И проблемы решались проще: на то и револьвер в руках. Не все прошли искушение строительством «гражданской» жизни. Не всем легко давалось принятие нового «курса партии», каким стало решение о введении НЭПа – Новой экономической политики. Сомневалась и Чудинова. Однако волей случая она в мае 1921 года оказалась гостем X партийной конференции – благодаря помощи Ленина, которого встретила на кремлёвской аллее. И вновь ей довелось пожать ленинскую руку. Четыре раза, в течение трёх дней она слушала речи Владимира Ильича, разъяснявшего суть партийной политики. Беспрекословную веру в авторитет Ленина Чудинова сохранила на всю жизнь...

В Москве в отношениях Ксении и Дмитрия произошёл разлад. Дети не сразу это осознали. Поначалу, когда Чудинова назначили заместителем председателя совета министров Казахстана, он уехал в Кызыл-Орду (тогдашняя столица КазАССР) с детьми: Верой, Костей, Натальей и Кимом-Алексеем. Потом... Вспоминает Наталья Дмитриевна: «Потом приехала мама, я это помню плохо. Помню только, что нас, детей, послали за мороженым. Весёлой и довольной стайкой вернулись мы домой и узнали, что мама уехала совсем и больше жить с нами не будет. Среди бурных переживаний по этому поводу помню слова Веры – «как обидно остаться сиротой, когда мать жива». Третьим мужем Чудиновой стал Роман Иванович Млинник, профессор педагогики, который нежно и по-мальчишески трепетно любил «комиссара Ксению».

В 1930 году Чудинову избрали председателем общества потребительской кооперации Ок-

тябрьского района Москвы. С непростой задачей – работой на «экономическом фронте» – Ксения Павловна справлялась довольно успешно благодаря организаторскому таланту. Так, заместителем и заведующим финансовым отделом стал Александр Иванович Смирнов, выпускник Плехановского института, который в дальнейшем стал заместителем министра торговли и работал в этой должности много лет. Приходилось заниматься всеми насущными вопросами – от заготовки овощей до поиска кровельного материала для складов потребкооперации. Или вот случай, рассказанный Чудиновой: «Одно время в Москве исчез картофельный крахмал, не помню уж, почему это произошло. Не из чего стало готовить кисели в детских учреждениях и рабочих столовых. Выручил один наш опытный повар. Он предложил делать крахмал из картофельных очисток. Мы начали изготавливать его в столовых, и дефицит быстро удалось ликвидировать».

В конце 1933 года Чудинову избрали вторым секретарём московского Октябрьского райкома партии. В этой должности Ксения Павловна курировала работу 10-й и 11-й шахт Метростроя, проехала в числе первых пассажиров в поезде, пущенном на Московском метро 15 мая 1935 года.

В это же время к матери возвращаются от Дмитрия Чудинова её дети. Четырёхкомнатная квартира в Воротниковском переулке оживилась: теперь в ней помимо Ксении Павловны, Романа Ивановича, его дочери Эли и малыша Лёвочки – шестого ребёнка Чудиновой, – появилось ещё трое обитателей. Костю – «большого шалопая», по определению сестры Натальи – Ксения Павловна постаралась приобщить к рабочей среде, отправив работать на завод в Сталинграде. Наталья же и Ким учились в

К.Чудинова и Н.Бринк – «вместе с ней были в карагандинских лагерях в сталинскую эпоху». Киев. 4 декабря 1961. Фотография. Архив Л.К.Соскиной.

175-й школе, что находилась практически во дворе дома. Школа была непростая – там учились дети партийной элиты, в том числе и дети товарища Сталина – Светлана и Василий.

«Светлана училась в 5-м или 6-м классе, – вспоминает Наталья Селезнёва. – Рыженькая девочка с двумя небольшими косичками с бантиками... Её привозили и увозили каждый день на машине. Василий учился или в одном классе с Кимом, или в параллельном. Однажды они с Кимкой разожгли костёр на одной из лестничных площадок в нашем подъезде и были очень довольны переполохом, который поднялся среди жильцов. Когда его спросили, зачем он это сделал, он ответил, что хотел проверить храбрость наших соседей, и добавил с презрением: «Все они трусы». Хорошо помню мамин рассказ о том, что Василий обозвал дураком директора школы Н.И.Гроза. Она пожаловалась маме. Ксения Павловна вызвала Василия в райком и потребовала извиниться перед Ниной Иосифовной. Он отказался. Тогда мама пообещала позвонить по «вертушке» Сталину. Василий стал молить её не делать этого и тут же извинился перед директором. Он очень боялся отца. Конечно, когда Сталин справлялся в школе, как дела у его детей, ему отвечали, что всё хорошо».

В 1936 году было введено новое районирование Москвы: вместо 10 прежних было создано 23 района. Из Октябрьского района выделился Свердловский, начинавшийся от Савеловского вокзала и заканчивавшийся Красной площадью. Первым секретарем районного комитета партии была избрана Ксения Павловна Чудинова. В районе было много административных, научных и культурных учреждений, и первому секретарю приходилось по службе своей

часто пожимать руку знаменитостям. Так, однажды довелось встретиться с К.С.Станиславским, одним из основателей Художественного театра, тогда уже тяжело больным.

В составе райкома числилось много старых коммунистов, в том числе Мария Ильинична Ульянова, родная сестра Ленина. Ручкой Чудиновой подписан её новый партбилет, выданный 20 июня 1936 года, после проверки партийных документов. Время было уже непросто... Ульянова после вынужденного ухода из редакции газеты «Правда» возглавила Бюро жалоб Комиссии советского контроля. Но и на этой должности она не могла противостоять нарастающему валу политических репрессий, поглощавшему многих старых большевиков, в том числе и соратников её брата.

«В 1937 году я видела Марию Ильиничну подавленной всем происходящим в партии и очень усталой. В годовщину смерти Владимира Ильича я попросила её выступить с воспоминаниями на районном торжественном собрании. Она долго отказывалась, но, наконец, согласилась. Выступая, она очень волновалась, а закончив, спросила меня: «Я никаких глупостей не наговорила?» И добавила невыразимо грустно: «Знаете, я совсем не выступаю и боюсь говорить, вдруг, думаю, скажу что-нибудь не то». Опасения её были не напрасными. Когда мне удалось в другой раз уговорить её выступить, она, увлечшись воспоминаниями о Ленине, стала рассказывать, какой замечательный человек Николай Иванович Бухарин, как любил его Ленин и как всегда радовался ему. Зал притих... Имя Бухарина тогда уже было достаточно одиозным. Я, пытаясь привлечь внимание Марии Ильиничны, кашляла, стучала карандашом, но она не замечала ничего. Наконец, посмотрела на меня, побледнела и сошла с трибуны, не закончив фразы».

12 июня того же года М.И.Ульянова скончалась после посещения Московской объединённой партийной конференции. «Ораторы один за другим сообщали об арестах новых «врагов народа» – известных старых большевиков... Убеждена, что обстановка 1937 года ускорила её смерть».

...Чудинова дожила до тех времён, когда можно было писать и говорить об этом открыто. А ведь ещё в середине 1980-х журналисты, писавшие о «железной Ксении», деликатно обходили сороковые годы в её судьбе. Лишь восторженно редактировали её слова: «С большой радостью я вспоминаю, как была делегатом чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, принявшего и утвердившего новую Конституцию. 5 декабря 1936 года, день принятия Конституции, был объявлен праздником. Мы долго ждали этого события и гордились тем, что нигде в мире граждане не имеют таких прав, каких добился наш народ. Наша Конституция обеспечивала право на труд, на отдых, на образование, широкие демократические права в управлении государством. И все эти права были закреплены законами Советской власти. Мы,

делегаты, были счастливы, что пойдём к людям с этой радостной вестью».

А вот что говорила Чудинова в конце 1980-х: «Конституцией 36-го года мы действительно гордились... И никому ведь в голову не приходило, что всё будет наоборот. Права, декларированные в Конституции, в жизнь фактически не проводились. И мало того, тут же попирались...»

Судьба Ксении Чудиновой – пример того, как революция, подобно мифическому чудовищу, пожирала своих детей.

Пытаясь разобраться в происходящем, Чудинова, ещё не теряя веры в справедливость Сталина, полагая, что «перегибы» творятся «на местах», обратилась с вопросом к товарищу по иркутскому подполью Самуилу Гдальевичу Чудновскому, председателю Ленинградского областного суда, члену коллегии Верховного суда: «За что вы сажаете старых большевиков?» – «При чём здесь мы? Дела об арестах ведёт НКВД...» – «Так поставьте вопрос перед министром юстиции Крыленко!» – «Крыленко ставил вопрос выше, бесполезно...» – «Так почему же ты не напишешь товарищу Сталину?» – «Брось наивничать, Ксения, он всё знает, а через НКВД и прокурора Вышинского управляет всем сам».

Для Чудиновой это было страшным потрясением. Но вскоре арестовали бывшего мужа, Дмитрия Константиновича, затем пришли за нынешним – Романом Млинником. Он работал тогда заместителем начальника Центрального отдела школ Наркомата путей сообщения СССР. После ареста Чудинова Ксения Павловна считала, что не может работать секретарём райкома. Её перевели начальником управления зрелищных предприятий Моссовета. После ареста Млинника оставаться на идеологической работе стало невозможно. Чудинова возглавила небольшую швейную артель и в краткие сроки добилась значительного повышения производительности отсталого предприятия. Вот уж поистине сбылись слова Романа Ивановича: «Если её поставить директором бани, она и там будет работать с энтузиазмом!»

Наконец друзья Чудиновой помогли ей устроиться заместителем начальника управления торговли НКТ СССР. Материальное положение семьи, пошатнувшееся в «артельный» период, улучшилось. Но ненадолго. 10 января 1938 года Ксения Павловна была арестована. Волевой человек, привычный ко всему, она заранее приготовила чемодан с тёплыми вещами и даже сходилась в баню. «Всё перевернули, искали поначалу деньги – в торговле ведь работаю... Не нашли. Денег у нас просто не было, всё, что зарабатывали, шло на питание. В конце концов предъявили ордер на арест. Самым тяжёлым для меня тогда было видеть своих детей. Они были потрясены происходящим. Знали свою мать как честного человека – и вдруг такое...»

Скупые строки воспоминаний: «На допросах меня страшили, угрожали арестовать детей. Я отвечала, что давать предательские показания не стану, клеветать на себя и товарищей по

Ксения Павловна Чудинова. 10 ноября 1969. Фотография. Архив Л.К.Соскиной.

партии не буду. Обвиняли в троцкизме, называли контрреволюционеркой, но ни одно из обвинений я не подписала. Допросы длились чуть ли не сутками, изнуряли, выбивали из сил. Во внутренней тюрьме на Лубянке меня продержали почти год, потом Таганская тюрьма, Бутырка. И – Казахстан, лагеря...»

Так Чудинова вновь, спустя 23 года, прошла в качестве заключённой по коридорам Бутырской тюрьмы...

Судьба её детей тоже складывалась драматично. Во всех статьях сообщается, что младший сын Лёва погиб летом 1941 в пионерском лагере под Киевом. Это был не совсем «обычный» лагерь. Младших детей – Кима и Лёву – после ареста матери забрали в детприёмник. Ким бежал, жил с сестрой Натальей, ушёл на фронт и погиб под Псковом 23-х лет от роду. А Лёву отправили в детский дом на Украину. Как пишет Наталья Дмитриевна, обстоятельства его гибели неизвестны. Сама Наталья после окончания медицинского института имени Сеченова прошла войну в качестве врача. А старший сын Константин тоже испил чашу сталинских репрессий и правоту тезиса «сын за отца не отвечает» в Советской стране. После десяти лет лагерей был сослан в Джезказган, работал ме-

*Празднование 80-летнего юбилея
К.П.Чудиновой. Москва, 6 февраля 1974.
Фотография. Архив Л.К.Соскиной.*

хаником, имел большую семью. Мужа Галины, дочери Ксении Павловны, — писателя — также арестовали в 37-м.

В лагерях Чудиновой пришлось вспомнить свою первую профессию — работала медсестрой. Лекарств не хватало, от цинги спасались только хвоей. После восьми лет сибирских и карагандинских лагерей Чудинова получила освобождение и... новый срок — пять лет ссылки в Красноярский край, село Суети́ха, неподалёку от Тайшета. Через три года ссылку заменили вечным поселением на севере того же края, в селе Мотыгино. Дочь Наталья почти каждый год приезжала навестить ссылную мать. В течение года каждая копила деньги. Дочь — чтобы приехать к матери, мать — чтобы купить ей обратные билеты.

Наталья Дмитриевна не уставала писать прошения и ходатайства в различные организации, умоляя пересмотреть дело. Ответ был один: «оснований для пересмотра нет». Надежда появилась после смерти Сталина. Наталья написала письмо Н.С.Хрущёву, с которым Чудинова работала в бытность секретарём райкома — Никита Сергеевич был её начальник, возглавлял Московский горком партии. Отзвон не заставил себя долго ждать: через три дня Селезнёву

принял генерал Золотарёв, и пересмотру дела был дан ход. 14 августа Ксения Павловна была освобождена и, получив справку о полной реабилитации, отправилась в Москву.

И опять — новая жизнь... Семья Чудиновых переехала в квартиру на Фрунзенской набережной. 60-летняя Ксения Павловна, отдохнув в санатории, вновь взялась с энтузиазмом за партийные поручения. Сразу по возвращении работала в партийной комиссии по реабилитации, ездила в Архангельскую область. Несколько лет проработала заместителем председателя горторга Москвы по строительству. Слушала знаменитый доклад Н.С.Хрущёва на XX съезде партии. После выхода на пенсию была избрана председателем дачного кооператива в Кратово, где, как всегда, навела полный порядок. Вступила в члены литературного объединения старых большевиков при Институте марксизма-ленинизма ЦК КПСС. Работала в отделе писем газеты «Правда». Возглавляла совет Музея революции по Западно-Сибирской зоне.

Там, в Музее революции, торжественно отмечается 6 февраля 1974 года её 80-летний юбилей. В этот день подписан указ о награждении К.П.Чудиновой орденом Октябрьской Революции (её хотели наградить сначала орденом Ленина, но вроде как Брежнев воспротивился). В пухлом альбоме, подаренном семьёй Чудиновых Л.К.Соскиной, — десятки приветственных телеграмм, в том числе из Ишима — от Марии Александровны Бровко, нашего замечательно-го архивиста-краеведа.

«Мне интересно жить», — признавалась и после своего девяносто третьего дня рождения журналистам Ксения Павловна. Удивительно, но ни трудности большевистского подполья, ни сталинские лагеря не сломили её духа. Её трудно было застать дома: постоянные собрания, встречи, заседания... В 1977 году вышла её книга «Юности прекрасное начало», где многие страницы посвящены Ишиму (перездана в 1979-м). О ней помнят в родном городе, устанавливают мемориальную доску на доме, где родилась, приглашают приехать. Чудинова скрепя сердце вынуждена отказать: врачи не позволяют. Ишим в её памяти остался таким, каким она увидела его в пору своей юности. Она пишет Витольду Шадурскому накануне 85-летия: «Мне так хочется в день моего рождения иметь весточку из родного города. Странно: чем больше стареешь, тем больше желание восстановить прошлое, и даже своё детство...»

К 90-летию юбилею грудь Ксении Павловны украсил ещё один орден — «Дружбы народов». В стране приближались большие перемены. Но и «перестройка», ревизия ценностей не поколебали воззрений Чудиновой. Характерный пример: пригласили её на очередное торжественное собрание в один НИИ; по окончании заиграл «Интернационал». Все встали, а слов — не знают. «И тогда я запела! Подхватили...» Кстати, по признанию дочери, у Ксении Павлов-

К.П.Чудинова (4-я слева в 1-м ряду) на церемонии награждения орденом Дружбы народов. Кремль. Москва. 1984. Фотография. Архив Л.К.Соскиной.

ны не было от природы музыкальных задатков. Только дети получили от Дмитрия Константиновича навыки музицирования, хорошо пели, а сам он неплохо играл на скрипке.

Увидев и зарю, и закат революции, Чудинова дождалась до вопроса, который ей задал корреспондент в марте 1990 года:

– Ксения Павловна, возможно ли осуществить идеи, за которые боролось ваше поколение?

И дала на него совершенно трезвый ответ:

– Сейчас, в этой обстановке, о коммунизме и речи быть не может. Его нужно сохранить лишь как мечту человечества, как далёкую красивую звезду...

Так, может, вера в эту «далёкую красивую звезду» и вела всю жизнь Ксению Чудинову по пути революционных преобразований? Звезда, свет которой зажгли в сибирском городке Ишиме, при свете керосиновых ламп, посланники неведомых миров, люди прекрасных манер и возвышенных идеалов – Эразм Кадомский и Ольга Куминова-Карякина?.. Ведь только ВЕРА преодолевает все сомнения и логические препятствия, которые строит ей ищущий комфорта и спокойствия разум. Только ВЕРА способна заставить человека совершать самоотверженные поступки. Только ВЕРА способна соединить несоединимое, примирить непримиримое. Только ВЕРА способна заставить сердце увидеть светлую звезду идеала сквозь постылые и страшные будни...

Разве что вера бывает разная...

Как же эта вера примирила Ксению Павловну с семнадцатью годами лагерей и ссылок, полученных в награду за беззаветное служение делу Ленина?

В том самом пухлом альбоме с поздравлениями есть одна телеграмма, густо усыпанная

бусинками комментариев юбиляра. Текст телеграммы прост: «Из Ленинграда... Соратнику по партии, жизни трудной, радостной, дорогому любимому другу – самые лучшие пожелания... Обнимаю крепко – Соня». И – дрожащий почерк Чудиновой, как бы в ответ далёкой подруге – простое исповедание своей веры:

«Мой друг по тяжёлым временам, а значит, наверно... Как мы страдали, что не можем помочь нашей Родине бороться с фашизмом, как написали заявления, чтобы нас послали на фронт, но нам отказали. Тогда мы внушили себе, что нас партия мобилизовала, чтобы жить тут в лагере и работать, как на фронте. И работали. Если бы переложить на какие-то проценты, то мы выработывали не меньше, чем 500-600 процентов. Страшно вспомнить, но и радостно вспомнить, что в этих диких условиях сохранили преданность партии, сохранили горячее чувство любви к Родине. Верили в то, что партия разберётся, потому мы и выжили морально и физически... Мы можем гордиться этим куском жизни, недаром же там нас называли «подпольный губком», и именно к нам обращались за разъяснениями общественных событий. Можем гордиться, что поступили, как ленинцы».

Умерла Ксения Павловна Чудинова 31 января 1993 года, не дожив пяти дней до своего 99-летия. Похоронена на Хованском кладбище в Москве. Дом Чудиновых всегда был полон гостей, и теперь её родные собираются вместе в день рождения Ксении Павловны 6 февраля. Из детей Чудиновой уже нет никого в живых; последнюю, Наталью Дмитриевну, похоронили в 2003 году, рядом с матерью. Род продолжают два десятка внуков, правнуков и праправнуков. У всех «мирные» профессии. Революционеров среди них нет.

Литература

1. Чудинова К.П. Юности прекрасное начало. Рассказ коммунистки / Лит. зап. Л.Пинчук, 2-е изд. – М.: Дет. лит., 1979. – 174 с.
2. Чудинова К.П. На работе в райпо и райкоме партии // Незабываемые 30-е: Воспоминания ветеранов партии – москвичей / Сост. Н.Б.Ивушкин. – М.: Моск. рабочий, 1986. – С. 7-18.
3. Чудинова К.П. В те трудные годы... // Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 12. – С. 116-124.
4. Емельянова Г. Ксения Чудинова: «Люди не должно быть хуже от свободы» // Каретный ряд. – 1990. – № 3. – С. 6.
5. Донков И., Степунина С. И по-прежнему – комиссары // Советская Россия. – 1982. – 7 ноября. – С. 4.
6. Степунина С. Ксения Павловна – председатель Чкалета // Советская Россия. – 1988. – 8 марта. – С. 2.
7. Рекомендация // Работница. – 1985. – № 1. – С. 12.
8. Слободская М. «Мне интересно жить» // Московская правда. – 1987. – 6 февраля. – С. 2.
9. Девятков В. «Революция делала нас...» // Тюменская правда. – 1987. – 1 мая. – С. 2,3; 2 мая. – С. 3.

10. Усольцев В. Рассказ коммунистки. [Рецензия на 1-е изд. книги «Юности прекрасное начало»] // Ишимская правда. – 1977. – 5 февраля. – С. 3.
11. Адрианов Е.А. Комиссар Ксения // Ишимская правда. – 1987. – 19 апреля. – С. 2.
12. Беликов К. Наша землячка // Ишимская правда. – 1987. – 13 октября. – С. 2.
13. Броеко М.А. Конец «верховного правителя» // Ишимская правда. – 1989. – 11 марта. – С. 2.
14. Соскина Л.К. Встреча с Чудиновой // Ишимская правда. – 1989. – 14 марта. – С. 2.
15. ГАТО, ф. И-234, оп. 1, д. 1, л. 6 – «Список всех дворовых и усадебных мест в г. Ишиме Тобольской губернии...»
16. Архивная справка Центрального архива ФСБ № 10/А-5403 от 18.12.2001 на запрос Ишимского краеведческого музея.
17. Перелиска с В.И.Шадурским: письма от 2.04.1977, 4.10.1977, 29.01.1979, 5.06.1985.
18. Фотографии, рукописи воспоминаний К.П.Чудиновой и Н.Д.Селезнёвой, альбом с поздравительными телеграммами (1974 г) и другие материалы из личного архива Л.К.Соскиной.

О.А. ОЖГИБЕСОВА

Летописец из села Дубынка

Откуда у сибирского села, что затаилось меж двух озёр неподалёку от границы с Казахстаном, такое название – Дубынка, сказать никто не берётся. Дубам здесь взяться неоткуда – всё больше березы да осины. Край озёрный, богатый рыбой (караси с подошву мужского сапога!), земля плодороднейшая. Двести лет осваивали эти места переселенцы из центральной России, бежавшие в богатую, сытую, хлебосольную, свободную Сибирь – кто от произвола помещиков, кто от голода.

Давным-давно из далёкой Казани, по рассказам стариков, пришли в соседнюю с Дубынкой деревню Грачи два татарина. Одного из них звали Акатием, имя второго история не сохранила – задержался он здесь ненадолго. Акатий же крестился, женился на русской женщине. На месте, отведённом ему миром, построил дом. И дал жизнь нескольким поколениям коренных уже сибиряков Казанцевых.

Тот, старый ещё отчий дом помнит четырежды правнучка Акатия, жительница села Дубынка Казанского района Мария Ивановна Казанцева.

– Когда, – рассказывает, – избу-то сносили, из подлола тянулись к свету молодые берёзки. Видно, когда-то здесь была роща.

На том самом месте стоял и родительский дом самой Марии Ивановны. И сейчас ещё в Грачах на исконных, родовых, можно сказать, землях, живут её родственники – потомки Акатия.

Наша встреча – дело, как это часто бывает, случая. Приехав в Дубынку по журналистским делам, я попросила директора местного краеведческого музея Светлану Цибрюк познакомиться меня с интересными людьми: по опыту знаю, что в каждой деревне обязательно найдётся хотя бы один герой для очерка. Вот так я оказалась в гостях у Марии Ивановны.

Родилась она – страшно подумать! – в 1923 году. В молодости была высокой, статной красавицей. Сейчас и не узнать её на фотографиях той поры. Что неудивительно: жизнь отмеряла ей бед полными пригоршнями, а радостей – щепоточкой.

25 лет назад неожиданно для самой себя Мария Ивановна стала писать дневники. Началось всё с пометок на страницах отрывного календаря – кто приехал, кто уехал, когда у кого дни рождения, когда – поминки. Но однажды наступил день, когда она взяла у внучки-школьницы общую тетрадку в 48 листов и написала на первой странице: «Утро сегодня было тихое, морозное...»

По дневникам Марии Ивановны запросто можно отследить погоду в Дубынке за четверть века. Может, кто-нибудь из учёных-метеорологов возьмётся писать диссертацию о том, как менялся климат на юге Западной Сибири в конце XX – начале XXI века. И записи Марии Ивановны станут для них бесценным подспорьем.

Как, впрочем, и для будущих историков, поскольку в школьных тетрадках – жизнеописание крестьянского быта, нехитрое, порой наивное, зато предельно точное.

– Откуда, – спрашиваю, – такое странное желание? Не историк, не учитель даже – скромный бухгалтер.

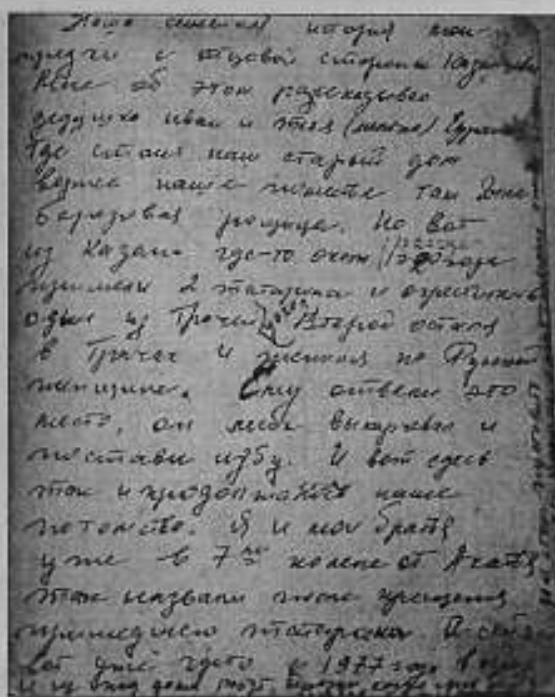
– Не знаю, – пожимает плечами Мария Ивановна, – меня всегда история привлекала. Вот, захотелось, чтобы было, чтобы кто-то знал...

Одну из тетрадок (а всего их 24, каждая пронумерована, и лежат непременно по порядку) Мария Ивановна посвятила истории своего рода, начав с того самого Акатия. На первой странице – родословное древо семи поколений семьи Казанцевых.

– О ком-то дед рассказывал, а кого я и сама уже помню. Первый – Акатий, потом Григорий,

Мария Ивановна Казанцева...

...и страница из её дневников.

потом Дмитрий, потом Яков, мой дед. Он пешком ходил в Киев Богу молиться. Высокого роста, коренастый, обходительный и очень умный. Потом Иван – мой отец, а потом уж я...

С дедом Яковом связана ещё одна семейная легенда. Отец его, Дмитрий, будучи однажды по делам в Петропавловске, тогда вполне русском городе (он входил в Ишимский округ), сосватал сыну невесту – сироту из ссыльных дворян. Девушку благородного происхождения и хорошего воспитания.

– Помню, – рассказывает Мария Ивановна, – книги у неё всякие были, сувенирчики разные. Это я их потом уж разбила да потеряла. Благодаря бабушке Марье семья у нас была культурная, в доме никогда не ругались, не ссорились, мата не было никогда.

Уже в 90-е Мария Ивановна написала запрос в архив – хотела точно установить, какого сословия была бабушка. Ответ пришёл на удивление быстро: мол, данных не найдено. Может, и не искали. До русской ли истории нынешним казахским начальникам – у них теперь другая история...

Родители Марии Ивановны – Иван Яковлевич и Елизавета Ивановна – поженились в годном 1922-м. У Ивана в 1919-м умерла мать, у Елизаветы – ушёл на Первую мировую войну и пропал отец. Вернулся уже при новой, советской власти. Оказалось, попал в плен и мыкался на чужбине, пока по Сибири гуляла красная лихоманка, выкашивая нещадно людей похлеще гриппа-испанки. Только колчаковские карательные отряды прошли через деревню, оставляя кровавый след, как советская власть начала выкручивать руки крестьянам вместо обещанных земли и воли. Мужики поднялись на мятеж. В этой беспощадной лавине народ-

ного бунта с обеих сторон много погибло и виноватых, а ещё больше – невинных.

Но семью Казанцевых эти беды обошли стороной. Дед Яков с сыном Иваном ни к красным, ни к повстанцам не примкнули. Это спасло их от расправы со стороны одних и от мести со стороны других. Правда, до поры до времени. Беспощадная рука диктатуры пролетариата никого не обошла.

– Отец был человеком очень набожным. Он и в колхоз не пошёл, потому что считал, что это грешно. А потом раз заплатил налоги, два заплатил, да и зашёл в колхоз. А вот дед Яков советскую власть сильно не любил.

Из дневника Марии Ивановны Казанцевой:

«Я помню, как ссылали богатых, а мы бежали и видели, как их увозили, сколько было рёва, и как потом продавали их добро в сельсовете. Брели и смеялись. Бедняки пуховые шали ревали на портянки. Хорошо, если бы эти деньги шли, скажем, государству, а были такие случаи, как мне рассказывала бабушка Левашова, что у них пришли два брата Матюшенко, взяли две овчинные шубы и ушли безо всяких денег, никуда за них не заплатили и носили безо всякого зазору совести.

Рассказывал мне дед, как ссылали одного мужика, который имел сельхозмашину, дом под железом и пять сыновей малолетних. Вот их посадили в кораб с одной постланной половицей, но одёжка, видимо, была неважная. Другой половицей накрыли, вместе с матерью, а сам отец сел и повёз их до Ишима. А там дети на вокзале замёрзли. Вот дед наш всё время и проклинал советскую власть».

Сердце, впрочем, у Якова Дмитриевича болело не только за чужих. И его семью беда не обошла стороной.

Мария Ивановна среди работниц артели имени Крупской.
Ишим. Кон. 1930-х. Архив М.И.Казанцевой.

«У моего деда был брат Кузьма. Жил зажиточно, до революции торговал в лавочке, вёл хозяйство, сеял хлеб. А сын Степан учился где-то в духовном училище. Но помешала новая власть. Он женился, и было у него четверо детей – дочь и три сына.

И вот его, Степана, арестовали и как раз в Крещение привязали к столбу у ворот, сняли с него шапку и заставили петь «Верую». А потом увезли и посадили. Семью из дома выгнали, поселили в избушку напротив их дома. И вот дед Кузьма умер, и умерла Марья – мать детей. И я всё это помню, потому что была уже лет восьми. Дети ходили по дворам, слали – кто где приютит. Помню, наши накормят, а ночевать боялись оставить, могли придаться и наказать. Потом их отправили в детдом.

Степан вернулся из тюрьмы, забрал детей, устроился в Ишиме сторожем на кладбище. Дочь старшая – неграмотная, а ребята выучились. Один – военный, второй – лётчик, третий – экономист. И вот, наверное, в 1982 году старший приезжал в нашу деревню и был у меня. «Мы сильно обижаемся, – сказал, – на отца. Почему он увёз нас из родной деревни? Разве бы мы не сумели растить хлеб?» Они даже не знают, как и что было с ними и с их отцом! Он им ничего, видимо, не сказал – боялся, что они кому-нибудь расскажут, и его опять посадят.

Вот так всё и было. Да, было ужасно». Воспитанные на «Поднятой целине» и «Кубанских казаках», мы и сегодня не можем представить, как в действительности жила сибир-

ская деревня в те годы, когда газеты взахлёб кричали о завоеваниях социализма.

«Мои дети и внуки в Бога не верят, а я их к этому не принуждаю. Бывает, даже и сквернословят. Всё это мне, конечно, неприятно, но я их наставить на доброе не смогу, потому что виновато, я думаю, общество и жизнь. Если бы не было этой неприятной советской власти...

А какие тиранства перенесли мои предки! Это страшно подумать, что я помню!

В 30-х годах зерно забрали, скотину тоже забрали в колхоз, ели из травы лепёшки, были обыски, всё искали, видимо, за налоги всё отбирали. Наши прятали хорошие вещи, потом они хоть сгодились, меняли их в казахстанских деревнях на муку, зерно и картошку.

В конце 30-х годов в колхозе давали немного зерна, и до войны два года только поели чистого хлеба, а тут война. В войну и после мама садила много картошки, и жили на одной картошке. Брат Володя (1940 г. рожд.) не знал, наверное, лет до пяти, что такое кусочек хлеба».

Советская власть и война – вот две страшные силы, перевернувшие жизнь. «Если бы не война, – восклицает Мария Ивановна, – разве бы мы так жили!»

В 39-м она стала дружить с односельчанином Колей Чудиновым. «Любила, – говорит, – не знаю, как! И он меня тоже любил. Думали, что будем вместе всю жизнь. Но война...».

В мае 41-го Колю взяли в армию. В июне, как раз 22-го числа, Маша получила от него первое и последнее письмо. Может, и другой на самом

Село Дубынка. Май 2007.

деле был день, вряд ли по воскресеньям в деревню почту привозили, – но вот так у неё в памяти отложилось. Больше от Коли не было ни строчки. Где, на каких пыльных военных дорогах сложил он свою буйную головушку? Родным не прислали ни «похоронки», ни даже трёх слов – «пропал без вести». А в сорок третьем вместе ушли и вместе погибли их отцы...

Прощаясь, Иван Яковлевич наказывал: «Живи, дочь, так, как закон гласит». У него был свой закон – нравственный. Вот она и прожила, как гласит этот закон: делала всё так, как положено – честно. И детей так воспитала.

Мария Ивановна и замужем дважды успела побывать, и детей от другого родила, а всё хранила втайне от мужа Колину довоенную фотокарточку и последнее письмо. И всё думала, что пошла бы жизнь по-другому, если бы не война...

Но то счёты с войной, а на советскую власть – девичья, незажившая ещё обида.

«Многим, многим вскружила голову советская власть... Конечно, такие люди только умели во всё горло кричать. Вот они и жили, и творили, что хотели. Знаю, как во время войны и после войны были магазины для партактива. Им там всё было, а мы не знали, что такое вкус конфетки, нам это было недоступно. Нам давали карточки на хлеб – 400 г на день – и всё наше удовольствие. Если бы не картошка и молоко (держали по корове), то, конечно, не выжить».

Мне думается, люди, которые понимали бы всё это реально, не проголосовали бы за партию Жириновского. С такими людьми не верится, что возродится Россия и станет на прежнее место. Но, может, Бог даст, и всё будет так, как хотят добрые люди».

Знаете, что поражает в Марии Ивановне больше всего? Неисчерпаемая вера в добро. Причём, добро – не абстрактное, а то, которое могут принести в этот мир конкретные люди, – совершенно неожиданно трансформируется для неё в добро, я бы так сказала, вселенского масштаба. Иными словами, став добрыми по отношению друг к другу, люди смогут принести добро в Россию, и тем самым возродить её, вернуть к тем благословенным временам, когда «жили хорошо, а богатые мужики были очень уважительны и много помогали бедным». Так рассказывал внучке о былых днях дед Яков.

«Очень и очень мне хочется, чтобы люди были добрыми и поняли все правильно, и верили бы все Богу, так что без духовной жизни нет ничего хорошего».

Я хочу единства и согласия. Согласия не было с начала советской власти. Стали ненавидеть лентяи хороших рабочих людей. Вот мне рассказывала Маша Шустова: она была сиротой, жила у родственников Зайцевых. Пришли к ним вечером нежеланные гости – активисты из сельсовета. С ними была соседка, тоже активистка. Хозяйка арестовали. И вот эта активистка сбегала домой, принесла ведро, взяла чугунок со щами и выпила в ведро себе на ужин.

Потом всю семью сослали. Хозяин в ссылке сразу умер. Бабка пришла пешком в Грачи и тут умерла. Молодые – два сына, сноха и двое детей так и не были в Грачах, жили в Екатеринбурге. Вот таких случаев и дел советской власти было сплошь и рядом. Конечно, от таких людей и их потомков ждать хорошего ничего не выйдет, так что надо брать добрым людям за всё и тогда, может, возродится наша матушка Россия».

...Я слушаю по радио, как эмигранты страдали по родине, по своей светлой Руси. Теперь, конечно, тех людей уже нет, но некоторым хочется быть на своей родине, точнее, на родине своих предков. И я всё думаю: вернуть бы хотя бы потомков тех людей, которые были выгнаны со своей родной земли как в деревнях, так и в городах, только тогда возродилась бы наша Россия... Думаю, что самое высокое наслаждение для человека – чистая совесть и красота. Красота спасёт мир. Говорят: мир – это Ад. Мир – это Рай. Если бы люди не творили зло друг другу, помогали друг другу во всём, тогда мир был бы раем».

Мария Ивановна доживает свой век с дочерью Ниной и сыном Шурой. Оба инвалиды, получают от государства небольшую пенсию, как и сама Мария Ивановна. Тридцать лет прожила она в незарегистрированном браке с мужем Николаем Андреевичем, ветераном войны. Вдовы солдат Великой Отечественной получают пенсии за своих безвременно ушедших кормильцев. А Марии Ивановне, говорят, не положено. Незадолго до ухода Николая Андреевича из жизни надумали они не только зарегистрироваться, но и

обвенчаться, да не успели: Николай Андреевич уехал в районную больницу на операцию и домой уже не вернулся... Так Мария Ивановна осталась без «вдовьей» пенсии.

На жизнь, впрочем, она не жалуется – не в её характере:

– Говорят, жить – крест Господень нести. А я всегда хорошо жила. В детстве меня любили, отец хотел, чтобы я училась. Вот, говорят, мужья бьют жён – мой меня и пальцем никогда не тронул. Да и сейчас... всяко бывает, но я уж молчу. Время сейчас тяжёлое. Но мы живём, и я благодарю Бога за то, что мы сыты, одеты и согреты.

Я перелистываю страницы книги воспоминаний. В ней почти нет дат, и только сопоставляя написанное в тетрадке с известными событиями, можно установить, какой стоял год на дво-

ре. Видно, что возвращалась к своим мыслям Мария Ивановна не раз – чернилами разного цвета внесены исправления и уточнения. Читаешь – и понимаешь, что не всё потеряно для России, пока живут в её деревнях бабушки, которые, вопреки всем житейским горестям, пишут для потомков пронзительные строки:

«Я имею наслаждение в жизни то, что у каждого человека чистая совесть и радость за других. Радоваться надо всему – небу, солнцу, зиме, лету и всему-всему. И если в жизни бывают невзгоды, всё равно надо радоваться за то, что Бог даёт тебе жизнь... Господи, возроди Россию!»

*Фотографии и пересъёмка –
Г.А.Крамор.*

О.Н. САМСОНОВА

Семья Шабановых

Вторая половина XX века – время особого расцвета культурной жизни Ишима. Временная миграция жителей столиц в Сибирь во время Великой Отечественной войны и в первые годы после её окончания положительно повлияла на развитие зауральских провинций. В Ишиме в те годы появились художник и режиссёр И.Г. Букин, Заслуженный работник культуры РСФСР К.А.Осинцев, а также талантливые педагоги, о которых и сейчас, спустя полвека, ученики вспоминают с благодарностью. Среди этой замечательной плеяды – и супруги Шабановы.

В Ишим они приехали в 1951 году. Фёдор Владимирович окончил школу Попова по классу саксофона. Надежда Алексеевна – хореограф.

Родилась она в городе Великие Луки. Во время войны жили очень голодно, это была прифронтовая полоса. Спаслись только тем, что переехали к родственникам в Омск. Но и здесь непросто было жить семье из десяти человек. По совету матери Надежда отправилась на ФЗО (фабрично-заводское обучение). На заводе за 12-ти часовой рабочий день приходилось вытаскивать бесчисленное количество деталей к оружию, ошибиться нельзя было даже в миллиметре. Выполняли по 200 процентов дневной нормы, а получали за это глинистый тяжёлый кусочек хлеба и сваренную мороженую капусту. Но девушка не унывала – досталось ей от отца влечение к музыке и танцам, который не только танцевал, но и пел, играл на мандолине и балалайке. Часто в семье устраивали домашний театр, даже во время войны не утратили эту традицию. Постелив доски на пеньки, устраивали места для зрителей.

Очень впечатлила Надежду игра детской студии в Омском театре юного зрителя. Уже после войны, чтобы помочь семье брата, Надежда Алексеевна уехала в город Ломоносов,

что под Ленинградом. Там она и познакомилась с Фёдором Владимировичем Шабановым. Он преподавал в техническом военном училище. А в городе Ломоносове (до 1948 года – Ораниенбаум) Шабанов родился. С 1941 по 1943 годы воевал на торпедных катерах в Кронштадте. Однажды во время лыжного перехода серьёзно застудил лёгкие, к тому же во время военных действий был тяжело ранен и контужен.

Наличие водоёма – это то, что стало для моряка определяющим в выборе места жительства. Впервые Шабановы приехали в Ишим погостить к друзьям весной 1949 года. Городок показался грязным, с гнилыми деревянными мостовыми, но зато в нём цвели яблони вдоль улиц, а за околицами домов вилась полноводная река. Надежда Алексеевна вспоминает, как сильно Фёдору Владимировичу хотелось плавать, но входить в прохладный Ишим было опасно для легких. Тогда женщины набирали речную воду в огромный полиэтиленовый куль, она нагревалась на солнце, и боевой моряк был вынужден довольствоваться таким скромным водоёмом.

Фёдор Владимирович оказался не только талантливым музыкантом и организатором, но и педагогом. В оркестр к Шабанову приходили заниматься разные ребята, чаще всего мальчишки, оставшиеся после войны без отцов. Многие из них не признавали авторитетов, бросали работу, начинали пить, беспризорничали. Фёдор Владимирович как старший товарищ, наставник, считал себя ответственным за их судьбу. Беседовал с ними по душам, устраивал на работу, контролировал их дела на заводе и в семье.

Его общительность вызвала уважение друзей и сослуживцев. Бывало, приходили Шабановы в гости к друзьям, садились за стол, а

Фёдор Владимирович Шабанов и Игорь Георгиевич Букин.

Наижда Алексеевна Шабанова.

Фёдору Владимировичу нужно идти на репетицию. Он пробовал блюда, расхваливал хозяйку за угощение и приём и отправлялся на репетицию. Опоздать нельзя – какой пример для подростков?

Оркестр Шабанова играл на танцплощадке в городском парке, на сцене Дома культуры, в фойе кинотеатра имени 30-летия ВЛКСМ перед сеансами. Играли, по замечанию Сергея Глухих, фокстроты, модную танцевальную музыку послевоенных лет. В архиве семьи сохранились многочисленные фотографии оркестра на сцене, во время репетиций, на отдыхе. Есть и такие, где Фёдор Владимирович выступает организатором весёлых стартов, массовых игр и мероприятий. Он был очень жизнелюбивым, находчивым и озорным выдумщиком.

Широкий спектр своих способностей Шабанов проявлял и во время массовых фестивалей художественной самодеятельности города и района, праздников юности. В 50-60-е годы такие мероприятия проходили ежегодно. Фёдору Владимировичу приходилось дирижировать огромным смешанным хором и сводным оркестром. На фестивалях художественной самодеятельности он выступал и в роли чтеца. Высокий, статный, с шевелюрой волнистых волос, он часто выступал на сцене у микрофона, в окружении огромной массы слушателей. В те-

чение двадцати лет во время майских и ноябрьских демонстраций, городских праздников Шабанов, энергично дирижуя, неизменно шествовал с духовым оркестром по празднично украшенным улицам Ишима.

В советское время работников культуры щедро поощряли, но чаще всего не премиями, а почётными грамотами. Фёдора Владимировича награждали за «первое место на городском смотре» (1955), «за активное участие в подготовке и проведении 3-го городского фестиваля молодёжи г. Ишима» (1960), «за хорошее руководство духовым и эстрадным оркестром» (1961), за участие в «областном смотре коллективов художественной самодеятельности» (1961). Творческая инициатива Шабанова не знала границ: музыкант, дирижёр, организатор, педагог, чтец, актёр. Фотографии, воспоминания современников и почётная грамота свидетельствуют о его участии в спектаклях самодеятельного театра. Он был награждён за исполнение роли Душечкина в спектакле «В сиреновом саду» на областном смотре художественной самодеятельности рабочих и служащих, который состоялся в декабре 1955 года.

Жили Шабановы очень дружно, поддерживая и понимая друг друга. Оба «работали в культуре», каждый из них имел свой коллектив, каждый переживал и муки, и радости творчества.

Актёры театральной студии И.Г.Букина.

Если Фёдор Владимирович был увлечён музыкой, то Надежда Алексеевна обучала ишимских юношей и девушек танцам. Она закончила студию хореографии народного танца в ленинградском Доме народного творчества, занималась в классе ученика известного балетмейстера, народного артиста СССР Игоря Моисеева.

Надежда Алексеевна специализировалась на народных танцах, а балльными занималась для души. Но однажды в ишимский отдел культуры пришёл приказ «увлечь население балльными танцами». Хочешь – не хочешь, а «принимай к исполнению». Задача танцевального коллектива, как любой другой формы самодеятельности в городе, имела воспитательный оттенок. К участию в студиях и кружках привлекали как можно больше рабочих и служащих, чтобы люди интересно проводили свой досуг, развивали свои таланты, приобщались к искусству.

Бальный, или бытовой, танец был широко распространён в середине XX века. Тогда на всех танцплощадках страны играли фокстроты, вальсы, танго. Надежда Алексеевна вспоминает, что в пятидесятые годы, когда она пришла работать в ишимский Дом культуры, в танцевальном коллективе занимались только девочки. С этим она смириться не могла, считая, что в танце должны быть пары. И началась долгая, требующая терпения и времени, работа с ребятами. Одного приглашала придти вместе с другом, другого уговаривала не стесняться. С каждым работала подолгу; с теми, у кого не получалось, занималась дополнительно. Трудно было ещё и потому, что о магнитофоне или проигрывателе не могло быть и речи. Поэтому часто приходилось, напрягая голос, напевать самой. С приходом баяниста Геннадия Фёдоровича Власенко, бессменного аккомпаниатора коллектива

Шабановой в течение многих лет, работать стало значительно легче.

Для сюжетных танцев были необходимы костюмы, их шили сначала из марли, потом из ситца. Идеи танцев рождались у Надежды Алексеевны по-разному: после просмотра фильма, услышанной мелодии или просто в быту. Однажды, работая ножницами, она запомнила движения – так родился танец «Весёлый портной». В 1979 году Шабанова побывала на семинаре бытового танца, и уже зимой следующего года состоялся первый конкурс бального танца в Ишиме. Самыми яркими и счастливыми минутами хореограф считает выступление коллектива с танцем «Помните, люди!». Когда ребята танцевали на сцене, Надежда Алексеевна заглянула в зал – свободных мест не было, зрители смотрели на сцену и стоя аплодировали, многие плакали. Она почувствовала, что работала не зря, её замысел поняли и высоко оценили. За труд и мастерство коллективу Шабановой присвоили звание «Любительский ансамбль народного танца».

И сейчас Надежда Алексеевна не остаётся без внимания своих учеников. Они пишут, звонят, приезжают в гости. По утрам она, как и прежде, делает зарядку, всегда ухожена, подтянута. Отметив в 2006 году 80-тилетний юбилей, часто вспоминает свою тяжёлую, но счастливую молодость, и своего любимого мужа. Фёдор Владимирович скончался 7 марта 1973 года, всего 54 лет от роду. Его похороны собрали, казалось, весь город – улица имени Карла Маркса была заполнена людьми, скорбящими о человеке, отдавшем свой талант и силы развитию музыкальной культуры Ишима.

Фотографии из архива Н.А. Шабановой.

Музей провинциальный

М.Н. СМЕТАНКИНА

Викуловский краеведческий музей

23 августа 2007 года. Раннее утро окутано свежестью ночного тумана и обещает насыщенный, интересный день. Мы едем в экспедицию! Мы – это: сотрудник Литературного музея П.П.Ершова Геннадий Андреевич Крамор; преподаватель Ишимского педагогического института им. П.П.Ершова, историк Игорь Владимирович Курьшев; студентка того же института Ксения Труханова и автор этого очерка, также сотрудник музея П.П.Ершова и, по воле случая, журналист.

Наш путь лежит в старинное село Викулово. Это – 120 километров к северу от Ишима. Из родной лесостепи мы постепенно приближаемся к табжнскому краю. Исследовательский интерес в прямом смысле подогревался и ярким солнцем, озарившим нас теплыми лучами практически весь день пребывания в Викулово, раскинувшем свои улицы на левом берегу реки Ишим.

Да, у каждого из нас была своя исследовательская цель, но объединяло одно – интерес к истории края.

Геннадий Андреевич давно и безвозвратно увлечён деревянным зодчеством. Стоило ему только увидеть на одной из улиц Викулово полуразобранный дом... и мы задержались у него на два часа. Не двинулись с места, пока наш специалист по сохранению историко-культурного наследия (так витиевато звучит полностью должность Г.А.) не снял с высокого крестового дома два с половиной наличника. Абсолютно счастливый, усыпанный пылью веков с ног до головы, как шахтёр из забоя, водрузил их на багажник. «Типичный викуловский мотив!» – повторял Г.А., как заклинание.

Игорь Владимирович вдумчиво изучает тему крестьянского восстания 1921 года и менталитет сибирских жителей революционных лет. Даже не верится, что этот мягкий, добродушный интеллигент исследует в архивах документы о кровавых ужасах переломной эпохи. Но ведь именно в горниле испытаний проявляется подлинная суть человека... И.В. не очень-то разделял восторги Г.А. по поводу потемневших досок, но поездкой остался доволен, ведь викуловский краевед-энтузиаст Виталий Николаевич Сильченко любезно предоставил ему ред-

Колокольчики – неперенный атрибут музея притрактового села.

кие материалы, связанные с событиями 1921 года. И, помимо того, поведал всем нам много неизвестных фактов из истории края.

Мы с Ксенией приехали в Викулово впервые. Поэтому нам интересно было ВСЁ: природа, люди, история, – и не только викуловской земли, но и всей нашей страны, которая чудесным образом отражается в истории самого малого уголка России. Ведь на что малое село Викулово – а и оно дало нашей родине ярких и талантливых людей.

История этого сибирского села уходит в далёкое прошлое. В 1691 году на этом месте основали крепость, укрепили и назвали Орлово Городище. Викулову в настоящее время более 300 лет... а люди продолжают жить и работать, село развивается, множество заботливых рук не оставляют его без внимания, не исключение и музейная деятельность в крае.

Рассказать о музее, провести по экспозиционным залам с удовольствием согласилась директор, а в недавнем прошлом научный со-

А.В.Давыдов, основатель Викуловского музея, с воспитанниками-кружковцами.

трудник музея, Надежда Валерьевна Чернова, человек молодой, энергичный, увлеченный делом.

Викуловский народный краеведческий музей имени А.В. Давыдова (таково полное наименование этого храма истории) получил именной статус в 1996 году. И не случайно.

Анатолий Васильевич Давыдов (1925-1983) – создатель музея, первый директор, талантливый организатор, краевед, педагог, человек трудной судьбы и непоколебимой воли. Личность уникальная – и типичная для нашей страны. Только благодаря подобным людям в деревнях, селах, городах появляется, возрождается интерес и любовь к родной земле.

Давыдов много времени уделял работе с детьми, с подрастающим поколением, умел просто и увлекательно рассказать о природе, истории, пробуждая исследовательский интерес в сердцах маленьких ребят. Многие из них не оставили детских увлечений и продолжают трудиться в образовательных учреждениях, чтя имя учителя, следуя его принципам. Тот же Виталий Сильченко – воспитанник краеведческого кружка Давыдова, военный пенсионер, вернувшись в Викулово, неутомимо разыскивает новые факты из летописи родного края.

В следующем году музей отметит 35-летие со дня образования. Когда-то это была одна комната, расположенная в Доме пионеров. Официальной датой рождения считается 26 декабря 1973 года. Но фактически его история началась на десять лет раньше. Анатолий Васильевич на протяжении ряда лет пытался создать музей в Викулово. Сам с детства увлеченный

изучением природы родного края, он непременно хотел поделиться знаниями со многими людьми, привлечь жителей села, особенно детей, к исследовательской деятельности.

Родился А.В. Давыдов в деревне Покровке Викуловского района 8 июля 1925 года. В 30-е годы семья переезжает в Викулово. Маленький Толя после окончания первого класса увлекся природой, самостоятельным исследованием – этот интерес не угасал на протяжении всей жизни. В это же время начал составлять планы местности и населенных пунктов окрестностей Викулова. Географические интересы Давыдова представлены в музее. Поднимаясь на второй этаж, мы видим на стенах графики температурных, влажностных измерений, историческую карту Викуловского района, составленную в 1975 году, стенды с информацией о самых старинных селах края. История и география тесно сплетены в стенах музея.

В 1941 году за отцом Давыдова пришли сотрудники НКВД. Статья 58-я, смерть в лагере под Омском... Вся жизнь Анатолия Васильевича прошла с пометкой «сын репрессированного». Отца реабилитировали в 1963 году.

С началом Великой Отечественной войны Анатолия Давыдова не раз призывали в армию, но неизменно возвращали – у него не было нескольких пальцев на руках, которые он отморозил в 10-летнем возрасте, лазая зимой по песным сугробам холма Чалпан. Лишь в критический момент войны, в декабре 1943 года, он оказался на Карельском фронте. Был награжден медалями «За отвагу», «За оборону Советского Заполярья». Комната на втором этаже музея

Часть могильной плиты неизвестного «господина Берг-мейстера».

– зал боевой славы – посвящена военным событиям разных лет. Здесь – подлинные вещи, военная форма участников Великой Отечественной войны, патроны, оружие, награды, предметы солдатского быта, информация об односельчанах-фронтовиках. Сотрудники также бережно собирают материалы о периоде гражданской войны и войнах нашего времени – в Афганистане и Чечне. В отдельной витрине представлены фотоаппараты разных лет (коллекция местного фотографа А. Чеусова, переселившегося из Талды-Кургана, Узбекистан), рядом – монеты и банкноты (денежные купюры) из разных стран мира.

После демобилизации в 1946 году Анатолий Васильевич закончил десятый класс и поступил в Омский педагогический институт на географическое отделение. После окончания его оставляли работать в Омске, но вернулся в родное село, тянуло домой, – здесь мать, здесь своя природа, здесь было задумано заняться с учащимися краеведением, набраться опыта и учиться дальше.

Любовь к матери Анатолий пронёс через всю жизнь. Любовь и уважение к родителям всегда были примером и для его детей.

...Первый зал Викуловского музея посвящён истории села. В него мы попадаем, только войдя в здание. Здесь среди стендов, фотографий, альбомов есть и уникальная карта Ишимского округа 1920-х годов. Исторически Викулово всегда тяготело к Таре и Омску; до революции относилось к Тарскому уезду, и до Омска отсюда

ближе, чем до Тюмени; многие выпускники школ поступают в омские вузы. Однако в 1920-е годы Викулово вошло в состав Ишимского округа, и с тех пор прочно попало в культурную ауру нашего города.

А вот и материалы о людях, составляющих гордость села на всероссийском уровне. Среди них – первый секретарь ЦК Латвии, впоследствии председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Август Эдуардович Восс (1916-1994), который родился в деревне Салтыковой Викуловского района. И ныне здравствующий вице-адмирал, профессор Николай Елизарович Хромов, автор книги «Подводные силы Балтийского флота 1906-2006 гг.». Его приезд в родное село состоялся как раз за день до нашей экспедиции.

Пока мы рассматривали экспозицию, в зале появилась шумная компания. Оказалось – выпускники школы, празднующие 50-летие её окончания. Вспоминали, смеялись, с удовольствием узнавали себя, своих учителей на фотографиях, благодарили директора музея и сотрудников за возможность встретиться, окунуться в пору молодости, когда всё только начиналось...

Есть в зале и уголок, посвященный А.В. Давыдову.

Анатолий Васильевич имел собственное мнение по всем вопросам и, главное, не боялся открыто высказывать свои суждения. За это и страдал в личном и профессиональном отношении. Не давали заниматься любимым делом

Виталий Сильченко демонстрирует чучело росомахи.

в полной мере, временами лишали возможности преподавать географию – тогда он открывал кружки по шахматам, настольному теннису, краеведению. На него даже заводили уголовное дело по факту антиправительственных высказываний, пришлось посидеть в тюрьме. Но за отсутствием состава преступления Давыдов из-под стражи отпустили. «Ссылали» в школы других районов, где работать и жить было невозможно. Это не могло не сказаться на здоровье. Много завистников, недоброжелателей встречалось Давыдову, но к нему тянулись дети, а их не обманешь. Вот в таких условиях рождался музей, помощи ждать было неоткуда...

Зал природы, также на первом этаже – с него и начинался когда-то музей. Сам Давыдов вёл кружковую работу, ходил с ребятами на экскурсии (они совершались круглый год), собирал экспонаты для выставок, которые устраивались тогда ещё в кабинете географии. Оттуда – найденные на берегах реки Ишим кости мамонта, волосатого носорога, лесного тура, а также рога лося, образцы горных пород. За сорок лет коллекция расширилась. Вот хищники (росомаха, волк, медведь, рысь и самый мелкий хищный зверек – ласка). Вот птицы, которые словно парят над землей: серебристая чайка, лысуха, турухтан, луток, бекас, бородатая неясыть, мохноногий сыч. И многие, многие другие... Один из уникальнейших экспонатов – срез сосны возрастом 150-180 лет, произраставшей 6 тысяч лет назад. Ствол этой сосны обнаружен кандидатом биологических наук С.П.Арефьевым. Здесь

же великолепная коллекция птичьих яиц, лишайников.

Интересен и бесконечно разнообразен природный мир, и увидеть это помогал Анатолий Васильевич. В годы его педагогической деятельности многократно увеличился интерес к урокам географии, в кружок юных исследователей кандидатуры отбирались чуть ли не на конкурсной основе. Ученикам нужно было набрать баллы, а для этого – найти экспонат для музея. Набравшие наибольшее количество баллов поощрялись летними экскурсионными поездками от Тобольска до Казахстана, самолётными экскурсиями над районом.

С каждым годом предметов становилось всё больше, требовалось отдельное здание. Строительство, начавшееся в конце 1983 года, стало последним попечением Анатолия Васильевича. Новостройку планировали отдать под совсем другое учреждение. Давыдов решился на крайний шаг – написал письмо Воссу. Август Эдуардович приехал на родину, лично посетил объект и своим авторитетом убедил районные власти оказать содействие идее Давыдова. Но увидеть музей в новом здании Анатолию Васильевичу не довелось.

В 1984 году произошло второе рождение Викуловского музея. Место у него поистине историческое – почти здесь же стояла деревянная кладбищенская церковь Покрова, перенесённая, по информации В.Н.Сильченко, с Шаньгина бугра в 1776 году; вместе с ней на Орлово Городище перенеслось и название «Ви-

Фисгармония из села Озерного.

кулово». А сам древний погост начинается буквально у крыльца музея. Правда, он уже давно превращён в парк культуры и отдыха... Сохранилось лишь два мраморных надгробия, обретших пристанище на музейном дворе. На фасаде здания крупными буквами кирпичом выложено простое и ясное: «МУЗЕЙ». Экспозиция разместилась в четырёх залах, где в открытом хранении представлены практически все фонды музея.

Дело Давыдова продолжил Алексей Фёдорович Чулин, также ветеран войны. После него музей возглавляли С.В.Иванова, Н.Г.Зырянов, В.В.Полеваева.

В конце 90-х годов по зданию прошла сквозная трещина. Требовался капитальный ремонт. В 2006 году ветераны района во главе с Фёдором Герасимовичем Теслей написали письмо-просьбу о ремонте главе района Сергею Александровичу Парыгину. С августа 2006 по июль 2007 года продолжались строительные работы, и вот долгожданный переезд в обновлённое здание. Облицованное евросайдингом, с пластиковыми окнами, но внутри сохранявшее дух основателя, дух исследования, поиска, творчества.

Сохраняют и преумножают накопленный материал сотрудники музея И.Я.Лотова, Е.В.Михайчик, С.В.Иванова, Т.М.Кирешина. У музея есть два филиала, со своей историей и сво-

Уникальная корчага из соломы.

ими уникальными экспонатами: в селе Калинино, директор Надежда Константиновна Исакова, и в селе Поддубровном (музей имени Н.Г.Зырянова), директор Елена Николаевна Богомазова.

В настоящее время в музее насчитывается 26 коллекций, самые значительные – нумизматика, награды, природа, предметы быта. Эти экспонаты заслуживают особого внимания. Находятся они в зале на втором этаже, перед комнатой боевой славы. Здесь сразу обращает на себя внимание посетителя фисгармония 1902 года. Этот домашний орган американского производства имеет особую биографию. Он принадлежал Фёдору Варламовичу Кувакину из села Озерного – кузнецу, музыканту, портному. Инвалид без одной ноги, он переделал фисгармонию для игры одной ногой. Семья Кувакина и преподнесла этот дар музею. Рядом – разнообразные гармошки, аккордеоны, и даже бандонеон 1900-х годов (дар Д.В.Копылова), напоминающий гармонь. Слово на ярмарке, выстроились в ряд самовары, плетённые из лыка корчаги (удивительно, но в них хранили воду!), соха 1895 года, плуг «Красный пахарь», пряница 1910 года, льнотрепала, щети, швейка, тюрик... многих названий предметов мы не слышали и утратили знание об их предназначении. Богатая коллекция инструментов плотников и столяров – и вновь чудные названия: шерхель, киянка, колотушка, угольник, стамеска... Гончарная посуда, старинные весы – безмен, пудовка, полупудовка. Не было в старину рюкзаков, тележек – груз переносили на себе или на животных, иногда клали предметы в пестерь (две корзины, плетённые из лыка липы, соединённые широким «поясом»). Два трёхдюймовых пушечных ядра, выпущенные из пушек крепости во время крестьянского восстания 1714 года и найденные ребятишками Репиками в огороде в начале 1980-х годов, нашли покой на полке у стены. Смирненно молчат колокольчики самых причудливых форм. Их разнообразие неувиди-

Надежда Валерьевна Чернова показывает спил древнего дерева.

тельно – Викулово находится на старинном тракте, ведущем из Тобольска в Омск. По этому тракту проезжал в ссылку Радищев; в 1829 году здесь побывал путешественник, учёный с мировым именем Александр Гумбольдт.

В особой витрине – церковные книги, иконы, крестики. Рядом – старинное священническое облачение и две чугунные могильные плиты. Одна таит в себе загадку: сообщается, что под нею было погребено тело бергмейстера... а какого – неизвестно: другая половина плиты утрачена.

На одной из стен живописно представлена история заселения викуловских земель не только русскими, но и белорусами, украинцами, финнами, эстонцами... – со времён прихода Ермака Тимофеевича в Сибирь и до начала XX века. В витринах – пушечные ядра XVIII века, двуствольное охотничье ружьё середины века XIX-го, расписные пороховницы, тяжёлые ручные кандалы.

Музей хранит историю для потомков, но и сам развивается. Директор Надежда Валерьевна поделилась планами на будущее. Это и создание экспозиции работ местных художников, мастеров по дереву, встречи в клубе «А ну-ка, бабушки!», проведение мероприятий с детьми и взрослыми, приуроченные к знаменательным датам края и страны в целом. А материалов для исследования работникам музея хватит ещё на долгие годы.

...Уезжали мы из Викулова под начинающийся дождик. Грустно было расставаться. Ехали молча, каждый со своими думами, уставшие, но получившие заряд творческой энергии и неиссякаемого энтузиазма.

**Фотографии и пересъёмка –
Г.А. Крамор
(октябрь 2006, август 2007 гг.).**

Журналы и газеты лет минувших

«Голос ишимского учительства»

В научной библиотеке Тюменского областного краеведческого музея хранится редкий экземпляр – журнал «Голос ишимского учительства». Всего один номер – первый, за январь 1918 года. Отпечатан в Ишиме, в типографии С.Двойникова. Газетная бумага, мягкая обложка, без иллюстраций. Объем – 14 страниц. Цена отдельного номера – 65 копеек.

На колоннитуле каждой страницы значится: «Известия Ишимского учительского союза». Именно эта общественная организация и стала издателем журнала. В «редакционной комиссии» – М.Петров, Я.Бирюков, А.Удинцева, Л.Хавкина, А.Веселовский. Из этих имён наиболее известен Яков Онисимович Бирюков. К тому времени он возглавлял мужскую гимназию. После установления советской власти остался в городе, учительствовал, стал автором первой краеведческой книги «Наш край Ишимский округ» (Ишим, 1926). Подробнее о его судьбе можно узнать из статьи В.Н.Меньшикова в первом выпуске «Коркиной свободы».

Судя по содержанию статей, материалы номера подготовлены в ноябре-декабре 1917 года, а выпущен журнал в январе 1918 года, то есть до установления в Ишиме советской власти. В стране пылала гражданская война, а интеллигенция ещё жила надеждой на созыв Учредительного собрания, которое решит вопрос о высшей власти в России. Тревоги, чаяния и надежды учительского сословия переломной эпохи нашли выражение на страницах журнала.

За патетикой его статей, однако, явно проступает позиция партии социал-революционеров (эсеров). Она была властительницей дум провинциальной элиты и вдохновителем идей «прогресса» и «свободы». Призывы к торжеству абстрактных прогресса и свободы, с которыми в 1917 году была свергнута монархия, к 1918 году сменились горькой правдой жизни – упадком экономики, разгулом преступности и разнузданностью нравов новоиспечённых «свободных граждан», действовавших по принципу: «раз нет царя, нет и Бога, значит, всё можно». Однако авторы ишимского журнала не желают признать роковой ошибки русского народа и интеллигенции – отказа от монархического государственного устройства. Для издателей безусловна права «русской революции»

Первая страница журнала
«Голос ишимского учительства».
Январь 1918. ТОКМ.

– имеется в виду революция февраля 1917 года, заставившая Николая II подписать отречение от престола.

С ценностных позиций «прогресса» и «свободы» оценивают авторы журнала и роль учителя в новом обществе. По сути, он должен заменить священника: школа представляется храмом новой веры – либеральной «гражданственности», а учитель (учащий, в терминологии того времени) – всеведущим пророком, способным дать ответ на любой вопрос современности, своего рода «инженером душ человеческих». Только он способен и обя-

зан вывести народ «на торную дорогу светлой истины, нравственных принципов и устойчивости государственности», дать и взрослым, и детям «популярное изложение данных науки по всем вопросам, которые ложатся в основу мирозерцания». Такие идеи оказались близки атеистическому настрою советского образования, и недаром многие дореволюционные, но «прогрессивные» учителя (как, например, Я.О. Бирюков) впоследствии нашли своё место в новом строе.

Безусловно, журнал «Голос ишимского учителя» — уникальный источник по истории провинциального педагогического движения. Продолжился ли выпуск журнала в дальнейшем — нам не известно. Скорее всего, нет — уже в феврале 1918-го в Ишиме начались бурные политические перемены... Как верно впоследствии оказались слова одного из авторов: доверчиво следуя за большевиками, русский народ «слагает свои кости под тот фундамент, на котором возведут мрачную тюрьму для детей его».

Материалы журнала публикуются с незначительными сокращениями. Сохраняются особенности стилистики оригинала. Важная особенность: текст журнала набран по правилам «новой», т.е. современной нам, орфографии. На первой странице — соответствующее уведомление: «Редакция просит гг. авторов присылать статьи и прочие сообщения, написанные, по возможности, по новой орфографии». Наборщикам стоило немалых трудов привыкнуть к этим упрощённым правилам. Нет-нет, да и мелькнёт в строке то «ять», то твёрдый знак после согласной в конце слова. Кстати, соответствующий декрет Советское правительство приняло только в феврале 1918 года. В этом отношении Ишимский учительский союз оказался «прогрессивнее» даже большевиков...

От редакции

(...) Вопрос об издании своего самостоятельного органа несколько раз обсуждался среди членов Ишимского Учительского Союза, и не раз выражалось сомнение в том, что члены Союза, поставленные в неблагоприятные условия жизни маленького города или даже деревни, и занятые своей обязательной работой, смогут доставить в журнал достаточное количество серьёзного научного материала.

Действительно, если бы журнал ставил своей задачей научную разработку педагогических вопросов, то весьма возможно, что в настоящее время пришлось бы отказаться от мысли об его издании.

Но ближайшая цель журнала пока совсем иная. Принимая во внимание, что члены Союза находятся далеко друг от друга (а большинство далеко от города) и потому часто лишены возможности следить за деятельностью Союза, журнал имеет в виду прежде всего давать своим читателям возможность периодически узнавать о работе Союза и тех организаций, которые при нём возникали и возникают.

Кроме того, журнал постарается сообщать сведения о работе Всероссийского Учительского Союза, о жизни других провинциальных учительских организаций, а также сведения об условиях работы учащихся на местах, статистические данные и т.д. Вообще он будет стремиться

знакомить читателей с жизнью учительства. Эта задача в настоящее время является вполне достижимой.

Учащие могут посылать, однако, свои педагогические наблюдения, опыт, «приём преподавания», хотя бы и в виде «небольших сообщений». (...)

Желая создать из журнала средство для широкой популяризации научно-педагогических вопросов и всестороннего проявления творчества учителя, Редакционная Комиссия наметила следующие отделы журнала:

- 1) педагогический;
- 2) художественно-литературный;
- 3) обзор педагогических журналов и литературы;
- 4) корреспонденции с мест;
- 5) переписка с читателями;
- 6) официальные сообщения исполнительных органов Союза. (...)

К вопросу о воспитании «гражданственности»

Не подлежит сомнению, что последствия войны и внутренней разрухи будут долго сказываться в жизни нашего государства. И последствия эти будут сказываться тем сильнее и больше, чем менее будет подготовлено новое поколение к своей роли строителей жизни и врачевателей ран, нанесённых безрассудными людьми и немецким кулаком матери-отчизне. И наш долг перед этим новым поколением — ибо оно впредь будет в ответе за наши грехи, за наше неумение пользоваться свободой — состоит в том, чтобы приготовить его, насколько это в наших силах, к целесообразному решению тех задач, которое его ожидает. А ожидает его очень многое.

Во-первых, мы сошли на положение трёхстепенной державы, а потому нами ныне помыкать может всякий. Во-вторых, промышленность наша во всех отраслях приостановилась, в силу чего все предметы потребления страшно поднялись в цене. Можно ли жить сносно при всё возрастающей дороговизне? Далее, народ наш в части своей обнищал, надеясь пожить чужими трудами, скопленным добром, и даже одичал. Интеллигенция таюже в значительной своей части оказалась не на высоте признания, так как в культурности ушла недалеко от тёмной массы. В самом деле, ведь у нас совершенно нет никакого уважения к чужому мнению, потому что нет уважения к себе. В силу этого мы не признаём никаких прав за другими; мы насильники, так как стремимся, чтобы не было инако мыслящих, забывая, что, может быть, эти инако мыслящие имеют гораздо больше житейской опытности и знаний. Весьма характерно, далее, для нас это стремление говорить от чужого имени, потому что у нас нет правды, нет зрелости, нет честности. Далее, мы совершенно лишены почти воли, почему нет у нас стойкости; нет у нас, наконец, и высоких идеалов. Ведь не случайно то явление, на которое ещё до войны указывали отчёты некоторых городских публичных библиотек юга и северо-востока Европейской России, именно, что Гончаров, Тургенев, Достоевский, Лев Толстой читались десятками лиц, а разные Вербицкие и Арцыбашевы читались сотнями. Оттого-то души наши и измельчали; получив свободу, мы сделались почти дикарями, разрушая беспощадно свои памятники культуры и народные святыни.

А между тем, война и революция, открыв перед нами новые горизонты, поставили перед нами и новые задачи. Для решения этих задач нужны [люди] не мелочные и малозначащие, с куриным мировоззрением, а люди просвещённые, люди стойкие, люди, знающие язы своей матери-отчины и готовые положить за мать-родину душу свою, чтобы только возможно безболезненнее залечить её смертельные раны. Короче говоря, нам, учителям и родителям, нужно приготовить для решения предстоящих грандиозных задач поколение здоровое и умственно, и физически, нам нужно приготовить граждан, а не обывателей: ибо в противном случае не будет России, она действительно станет тогда навозом, который пойдёт на удобрение германской расы.

Каковы же те элементы, сочетание которых даёт доброго гражданина? Другими словами, кто может быть назван истинным гражданином, каково отличие последнего от обывателя? — Обыватель на первом месте ставит интересы свои, гражданин — интересы государства. Обыватель говорит: «Моя хата с краю — ничего поэтому не знаю», гражданин, наоборот, говорит, что он неприменимый участник в строительстве общественной и государственной жизни. Обыватель, далее, при первой неудаче бежит от дела и прячется за других, сетуя на людей, а гражданин стойко выносит беды; обывателя нужно подталкивать, гражданин же, обладая мужеством и инициативой, сам набрасывается на дело, хорошо помня, что только труд создаёт благополучие.

Резюмирую всё сказанное о том, что такое добрый гражданин. Признание за другими прав, уважение к чужому мнению, солидарность, инициатива, твёрдая воля, желание работать на общее благо — вот качества, необходимые истинному гражданину. Эти качества нужно развивать с детства: ибо, подобно тому, как злой не станет сразу добрым, зоиист — альтруистом, так и юноша, будь он преисполнен благих намерений, он не может сразу, тотчас по окончании школы, стать добрым гражданином, потому что гражданское чувство воспитывается, то есть вырастает постепенно и требует за собою ухода, как плодородное дерево, чтобы дать вкусный плод, нуждается в опытных и заботливых руках садовника. Вот почему ребёнка необходимо приучать с малых лет к тому, что он должен стать гражданином своего общества, а не обывателем.

Одним из наиболее действительных средств воспитания гражданственности является самоуправление учащихся (в делах, конечно, чисто учебных).

Что же даёт школьное самоуправление в смысле развития гражданственности? Самое главное тут — это то, что самоуправление приучает, прежде всего, к самоограничению во имя общих интересов, приучает подчиняться законам, выработанным самими же учащимися, развивая инициативу, солидарность.

Должен, однако, сказать, что самоуправление учащихся, как тепличное иноземное растение, требует со стороны учащихся за собою большого ухода, по крайней мере на первых порах. А потому, если у кого нет горячего желания помочь юному поколению оформить себя, тот пусть лучше за это дело не берётся.

Далее, большую роль в деле воспитания

граждан необходимо поставить правильно поставленным играм. Сошлюсь здесь на авторитет Джона Леббока, который в своей книге «Самовоспитание и умение жить» об играх говорит так: «В играх люди научаются ценить значение совместной работы, которая главным образом и создаёт успех в жизни. Своими правилами и обычаями, если не своей природой, игры приучают к справедливости и к честному отношению. (...) Высокие требования честности в играх вырабатывают в людях отвращение ко многому, что стоит вне закона». Значение игр особенно хорошо осознано в Англии, вот почему в английских школах игры занимают выдающееся положение.

Наконец, немаловажную роль играет в других странах, как, например, в Англии и Франции, в деле воспитания граждан — преподавание в школе особого предмета: «гражданствование». В чём состоит гражданствование, видно хотя бы из книги Арнольда Форстера «Гражданин и Отечество», которая, кстати сказать, с 1885 по 1904 год выдержала 26 изданий, что уже одно свидетельствует об её крупных достоинствах. Так как, по мнению многих, «Гражданин и Отечество» Форстера на первых порах может послужить великолепным образцом и для нас при преподавании гражданствования, и так как в нашей литературе в этом роде у нас нет ни одной книги, я вкратце передам содержание этой замечательной книги, написанной для английских школьников младшего возраста.

Первая глава «Гражданин и Отечество» озаглавлена так: «Что значит быть хорошим гражданином». Выяснив предварительно, что надо разуметь под понятием «отечество», указав, почему англичане гордятся и должны гордиться своим отечеством, Форстер даёт далее наставление: «Как сделаться хорошим гражданином». Вторая глава посвящена вопросу о патриотизме. (...) Хорошо сознавая, что рядом с истинным патриотизмом может вырасти патриотизм ложный и притом бессознательно, Форстер говорит ребёнку: «Когда-нибудь вы услышите, может быть, мнение, что следует поддерживать всё, совершаемое англичанами, независимо от того, поступали ли они справедливо или нет, — только потому, что они англичане. Мнение это, несправедливое само по себе, может вовлечь нас в заботы и затруднения. Ведь ясно — раз англичанин считает справедливым одобрять или смотреть снисходительно на дурные поступки своих соотечественников, то же самое, вероятно, сделает француз или немец, когда дело коснётся ошибки или проступка кого-либо из своих сограждан». (...)

В дальнейших главах Форстер указывает, в чём состоит обязанность английских граждан, как управляется Англия, какова роль короля («пока король царствует по воле своих подданных, мы обязаны почитать и повиноваться ему» — как далеко это было от русской действительности при павшем строе), как вырабатываются английские законы и кем именно, как организован суд, как ведётся судебный процесс, как защищена Англия от врагов иноземных, каковы обязанности английских граждан по отношению к иностранным государствам, почему необходимо учиться, что такое свобода, как эта свобода была добыта англичанами.

Всё это рассказано замечательно просто и увлекательно, всё подтверждено примерами из

истории, причём нигде Форстер не скрывает ни тёмных сторон своей нации, ни тёмных сторон истории. Многочему может научить эта книга, написанная для английских детей, не только наших детей, но и взрослых. В частности, очень много бы почерпнули взрослые россияне из главы, где речь идёт о свободе. (...)

Мне кажется, что гражданствоведение с успехом можно было бы ввести у нас как в младших классах средней школы (начиная, примерно, с третьего класса), так и в старшем отделении начальной школы, в виде предмета необязательного, причём на него достаточно посвятить всего один час в неделю. Вести занятия, как я уже сказал, можно пока по книге Форстера, заменив, разумеется, примеры английской истории примерами из русской истории (особенно много благодарного материала дала бы эпоха освободительного движения). (...)

Я.Б.<ирюков>.

Пора!

Как хмара чёрная, нависла над Россией кровавая анархия и скрыла от чающих света и радости взоров русских граждан яркое солнце революции. Широкий простор мирных русских равнин, девственная свежесть дремучих лесов, обезображенных кровью, окутанных сухим дымом пожаров, — оглашается стоном и воплями захлёбывающихся в братской крови женщин и детей. Кажется, скоро сама земля не вынесет и страшно заколеблется своей измученной грудью, а кровь всё ещё льётся, пламя всё ещё бушует. Все подавлены, загнаны в тесный тупик безысходного отчаяния и только повторяют: «Господи, да будет ли когда конец этим ужасам!»... Все — во власти самого беспомощного малодушия.

Но допустимо ли это? Неужели теперь может быть чем-нибудь оправдано это бесплодное уныние и общественный индифферентизм? Нет, именно теперь можно сказать, что настало время для проявления того народного разума, о котором так много говорилось. Разумеется, к нему нельзя подойти и мановением палочки волшебной поднять отяжелевшие вежды его, встряхнуть его от сна богатырского. Но пора сознать, что будить его всё-таки нужно, что преступно равнодушными глазами взирать на него, в то время как лавина анархии всё ближе и ближе подползает к нему.

Ведь весь этот кошмар, в тисках которого сдрогает наша родина, — не от злой воли народа, а от неведения его. Он не ведает, что творит. У него ни на минуту нет мысли, что он, с детским простодушием доверившись безответственной агитации к разбою, сам куёт себе новые цепи ещё горшего рабства, сам слагает свои кости под тот фундамент, на котором возведут мрачную тюрьму для детей его. И если никто не поспешит привести его в сознание, то, может быть, скоро охватит его тот ужас, который переживает отец, когда, очнувшись от пьяного дурмана, видит рыдающую жену и трупик родного ребёнка, кровью и мозгами которого он обрызгал вчера свою избу, ударив его в беспамятстве об угол печки.

Все, в ком живут ещё гуманные чувства, кого ещё не охватила в постыдные окovy обывательская мораль, сводящая всё к принципу: «Своя рубашка ближе к телу», — должны предотвратить это.

Но где они? Кто они? Это — все сознательные граждане, это — вся русская интеллиген-

ция, которая с начала революции «испугалась», а теперь, вместо того, чтобы протянуть неистовствующему в беспамятстве мужику в шинели руку помощи, братски поддержать его, только клеймит его брезгливым «товарищ» и смотрит на него, как на исчадие ада, когда он, наконец, начинает в ответ на такое отношение мстить «испуганным интеллигентам». Он виноват, но... только ли он?

На ком же преимущественно лежит задача пробуждения разумных сил народа? Кто в силу своего общественного положения должен проявить инициативу взраумления народа? Всякий, разумеется, в ответ на это укажет на учителя. Ведь он живёт в самой гуще народного быта, ему вверена высокая роль врачавателя духовных недугов народа, который ищет в нём не только грамотея для своих ребят. Он же и теперь, в пору полного одичания народа, заблудившегося в мешанине безвластия и беззакония, должен вывести его на торную дорогу светлой истины, нравственных принципов и устоев государственности.

Но народ не видит учителя. Младенствующий ум народа предоставлен тлетворным порывам анархии, а учитель, как это ни печально, в большинстве случаев подпал той кости и самоохранению, которая охватила всё общество. Для глашатая правды и добра, для народного учителя такая обывательская рутина менее всего прощительна.

И что особенно грустно, она ведёт к разложению не только народной массы, но прежде всего пагубно отражается на профессиональных достоинствах самих учителей. Эта растерянность, эта полная оторванность от народной среды совершенно выбивают твёрдую почву из-под ног учителя. Он явственно сознаёт, что доверие народа к нему подрывается всё больше и больше, а без такого доверия нельзя работать: оно — лучший и единственный залог благих плодов учительского труда. Падает вера в пользу дела, а свои силы, а над учителем всё рельефнее вырисовывается остоx чеховского футляра, всё теснее сжимаются рамки формализма.

А в учителе — прежде всего залог хорошей школы. Если же руководитель школы не отвечает своему высокому назначению, то она делается достоянием случайности. В ней создается самая благая почва для развития уличной морали.

Единственным и лучшим средством для предотвращения рутины и поддержания неугасимого огня истины и добра на жертвеннике школы является постоянное единение учителей. Необходимо систематическое проявление товарищеской взаимопомощи в самых широких размерах в форме товарищеских бесед, лекций, чтений, участия в своём периодическом органе и так далее. Только таким путём поддержаны будут слабые, успокоены отчаявшиеся. А это неминуемо приведёт всё учительство к яркому профессиональному самоопределению, выявит его своеобразный общественный облик и поставит на совершенно особое место в ряду других общественных групп населения. С учительством теперь ещё мало считаются как с реальной силой именно потому, что многие из учительских организаций фактически существуют лишь на бумаге, ничем не проявляя в обществе своей корпоративной этики. И главной причиной такого присорбленного явления служит именно эта разобщённость учителей, замкну-

Первый выпуск учеников Ишимской мужской гимназии – «первый выпуск Свободной России». 15 апреля 1917. Фотокопия. Архив М.А.Бровко (ИКМ).

тость их в создании мещанского благополучия и более чем странного желания отмахнуться от разных собраний, комиссий, чтений, лекций, бесед и прочего. И это в тот момент, когда рухнул ненавистный бюрократизм и открылся безграничный простор для свободного педагогического творчества!

Больно сознавать это и видеть товарищей учителей, уныло плетущихся по старой проторенной тропинке изжитого, покоящегося на приёме «от сих и до сих». Одни идут по этому пути потому, что им всегда были чужды порывы «к безднам светлой безбрежности», а другие потому, что, при наличии самых высоких стремлений, чувствуют полное бессилие в своём одиночестве и не находят товарищеской поддержки. И то, и другое слишком горько, прискорбно, чтобы оставаться равнодушным.

Пора, наконец, учителю сбросить с себя эту грузную силу инертности! Пора стряхнуть эту флегматическую сонливость и бесплодное уныние! Они имеют под собой веские основания, но они никогда не считались нормальными, а теперь тем более, и с ними надо бороться. Только отрешившись от них, учительство не будет затёрто проявлением живых и деятельных сил общества.

Только учитель-труженик, учитель-гражданин, учитель-товарищ выведет русскую школу на тот светлый, широкий путь созидания творческой, гармонически развитой личности, у входа к которому мы всё ещё только робко топчемся.

М.Петров.
Ишим, 9 декабря 1917 г.

Новое начало в постановке внешкольного образования

На первой конференции культурно-просветительных пролетарских организаций, состоявшейся в середине октября с.г., когда зашёл вопрос о внешкольном образовании, – выяснилось, что у нас слишком мало интеллигентских сил, идущих навстречу народу в деле его просвещения. Русская интеллигенция не нашла себе места и дела в настоящей революции, отмежевала себя толстой стеной от трудового народа, к которому в былые времена так охотно шла, чтобы хоть немного рассеять окутывающую его тьму, немножко расширить его умственный кругозор. Её привлекал народ-страдалец, стонущий под игом самодержавной бюрократии; теперь же, когда этот народ, может быть, прислушиваясь к голосу тех, кто рассеивал окутывающий его туман, сбросил с себя это проклятое иго, интеллигенция затворилась по своим кабинетам и отвернулась от народа, который теперь больше, чем когда-либо, нуждается в помощи. Если бы интеллигенция с самого начала революции начала отбывать свою трудовую повинность перед народом, и может быть, не было бы этих жестоких и ужасных самосудов и погромов, которые теперь совершаются.

Интеллигенция должна помочь понять народу, какое место занимает человек в широком Божьем мире. Нельзя отрицать, что за эти несколько месяцев революции народ вырос; у него появилась жажда знаний, и не поверхностных, а глубоких знаний. Свои свободные часы интеллигенция должна отдать на культурно-просветительную работу. В эту работу ей необходимо

втянуть и само население, которое должно отвыкнуть от опеки сверху и само позаботиться об улучшении своего быта. Чтобы инициатива содержания занятий исходила от самого населения, нужно обратиться во все демократические и профессиональные организации, местные гарнизонные комитеты, волостные сходы и создать культурно-просветительную комиссию из представителей этих организаций.

Эта комиссия, которая явится, таким образом, выразителем нужд и мнений самого народа, должна по собственному почину наметить в общих чертах тот круг вопросов, которые избравшие их желали бы сделать предметом занятий, лекций, чтений, бесед и т.п. И те, кто взял бы на себя труд удовлетворить духовные нужды народа, руководились бы при составлении программ занятий не собственными теоретическими измышлениями, а прежде всего голосом самого народа. Таким путём и положено было бы начать внешкольному образованию.

Примером школ для взрослых могут служить некоторые районные школы в Петрограде, организованные при районных управах комиссиями, подобными вышеуказанным.

Обсуждая характер преподавания, одна из таких комиссий пришла к заключению, что школы грамоты не должны только дать учащемуся умение читать, писать и считать, но должны также познакомить его с «грамотой гражданина», то есть дать ему ряд сведений, которые раскрывали бы ему глаза на широкий мир природы, на то место, которое он занимает в нём и в так близко касающейся его общественной жизни. Один из ораторов на конференции, о которой я уже говорила, сказал, что учащемуся нужно дать не только ключ к знанию, но и указать ему те двери, которые он при помощи этого ключа может открыть. Знания не должны носить случайный и отрывочный характер; это должно быть популярное изложение данных науки по всем вопросам, которые ложатся в основу мироздания.

Следующая за школой грамоты — средняя школа, в которой занятия ведутся не отвлечённо, а практически: сразу же ведётся писание корреспонденции, чтение популярных брошюр, отчет о прочитанном, которые постепенно переходят в форму рефератов. (...)

Ясно, что работа культурно-просветительной комиссии далеко не ограничивается только этим: на её обязанности лежит устройство лекций, спектаклей, организация народных клубов и библиотек.

М.П.

От редакции: Помещая вышеприведённую статью и принимая во внимание одностороннее и несколько своеобразное освещение затронутого в ней вопроса, Редакционная Комиссия выражает пожелание более всесторонней его разработки и приглашает товарищей к обмену мнений по данному предмету.

Памяти друга народной школы

То, что совершается сейчас в России именем интернационала, сводится к самому жестокому попранию правды народности.

Томившийся веками в рабстве народ свергнул обезличивающее его иго, чтобы самому стать устроителем собственной свободной жизни. Пройдя со скорбью через кровь в первые дни революции, он уже вышел на путь мирного созидания и терпеливо ждал Учредительного

Собрания, как единственного выразителя всенародной воли. И там властно сказал бы он правду свою, пред которой склонился бы всякий.

Но нашлись люди, которые, в целях «углубления революции», решили ошельмовать в глазах народа не только сподвижников Романовского дома, но и тех, кто годами страдали за народ в тюрьмах, ссылках и заграничном изгнании, кто самоотверженно боролись за освобождение народа от оков самодержавия. Сыграв на шкурных интересах (солдатам — мир, крестьянам — земля, рабочим — фабрики и т.д.), они разнуздали его своей преступной агитацией, толкнув на путь разбоя, а в своих обещаниях ни на шаг не подвинули Россию к вожденному миру, заменив австро-германский фронт внутренним фронтом гражданской братоубийственной войны. И теперь, узурпируя права народных избранников, они низводят Учредительное Собрание до степени какого-то совещательного учреждения при Совете народных комиссаров, — в угоду кому?

Пусть ими руководит высокая цель братского объединения народов, но почему в процессе этого объединения Россия должна сыграть роль агнца, обречённого на заклание для вящей славы интернационала?

И когда так бесчеловечно попирается всякое родное в душе мужика, когда вместо богоносца-народа, пред которым призывали склониться великие сыны этого народа Л.Толстой и Достоевский, — кругом видишь озверевших варваров, тогда особенно ярко встают в сознании дорогие каждому русскому лица.

Для учителя таким вечно дорогим должен быть К.Д.Ушинский, со дня смерти которого 21 декабря текущего года исполнилось 47 лет.

Учитель никогда не должен забывать тех светлых заветов, которые заповедовал нам Ушинский, всю жизнь борясь за национальный идеал в воспитании. В этом стремлении придать школе народный характер Ушинский был далек от «кура-патриотов», и было бы глубоко и грубо упрекнуть его в шовинизме. Последнему всегда свойственна консервативная окраска, между тем как Ушинский всегда ратовал за творческое развитие государственного народного организма, но с тем, чтобы оно вытекало из сознания действительных народных потребностей, а не из детского желания угодиться за Западом. Он был националистом не в политическом смысле слова, а в психолого-педагогическом. В своём требовании национальной школы он опирался исключительно на национальное своеобразие народного характера, народной жизни.

«Всякая живая историческая народность есть самое высокое и самое прекрасное создание Божие на земле, и воспитанию остаётся только черпать из этого богатого и чистого источника» («О народности в общественном воспитании» Ушинского).

Таким образом, воспитание должно удовлетворять потребности воспроизведения народного идеала в отдельной личности. В этом отношении задачей педагогики, по мнению Ушинского, является установление общих оснований главнейших принципов национального воспитания, частности же, в виде, например, методов, приёмов и проч., могут свободно переходить от одного народа к другому.

Полное же и ясное уразумение этих основоположений национального воспитания может

быть достигнуто лишь в том случае, если имеется вполне определенное общественное педагогическое мнение, если общество отчетливо знает и систематически заявляет о своих требованиях к школе. «В этом заключается единственное средство прикрепить нашу школу к нашей русской почве, дать школе ту органическую жизнь, которой она в настоящее время не имеет». (...)

Теперь этот общественный стимул, выдвигаемый Ушинским, имеет особенное значение, потому что и в данный момент мы можем, как Ушинский после 19 февраля 1861 года, воскликнуть: «Боже мой! Сколько нужно школ и школ для всего этого народа, возрождённого к гражданской жизни! И не школ грамотности только, но и таких, в которых бы народ научился упорядочивать с пользою для себя и других свою свободу!» (Статья Ушинского — «5 марта 1861 г.»)

Но, заявляя себя горячим поборником национализации школы, направляемой общественным мнением, Ушинский вовсе не отрицал необходимости общечеловеческого идеала в воспитании. Он лишь учитывал то, что пока ещё жизнь народов определяется особыми условиями, и реальное единство человечества — идеал ещё слишком далёкий. И те, кто слишком беспардонно экспериментирует с народной волей, указывая на темноту народа, должны бы придать некоторый вес словам Ушинского, который утверждал, что «судить о достоинствах и недостатках народа по нашим личным понятиям о качествах человека, втискивая идею народности в узкие рамки личного идеала, — никто не имеет права», ибо общечеловеческое существует не прежде, а одновременно с народным.

Общечеловеческое, как и народное, нужно осмысливать, выяснять, правильно оценивать, а не усвоить искусственно, как что-то постороннее народу.

М.Петров.

Ишим, 21 декабря 1917 г.

О деятельности Ишимского Учительского Союза с 12 мая по 1 декабря

Много о деятельности Ишимского Учительского Союза сказать не придётся, в виду того, что широкому её развитию мешали как условия ишимской жизни, так и большой недостаток культурных сил города. Революция выдвинула целый ряд общественных организаций, вроде Исполнительного Комитета, Совета рабочих и солдатских депутатов, Продовольственного Комитета, Комитета по введению земства и проч. Все эти организации были образованы на началах представительства от разных профессиональных и политических групп. Но так как в городе оказалось довольно мало интеллигентных работников, то создалось своеобразное бытовое явление русской современности: каждый хоть сколько-нибудь ценный работник вынужден был состоять одновременно членом нескольких организаций. То же самое коснулось и Учительского Союза. На лето многие разъехались, а оставшиеся были разобраны по разным комитетам, советам и т.п., а работать в собственном Союзе было и не с кем, и некогда. Такое явление продолжается в значительной степени и теперь. (...) До сих пор из подсобных организаций, на которые должен распастись Союз для осуществления своих задач, ни одна

не проявила себя. На одном из собраний было выбрано правление «Общества культурной взаимопомощи учащихся», которое должно было работать по устройству чтений, лекций, товарищеских бесед, кружков по разработке вопросов научно-педагогического и профессионального характера, но оно не нашло даже отклика от учащихся на те анкеты, которые оно разослало по всему уезду с целью узнать, кого из учащихся какие вопросы интересуют. В Ишиме одно только собрание членов Союза было посвящено вопросу педагогического характера, именно, о педагогической нецелесообразности балловой системы оценки познаний учащихся. После живого обмена мнений была выбрана Комиссия для обследования литературы и составления доклада по данному вопросу. Затем было избрано Правление «Кабинета родного языка», но оно ещё не начало своей деятельности и в ближайшем времени откроет её ознакомлением членов Союза с докладами и резолюциями Всероссийского съезда преподавателей русского языка в Москве 1916-17 г. на Рождество. Это должно будет послужить толчком к разработке целого ряда вопросов методики родного языка. (...)

Что касается деятельности Союза в уезде, то до сих пор организовалось только два волостных отделения. Из прочих же волостей, несмотря на инструкции Центрального Бюро, поступают лишь заявления о невозможности созвать учащихся какой-либо волости из-за дорож[стоящего] проезда. Это явление будет одним из главных вопросов съезда, созываемого в Ишиме на Рождество.

Связь же Союза с прочими организациями выразилась лишь в посылке делегатов на учительские съезды: краевой — в Омске, губернский — в Тюмени и Всероссийский (VI) — в Петрограде. О всех съездах были прочитаны доклады, и так или иначе они должны лечь в основание деятельности Союза. Центральное Бюро в ближайшем будущем выработает более реальные и постоянные формы связи Ишимского Учительского Союза с прочими организациями.

Широкого оказания материальной помощи своим членам Союз тоже пока не смог оказать, потому что до сих пор не утверждён «Устав ссудо-сберегательной кассы», которая должна вести этим. Тобольский окружный суд отказал в утверждении, а в Министерство Финансов в настоящее время отправлять этот устав нецелесообразно. Но всё же Союзом предприняты некоторые шаги по улучшению материального положения учащихся. В отношении сельских учащихся направлено ходатайство о своевременной выдаче им прибавок и о приравнении по окладу учащихся церковно-приходских школ с министерскими. Наряду с этим у Городской Думы и Уездной Земской Управы испрашивается субсидия для прибавки жалования учащим женской гимназии, которые сейчас получают оклады от 40 рублей до 133 рублей.

В общем жизнь Союза, можно сказать, ещё только начинается, и толчком, который должен придать ей планомерный характер, явится рождественский съезд. (...)

*С товарищеским приветом
Центральное Бюро.*

*Предисловие и публикация —
Г.А. Крамор.*

Пытливый посох странника

Г.А. КРАМОР

Лестовка для Агафьи

Эта история стала сенсацией для эпохи «зрелого застоя». 1982 год. Люди с четырёх часов утра занимают очередь у газетного киоска. «Комсомольская правда» с очерками о семье Лыковых зачитывается до дыр. Тираж газеты подпрыгнул до 21 миллиона.

В «таёжном тупике»

Более тридцати лет семья старообрядцев жила в тайге, в полном отрыве от мира. Эта история всколыхнула широкий спектр социальных интересов. И политический – оказалось, можно скрыться от советской власти, не покидая страны. И религиозный – ведь лекторы-атеисты вслед за Марксом и Остапом Бендером пугали молодёжь: «Опиум для народа!» И, главное, сугубо житейский – как можно выжить в глухом лесу, словно на необитаемом острове, в отрыве от людей, подобно Робинзону Крузо, и даже рожать и растить в этих первобытных условиях детей?

Ответ читатели находили в очерках обозревателя «Комсомольской правды» Василия Пескова. Серия публикаций под заглавием «Таёжный тупик» выдержала несколько переизданий. Имя автора прочно связалось с Лыковыми. А ведь славы мастеру фотоочерка, лауреату Ленинской премии было не занимать. Чего стоит хотя бы книга «Отечество», изданная на нескольких языках! Но «Таёжный тупик» побил этот личный рекорд. Только во Франции книга вышла три раза. «Почему? – переспрашивает Песков. – Там каждый клочок вспахан, подстрижен и «Шанелью» побрызган! Европейцам невозможно представить, что на Земле ещё можно спрятаться от людей!»

Читательский интерес к судьбе Агафьи Лыковой, последней из семьи, не намного угас спустя четверть века.

«Я теперь несу моральную ответственность за Агафью, – говорит Песков. – Каждый год её навещаю, спрашиваю, что нужно». Очередная поездка будет необычной. Василий Михайлович везёт таёжной отшельнице привет с родины предков – из деревни Лыковой Упоровского района Тюменской области.

Почти тридцать лет назад геологи обнаружили в труднодоступном районе в верховьях реки Абакан вспаханный клочок земли. Здесь, за крутыми отрогами Саянских гор, скрывалась от

Альберт Гольцман рассказывает Василию Пескову о богатствах лыковских полей.

мира семья староверов Лыковых – старик Карп Осипович с четырьмя взрослыми детьми. Двое сыновей, двое дочерей. Каждый день их жизни – непрерывная борьба за выживание в суровой тайге. Однако вера, совместные молитвы спасали от отчаяния. Встреча с людьми оказалась для Лыковых роковой. В считанные месяцы на них обрушилась гора новой информации. Они не знали об электричестве, телевидении, полётах в космос... В 1981 году один за одним умерли трое Лыковых. Песков приложил немало усилий, чтобы составить хотя бы словесный портрет Натальи, Дмитрия и Силина.

Как-то Карп Осипович обмолвился в беседе: родители пришли из Тюменской области. Ещё откровеннее был старик с гостем из города Ишима, профессором Витольдом Шадурским. В 1987 году наш земляк побывал на лыковской заимке. Исследовал, что и как растёт на таёжном огороде. Карп Осипович, заслушав, что гость с тюменской земли, протянул: «Знаю... А Ялуторовск далеко от вас? Оттуда мы».

Попасть на реку Еринат, куда перебрались оставшиеся в живых Лыковы, тогда было не просто. Каждую кандидатуру утверждал местный райком партии. За Витольда Игнатьевича хлопотала редакция журнала «Земля Сибирская, Дальневосточная». (В трёх номерах жур-

Древний наличник работы мастеров-старообрядцев.

нала впоследствии публиковался подробный отчёт Шадурского; вы сможете прочитать его и в этом номере «Коркиной слободы».) Каждый гость привозил Лыковым дары. Например, наш земляк привёз им семена капусты, помидоров и огурцов, которые давно вышли из рациона таёжных жителей. А в Ишим привёз «сувениры» от Агафьи – платок её матери и берестяной обуток. Таким пользовались отшельники, пока не научились выделывать кожу.

Лекции профессора, дважды гостившего у знаменитых саянцев, пользовались успехом в нашем городе. Когда открылся краеведческий музей, Витольд Игнатьевич передал туда свои находки. Художник Рудольф Симанов сделал серию фантазийных иллюстраций к «Таёжному тупику». Так появилась одноимённая экспозиция, которая вызвала большой интерес не только в Ишиме, но и в Омске. А в этом году она умножилась щедрым даром Василия Пескова: лыковским посохом, берёзовым туеском и редкими авторскими фотографиями.

Ни шагу без кадра! – такой девиз мог бы выбрать себе Песков. У дома Сорокина, бывшей школы, а теперь музея.

На родину старообрядцев

Рассказ Шадурского в 90-х годах заинтриговал ишимских краеведов. Изучили по карте территорию Ялуторовского уезда. Предположили: родиной Лыковых должна быть деревня Лыкова! Она существует и поныне. Надежда Прокуракова, тогда сотрудник Ишимского краеведческого музея, организовала туда экспедицию с телекомпанией «Ишим-ТВ». Результат – фильм «Лыковы из деревни Лыковой».

Вторая поездка состоялась в марте 2007-го, через восемь лет. Организатор – та же Прокуракова, уже директор музея Ершова. Но теперь на родину Лыковых едет сам Василий Песков.

Вообще-то Василий Михайлович приехал в Ишим с другом и коллегой, редактором журнала «Муравейник» Николаем Старченко. Журнал – лауреат Всероссийской премии имени Ершова за произведения для детей и юношества. Песков – постоянный автор журнала. Он знал, что произведёт фурор на церемонии вручения премии в провинциальном городке. Знал, что найдёт здесь темы для новых статей. Резервировал для Пришимья четыре своих полосы в «Комсомолке». И не скрывал главную цель: побывать в Лыковой. Это, право, стоит полутора суток тряски в поезде. А ведь в 77 лет принято сидеть почтено по домам. И о странствиях даже не мечтать!

Репортёрская удача улыбнулась уже в дороге. На стоянке у автовокзала в Заводоуковске, где мы пополняли запас питьевой воды, к «Газели» подошёл интеллигент с классической бородкой клинышком. Профессор Михаил Осколков. Возвращается в Тюмень. Его автобус – на краткой стоянке. Осколков узнал в одном из наших спутников Пескова. Разговорились. Профессор оказался знатоком старообрядчества и его течений – толков. Песков едва успевал конспектировать.

Около Суерки, уже в Упоровском районе, нас встретили местные журналисты и глава Ингалинской сельской администрации Альберт Гольцман. В его ведении находится деревня Лыкова. С ветерком промчались по чернозёмным увалам до путевого указателя. С волнением сфотографировались под синим щитом. Гольцман рассказывал: урожаи земледельцы соби-

Лыковские девчата постигают историю родной деревни «по Пескову».

рают знатные, крепко стоят на ногах агропредприятие с конкретным именем «Земля». Что могло заставить Лыковых покинуть её – эту землю с большой буквы?

Едва въехали – Песков удивлённо тормозит водителя: «Вот это да! Вся деревня в спутниковых тарелках!» Покидаем борт и начинаем снимать. Песков фотографирует нацеленные в небо чаши. В руках – выдавший виды Аляски и Африки плёночный «Никон». Мы с фотокором Александром Антипиным увлечённо фотографируем Пескова. Местные жители дивятся из-под занавесок. Мы тоже дивимся – на вывеске магазина старательно выведено: «Натали». «Ну какая Натали? Агафья!», – выдохнул наш коллектив. Лыковцы, прислушайтесь! Песков дарит вам этот брэнд!

(Впрочем, это что – в одной из деревень Аромашевского района, на обратной дороге из Тобольска, куда мы возили московских гостей, увидели призывно сияющую вывеску: кафе «Гарри Поттер»...)

Кстати, о «Никоне». Первый фотоаппарат этой фирмы появился у Пескова в 70-х благодаря писательнице Мариэтте Шагинян. В поездку Василий Михайлович берёт не меньше трёх камер. И объективы менять не надо, и страховка на случай поломки. У Антипина оказался тоже «Никон», только цифровой. Название фирмы крупными буквами отпечатано на ремешке. Призёр литературной премии Людмила Межиныш узрела это. И с творческой непосредственностью воскликнула: «Это какое-то сумасшествие! И здесь Никон!» Дорожные лекции Пескова о борьбе патриарха Никона с раскольниками не прошли даром.

Однако потомки староверов к фотоаппаратам отнеслись спокойно. Лишь один житель,

Василий Михайлович Песков и Галина Андреевна Колунина быстро пришли к взаимопониманию.

проходя мимо, громко заметил: «Чего показуху-то снимаете?!» Василий Михайлович в этот момент вдохновенно руководил нами, формируя композицию снимка под условным названием «Карательная экспедиция никониан берёт штурмом деревню Лыкову, заходя с огородов». Однако, не останавливая дирижёрского жеста, ответил по-репортёрски твёрдо: «Какая показуха?! Где ты её видишь?» Показуха, скромно заметим, имелась: один из нас актёрски показывал на крепкий бревенчатый дом. Этот дом на берегу речки Боровой когда-то принадлежал Лыковым.

Об этом, впрочем, мы узнали чуть позже, от Галины Андреевны Колуниной. Она – знаток и хранитель лыковской истории. Всю жизнь проработала в начальной школе. Два года назад школу «оптимизировали». То есть, по-русски, закрыли. А неутомимая пенсионерка устроила в школьном здании музей. Вложила в это дело столько энергии – кажется, полвека своей учительской работы только им и занималась! Вот чесало и трепало для льна, прялка, скально (им лён ссучивали), ступки, корыта малые и большие... Просторный, «с перерубом», до сих пор крепкий кулацкий дом Сорокиных – тоже экспонат. Вековые половицы из широких плах, печки-голландки, окна с волнистыми стёклами разных оттенков.

Он стоит за речкой, в той части деревни, которая называлась Сорокиной. В ней жили не староверы, а «обычные» православные. Никониане. Была здесь и церковь. С обычной советской судьбой: зерносклад, клуб. Сгорела года три назад. Теперь лыковцы-тинейджеры собираются в старинном амбаре. На бревенчатой стене намалёвано громкое имя: «Клуб Z». А тех, что помоложе, собирает под своим крылом Галина Андреевна. В доме с цветными стёклами устраивает «Лыковские посиделки». Школьники знакомятся с историей села, традициями предков. Все экспонаты принесены детскими руками. Ребята же исполнили для московско-ишимских гостей мини-эпос о родном селе.

Не иначе как это корыто оставили Лыковы, уходя из деревни... больно уж тяжело!

Как Лыковы покинули Лыкову

После торжественной части всех пригласили в горницу. Песков решительно отказался: «Дело вперед!» Путешественники наслаждались общением за праздничным столом, а он сосредоточенно расспрашивал Колунину и Гольцмана за столом музейным. «Самое время работы!»

Галина Андреевна в 1982 году, как и вся страна, живо откликнулась на публикации о «таежном тупике». У неё сразу сверкнула догадка: не из нашей ли деревни истоки этой дороги? Василий Ананьевич Каралгин, разменявший седьмой десяток, вспомнил: да, мальчишкой видел, как провожали Лыковых. «Но лучше спросить у Ненилушки». Так лыковцы прозвали Ненилу Даниловну Кузнецову. Было ей тогда под девяносто.

Бабушка Ненила пересказала то, что слышала от своей бабки. Да, деревню основали братья Лыковы. Их фамилия была здесь главной. Держали пять мельниц на южной окраине села. Староверы, молились на дому. Хоронили умерших на особом кладбище, в шести верстах от села. Называлось оно Лаптиха. Ещё в народе его прозывали двоеданским. («Двоедане» — от словосочетания «двойная дань», ею обложил старообрядцев Пётр I.)

Крепкий был род. Земля здесь глинистая, после дождя вязкая да жирная, что знаменитое ялutorовское масло. Бывало, повезёт лошадка воз с зерном на мельницу, да и завязнет на подъёме с мостка. Зовут Кузьму Федуловича Лыкова. Тот распряжёт лошадку, и сам вместо неё за оглобли берётся. Глядишь — телега уже

Татьяна Павловна Оносова — не только маститый радиожурналист, но и верный страж подарка для Агафьи Лыковой.

на вершине. А Кузьма только отряхнётся. «Эх, лошадка, я-то едва затащил, куда уж тебе?»

Но... Грянула революция. То белые зайдут в село, то красные. Надоела Лыковым беспокойная жизнь. Погрузили пожитки на телеги, уложили бережно в сундуки иконы и рукописные книги. Оставили ладные крестовые дома, мельницы да и отправились искать лучшей доли. Вся деревня провожала переселенцев. Ушли в сторону Боровлянки, на тракт — и на восток. В Лыковой постепенно забыли старую веру. Кладбище поросло бурьяном. Ещё лет тридцать назад стояли почерневшие деревянные кресты. Теперь оно распахано. Лишь одинокая сосна сыплет хвоей на останки основателей деревни.

«Нет-нет, тут Ненилушка что-то напутала, — не выдержал Песков. — Они ушли раньше. Карл Осипович родился в конце XIX века на Абакане. А вот его родители родом отсюда. Ведь это был толк бегунов. Они постоянно бежали от мира, которым, считали, правит антихрист.»

Вот версия Василия Михайловича. Деревню Лыкову основали старообрядцы, бежавшие с Русского Севера. Местность здесь глухая, в стороне от больших дорог. А потом пришли сюда другие крестьяне, тоже русские, но — «никоняне». Они поставили избы рядом — это деревня Сорокина. От этого тревожного соседства и бежали предки Лыковых-таежников. А те Лыковы, что ушли в двадцатых годах — это последние представители рода. Может, и не сами ушли —

раскулачили. Как раскулачили крестьянина Со-рокина, хозяина дома, где теперь проходят «лыковские посиделки».

Звучит убедительно. С Песковым трудно не соглашаться. Он умеет склонять собеседника к своей точке зрения. А Василий Михайлович уже горит новой идеей: собрать подарок Агафье. Галина Андреевна не против. «Агафья будет рада. Ведь этих вещей касались руки её прадедов!» Песков привезёт ей трепало для льна, веретено, корчажку (в ней хранили керосин – глиняные поры стойко держат запах), письмо от Колуниной и – лестовку.

Лестовка – сказать коротко, старообрядческие чётки. Предназначены для отсчитывания молитв и земных поклонов. Только вместо камушков – бобочки, свёрнутые в тугую трубку бумажки с текстом молитв. Символично – эта лестовка принадлежала тоже Агафье. Агафье Зотеевне Ярцевой, 1896 года рождения. Такое совпадение отменяет все сомнения: род Лыковых отсюда! А в ответный подарок, уверен Пес-

ков, Агафья Лыкова пришлёт свою лестовку – с Ерината.

...Мы долго прощались с гостеприимными лыковцами. Никто, мы уверены, не выбросил после нас кружки и чашки. Нет уже здесь такой староверческой традиции.

Дорога в «Таёжный тупик» началась в деревне Лыковой Тюменской области. Бежали старообрядцы, чтобы сохранить веру. Бежали не зря: теперь здесь не осталось ни одного Лыкова, ни одного блюстителя «веры отцов». Дети и внуки Агафьи Ярцевой не знают, в какую руку брать лестовку. И чем «щепоть» в три пальца отличается от двуперстия. Хоть как-то бы крестным знаменем себя осенить!

Но и путь в тайгу не уберёт старые устои. На могучем родовом древе Лыковых 62-летняя Агафья – последняя веточка, живущая верой.

Какие чувства вызовет у неё ветхая лестовка – духовный мостик на родину предков?..

Фотографии автора.

В.И. ШАДУРСКИЙ

Лыковы: земледелие без риска

I.

Вертолет МИ-8 упорно рубил редкий горный воздух, медленно карабкаясь над Западными Саянами. Только начинался сентябрь, а горные хребты уже были покрыты белыми снегами. Ниже шли темно-зелёные хвойные леса. Вековые кедровые плотной щетиной укрывали горы. Иногда в кольце гор сверкало озеро. Из него тонкой струйкой вытекал ручеек, устремляясь вниз, разрезая скалистые складки. Сверху хорошо видно, как зарождаются горные реки.

Подходил к концу второй час полёта. От районного центра Таштыпа до реки Еринат напрямую около 400 километров вверх по Большому Абакану. Это южная граница Красноярского края. Здесь, кроме маралов, соболей и медведей, казалось, ни души. Но мы летели в этот медвежий угол, зная, что в нём живут двое. Это Карл Осипович Лыков и его младшая дочь Агафья.

Мы – это члены экспедиции, которые интересуются судьбой Лыковых. Начальник экспедиции Лев Степанович Черепанов (Москва) – писатель, автор передачи «Таёжные робинзоны». Его волнуют многие вопросы. Как Лыковы оказались одни в тайге, как могли выжить в отрыве от общества, как повлияло одиночество на нравственное, психическое развитие детей, роль большой семьи в воспитании, взаимосвязи человека с лесом и многое другое. Перед ним Лыковы ставили всё новые и новые вопросы. Этот визит Черепанова к ним был пятым.

Шестой раз посещает Лыковых профессор, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой анестезиологии и реаниматологии Красноярского медицинского института Игорь Павлович Назаров. Он ведёт наблюдение за состоянием здоровья таёжных отшельников, оказывает

медицинскую помощь. Заслужил их доверие. Ему даже удалось взять на анализ кровь из вены.

Были новичками фотокинооператор Александр Матвеевич Губарев (Красноярск) и я. Для меня, как агронома-историка, Лыковы представляют огромный научный интерес. Их жизнестойкость, по-моему, освещает сегодня землепродовольческую роль русского населения в сельскохозяйственном освоении Сибири. Проживая в изоляции от общества, они могли сохранить первозданный народный опыт сибирского земледелия и накопить свой собственный за шесть десятилетий в тайге. Но передать этот опыт им некому, он не записан и не обобщён. Между тем единственной из оставшихся в живых детей дочери Агафье пошёл уже пятый десяток лет, отцу перевалило за вторую половину девятого...

Вертолет прошёл над каньоном Большого Абакана, который вдруг расширился. МИ-8 описал круг и сел на косу из гальки. Мы прибыли в пункт назначения. Здесь поблизости на реке Еринат была верхняя изба Лыковых – последнее их местожительство.

Только мы двинулись по косе вверх по Еринату, словно из-под земли, как мне показалось, появился гномик. Маленький, сгорбленный старец с седой вьющейся бородой, с длинным посохом в руках, в серой шляпе, такого же цвета валенках шустро пробирался через валежник по валунам. Русская косоворотка из выцветшего когда-то чёрного сатина с пояском, латаные брюки. Мои спутники узнали в нём Карла Осиповича Лыкова.

В ущельях, среди гор, хорошо отражается эхо. Шум от вертолёта возвестил о гостях. По сибирскому гостеприимству Карл Осипович по-

шёл навстречу. Ещё не смолк гул уходящего вертолёта, а он был уже тут как тут, среди нас.

Целкий взгляд с сеткой морщин вокруг глаз, житейская мудрость в улыбке. Несмотря на свой преклонный возраст, к моему удивлению, старик хорошо знал и помнил моих попутчиков. Он не спутал ни имени их, ни отчества, назвал по фамилии. Больше он уделил внимания нам, вновь прибывшим.

Особенно заинтересовался мной, когда узнал, что я из Ишима Тюменской области. Его интересовал вопрос: далеко ли от нас находится город Ялуторовск, что он из себя представляет. И я был приятно удивлён, что он родом из ялуторовских крестьян. Меня, как и всех, волновал вопрос – откуда пришли на Абакан Лыковы. Оказывается, они – мои земляки.

Всю ночь я не спал. Представлял, как бабушка Агафьи, по линии матери, Васса жила на Урале в Ирбитском монастыре, а мать Агафьи, Раиса Агафоновна Нохрина, родившаяся в Ялуторовской слободе, с братьями Истигнеем и Кадаем оказались в Хакасии. Каким путём и когда пришёл из Ялуторовска дед по мужской линии Ефим с братьями Маркелом и Елифанием? Какими дорогами двигались и другие ялуторовские крестьяне Золотаевы с сыном Ермоллом, Ярославцевы Николфор и Григорий? (Здесь, на Тишах, по Большому Абакану Лыковы образовали заимку.) Рядом с ними поселились крестьяне из деревень Саломатово и Шадрино Ялуторовского уезда. Каким же долгим оказался их путь...

Поговору Агафьи, Лыковы относятся к русским северных губерний Европейской России, по всей вероятности из Вологодской губернии. Чтение Агафьей «Слова о полку Игореве» относится к древнерусскому. Об этом сообщает в одном академическом журнале доцент кафедры филологии Красноярского педагогического института Г.Г. Белоусова.

Различные мотивы побуждали русских к проникновению за Урал. Крестьяне шли на свободные земли. Здесь они первоначально строили временные промысловые избушки, копали землянки. После опытов с землёю ставили постоянные избы, заводили пашни. Постепенно заимки превращались в деревни и сёла. По мере увеличения народонаселения местные жители искали пустопорожние пространства и отпочковывались. Так создавались новые выселки или заимки. Шло на восток сельскохозяйственное освоение русскими Зауралья.

Были и религиозные мотивы. Иногда они проявлялись очень бурно. Например, Мирон Галанин – один из талантливейших руководителей крестьянского антицерковного движения в Западной Сибири – организовал в 1753 году выход из церковных приходов нескольких тысяч ялуторовских крестьян (ТФ ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 469, л. 12об; д. 4608, л. 1-2об; ф. 156, оп. 1, д. 33).

Были и другие мотивы колонизации Сибири. Но бесспорно, что русские несли в Зауралье свою культуру и опыт, превращая пустопорожние пространства в плодородные нивы. Сколь-

*Агафья Лыкова.
Фотография автора. ИКМ.*

ко времени, труда в борьбе за хлеб насущный потребовалось поколениям Лыковых, чтобы пройти через всю матушку Русь и оказаться на Саянах?

Описаны географические открытия С. Дежнёва, Е. Хабарова, В. Атласова и других землепроходцев Сибири. Не менее ценен подвиг простых крестьян-землепроходцев, на свой страх и риск проникавших на необжитые земли, подыскавших угодные места для поселения и хлебопашества. Именно землепроходческие поиски крестьян-хлебопашцев, их труд окончательно закрепили новые земли за Россией и сделали их истинно русскими.

Важное значение для изучения и заселения той или иной местности имел выезд первых энтузиастов и удачное их устройство на новом месте. Это была своеобразная разведка действием. Основание первого селения служило своеобразной базой для дальнейшего передвижения в необжитые места. Чаще всего дальше переселялись именно те крестьяне, которые первыми приезжали в базовые селения. Энергичные, предприимчивые землепроходцы быстро распаивали земли, заводили скот, изучали окружающую местность. А если находили более благоприятные участки, совершали новые переселения.

Процесс проникновения на новые земли не мог быть кратковременным явлением. Что же составляло основу передвижения крестьян, что заставляло их оставлять старые обжитые мес-

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РСФСР

Редакция журнала

„ЗЕМЛЯ СИБИРСКАЯ, ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ“

№ 1050

26 августа 1987 г.

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано тов. ШАДУРСКОМУ Витольду Игнатьевичу

командированному в Таштыпский район Хакасской АО Красноярского края

Срок командировки 20 дней, по 20 сентября 1987 г.

Основание: приказ от 1987 г. №

действительно по предъявлению паспорта серии №

Главный редактор

Владимир

ПРИБЫВЪ КЪ АВГУСТА

ВЫВЪ КЪ АВГУСТА

ШАДА МАЛЪТА ЗУЧЕ -

ИСАЛА АГАФЬА

Командировочное удостоверение В.И.Шадурского, подписанное Агафьей Лыковой. ИКМ.

та? Вряд ли это был некий «азарт открывательства» или «привычка к странствиям», как объясняют некоторые. Слишком тяжёлыми, изнурительными были условия переселения, чтобы потакать себе в подобной прихоти...

— Милости просим в новую избу, — Карл Осипович низко поклонился и сделал знак рукой, приглашая за собой. С косы мы ступили на тропинку, которая тянулась по левому берегу реки Ерината. Потом она повернула в гору, круто извиваясь. Тропа была уже обихожена. На подъёме сделано что-то вроде поручней. Обрывистые откосы устланы жердями. На высоком месте, у основания горы, среди кедрча стоял свежесрубленный также кедровый четырёхстенник, размером 4 на 4 метра, высотой в восемь венцов, с крышей, покрытой толем и частично кедровой корой. Маленькое оконце с юга и два с востока. Нет крыльца, нет сеней. При входе справа железная печь с кучей дров, слева — недосложенная русская печь с лежанкой для хозяина. В красном углу — лавка у стены. Слева — лавки для посуды, уставленные тувсами, различными по величине и форме, с деревянными черпаками и ложками, чугунками, кастрюлями, мисками.

Из мебели здесь был единственный стол из золотой плахи кедра, сработанный Агафьей. Таким же способом изготовила она и лавки. «Лапотина» (одежда) развешана на гвоздях. Постель из старых одеял стопкой лежала на полу под образами. На стенах — подтёки живи-

цы. Воздух помещения насыщен запахами хвои и дыма.

Здесь много неудобств для городского жителя, но нужно видеть, как хозяева этой избы были горды за своё жилище. Возвели его для них работники Таштыпского лесхоза.

Дворовой постройкой было единственное крохотное сооружение в одно оконце. Это перестроенная старая изба.

Из живности «во дворе» находился старый козёл, привязанный у самого входа в новую избу, и козлушка — у старой избы. Кроме хлопот по уходу за ними, Лыковы не имеют от них ни шерсти, ни молока. Козёл — старый, козлуха — большая. Украшением жизни хозяев являются три разношёрстных кота. Они спят под бородой Карпа Осиповича, а Агафья даже прерывает молитву с тем, чтобы подержать в руках и погладить их. Коты чувствуют ласковое отношение к себе хозяев и ходят за ними вслед с поднятыми хвостами.

Основное хозяйство Лыковых — огород. Он начинается сразу же за избами и узкой лентой поднимается вверх по крутому склону горы. На огород всегда возлагались все надежды Лыковых. От него зависела их судьба, жить или не жить. Охота, рыбалка — это было делом случая, и они на них надеялись мало. Огород же служил прочной основой существования. Только в неурожайные годы он мог подвести. Но Лыковы делают двухгодичный запас продовольствия, и опять же с огорода.

В.И.Шадурский в лыковском «заповеднике». Фотография. ИКМ.

Поэтому к выбору места под огород подходили очень осторожно. Много лет назад младший брат Евдоким (Лыковых было три брата: Степан, Карп, Евдоким), знакомясь с краем, обходил близлежащие места по верхнему течению Большого Абакана. Изучая тайгу, он обнаружил среди хвойного бора берёзовое редколесье.

Русскому крестьянину известна мудрость, что определённые растения произрастают на определённых по плодородию почвах. Там, где растёт берёза, осина, ива, - там плодородные серые лесные почвы. А Лыковы установили, что в тайге, под берёзами, микроклимат теплее.

Раскопав землю, Евдоким убедился в правильности выбора. Почва была рыхлой и тёплой. «Должна родить». В дополнение участок находился на южной стороне горы, которая закрывала от проникновения северных ветров. Тепло при холодном хакасском лете так необходимо. Поймы рек Ерината, Туйдаи и Курумчака, раздвинув горы, тоже открывали дорогу солнечным лучам на огород. Солнце здесь - с восхода и почти до заката. Реки с хариусом, они же - пути сообщения в тайге - были рядом.

II.

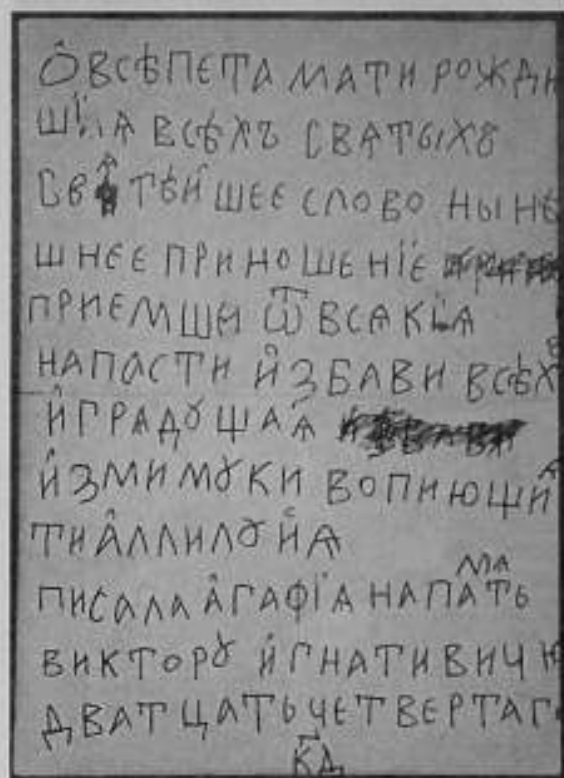
По многовековой технологии появления пашни после выбора места крестьяне начинали опыт. Обрабатывали участки и производили пробный посев различных сельскохозяйственных культур. После учёта урожая делался вывод о пригодности пашни под ту или иную культуру.

Пока велись опыты, крестьяне жили во временных избушках, а больше всего в землянках.

Такую землянку на берегу Ерината выкопал и Карп Осипович. Один корчевал вековые берёзы. Учитывая склон горы, очищал корни от почвы, крупные вырубал. Ветер и склон валили гигантов, они скатывались вниз. Устоявших ронял с помощью аркана, набрасывая его на вершину. Тал и осину вырубал под корень.

Данные агрохимического анализа почв (Ишимский филиал Тюменской проектно-изыскательской станции химизации), взятых в слое 0-10, 10-20 см на всех рельефах «пашни» Лыковых, убеждают в правильном выборе места для неё на берегу Ерината ещё полвека назад. Реакция почвенного раствора, например, оказывается близкой к нейтральной или нейтральной (рН=5,6-6,1), что благоприятствует выращиванию всех видов сельскохозяйственных культур. Содержание гумуса в тучных чернозёмах, образованных под пологом листового леса, довольно богатое - 8,6-12,3 %.

Вспахать раскорчёванный участок оказалось невозможным. Это не луга, не степи, а горы. Лошади с плугом не пройти. Поэтому Лыков перековал плужный отвал на мотыгу и насадил её на берёзовый черенок. В дальнейшем приотворился на целинных почвах работать широкой, крупной мотыгой, на старых «пашнях» - узкой и меньших размеров.

Текст молитвы к Пресвятой Богородице – автограф Агафьи «на память Виктору Игнатовичу» (имя Витольд было ей незнакомо). ИКМ.

Переход от пашенного земледелия к мотыжному – это шаг вперед, а не назад, который напоминает о таланте русского крестьянина приспособляться к сложнейшим агроклиматическим условиям. В первый год Карп Осипович освоил немного земли, чтобы проверить её способности. Посадил девять ведер картофеля. Накопал 74 ведра, из них 20 замерзли. Так он установил, что безморозный период в Таштыпском районе короткий. Последние заморозки весной возможны до 3 июня, возврат холодов начинается 4 сентября.

На второй год он высадил 50 ведер клубней. Накопал 470. Урожай составил сам-9 (то есть был девятикратным. – Прим.ред.). Нарезал репы 330 ведер. Горох дал урожай сам-5 (50 ведер). Хороший урожай основных культур говорил сам за себя. На семейном совете решено было перебираться на новое местожительство. Лодки волочили вверх по Абакану, навстречу бурному течению, упираясь ногами в скользкие валуны и дрсву (гальку). Вместе с отцом и матерью шли их подрастающие дети – Савин, Наталья и Дмитрий.

Русский крестьянин – потомственный селекционер, семеновод. Он отбирал от посевов лучшие колосья, а в колосе – ядрёное зерно (знал, что самое сильное – в середине). Потом высевал на отдельных участках, размножая семена. Иногда отдельные культуры, их сорта начинались с одного колоса или даже с одного зер-

на. Вот и Лыков случайно обнаружил в первых посевах гороха колос пшеницы и колосок ячменя. Прошло почти полвека, а Карп Осипович помнит, сколько зёрен было в колосе: пшеничном – 30, ячменном – 25. С них-то и началось хлебосеяние. Через пять лет Лыковы отдавали ячменя и пшеничной каши.

Нечего и говорить, что семена хранились как что-то священное. С такой же тщательностью оберегались хлебные посевы. До сего времени у Агафьи в холщовых мешочках, уложенных в берестяную тару «на воздухе», хранятся семена Голозёрного и Обыкновенного старорусского ячменя, Обыкновенной пшеницы, озимой ржи, «мозгового» гороха, репы, брюквы, конских бобов, льна, конопля, лука-батун. Богатейший генофонд для селекционеров. Например, лыковский горох имеет 25-30 стручков по 7-8 горошин в каждом на одном стебле. И значительно превосходит по урожайности селекционные сорта. Картофель с огорода Лыкова урожайнее и вкуснее, чем сорта Семиглазка, Идеал. Об этом уже имеются публикации («Сад и огород», 1987, № 6).

А недавно биохимический анализ показал, что в лыковской картошке содержится 26% крахмала. Для сравнения скажем, что самое высокое в мире содержание крахмала в картофеле составляет 30%, обычное же – 14-15%.

Обращает на себя внимание большой набор сельскохозяйственных культур и структура посева в земледелии Лыковых. Из зерновых предпочтению отдавалось озимой ржи. Эта культура служила страховым фондом, так как она меньше страдает от поздневесенних и ранневесенних заморозков, хорошо переносит летние сушь и засуху. Поля оставляет чистыми от сорняков. Менее чувствительна к плодородию почвы. При созревании не осыпается. Позволяет проводить уборку среди лета. Более урожайна, чем яровые в зонах северной лесостепи, подтайги и тайги Сибири. В степи занимала большие площади даже после «голодных» лет. Из озимой ржи, кроме хлеба, готовили сусло, кулагу, солод – излюбленные целебные лакомства сибиряка.

Второй культурой шёл ячмень – нетребовательная к почвам, теплу, с коротким вегетационным периодом, урожайная культура.

Пшенице из зерновых отводилось последнее место. Она привередлива к плодородию, менее устойчива к заморозкам, считалась ненадёжной.

Большое значение сибиряки придавали овсу, как основной кормовой культуре. Лошадь для крестьянина – движущая сила его хозяйства. Поэтому овёс занимал в структуре посеваемых площадей одно из первых мест. Овёс Лыковы не сеяли. На него у них не было потребителя.

Главной зернобобовой культурой во все времена русского земледелия в Сибири являлся горох. Высокобелковая культура. Редко когда крестьянская семья садилась за стол без горошницы или гороховой заварухи. («Горошница» – это цельный горох, сваренный в горшке в русской печи. «Гороховая завару-

Кормильцем семьи сорок пять лет был
этот огород.

«Кормильцем семьи сорок пять лет был огород». Фантазийная графическая иллюстрация к «Таёжному тупику» художника Рудольфа Симанова. ИКМ.

Сбор шишек.

«Сбор шишек». Фантазийная графическая иллюстрация к «Таёжному тупику» художника Рудольфа Симанова. ИКМ.

ха» — измолотый горох, заваренный кипятком из самовара.) Им занимали бросовые земли, так как он нетребователен к плодородию. Зато после себя оставляет почву, обогащённую азотом. Горох является хорошим предшественником для всех культур. Не боится заморозков. Весной высевался первым, как только можно было зайти на пашню. Сеют Лыковы также бобы на грядках. Едят их зелёными и варёными.

Из технических культур большие площади отводились льну-долгунцу. Из семян били льняное масло. Из волокна пряли нитки, делали ткани. О размерах посева говорит тот факт, что только за одну зиму Лыковы делали по 12 «стенок» тканей, каждая из которых по 12 аршин (один русский аршин = 16 вершкам = 28 дюймам = 0,71 метра). Общая длина их, стало быть, более 102 метров, по ширине ткацкого станка. Большие запасы льноволокна хранятся ещё и сегодня в избе на речке Соксе.

Сеяли Лыковы коноплю. Из её волокна плели верёвки, канаты, ткали мешковину.

Самая большая площадь из всех высеваемых культур отводилась под картофель. Для Лыковых «второй хлеб» был основной продовольственной культурой. Делали двухгодичные его запасы: на семена и в пищу. Хранили све-

жим, сушёным, толчёным (отваренные клубни измельчались, сушились и дробились в ступе), в виде крахмала. Лыковы употребляли клубни этого растения ежедневно: картофель в «мундире», чищенный, толчёный (пюре), жареный, тёртый — «драники» и т.п.

Исконным крестьянским блюдом русских в Сибири была репа. Вкусная, сочная, полезная, она заменяла сибирякам фрукты-овощи круглый год. Её ели свежую, печёную, тушёную. В семье Лыковых сохранилось к ней прежнее отношение. По 330 ведер (ведро — 10 кг) заготавливали её впрок. К сожалению, об этой культуре что-то позабыли наши производственники и учёные. Редко где доводится её встретить в магазинах или на колхозных рынках.

Возделывается на грядках Лыковых и брюква, однако расширение её плантаций сдерживает трудоёмкий рассадный способ выращивания.

Из корнеплодов ещё высевается морковь. Её едят свежей, пареной, сушёной, в виде «парёнок» — высушенная отварная морковь. Рядом со сладким овощем — столовой свёклой — возделывается редька.

Известна ценность капусты как витаминной, целебной пищи. Каждый сибирский крестьянин

*Берестяной обувок со старой заимки
Лыковых, привезённый в Ишим
В.И.Шадурским. ИКМ.*

растил капусту, начиная с первых огородов. Пытались и Лыковы заниматься ею, но не смогли. Невозможно было сохранить свежие кочаны до посадки. Они то замерзали, то гнили. Вырастить собственные семена не удавалось. «И «перевелась» капуста», — со вздохом вспоминает Карп Осипович.

Возделывание огурцов, по представлению Лыковых, связано с навозными грядами. Поскольку у них отсутствовал скот — не было и навоза. Раз нет навоза, огурцы «не можно» вырастить. Они в неведении, что созданы специальные сорта этой культуры для открытого грунта. Их высевают прямо в почву и получают прекрасные урожаи. Теперь Лыковы мечтают такие семена раздобыть.

Нет на грядах чеснока. Видимо, они пользуются черемшой. Зато много лука. Это батун, который легко размножается семенами. Лук-чернушка. Размноженный в первый год семенами, на второй — луком-севком, на третий он даёт лук-репку. Кроме самой луковицы используется зелёный лук-перо. Шелуха от лука и высушенные перья идут для длительного хранения клубней картофеля.

Лыковы не знали фруктов. Ни экзотических тропических плодов, ни цитрусовых, ни бананов, ни персиков. Свой рацион они пополняли за счёт даров сибирской тайги. В ней они находили рано весной землянику, летом — клубнику, голубику, чернику. Осенью — клюкву, бруснику, жимолость, рябину, различные грибы, особенно грузди. Сибирский кедр служил им вместо коровы. Из орехов они получали кедровое молоко, масло и белок. Живицей и хвоей пользовались как лекарством. Вообще они не знали лекарств. Аптекой им была тайга.

Больших трудов стоило Лыковым собирание даров природы и особенно творений рук своих с огорода. После раскорчёвки пашни, освобождения её от стволов и сучьев предстояло освоить целину. С помощью заступа и мотыги рыхлили почву. Лопата здесь не годится. Корни деревьев, галька и валуны не дают возможности работать ею. Древнейшее орудие — мотыга — более удобно в горных условиях. От плуга — к

мотыге, от бороны — к граблям. Какую метаморфозу в земледелии совершили Лыковы в результате опыта!

Сложной была обработка пара под озимые. Её начинали после завершения посевной и продолжали в течение всего лета. Поверхность пара стремились содержать рыхлой и в чистоте от сорняков. Мотыгой и граблями разрушали почвенную корку после дождей и ливней. Мотыгой же сооружали террасы поперёк склона, чтобы предотвратить смывание плодородного слоя почвы. На них размещали картофель.

Лыковы не знали ячи. Под все яровые готовили почву перед посевом. Они особенно не заботились о накоплении и сохранении почвенной влажности. Их хозяйство относится к горному агроклиматическому району, по степени увлажнённости — к умеренному. Среднегодовое количество осадков 401 мм, наибольшая часть которых выпадает в летний период (256-280 мм).

III.

С учётом биологических особенностей культур Лыковы строго дифференцированно подходили к срокам посева. Как только появлялась возможность рыхлить почву, её готовили под горох. Для прорастания его требуется повышенная влажность и незначительные положительные температуры. Всходы переносят минусовые температуры. С посева гороха и начиналась у Лыковых весенняя страда. Затем сеяли пшеницу. После неё — ячмень.

Яровые успевали посеять до Егорьева дня (6 мая), из овощных — морковь и лук-батун, так как семена долго не прорастают, а всходы не боятся весенних заморозков.

С Егорья приступали к посадке картофеля. Ранний картофель, как более крахмалистый и крупный, шёл в пищу. Поздние посадки закладывали на семена, так как клубни большей частью по размерам отвечают требованиям, предъявляемым к размножению. Репу, редьку сеяли перед Николой (22 мая). Более ранние посевы повреждаются крестоцветной блошкой. Иногда репу высевали под зиму. Осенний посев даёт более крупный корнеплод.

К посеву озимой ржи приступали в Иванов день (7 июля).

Лыковы разработали свои сроки сельскохозяйственных работ благодаря многолетнему опыту. Обычно в Сибири к выезду в поле приступали с Егорья. А Лыковы, как уже отмечалось, к этому сроку заканчивали посев яровых. Посев озимых начинали с 15 августа, а у Лыковых — 7 июля.

Конечно, Лыковы ничего не знали о яровизации семян. Но этим приёмом они широко пользовались. Для того, чтобы ускорить прорастание клубней картофеля и повысить урожайность, они за три недели до посадки извлекали их из ям. Клубни укладывали тонким слоем для обогрева в специально сделанное для этой цели помещение. Чтобы ускорить этот процесс, под полом раскладывали костры с валунами. Раскалённые камни равномерно и длительно обогревали семенной материал. Обогреву подвергались и зерновые.

Чтобы «не ошибиться» при посеве, семена проверялись на всхожесть. Для этого их заблаговременно высаживали в растилах (в берестяных плосках с почвой). Получали Лыковы: о всхожести семян и «экспресс-информацию». Всхожее зерно при опускании в воду даёт пузырек, подобно утопающему. Мёртвое – не дышит, пузырька не даёт. Оригинальный приём, неизвестный науке, и наверняка весьма полезен в сельскохозяйственной практике.

Не знали Лыковы ничего об азоте, фосфоре и калии, о влиянии этих элементов на растения. Но тем не менее благодаря только своему опыту и наблюдательности они применяли удобрения по требованию передовой агрономической науки. «Всякий хлам» из шишек, зелёной травы и листьев, то есть компосты, богатые азотом, шли под коноплю. Хорошо растут и дают повышенные урожаи по этому удобрению все зерновые.

Лыковы установили, что мох не годится на зелёное удобрение. Под репу, морковь, картофель, редьку вносили золу – источник калия, так необходимый для корнеплодов. Для производства её специально сжигали хвою, хворост.

Хозяйство Лыковых находится на высоте около 500 метров над уровнем моря. Огород расположен на склоне горы под углом 40–45°, уходит от основания вверх на 300 м. Весь участок делится на «нижний», «средний» и «верхний» огород. В зависимости от микрорельефа и микроклимата огорода Лыковы размещали свои культуры с учётом их биологических особенностей. На «нижнем» огороде сеяли морозостойкие культуры: морковь, репу, лук, из зерновых – озимую рожь. «Средний» огород занимали горохом, репой и картофелем. «Верхний» – отводили под один картофель позднего срока сева.

Дробность посева позволяет избегать превратностей погоды и самой местности. Из тайги может быть нашествие вредителей (зайцев, полёвок, белок, гусениц), от погоды – градобитие (установлено, что град идёт отдельной полосой), заморозки. Как мы заметили, на «нижнем» огороде картофель 4 сентября был побит инеем, на «среднем» – только прихвачен, на «верхнем» – картофель цел. Лыковы не только использовали опыт русского хлебороба для сохранения урожая способом дробного посева, но и приумножили его, разлив земледелие в вертикальной плоскости.

Интересные наблюдения сделаны Лыковыми по чередованию культур. Например, картофель после четырёх лет бессменного посева на одном месте начинает снижать урожай. Это происходит от того, что растение среди лета «сбрасывает с себя листья», клубни становятся мельче. Известно, что зелёный лист – создатель углеводов. Естественно, чем меньше листовая поверхность растений, тем меньше органического вещества. Поэтому на одном месте картофель держали не более трёх лет.

Они установили, что озимые после гороха рожь растут худо, но если после гороха посеять яровые, а потом озимые, то озимое родится луч-

Дары Ишимскому краеведческому музею: лыковский туесок – от В.М.Пескова и шаль Натальи Лыковой, матери Агафьи – от В.И.Шадурского. ИКМ.

ше, нежели прямо после гороха». «После озимой ржи хорошо родится картофель, после льна – озимые, после лука – всякие хлеба». Лен крестьяне обычно старались разместить по пласту или обороту пласта. Для него отводили вновь освоенные земли – залежь, целину. Лыковы же получали отличные урожаи этой культуры, размещая его по картофелю. После картофеля «любит родить ячмень и овёс, но не любит озимая рожь».

После пара два года подряд сеяли озимую рожь, затем размещали пшеницу и ячмень. Стремилась к ежегодному чередованию культур.

Способ посева зерновых разброской – вручную. Семена заделывали в почву граблями. Репу, редьку сеяли, предварительно смешав семена с песком. Картофель сажали широкорядным способом 50 на 20 сантиметров на вершинах терраски.

Уход за посевами начинался по мере появления сорняков. Корневищные, корнеотпрысковые сорняки удаляли вручную, остальные срубали мотыгой. Против грызунов применяли самодельные «плошки» – подобие капканов, которые Агафья проверяла два раза в сутки, а также «зоологические меры» с помощью уже знакомых нам трёх котов. Листоядных гусениц собирали просто вручную.

Чтобы не допустить череззерницы, в период цветения озимых проводили их доопыление. Для этого по цветущим растениям протаскивали вёрёвку. Это ещё один эффективный способ сибирского земледелия для повышения урожайности озимых, который сохранили Лыковы.

Когда на озимые ложился ранний снег, то его уплотняли для более тесного контакта холода с зелёной массой растений, чтобы уберечь их от выпревания. На это мероприятие выходили все

Жилище Лыковых.

Фотография В.М.Пескова. ИКМ.

— кто в берестяной обуви, а кто и босиком, ногами трамбовали снежные заносы. Для снегозадержания на озими расставляли хвойные лапки, разбрасывали хворост. Так велась борьба с вымерзанием озими. Рано весной из «блюдец» — понижений на участке спускали талые воды.

В течение круглого года Лыковы находились на огороде и следили за своими посевами. Отпугивали птиц, которые пристрастны к злаковому зернышку, зайцев, пытающихся акусить сладкий корешок моркови или свёклы, боролись с почвенной коркой, сорняками, молодыми сеянцами берёзы, тала и осины, то есть с наступающей тайгой, от которой был отвоеван людьми клочок земли. Уход за посевами прекращался с приходом уборочной страды.

Уборку зерновых начинали в конце сентября — начале октября по мере наступления восковой спелости зерна. Жали серпами по утрам и вечерам, чтобы не осыпаться ни зернышка, вязали снопы и ставили в бабки. Ячмень жали, как только наклонялся колос. Молотили цепями «сыромолотым после полной просушки». Зерно веяли «на ветру» деревянными попатами и хранили в холщовых мешках, затаренных в берестяные туеса высоко «на воздухе» — в лабазах. В них не могли проникнуть ни зверь, ни дождь, ни снег. Лабазы устраивали на высоких столбах, тщательно укрывали берестой и кедровой корой.

«Второй хлеб» — картофель не спешили убирать. Копали с таким расчётом, чтобы только успеть до замерзания почвы. В отдельные годы приходилось убирать даже по снегу. Лыковы считали, что картошка «набирает силу» осенью. В ясные, солнечные дни и холодные ночи происходит интенсивное образование углеводов и отток их в клубни. Урожайность приближается к максимуму. Даже когда вегетативная масса замерзнет, засохнет, они выжидали. По их мнению, рано убранные клубни хуже хранятся. Они ожидали полного опробковения кожицы клубней. Такие корнеплоды меньше подвергаются травмам и меньше болеют.

Из общей массы клубней удаляли все травмированные, хорошо их просушивали. В день уборки засыпали на хранение. При уборке применяется только берестяная посуда и мешки. С клубнями обращались как с яблоками, очень осторожно. Их не бросали, а укладывали, так как в месте удара может появиться «синяк», потом он загнивает, и клубень погибает, возникает мокрая гниль. Очень осторожно собирали клубни после просушки. Мешки укладывали на волокушу — подобие саней — и медленно опускали её на верёвках по склону. В яму также «на руках» опускали мешки, где очень осторожно их освобождали.

Видимо, поэтому Лыковы не знали переборки картофеля. Он у них хранился до нового урожая как только выкопанный. Для двух-трёхлетнего хранения свежих клубней их пересыпали луковой шелухой с послойной укладкой редьки. Картофелехранилище — это глубокая круглая яма (чтобы не осыпались стенки), хорошо укрытая накатом кедровых и бересты. Емкость одной ямы — 500 ведер. В иные годы засыпали на хранение более 1000 ведер.

При уборке корнеплодов у Лыковых соблюдалась очередность. Первоначально собирали редьку, потом репу, после них — свёклу, а последней морковь. Заготовка их шла в крайне поздние сроки. Подверженные пониженным температурам корнеплоды больше накапливают сахаров, становятся более вкусными и урожайными. Их также не бросали, а укладывали. Хранили в ямах.

Горох крутили — выдёргивали вручную накануне заморозка, но ни в коем случае не допускали, чтобы он замёрз на корню. Складывали в большие кучи, там он «дозревал». Перед обмолом подсушивали на воздухе. Молотили цепями.

Таким образом, отдельная уборка зерновых и зернобобовых — народный опыт русского хлебороба — также использовался Лыковыми.

Лён теребили вручную. В зависимости от назначения сроки уборки его различны. Лён для нижнего белья, праздничной одежды, полотенец убирали зелёным, для верхней одежды — чуть жёлтым, для мешковины — жёлтым. Известно, что по мере созревания соломки волокно грубеет, это и учитывалось Лыковыми. На масло возделывали разреженные посевы льна, на волокно — густые.

Как видим, Лыковы не спешили с уборкой. Зато когда приходила «пора», спали только считанные часы, чтобы восстановить силы. Работали с восхода солнца и до заката, при лунной ночи — всю ночь. Всё подчинялось одной цели — как можно быстрее завершить уборочную страду. К Пречистой (14 октября) с поля должно быть всё убрано. Покров может покрыть землю снегом.

Набожные люди, они в страду даже прекращали молиться. Ограничивались крестным знаменем и вновь принимались за дело. Лыковы знали: впереди зима, полевые работы не надо будет делать. За это время можно отмолить гре-

хи, соблюдая религиозные праздники, великие и малые посты.

О трудовом воспитании детей нам рассказывала Агафья. Она с пяти лет чистила целыми днями корни бадьяна. Его заготавливали на случай неурожая. При лучине вечерами пряла на веретене. В шесть лет уже читала на церковнославянском языке, шестилетним читал и Савин, в семь лет – Наталья. В этом возрасте Агафья знала наизусть много из Псалтыря, Евангелия и Златоуста. Мать всем детям дала домашнее образование.

Все они любили работать. Выполняли всякие поручения с тех времен, как только помнят себя. Отец не давал отдыха, считая, что праздные дни ведут к греху. Детей не занимали музыкой и песнями, играми и рисованием, вышиванием, чтением художественных книг. Этого они не знали. Зато их учили всему, что могло быть полезным в жизни, – труду и грамоте в пределах богословия.

Проживая на большой реке (Абакане), дети не умели плавать, так как считалось купание пустым времяпрепровождением или праздностью. Зато сыновья были хорошими рыбаками, таёжниками, отважно шли на медведя, сохатого, оленя с простым ножом или рогатиной. Все дети, в том числе и девочки, проворно лазили по гладким стволам кедр и смело шагали по кроне за шишками. Девочки могли легко пилить, колотить на плахи сосну и кедр, ошкуривать брёвна, рубить избы и лабазы, ткать и вязать, копать землю. Дмитрий был отличным кузнецом, Савин – хозяином. Жили дружно, подчинялись старшим по возрасту. Боялись грома, молнии и греха. Интересовались всем окружающим.

Казалось, таёжные дети, все они родились и выросли в лесу, должны быть суровыми, черствыми. А они были внимательными друг к другу, нравственно богатыми, гостеприимными, с внутренним чувством добра, избегали греха. Тайга не только не огрубела детей, напротив, помогла воспитать их духовно развитыми.

Труд в условиях таёжной жизни объединял людей и помог им выжить. Но среди них выживал сильнейший. Первой умерла мать на шестидесятом году, изнурённая домашним хозяйством. Затем умер старший брат Савин, ему шел сорок восьмой год. Агафья вспоминает, что «братка» часто болел, был слабым, поэтому он был более благочестив. Наталье шел сорок шестой год, когда её не стало, Дмитрию – тридцать девятый.

Скоропостижная смерть сразу троих, возможно, объясняется «стерильными» условиями, в которых жили Лыковы, и занесённой «с мира» инфекцией при встрече с людьми. Чуть подорванный организм не смог справиться с обычным заболеванием лёгких, к которому не было выработано иммунитета у Лыковых. Лишь Карп Осипович жил до тридцати лет в обществе и в дальнейшем сравнительно часто имел контакт с людьми. А самый молодой организм Агафьи справился.

*Карп Осипович Лыков.
Фотография В.М.Пескова. ИКМ.*

В настоящее время всё хозяйство лежит на плечах Агафьи – хрупкой женщины. Она ростом 151 см, весом не более 50 кг, размер босой ноги – 35. Только «лопотина» больших размеров да болотные сапоги делают Агафью солидной. Одета во всё тёмное, она хорошо вписывается в хмурую тайгу с тёмными стволами, дресвой вдоль рек и самого Абакана, среди горных обвалов и валунов.

На сорок третьем году своей жизни Агафья вернулась на Еринат – место своего рождения. Здесь сохранилась провалившаяся землянка, где в марте глава семьи принимал роды. Сохранилось то корыто, правда, расколотое, в котором крестили её в апреле, и крестным отцом был посажен брат Дмитрий за неимением чужих. На том месте, где был раскорчёван огород в две десятины, опять шумела тайга. Четыре дня и воскресенье вела она отца Карпа Осиповича на старое место жительства.

Всю осень до глубокого снега Агафья «под корень» валила осину и тал, «по пояс» рубила толстущие берёзы. Осенний день короток. Чтобы «не запоздать», приходилось работать при луне «по колено в снегу». За зиму наносила озьян картофеля. Тридцать пять раз по 20 км по тайге, за плечами по два ведра картофеля. Кто не знает тайги, тот не знает, какой гигантский путь преодолела Агафья.

Всю весну сжигала хворост, рыхлила и сеяла, садила. Больше половины гектара освоила одна. Когда мы посетили Лыковых, виды на урожай были отличными.

*Публикуется с авторской правкой
по тексту в журнале
«Земля Сибирская, Дальневосточная»,
№№ 1, 2, 3 за 1988 г.*

Страницы мемуаров

А.А. ПОСТНИКОВ

Тахта

I
Прозрачное, голубое тихое-тихое июньское утро.

В голубой бескрайней выси — ни одного пятнышка.

Пыль на дороге ещё спит, слегка отяжелевшая от росы. С лугов тянется едва уловимый аромат радующихся своему рождению и существованию весенних цветов.

Из не далекой старой берёзовой рощи, что стоит за обрывистым берегом реки, изредка доносится до слуха мягкое рыдание кукушки, напоминающее о том, что тишина этого весеннего утра полна жизни и трепета.

Окраина небольшого степного города. Между двумя руслами реки — старым и новым, — заканчиваются и как бы сходятся три улицы: две по берегам и одна, большая, между ними¹.

Все три улицы выходят на площадь. На площади стоит высокий собор, который виден с расстояния тридцати-сорока верст со степной стороны округа. Этот собор строился давным-давно и в течение нескольких десятков лет. А по тому соединил в себе два стиля. Его нижний этаж — «византия», — низок, мрачен и тяжёл. Его верх — «готик», — легок, высок, воздушен, словно, взлетел над городом, осматривает его и всю широкую окрестность².

Около собора уютилась маленькая часовенка — место первого алтаря³. Чисто выбеленная, окружённая железной, крашеной в голубой цвет решёткой, — она рисовалась, как маленький побег около громадного дерева.

Площадь вся покрыта зелёным конополем, подорожником и цветущими ещё одуванчиками; на окраинах, к берегам реки, она переходит просто в бурьян. Здесь — пристанище и прибежище вырвавшихся из душных ночлежек бродяг, наслаждающихся простором, бесплатным теплом и до отказа чистым воздухом.

Прекрасно ты, лето! Привет и отдых везде и всем. Много места и тепла под солнцем. Много тени в садах и лесах.

За собором одна-единственная улочка, как говорят историки — прабабушка всего города⁴. Эта улочка, как все захолустные улицы городов больших и малых, особенно своеобразна и патриархальна. Здесь хранятся обычаи дедов, здесь спявят со звездой Рождество. Здесь катают пасхальные яйца; здесь устраивают высокие качели, здесь, в «недосягаемой» дали от города, происходят отчаянные кулачные бои, схватки городской разгулявшейся молодости. Благо, «городаши»⁵ далеко, да и в «центре» их не всегда найдешь. Это уж такой народец; когда его нужно — его нет, а где бы не надо — он тут как тут!

За собором налево, на пустыре, заросшем крапивой и бурьяном, без ограды, без ворот и

без стёкол в большинстве оконных рам стоит ночлежка, или ночлежный дом, а по-местному — «Засоборный кадетский корпус»⁶. Почему такое название было дано этому приюту бродяг, беглых каторжников, пьяниц и «отчаянных головушек», — никому не известно. Известно только одно, что все они приходили, жили, уходили, и никого не обижали. Здесь местные купцы, прасолы⁷ и подрядчики вербовали дешёвую рабочую силу. Здесь можно было найти великодушных мастеров всевозможных специальностей и профессий: художников, юристов, отличных поваров, слесарей, механиков и в изобилии — просто рабочую силу.

Но всё это пило горькую. пило на все случайно заработанные или выигранные деньги. Всё это в пьяном азарте било стекла собственного прибежища. И в зимние стужи жгло всё, что было за стенами дома, даже крылечко. Каждый год был ремонт этого дома, и каждой весной это здание приходило в свой обычный «весенний» же вид: солнце глядело внутрь без отдачи стеклу своих живительных лучей, воздух беспредельно освещал все затхлые углы этой большой хибары, ветерок играл разноцветными тряпками — остатками зимнего отепления окон, пострадавших от избытка спиртной энергии какого-нибудь чернорабочего полугололого богатыря.

В этот период, о котором идёт речь, вся братия в разброде: кто по деревьям, кто промышленяет с удочками и корзинкой, кто половней — с мешком под окном собирает жатву кусками хлеба, копейками, старыми рубашками — всем, чем может одарить от своих избытков сердобольная хозяйка, поверившая, что перед нею благочестивейший пилигрим, исстрадавшийся в трудной Божьей дороге. Бывало, что сердобольность истощалась, особенно у хозяев, да ещё с похмелья — и переходила в бурный, свирепый, подчас беспричинный гнев. Ну, тогда «засоборный кадет» рисковал не только своими рваными штанами, но и икрами спешно улётывающих ног и даже черепом, ибо на него «куськали» собак или пробовали прочность здорового кола, выхваченного из частокола или плетня. Всякое бывало...

II

Улица, идущая по обрывистому берегу старого русла реки, заканчивалась низким, ветхим, в разные стороны покривившимся домом. Правая, северная его сторона углубилась на аршин в землю, и квартиры этой части дома имели подъём пола и потолка с севера на юг. В этой части дома все круглые вещи и вещицы: клубок шерсти, катушка ниток — всё такое, как магнитом, притягивалось к северной стене. В сред-

ней части дома эти вещи разыскивали у западной стены. А в третьей, южной части, их находили в юго-восточном углу.

Словом, старый, деревянный, довольно обширный дом по причинам, не от него зависящим, — а от давнишних обитателей, гноивших его, как им хотелось, и от осенней непогоды, стекавшей с ветхой, тёсовой, зелёной дырявой крыши больше на потолок, чем на углы, — этот старый дом давно забыл, что такое горизонтальная и отвесная линии. От старости он забыл об этих вещах, предоставив заниматься ими малышам, которые бегали с книжными котомками мимо него в школу⁸, стоявшую тут же недалеко, на той же Соборной площади, только по сю сторону от «Засоборного кадетского корпуса». Да никто и не хотел беспокоить старика этими элементарными вещами. Дом этот был уже в возрасте философа.

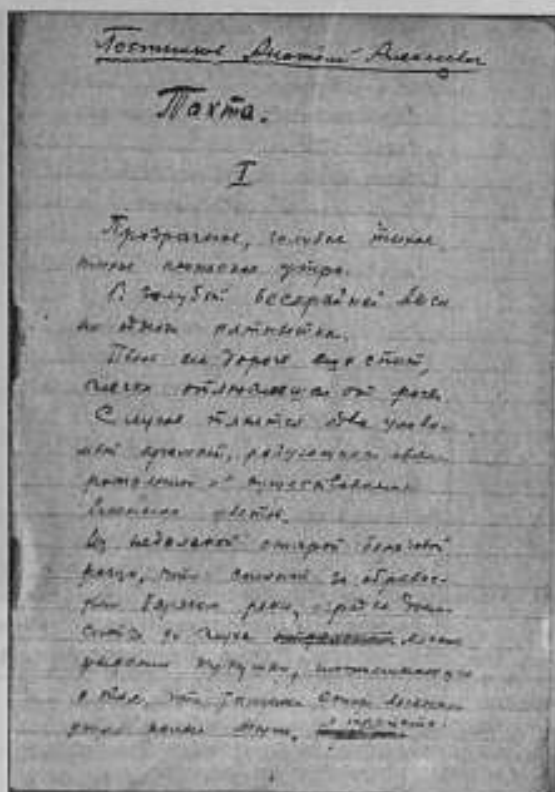
Тем не менее, за «философом» всё же следили: его стены были чисто побелены известью, стёкла окон, радужные и кривые, лопнувшие десять-двадцать лет тому назад от деформации оконных косяков и переплётов рам, — заклеены бумажными ленточками во всевозможных направлениях и в самом вычурном геометрическом порядке. Ворота дома, хотя и со скрипом и воем цепляясь за землю, — всё же открывались и закрывались. Калитка с кольцом и щеколдой, когда-то, тоже лет тридцать-сорок тому назад высмоленная в знак презрения к жишеш в то время здесь на квартире девице, отвергнувшей любовный пыл городского красавца, — калитка тоже открывалась. Но, открывшись, увлекала за собой гостя, если, конечно, он не догадался предоставить ей свободу действий, отняв руку от кольца. И требовала, чтобы при закрывании её гость изо всех сил налёг на неё плечом и поработал ногами до боли, пока не услышит щелчок щеколды и не вздохнёт облегчённо: «Ух!» Двор, засыпанный песком, был чисто выметен.

Прямо против ворот находились старенькие, ветхие службы: конюшня, сенник, хлевы. Между ними — ворота, которые уже совсем не открывались, и были просто проломлены для ходьбы в огород. Отверстие для ходьбы загоразживалось куском старого плетня. Щели между этой дверью и воротами каждый раз терпеливо заставлялись двумя досками: одна от кур и ребятишек, другая — от телят и коров. Берёвочная петля с махровыми от времени концами притягивала на крюк всё это сооружение достаточно крепко. Во всяком случае, у ребятишек и кур не хватало силёнок, а коровы и телята не догадывались о роли петли. Всё было в порядке.

В левой стороне двора был цветничок, где сейчас пышно и буйно цвели кусты сирени, благоухавшие из-под свежей росы роскошным своим ароматом.

В такое утро всё красиво. Даже старое и ветхое оживает, лучится и рядится в разноцвет. О молодом и говорить нечего. Это роскошествует, ликует в своём жизнерадостном напряжении и неуяснимой истоме.

Хозяйка дома Аграфена Романовна Белова вышла из своей половины, — южной половины, где все круглые вещи притягиваются юго-восточным углом, — и, называя по именам, кормит своих восьмерых кур и, отдельно, наседку с цыплятами — желтенышками и нежными, как пушки весенней вербы. В меховой шапке своего мужа Петра Ананьевича она допарила на печке двух последних, ещё плохо держащихся на

Страница рукописи повести «Ташта». Архив К.А.Хотунцевой (Постниковой).

лапках цыплят и теперь усиленно наблюдает именно за этими «последышками», как она их называет. Она кормит цыплят мелко изрезанным сваренным вкрутую и перемешанным с творогом яичком.

Радостно любоваться на эти маленькие тёпленькие жизни, радостно чувствовать их простенькую доверчивость. Ни склоки, ни ссоры из-за крошечки яичка или творога. Если из-под клювика одного исчезла эта крошечка во рту другого, то это вызывает скорее недоумение, чем неприязнь, а тем более ссору.

Не хочется даже думать о том, что эти самые крошки через два месяца станут задирами, драчунами, скандалистами. Впрочем, всё так и во всём так... Да и нельзя же законсервировать жизнь. Нельзя ради красивого её момента остановить колесо времени, ибо всё это вновь и вновь повторится, и вновь доставит и пользу, и удовольствие, и наслаждение.

Вслед за Аграфеной Романовной, одной рукой опираясь на палку, а другой, поддерживая около левого глаза свернутый квадратиком коричневым платок, показался из тех же дверей Пётр Ананьевич. Его давным-давно разбил паралич, и он в совершенстве напоминает свой дом. В возрасте философа, разрыхлённый старостью, он после третьего удара стал повторять к месту и не к месту: «Ох, беда!» или «Вот беда!» И это во всяком разговоре, даже когда он рассказывает что-нибудь забавное.

Одетый в белую, чистую рубаху, подпоясанный ремешком, в громадных сапогах — и он даже под этим небом казался свежим.

Он прибрёл к цыплятам, уселся на сосновую чурку, и, опираясь на свою палку, стал разглядывать хохлатушкино потомство, изредка

Анатолий Постников среди учеников Ишимского уездного училища.
1900-е. Фотография. Архив семьи Постниковых.

отгоняя соблазненных вкусным кушаньем кур. «Ох, беда, куда ты лезешь, Рябушка! Киш ты, Красноперка! Вот беда!» Куры бочком отскакивали и вновь нацеливались на корм.

Аграфена Романовна со своим мужем жила на его шестирублёвую пенсию. Он был когда-то почтовым чиновником. Жила скромным хозяйством. Сажала огород, держала корову и кур, но главным её доходом были квартиранты, платившие ей от пятидесяти копеек до двух рублей в месяц, смотря по тому, сколько они занимали помещения. Во всяком случае, она имела от дома в месяц не менее восьми или даже десяти рублей. Она никогда не ссорилась со своими квартирантами, кто бы они ни были. И жили квартиранты до тех пор, пока им самим не понадобилось бы уйти или «съехать» с квартиры, если было на ком «съехать» и было «чего съезжать». По большей же части они «сходили», ибо это была честнейшая городская трудовая беднота: прачки, кустари, рабочие, прислуга, табачницы, калачницы, крендельщицы и прочие, которые во всех случаях утешали себя тем, что «от трудов праведных не наживёшь палат каменных». С этим людом Аграфена Романовна сжилась, вникала во все их нужды, терпеливо выслушивала их и советовала в чём понимала и разбиралась. А разбиралась она отлично во многих вопросах.

Утро продолжало сиять. Был тот час, когда улёгшиеся вчера трудовые заботы будили всех, кто хлеб свой насущный добывал себе «днесь»⁹. Раньше всех вставали и уходили те, кто работал вне дома: подёнщики¹⁰, подёнщицы, прачки на дому, базарная мелкота, рабочие и так далее.

III

— Здравствуешь, Аграфенушка!

— С добрым утром, Пётро Ананьич, — раздаётся из средней двери покосившегося, довольно обширного крылечка.

На пороге, жмурясь от яркого света, стоял высокий, прямой старик лет семидесяти. Удивительно мягкие черты его лица, особенно удрашенные расхолодившимися, как лучи, от уг-

лов глаз светящимися морщинами, придавали ему всегда ласковый, добродушный вид. Серые глаза живо и весело выглядывали из-под белых бровей. Длинная изжелта-седая борода вместе с густыми такими же усами была от привычки её оглаживать слегка свёрнута налево, что придавало его лицу какую-то хитринку, отчего всё лицо казалось несколько однобоким. Волосы — длинные, совершенно белые, — прядями свисали на уши и кудрявились на шее. Одет он был в длинную холщовую пестрядинную рубаху и холщовые же широкие тёмно-синие шаровары, заправленные в смазные сапоги. Узкий ремень завершал его убранство. Он был без картуза, его заменяла тонкая верёвочка, охватывающая его белые волосы, чтобы они не падали на глаза и не мешали ему в работе, — как это делают портные или сапожники.

Он был немудрый столяр. Его семья состояла из двух лиц: жены его, маленькой, хлопотливой ещё, лет шестидесяти старушки Федосьи — Фини, как он её звал, — и сына Кузьмы, или Кузьки, — лет сорока, чёрного как смола, как бы в противоположность своему отцу, занимавшегося подёнщиной, страстного рыболова и охотника, в эту ночь и утро пропадавшего где-то на ближних озёрах, Тахта, старик, не мог его женить до сих пор. Да, — Тахта, с ударением на первом слоге, — о нём наша повесть.

Тахта — это было шутивное прозвище старика за его очень частое употребление в разговорах в подтверждение собственных мыслей и одобрение чужих — искажённого «так-то!». Под этим прозвищем его знал весь город. Многие совершенно и не думали о том, что его зовут Петром Даниловичем, а фамилия его Белозёров.

Конечно, ближайшие к нему звали его и дядей Петром и дедушкой, а Аграфена Романовна — Петром Даниловичем. Не хватало бы ещё, чтобы она назвала его Тахтой. Это уж совсем ни к чему. Да и пусть зовут так чужие, а он же её старинный, учтивый и аккуратный квартирант. В доме его уважали все. Уважали за его тихий характер, за его приветливость, за учтивость и

уважали его... страсть, страсть безграничную, необузданную, отчаянную страсть... к голубям.

Не шутите. Это не так смешно. Этой страсти подвержены не только ребяташки. Не только малыши таскают под рубашонками, в корзинках, или просто в руках своих испытанных голубей, поджавши лапки к хвосту, чтобы «подтуровать»¹¹ их под чужую стаю. Этой страсти подвержены, как наркосу, и взрослые люди, и вот этот благородный Тахта, семидесятилетний старик, уважаемый добрыми соседями Пётр Данилович Белозеров.

В ранние утренние и вечерние часы перед заходом солнца можно видеть старого Тахту сидящим верхом на коньке крыши около обветрившей трухлой трубы с длинным, но лёгоньким берёзовым шестом в руках.

Шест этот был исключительный. Кузьма по заказу Тахты исползал все доступные ему густые заросли мелколесья в радиусе двадцати вёрст, пока, наконец, не принёс отцу два тонких, лёгких, прямых, по три сажени длиной берёзовых шеста.

Вот с таким шестиком и сидит у трубы Тахта и, как волшебной палочкой, ввинчивает свою стаю прекрасных летунов в голубую высь, пока не скроет их из вида.

Голуби, кружась над своим жильём, купаются в чистейшем, прозрачном, свежем утреннем воздухе и блещут на поворотах своими крыльями, освещаемыми горизонтальными ещё лучами восходящего солнца.

IV

Эту утреннюю прогулку Тахта делает голубям натошак для их здоровья, для лёгкости в полёте, для тренировки. Вечерняя гоньба голубей устраивалась перед ночным отдыхом.

Тахта любил потренировать своих голубей «под тучку», приучал их бороться с ветром, но всегда старался осадить их вовремя, до бури, для чего выслушал из своей голубятни домоседов: старых, заслуженных родоначальников, слабенький ещё молодняк и приучаемых птенчиков.

Кто знает этот спорт – знает, что значит поймать чужого голубя.

За чужих курицу или гуся, загнанных в курятник или хлев, суд вынесет приговор как за присвоение чужого имущества. А за пойманного голубя суд не судит, и поймавший его имеет безкашанное право назначить за него хозяину выкуп размером по своему усмотрению, по стоимости, качеству и местной «славе» голубя. Иногда такой выкуп был недостаточен хозяину, и голубь оставался навсегда в новой голубятне.

В том месте, где жил Тахта, существовал обычай: поймавший чужого голубя в первый раз обязан был отдать его хозяину за выкуп. Тот же голубь, пойманный во второй раз, делался собственностью поймавшего и этот имел право не возвращать его хозяину ни за какие выкупы, если не захочет этого.

Голуби старого Тахты славились по всей округе своей строгостью, выдержкой, необыкновенно дружным и высочайшим полётом. Его голуби при осаде делали турмана¹², кружась через спинку быстро, разнообразно, энергично и красиво играючи.

Любо было смотреть, как крутящимся комочком стремглав падает птица на протяжении десяти-пятнадцати сажень¹³ и вдруг, остановившись, устремляется опять к стайке.

Тахта имел до восьмидесяти голубей и в огромном преимуществе «жёлтых». Этот цвет, собственно, далеко не жёлтый. Это совсем сво-

еобразный цвет – цвет железной свежей ржавчины.

Остальная часть его голубей, почти все «красные», но также не красные, а, верней, тёмно-бардовые или тёмно-коричневые. Оба эти цвета в особо высокой цене, которая ещё более поднималась, если голуби были «хохлатые» и «космогоние», то есть имели лапки, покрытые густым, мелким, а иногда – особенно ценным крупным оперением.

Тахта лелеял и беспредельно любил своих голубей, берег их и очень удачно ловил в свою стаю голубей «горе-голубятников», как он звал своих партнёров по страсти. Зато и злились же, и злились же на него, хотя и подражали ему во всем.

Он был патриархом и законодателем голубятников этого городка.

V

Тахта легко, как мальчишка, поднялся по лестнице на крышу. Слуховое окно – парадный ход в его голубятню, – находилось не высоко от края крыши. Сюда шли голубиные сходни – трапики, приспособленные для гона голубей под шестик. Голуби подчиняются шесту, как гуси хворостине; строгие голуби знают шестик и манеру только своего хозяина и ни за что не пойдут под шестик ловца, не знающего секрет гона хозяина.

Поправивши покосившийся трапик и убедившись, что снаружи всё остальное в порядке, Тахта нырнул в окно.

Голубятня под крышей дома с земляным полом была довольно обширна и представляла из себя сложное зодчество хозяина. Отдельные ящички – помещения для голубиных пар – представляли из себя целые домики с балкончиками и лесенками. Все с закрывающимися решетчатыми дверцами. Здесь было уютно и чисто. Тахта очень следил за чистотой голубиного интерната. Посредине голубятни стояло корытце с чистой всегда водой; на широких с низенькими бортиками досках насыпался обильный корм – пшеничное зерно.

Голуби были буквально рассортированы.

Заслуженные ветераны гнездились в начале левой стороны этой улочки. Дальше шёл квартал молодняка. Вся правая сторона голубятни была жильём самых лучших летунов, красавцев, строгих предстателей голубиного спорта. Отобранные парами по мастям, все они прекрасно знали свои места и не впускали к себе посторонних, даже соседей. В гости они друг к другу не ходили – очевидно, голубиная супружеская любовь и ревность не допускают этого развлечения людей. Но самый интересный домик стоял у задней стены голубятни. Это был в полном смысле трёхэтажный деревянный теремок, также с трапиками, лесенками, огороженными перильцами, с площадками в виде балкончиков у входа в каждый этаж. Пилястры и разные карнизы украшали эти входы. Вся голубятня внутри и все домики снаружи были белены известью, отчего в голубятне было светло и чисто. Красок Тахта не признавал, считал их вредными для голубей.

В этом домике помещались три поколения одной семьи, подобранные не по отцам, а по матерям. Голубки, отобранные по их особо выдающимся качествам, спаренные с лучшими голубями, давали Тахте прославившее его имя голубиное потомство.

Любимейшим голубем Тахты была маленькая, изящная с крошечным носиком «жёлтая»

Соборная площадь и начало улицы Малой Никольской. Слева на переднем плане – усадьба, ставшая прототипом для усадьбы Беловых, где жил Тахта. 1910-е. Фоторепродукция. ИКМ.

голубка, помещавшаяся в третьем этаже теремка со своим голубком Клубком.

Эта голубка была самым драгоценным представителем Тахтиной стаи. Лёгкая, высотная, бесконечно строгая, делавшая восемь мгновенных горизонтальных сальто-мортале – она была вожаком летунов. Она давала тон всему полету, всегда была впереди стаи и для своих кувырканый бросалась вперед. Сделавши свой излюбленный, головокружительный трюк, она подравнивалась к стае так, чтобы вновь быть впереди и подавать следовавшим за ней летунам молчаливые, но понятные им строгие команды.

Больше жизни любил её Тахта. И она безгранично была к нему привязана.

Её голубь Клубок не допускался к полетам. Он не знал меры своему кувырканию и как бы высоко не взлетел, – быстро кружась через спинку выщипанного комочком, стремглав мчался до самой земли.

Показав себя Тахте в этом искусстве, к счастью, зимой, он не разбился насмерть, как это бывает, а только глубоко врылся в снежный сугроб, свернув себе шею.

Тахта берёт его для потомства и всегда опасался его вылета. Несколько раз он даже подрезал ему крылья. Клубок привык к этому режиму и уже не очень стремился в высь со своей прекрасной подругой.

Посредине голубятни Тахта имел удобное сидение – такое, какое делают себе сапожники. Здесь же на земле лежал лёгонький шестик, которым Тахта дирижировал внутри своего голубиного хозяйства.

Тахта должен отобрать стайку десятка в три для утреннего взлёта, но прежде он должен повидаться со своей любимицей.

Лёгкая улыбка не сходила с лица старика. Взяв шестик, он ловко открыл им дверку, где жила голубка и бросил его к ногам.

– Гуль! Гуль! Гуль, гуль, – замурлыкал он. – Соф. Соф. Соф! Гуль, гуль!

Услышав знакомую ласку, голубка тотчас показала в дверцах и с площадки лётном порхнула на колени Тахте.

– Милая моя Софочка! Как ты ночевала? Не обидел ли тебя кто? – говорил он, оглаживая её. Она ласкалась к нему и взлетывала

то на одно плечо, то на другое, то на поднятые до груди руки, стараясь достать его губы. Он голубёнком ещё приучил её кормиться изо рта и теперь она щекотала его усы и губы, словно целуя своего седого волшебника. Если бы Тахте предложили выбор: потерять всю голубиную стаю, или вот её одну – он предпочёл бы первое!

Почему он звал её Софочкой, что олицетворял он в ней?

Он знал только, что «София» значит «мудрость». Надо думать, что в этом и было начало этого имени.

– Ну, ну! Тах-та, тах-та. Никто не обидел, никто! Вижу, вижу. А как твой Клубочек? Здравствует? Ну, дай Бог, дай Бог! Тах-та! Ну, давай летать, милая, за дело! Сиди пока тут, а мы подберём тебе сейчас компанию! Тах-та.

И шестиком открывал поочередно дверцы почти всей правой стороны голубиной улицы, он выпустил жёлтых и красных крепышей на земляную площадку, допуская желающих к питью, но не давая корма.

Воркуя и кружась, голуби оживили площадку голубятни. К радости своего хозяина, оказались все здоровыми. Так же шестиком он осторожно отделял наперечёт голубков, чем-либо проштрафившихся вчера: далеко отлетающих от стаи, раньше времени начинающих спуск и тому подобное.

Эти послушно возвращались к своим гнёздам, как бы понимая свою вину. Когда стайка была подобрана, Тахта встал, оттолкнул наружную дверцу до отказа и, разыскав глазами голубку, скомандовал: «В небеса!»

Первая, как всегда, взмыла лётном в открытое окно чердака голубка и за нею по два, по три, по одному, так быстро, что едва улавливали глаза, вылетали туда же отборные птицы. Площадка голубятни мгновенно опустела, и когда Тахта, довольный началом, вылез на крышу, он увидел, что стая в образцовом порядке кружит уже на высоте не менее сотни сажен и по громадному винту всплывает в тихое голубое небо.

– Хорошо, – сказал Тахта, – хорошо!

И, взяв длинный наружный шест в руку, уселся на своё место возле трубы, где для удобства сидения была прибита дощечка.

Соборная площадь и начало улицы Большой Никольской. Слева – здание духовного училища, справа – дом Еманаковых, прототип дома Петровских в повести «Тахта».

Тишина утра ничем не нарушалась.

Свежесть и аромат близкого поля здесь, на крыше, ощущалась ещё больше. Ещё виднее была берёзовая, блистающая свежестью листвы, роща. Ещё глубоко в сердце западало нежное рыдание кукушки. Тахта «для порядка», механически помахивал своим шестиком, будучи совершенно уверен, что с огромной высоты, из которой реяли его голуби, они не только шеста не видели, а вряд ли различали даже его седую голову и бороду!

В полном душевном равновесии размышлял он над своей и окружающей жизнью, наблюдая со своей небольшой высоты за городом. Видел вдали богатые дома центра, окружённые зелеными, сейчас цветущими, садами... Он вспомнил, как к нему, бедному столяру-старичку, на днях обращался в своей собственной лавке за утешением богатый купец. Плакался спяну по поводу постоянного разпада с женой, неуважения его детьми и попутно признавался в любви к своей горничной Моте... Тахта знал много подобных случаев. До глубокой старости он внимательно прислушивался и присматривался ко всему, что ему было доступно, и находил, что кроме такого душевного мира – всё тлен и суета. Тахта любил мир, любил всё, что радует человека, и терпеть не мог склоки, ссоры, брани.

У него было широкое знакомство в городе, где он сбывал несложные произведения со своего верстака, где он получал заказы, где внимательно разыскивал и покупал подешевле и получал свой «струмент» и поделочный материал.

Лучше же всего он знал географию города по его крышам и трубам. Он точно знал, где должна подняться стайка голубей его приятеля Ивана Фёдоровича Нехороших, печника и штукатура. Вон за тем густым садом, вправо от вон той белой трубы сейчас вспорхнёт эта стайка. Вот несколько правей взлетают голуби дьячка Дюкова¹⁴. Он не видит самого дьячка, но чувствует, как этот командует своему сынишке скорей выбрасывать из вышки оставшихся в ней голубей, чтобы осадить стайку, так как к ней пристал чей-то посторонний, оторвавшийся от своих голубей.

Ох, и азартен же этот дьячок! Тахта вспоминает, как однажды у вечерни Дюков, бросив ирмосы¹⁵ на произвол подтягивающего ему гнусавого шубника Курмоярцева, убежал из церкви, увидев в церковное окно крутящуюся над

его домом пару красных голубей торговца Марденского¹⁶, а этот недавно поймал сразу трёх голубей дьячка. От отца Петра¹⁷ был здоровый нагоняй, но что этот нагоняй! Зато голуби Марденского были пойманы, и Марденский заплатил Дюкову по сорок копеек выкупа за штуку!

За восемь гривен можно продать ирмосы, когда за богатый молебен отец Пётр выделяет ему двадцать копеек!

Уступив такому доводу, настоятель простил дьячку беспорядок.

Что ж, дело домашнее! Плохо, что шубник перепутал гласы¹⁸, и так отчаянно, что миряне тотчас заметили отсутствие длиннополого «спортсмена», но, молчаливо покачивая в знак укоризны головами, также простили дьячка, догадываясь, что убежал он неспроста.

Поочередно Тахта переводил свои глаза с крыши на крышу, на мгновение останавливал их там, где обитают прославленные «крышелёты» – презренные, разбалованные пёстрые закормленные лентяи, как и их хозяева, по большей части сынишки городских торговцев и мещан. Этим он признаёт, поскольку они являются покупателями пойманных им голубей. Сбыт голубиный ему был нужен, разумеется.

Голуби давно уже скрылись в голубой лазури тихого неба, и Тахта почувал, что пора начать спуск. Он спросил проходившую по двору Финю, готов ли самовар, разумея под этим всю утреннюю трапезу и, получив утвердительный ответ, стал подвигаться к окну, чтобы выпустить сигнальных ветеранов и молодых «пискунов».

Хлопая крыльями, старики с молодняком составили свою стайку и, весело паря и кувыряясь, облетывали двор Аграфены Романовны. Тахта не препятствовал желающим садиться на крышу голубятни, кружиться около своих старых подруг и ворковать сколько им угодно. Не допускалось только одно: сесть на какую-либо другую крышу. Это был скандал. Старики не должны забывать, что с ними выпущены молодые, а эти должны воспитываться во всей строгости законов Тахтиной голубятни. Ещё опасней сесть на землю во дворе! Это был такой позор, которого не простит Тахта никогда, и, если это явление повторилось, – «курица» продавалась при первом же случае и по дешёвке.

Но вот пристальный взгляд уже различает в небе тёмные точки. Эти точки так же дружно и компактно делают повороты и постепенно увеличивающимся в радиусе винтом снимаются,

становятся различимыми поблёскивающими комочками.

На высоте сажен двухсот начинается чудесная игра их с кувырканием: кто через крылышко, кто через спинку, кто горизонтально вперёд, кто отвесно вниз. Однако, несмотря на эту забаву, стайка держит свою грудность до самого полного спуска.

Словно после большого и быстрого бега, взволнованные голуби усаживаются на конёк крыши, отпрянув головками назад и подавши вперёд грудки. Они не сразу успокаиваются от напряжения, приятно освежившего их полета.

Дав как следует отдохнуть своим питомцам, Тахта, сидящий теперь у окна, берёт шестик и сам, поднимаясь по набитым на крыше ступеням, загоняет всю свою стаю на место. Убедившись, что все птицы сбежали по сходням и вошли внутрь, Тахта кладёт на место шест и сам ныряет в окно вслед за голубями.

В левом углу стоит железная мера с отборной пшеницей, и старик из неё обильно посыпает зерно на широкие доски кормушки. Голуби, теснясь, быстро и жадно вбирают корм. Отцы и матери, наскоро напившись воды, зовут особым уканьем своих детёнышей и эти с писком, распутивши оперяющиеся крылья, бегут к своим родителям. Схвативши за клювик своего отца или мать, голубёнок получает из его зоба свою порцию корма.

Тахта не остаётся до окончания голубиного завтрака, он помнит, что его ждёт и, пожалуй, ворчит уже собственная его подруга, его старенькая Финя.

Свежий, сытный завтрак, состоящий из горячих лепёшек, обильно политых маслом и поджаренных с луком, как уважал Тахта, двух чашек кирпичного чая с топлёным молоком, быстро заканчивался. Тахта считал, что медленно есть и днём спать имеют право только богатые да больные, а он, Тахта, живёт трудами рук своих и, слава Богу, здоров.

VI

Между старыми друзьями, так хорошо знающими друг друга, как Тахта с Федосьей, разговор был всегда краток и прост. Кто много болтает – много врёт, в чём-нибудь провинился или сплетничает – так они считали. Оба они видели всё одинаково, чувствовали и понимали так же. Достаточно было движения, намёка, усмешки, двух-трёх слов и всё было ясно, всё было понятно.

– Спасибо. Всё, – сказал Тахта, опрокидывая вверх дном большую фаянсовую чашку, украшенную синими цветами и золотыми каймами на такое же блюдо, и встал.

Федосья уже знала, что он полезет «управляться» с голубями.

Тахта вновь в голубятне. Нужно прибрать корм, почистить гнёзда и закрыть дверцы голубиных домиков. А главное, повидаться ещё раз с голубкой Софочкой.

Всё сделал Тахта и теперь тихо сидел, нежно глядя по спинке присевшую у него на коленях голубку.

– Дедушка! Тах-тушка!

Тахта вздрогнул от неожиданности, быстро оглянулся и хотел зло крикнуть: «Кто? Зачем сюда?» Он не допускал никого в это обиталище.

Но такой наивный детский голосок произнёс эти слова, что Тахта не решился на грубость. Наоборот, выпустивши из рук голубку, которая мигом скрылась в своем гнезде, он, усмехнувшись, сказал:

– Ну... влезай!

Белокурый, лет семи, голубоглазый малыш стоял перед ним. Босой, в полинявшей, но чистой рубашке, в коротких штанишках – он своим видом тотчас убедил Тахту в том, что это «нашего поля ягодка».

– Чей, милой, и зачем пожаловал?

– Александры-прачки, – тихо сказал малыш.

– Ляксандру? Зналвал. Сын?

– Ага!

– А звать?

– Вася, – уже едва слышно, всё больше смущаясь, ответил тот.

– Тах-то! Значит Ляксандрин?

Старик хорошо знал и прачку Александру, и недавно умершего её мужа, отца Васи, хорошего пимоката Петра Семёновича Выжигина. Александра осталась с тремя маленьким детьми, и Вася был самый старший.

Тахта долго смотрел на Васю. А тот присел на корточки и, совершенно смущённый от пристальных глаз деда, потупясь, водил пальцем по сухой земле чердака.

– А зачем пришёл?

Смущению Васи не было предела. Не глядя на старика, он прошептал:

– За голубем... купить.

И, протянув правую ручку, он выронил серебряную монету.

– А! Купить? Значит, покупатель. Тах-та, тахта! А мать не будет ругаться?

– Не будет, дедушка.

– Ну, дело, давай начинай. Голубок – птица правильная. Только смотри, береги от кошек, корми в аккурате, поить не забывай, пока к дому приучишь. Денька три-четыре держи, не выпускай никуда.

– Ладно, дедушка!

Тахта поднялся, подошёл к обширному ящику с решетчатой дверцей.

Вася замер.

Тахта ловко взял из сгрудившихся в углу ящика голубей белого с красной шейкой и таким же хохолком голубка и передал Васе: «Голубь!»

У малыша тряслись ручонки и горели глаза. Пока он старательно и осторожно взял голубя обеими руками прижимал его к груди, Тахта подошёл к нему вновь: «Голубка!» И подал ему такого же беленького с красными крылышками и хвостом так же хохлатого голубя.

– Парочка будет.

Вася растерялся. Он хотел купить одного, да и не такого красивого. На второго у него совсем, совсем нет денег...

– Не... дедушка. Я... одного.

Тахта понял смущение.

– Ладно, держи, держи. Клади того за пазуху.

Дед сам расстегнул воротник рубашки Васи, сунул под неё голубку, взял у него из рук голубя и поместил его туда же. Осмотрел, хорошо ли держится пояс. Застегнул пуговицы воротника.

Мальчик стоял растерянный, очарованный и не решился отпустить руки, чтобы не придавить свою первую осуществлённую детскую мечту.

– Ты прижми, прижми их руками, не бойся, – продолжал Тахта, снимая с него соломенную шляпку с резинкой и наполняя её двумя большими пригоршнями пшеницы.

– Вот, пока у тебя нет корма. Держи!

Вася, подчиняясь решительным распоряжениям деда, взял шляпку с пшеницей, но никак не мог сообразить, что же делать дальше? Ведь у мамы денег нет, что он наделал?

Семья купца Кутырёва в Детлинском (Синицынском) бору. Бор был излюбленным местом катания и прогулок горожан наряду с Мещанской берёзовой рощей. Нач. XX в. Фотография. Фрагмент. ИКМ.

– Дедушка! Не надо! У меня нет денег, дедушка!.. У мамы...

– Нет денег! А это? – прервал его Тахта, поднимая двугривенный. – На, возьми – вот и будут у тебя деньги. Купи пряников себе.

Тахта зарыл монету в зерно.

– Ну! Всё, тах-та. Пойдём по домам. Я замешкался с тобой. Беги, да ребятшек стереги – отберут.

Нагруженный, держа во рту и одной рукой шляпу, опираясь локтем и другой рукой о ступеньки лестницы, мальчик осторожно спустился вниз.

За ним сошёл и Тахта.

Два ребенка: маленький как птенчик, и старый как время, стояли они друг перед другом.

Тахта по-детски переживал детскую радость, разве не был он таким же шесть десятков с лишним лет назад! Он прекрасно всё помнит, и бабки, и пятнашки, и прятки с застучкой, и неустанный, неугомонный детский бег. У ребят ходьба – почти редкость. Бегом, бегом скорей, скорей – рвутся они в жизнь, радуясь своему, не замечаемому ими здоровью и силам. Тахта, пожалуй, побежал бы с ним по задкам и огородам да... давно пора за работу. Ещё не заработал сегодняшней обед.

– Беги огородами! Ступай!

Малыш хотел что-то сказать, что-то сделать, но не знал, что сказать и что сделать.

– Дедушка...

– Ладно, ладно. Беги, а то Ляксандра потяла тебя.

Огородами, по бурьянам, по крапивам, не замечая привычных ожогов, бежал Вася. Грудь его захлёбывалась от радости и он... он не мог придумать, что бы сделать, или что бы крикнуть от теснящего его восторга. От бега голуби за его рубашкой беспокоились и он, приостанавливаясь, клал свою шляпу на землю и, поправляя их, произносил: «Ах вы, царпули такие!»

Ничего не замечал Вася: ни яркого утра, ни вспугнутых им птичек, ни бабочек, порхающих

над цветущим репейником и полынью. Он знал одно: драгоценность его с ним, надо пробраться домой, чтобы никто, никто его не увидел – так говорил дедушка.

Вот он дома, вот хата, вот мама.

– Мама, мама!

– Ты где был, пострел?

– Мама, да мама-же!

– Это что у тебя? – испугалась Александра.

– Откуда, где взял, говори!

Она стояла у корыта с засученными рукавами и выжимала бельё.

– Вот я живо сейчас мокрым полотенцем!

Говори, где взял?

– Мама... Тахта... дедушка...

– Неси сейчас же обратно, где взял!

– Дедушка дал... двух голубков, он и корму дал.

– Какой дедушка? Что ты мелешь?

– Ей-богу, мама, дедушка Тахта. Знаешь, голубей у него много, у тётушки Аграфены живёт... возле собора, – торопливо объяснил Вася.

Мать вспомнила, что Васютка давно пристаёт к ней купить для него голубя. Мальчик объяснил, что он по копейке и по две, которые давала ему мать, скопил целый двугривенный и пошёл к дедушке Тахте за этой покупкой. И подробно рассказал всё своей матери.

Александра присела на крашеную лавку, почему-то всхлипнула и почему-то две прозрачных крупных слезы тихо скатились по её щекам...

VII

В то же самое утро в доме многосемейного именованного местного купца первой гильдии, крупного оптовика и «новатора» в коммерческих делах Исидора Прохоровича Винокурова¹⁹, около одиннадцати часов заканчивался утренний чай. Завтрак, обставленный сегодня особенно полно, проходил оживлённо и весело по случаю приезда на летние каникулы старшего сына Ивана Исидоровича.

Базарная площадь в Ишиме с домами, слева направо: Бокарёва – прототип дома Винокуровых; Есевича – прототип дома Зарембо. 1911. Фотокопия Н.П.Хрулёва.

Иван Исидорович перешёл в 7-й класс гимназии.

Не блестяще, не торопясь, шёл Ваня Винокуров по ступеням мудрой науки и для лучшего «усвоения» уже дважды зимовал в классах при благосклонном и весьма сочувственном к этому отношению своих родителей: «Успеет ещё, куда торопиться, зачем торопиться, зачем томить себя?» О средствах и расходах не говорилось – слава Богу, хватает!

Избалованный средствами, изнеженный Ваня держал себя томным барчуком. Говорил медленно, слегка в нос и ко всем окружающим относился несколько презрительно, небрежно или иронически-насмешливо, используя для этой цели весь арсенал своей науки.

Младший брат его Павел не мог перешагнуть четвертого класса и отсюда был взят в «дело» – в мануфактурный магазин, где его дела по креп-де-шинам²⁰, фэй-де-шинам²¹, креп-жоржетам, шифонам²², английским, немецким и русским злоказовским сукнам, пошли гораздо лучше, чем по плюсквамперфектам, футурам²³ и прочим премудростям классики. Ивану было 18, а Павлу 17. Младшие братья: Николай, Сергей и Володя – благоговели перед старшими братьями и готовы были на любую услугу. Сёстры: Гликерия, Марионилла и младшая Любочка – наперебой были влюблены в старших мальчиков, и пели им: Ваня – «шоколадный», Паша – «мармеладный», как определялись их вкусы и привязанности к конфетам. Мальчики же считали черноту своих зубов, разрушающихся смолоту, особенным «шиком».

Завтрак окончен.

Оба в шёлковых чесучовых²⁴ рубашках, только Ваня в гимназической фуражке²⁵, Паша в белой дорогой панаме, – сбежали по крутой лестнице, пропуская две-три ступеньки, во двор, сопровождаемые шумом и смехом своих братишек и сестричек.

Всей гурьбой, как бы заново, осматривали они знакомый двор – казалось, обновившийся с приездом старшего брата.

Забегали в конюшни, где стояли выездные гнедые²⁶ и серые рысаки и любимец Паши – чалый²⁷, быстрый иноходец «Варвар», загляну-

ли в каретник, где блестели прекрасные фазтоны²⁸, линейки²⁹ и дремали уютные купеческие повозки, закрытые плотно кожаными фартуками. Осмотрели птичники, погреба, сад огород, посаженный для их, ребят, удовольствий. Везде побывали они, наперебой сообщая Ване все новости, происходящие за его отсутствие: Девочки отстали от братьев только тогда, когда эти быстро стали взбираться по лестнице на голубятню Павел, не слишком увлекаясь, всё же поддался голубиному спорту и скупал по дорожной цене выдающихся голубей у городских голубятников. Разрозненные, закормленные голуби быстро теряли свои качества и становились ленивыми «крышелётами».

Братья вошли в обширную голубятню, и Паша, ловя по очереди голубей и голубок, показывал их Ване, сообщал их качества, имена их бывших хозяев и цену. Здесь был богатый сброд когда-то отличных голубей.

– Вот красавчик! Смотри, какая шея! Как шаль малиновая одета! А чуб! Смотри, какой пышный! А у этих – какие громадные космы на лапках! Это я купил у Каменского, он привёз этих голубей из Иркутска. Таких ни у кого нет в городе.

– А лётных имеешь? – спросил Ваня.

– Ну, конечно. Только некогда с ними возиться. Штук двадцать летают хорошо.

– Bien!³⁰ Попробуем. Кто близко держит голубей?

– Да всё те же: Нехороших, Марденский, Дюков, Каменский, Белан, Пазерский³¹, да кругом голуби. Посмотри-ка, что будет вечером!

– А Тахта? Жив ещё?

– О, да – чёрт старый! Как будто заколдовал свою стаю. Продаёт хороших, и недорого, а удержат невозможно. Как только выпустишь, так и исчез голубь, хоть год держи. По пять раз дают ему выкуп. Остаётся только головки свернуть. Так и делают ребята. Недавно Дюков выкупил шестой раз купленную у старого чёрта пару жёлтых и со зла одной разбил о забор, а другому оторвал голову.

– Молодец Тахта! Здорово он вас муштрует!

В это время в открытую дверцу голубятни всунулась боком огромная соломенная шляпа

с ободранными по краям полями, а потом показало длинное веснушчатое лицо парня лет двадцати.

— А-а! Чуточка! Влезай! Влезай!

С трудом, согнувшись в три погребели, сопя длинным носом, влез на чердак сын купеческого сына Алёшка Марденский, — саженного роста, непропорционально тонкий, по прозвищу «Чуточка» — в контраст за свой колоссальный рост. Он был одет в пёструю длинную рубаху и короткие брюки, ели прикрывающие его колени. Обувь летом он не признавал, и поэтому его ноги по цвету не уступали сапогам.

Школа ему не поддавалась, и он после мучительных для себя трёх классов, в которых пробыл шесть лет, покинул её навсегда. Отец всё ждал, когда же, наконец, Алёшке надоест гонять голубей и он наберётся ума и возьмётся за дело. Но Алёшке стукнуло двадцать, а он и не помышлял о «деле», считая, что гонять голубей, ловить чужих, выкупать своих — это и есть самая чудесная жизнь. Мамаша ни пирогов, ни блинов не жалела и не считала, и парень никогда и не думал о том, что кто-то где-то хлеб добывает, и как-то попали на стол в бесконечном изобилии жирность и сладости во всевозможной вкусной снеди. Какое ему дело? Он считал, что это так было, быть должно и будет.

Словом, у него были длинные ноги, громадный аппетит и пустая голова в соломенной шляпе.

В разговоре он присосюкивал.

— А! Ваня! Здравой, здравой! Приехал? Я сисясь прогнал двух, дрянн, ну их к монаху. Нехаросий поймал. Ну я ему рызему сёлту тозе отомсю.

— Это принципиально, — протянул Ваня, — не поддавайся, Чуточка!

— Нехаросий — селуха, вот Тахту не возьмёс.

— Да, Тахта — это заноза у всех, — сказал Паша. И все вы, заядлые голубятники, ни дьявола против него не стоите!

— А, ты? Тозе? — с азартом спросил Чуточка.

— Ну... я? Разве я голубятник? Так, для удовольствия, когда нечего делать. Если сегодня всех кошки съедят — не жаль. Так это, больше для Серёжи да для Володьки держу: мне некогда забавляться, и то — папа ругается. Давай, покупай, Чуточка, всех! Недорого возьму.

— Сколько?

— Нет, погоди, Павлик! У меня идея! Давай устроим бенефис³² Тахте.

— Сто Тахте?

— Бенефис.

— Это сто?

— А вот что, Чуточка. Беги сейчас к Нехарошему, Дюкову, Белану и к другим, у кого добрые голуби, и зови их сюда, к нам — мы здесь и решим, как получше устроить этот бенефис.

Через полчаса у Винокурова в голубятне был составлен заговор против старого Тахты.

Долго раздумывал и не решался Иван Фёдорович Нехороших. Тахта — его приятель. И выручал не раз. Даже деньжонок перехватывал у него, когда была нужда. Ах, как не славно! Но, опять, Винокуровы — тоже нехорошо. Вот грех! Как же быть?

Но азарт, увлечение остальных затеей сбilo Ивана Фёдоровича с толку, и он присоединился к коалиции.

— Командиром будет Чуточка. Подчиняться только ему, — завершил Иван Исидорович свою «идею».

Голубятники торопливо разошлись, чтобы оповестить соседей и приятелей и самим под-

готовиться к осуществлению затеи Ивана Винокурова.

VIII

В двенадцать часов было назначено катание.

Сюда к Винокуровым должны прибыть по приглашению Павла Исидоровича следующие молодые люди.

Первый — Герман Шенрок, студент юридического факультета Дерптского университета, поклонник немецкой буршей³³ с их корпорациями, всегда затянутый до отказа в талии, выпячивающий свою тусклую грудь, от чего не в состоянии был плавно говорить, а произносил слова отрывисто, как бы задыхаясь. К месту и не к месту он одевался в студенческий мундир и в пеших своих прогулках брал шпагу и треуголку, пугая этим до смерти местных стражников, воображавших, что перед ними вдруг явился сам Его Превосходительство Господин Губернатор.

Герман всегда был припудрен, находя, что это придает его лицу интересную бледность, как результат утомительной умственной работы. Между тем его основная «работа» состояла в кривлянии перед зеркалом, в туалете, в изучении движений и гримас его кругленького курносого лица.

Он смолоду был очень близорук, но, упаси Господи, чтобы он надел очки! Пенсне, в золотой оправе пенсне — всеми силами своей пружины старалось удержаться на его коротеньком с углубленным переносьем носу. Он находил, что этот прибор прекрасно удлиняет и выпрямляет его нос, и если последний делается не вполне орлиным, то, по крайней мере, полуорлиным.

Весь свой досуг, — а досуг у него был сплошной, за исключением торчания и кривляния перед зеркалом, — Герман лежал туго одетый на кушетке, и на случай посещения его кем-либо имел на столике открытый французский роман, чтобы тотчас, сделавши умное лицо, взять его в руки и углубиться до того, чтобы не сразу заметить гости.

Бывали такие комики.

Пустой, надутый, фальшивый, какой-нибудь этаким будущий минимум вице-губернатор или типичный бюрократ-чиновник губернской палаты или председатель губернского суда — вот это Герман Шенрок. Но это дело дальнейшего. Сейчас он молодой пижон, приятель Ивана Исидоровича, два года назад окончивший ту же гимназию, приглашённый на общую прогулку.

Вторая — Леночка Анисимова, только что окончившая гимназию дочь владельца местной типографии Ивана Васильевича Анисимова³⁴. Елена Ивановна, как её теперь уже стали звать представители из купеческой молодежи, чья близко прекрасную невесту и с состоянием этак тысячонку на пятьдесят или побольше — была действительно красавица.

Её дед по матери Василий Константинович Булатов, богатый подрядчик, женился, вопреки всяким судам и пересудам, на бессарабской цыганке, взяв её прямо из бродячего табора.

Они, таборы, беспрерывно в летний период посещали местность, о которой идёт речь, занимаясь: мужины — меной, куллей и продажей коней, а зачастую и кражей их; женщины — ворожкой, подачками, а иногда и тоже мелкими кражами. Словом, население стереглось цыган, но обижало их только в случае поимки на месте преступлений.

Вот на такой представительнице «бессарабского племени» и женился Василий Константинович Булатов.

Простой в жизни и требованиях, он полюбил её, как может любить сильный, независимый и здоровый человек, до конца презирая всякие осуждения. Не такой оказалась Анна. Чуткая, честнейшая женщина скоро поняла противоречие собственного своего положения, отчужденности мужа со стороны знакомых, насмешки и колкости не только посторонних женщин и родни, но даже прислуги и просто, что называется, базара. И, подаривши своему Васе дочку, однажды, вот такой же прекрасной весной, исчезла в безвестности, вероятно, пристав к какому-нибудь проходящему табору.

Василий Константинович крепко горевал, однако глубоко почувствовал поступок Анны. Он не видел здесь измены, он так хорошо успел изучить эту простую душу. Он понял, что это сделано для него и для ребёнка, и не искал её. Но если бы она когда-нибудь вернулась – он так же бы отнёсся к ней. Больше он не женился и всю свою привязанность перенёс на ребёнка.

Девочка выросла, воспиталась, выучилась и вышла замуж за Ивана Васильевича Анисимова. Замужество по любви всегда даёт сильное, здоровое и красивое потомство. Это надо считать истиной непреложной и нерушимой. К сожалению, человечество, существуя миллионы лет, делает в этом отношении десятки миллионов ошибок.

Леночка Анисимова, внучка цыганки Анны, зная историю бабушки, не только не смущалась своим материнским происхождением, а, наоборот, была горда этим. Да и было чем гордиться! Всю роскошь юга передала ей мать.

Естественно изящная, тонкая, гибкая, стройная до предела, смуглая, с большими тёмными глазами в классически разрезанных веках с чёрно-синими ресницами – она приковывала одними глазами любой взгляд, как какая-то таинственная глубина. Чёрно-синие же густые длинные волосы естественными локонами обрамляли открытое лицо и шею. Лицо отличалось поразительной правильностью, только углы тонких пунцовых губ слегка были приспущены, придавая её выражению какую-то лёгкую презрительность, в то время, когда она была добрейшей души чуткая девушка без малейшего намёка на ломаность, жеманство, кокетливость или чопорность. Она прекрасно педа и в пении была проста и очаровательна.

Собственно, для нашей повести она большого значения не имеет, но так не хочется обойти этот чудесный образ. Ведь, идя по пути к какой-нибудь намеченной цели, мы не осуждаем себя за то, что полюбовались прекрасным видом или картиной, не так ли? Наша повесть о Тахте. К нему, нашему старику, мы придём, и, быть может, эти портреты нам пригодятся.

Третьей приглашённой на прогулку гостьей была Бина Зарембо – девушка из польской семьи. Её дед Казимир Зарембо был в числе других поляков сослан сюда за восстание 1863 года и, как очень многие на безграничном обилии Западно-Сибирской ссылки, пустил здесь глубокие коммерческие корни. Его сын Виктор Казимирович имел теперь в городе самый красивый по архитектуре большой каменный дом, нижний этаж которого и занимал он со своей большой семьёй¹⁵.

Наследник повстанца реже и реже вспоминал песню отца: «Еще Польша не сгинела, пуки

мы жиемы», – и патриотический восторг растворялся в упоительной азартной наживе на богатых ярмарках, где он скупал огромное количество масла, сала, кож, пушнины и прочей благодати этих мест и вёл дела непосредственно с заграничными фирмами и скупщиками.

Его можно охарактеризовать одним штрихом. Когда его спрашивали: «Кто вчера был в клубе?» – он отвечал: «Из породошных – я, да Винокуров».

Так же свысока, презрительно ко всему, что было беднее и не «тонко», относилась и Альбина Викторовна, считая, что только их семья, ну да ещё две-три имеют право на жизнь, остальные все – рвань и гадость, пигмеи и глупцы. Внешность её была хороша, но совершенно в другом стиле, чем Леночки Анисимовой.

Вы, читатель, меня извините, что я вас познакомлю и с этим экземпляром. Ведь она, в сущности, не виновата в том, что её воспитали гордой душой.

По сути, это была девушка интересная, в своём кругу весёлая, остроумная насмешливая кокетка. Выше среднего роста, прекрасно сложенная, всегда со вкусом одетая. Она особенно гордилась своими маленькими ножками и ручками, которые лобзали ей в клубе старые волокиты, особенно под дурманом нескольких рюмок доброго «Депре». От коньяка и она не отказывалась, причём после него в её тёмно-серых глазах сверкали огоньки, предвещавшие недобрую судьбу этой девушки. Но об этом пусть скажет сама жизнь. Сейчас она – девушка, гостья Винокуровых, приглашённая на прогулку.

Вопреки естественной простоте и изящности Леночки – Бина в совершенстве владела искусством кокетства, жеманства, напыщенности, чопорности. Всё бедное, с её точки зрения, не изящное, считала излишним, не нужным, не имеющим права на существование. «Из породошных – я... да Винокуров», – так и она бы сказала о тех, кто вчера был в клубе.

Имела ли она сама право на существование? О, между тем ещё какое!

Два года назад она окончила Маринскую закрытую гимназию – тип института для благородных девиц в губернском городе¹⁶ – и теперь жила в семье отца в качестве старшей наставницы младших сестёр и братьев, кстати сказать, «породошных» оболтусов.

IX

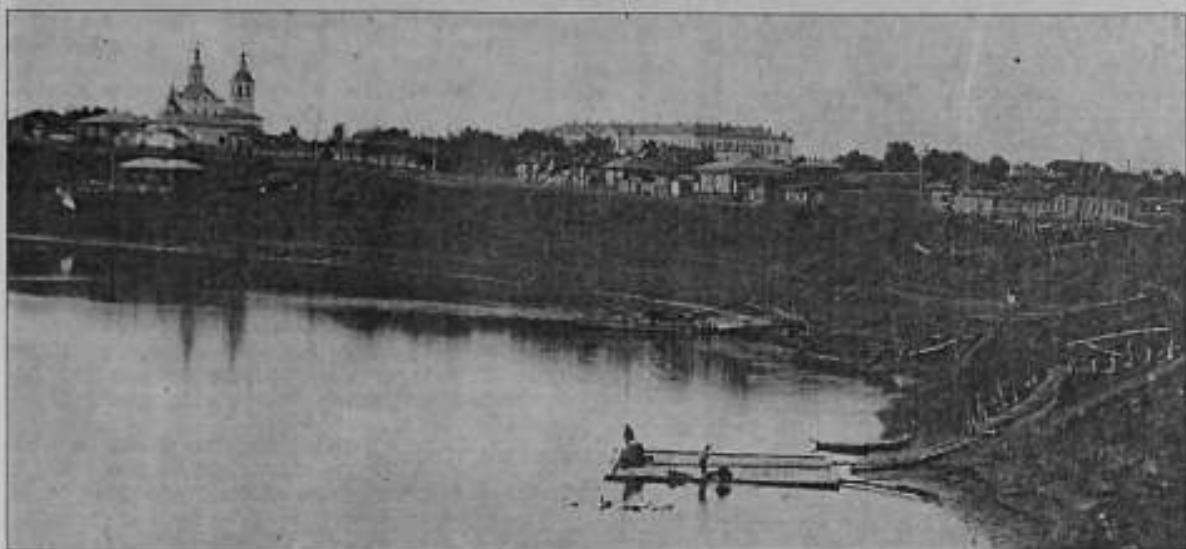
Прогулка намечалась смешанная: семья Винокуровых, кроме Павла, должна была поехать в экипаже. Павел – верхом на иноходце Варваре, приглашённая молодежь – таюке верхом.

Герман Шенрок, как и было условлено, заехал за барышнями, и сейчас группа всадников въезжала в обширный винокуровский двор, чтобы отсюда сделать выезд.

Леночка – в тёмно-вишневой амазонке¹⁷, такого же цвета шляпке, украшенной чёрным страусовым пером и черной вуалью, поднятой на лоб, – была особенно эффектна на своём карем рысаке Алмазе.

Бина – в светло-серой амазонке, белой изящной шляпке с голубым газом вокруг шеи и белой вуалью, опущенной до половины лица, – на высокой кауруй¹⁸ кобылице Звездочке соперничала с Леночкой.

Позади барышен въехал Герман. В белоснежном кителе, в белых лайковых перчатках, в туго натянутых синих брюках со штрипками,

Река Ишим и улица Береговая. Слева виден Богоявленский собор.
1910-е. Фотография Сусловой. ИКМ.

лаковых ботинках и... шпорах. Золотое пенсне старательно выпрямляло его нос, жокейская капи и изящный стэк³⁹ завершали убранство. Под ним был невысокий вороной⁴⁰ конь Нуар⁴¹, засёдланный в английское седло. Иноходец Паши давно был оседлан в казачье седло и спокойно ждал под навесом выхода хозяина.

Девочки из окна второго этажа увидели гостей и тотчас подняли гам по немедленным сборам и скомандовали кучеру Эдварду подавать лошадей. Ко крыльцу была подана рессорная линейка, так как целью поездки были цветы, а с ней легко сходить даже на небольшом ходу. Линейка была запряжена парой серых рысаков.

Все были уже во дворе, кроме Ивана Исидоровича. Этот задержался немножко, играя выдержкой, хотя ему очень, очень хотелось скорей видеть Леночку, да и всех других. Но... лопни, а держи фасон!

– Ваня! Да где ты там? Скорее! – кричали девочки.

Особенно волновалась Любочка.

– Уж не раздумал ли он ехать?

– Ваня! Голубчик, иди скорее, тебя только ждём!

Старшие сёстры и братья здоровались в это время с гостями.

Амазонки, конечно, не сходили с сёдел. Посадка такой наездницы – целая процедура: надо расшпилиться, потом вновь собирать складки трэнов, подводить коней к скамейкам, чтобы сойти и сесть и так далее.

Герман насколько мог ловко соскочил с коня и, выпячивая грудь и щёлкая шпорами, здоровался с молодыми хозяевами, прикладывая каждый раз руку к козырьку. Коня его держал дворник Пётр, думавший в это время: «Сколь бы мы с тобой нонче спыхали, Воронко! Вишь какой ты круглой».

Паша уже сидел на своём иноходце; когда медленно спустился по лестнице Иван Исидорович. Девочки подняли радостный крик, увидев, что Ваня не раздумал, и теперь гадали, куда он сядет, чтобы быть с ним близко. Вследствие этого на линейке происходила забавная толкотня.

Так же не спеша Ваня подходил к наездникам и здоровался с ними.

– Леночка, здравствуйте! Какая вы... – он от души хотел сказать «красивая», но сказал почему-то «бледная», сам понимая нелепость сказанного, ибо бледности не было и в помине. Наоборот, через смуглость её щёк сиял здоровый девичий румянец.

Леночка не употребляла никакой косметики, понимая всю её никчёмность по отношению к себе.

– Биночка, здравствуйте! Как я давно вас не видел!

Опять нелепость, ибо вчера ещё вечером, тотчас по приезде его, Бина заходила со своей мамой навестить Доминику Платоновну, мать Ивана, и поздравила его с переходом в 7-й класс и благополучным приездом.

Бина держала себя по отношению к нему несколько покровительственно, считая его ещё мальчиком, что Ваня неприятно ощущал.

– Ну, кажется не так давно! У вас, молодой человек, плохая память, – сказала она, подавая руку, затянутую в толстую лайковую перчатку. Из неловкости вывел Герман, разговаривавший в это время с Пашей.

– Ah, mon cher Jean, – сказал он, – etes-vous deja ici?⁴²

– Не знаю, ici⁴³ или не ici, но только я налицо перед тобой, мой друг Гораций! А по логике, какого бы мудреца она ни была, не явившись сюда, вряд ли бы я был здесь!

Герман слегка смутился своим нелепым вопросом, зато Иван попал в свой тон и уже не сходил с него.

Сидевшие слева сестрёнки надули губки, зато сидевшие справа прыгали на местах, радуясь тому, что Ваня – милый, золотой, красивый, любимый и т.д. Ваня – сел на правую сторону линейки. Эдвард тронул лошадей, и линейка мягко покатилась по дороге.

Две пары наездников двинулись следом, выровнявши тотчас за воротами всех четырёх коней голова в голову.

День блистал всей прелестью весны.

В таких городах, как тот, о котором идёт речь, времена года вырисовываются особенно красочно. Большой город не так чувствует их. Какая там, например, зима, когда весь снег тотчас убирается с улиц и неизвестно куда исче-

**Ишимские девушки. 1914.
Фотография П.И.Жилина. ИКМ.**

зает. Взгляните сюда зимой! Сугробы снега чуть ли не в уровень с крышами. Домики и домишки окутаны этим саваном и отчасти трусливо, отчасти хитро выглядывают своими оледенелыми оконцами на улицу: «Ага, дескать, ещё кто кого обманет?» Застоявшиеся коровы и овцы, шершавые и неряшливые, покачиваясь, бредут на водопой по дороге, оставляя следы за собой, которые никто никогда не убирает, а уносит весенняя вода и ливневые дожди.

Придёт дружная весна, сгонит глубокие снега, зальёт все низинки, образует великолепные лужи. А они – и бескрайнее удовольствие ребятишек, и – естественные близкие водоемы для хозяек, полошущих в них половики, мешки, одеяла (а если лень идти на реку – так и бельё), замачивающих в них кадки, бочки и кадушки, и – прекрасный выпас гусят и утят.

Домики и домишки, избёнки и хатки, обнажённые теперь от сугробов, смеются: «А ведь и вправду обманули зиму!»

Распахиваются ворота, изгоняется из дворов обильнейшая навозная жижа, в которой тонет нога без малого по колено. Примитивные канавки, естественные уклоны вытягивают эту влагу со дворов, стойл, хлевов, и просохшие в несколько дней дворы подметаются дочиста от зимних накоплений. И дворы, и улицы, естественно удобренные, покрываются прекрасной травой, лужайками, на которых опять же Катюши, Мани, Петюньки, Васютки пасут гусенят, сами в это время играя в липки или лунки.

В это же время распахиваются и створки летних рам. Ветерок играет занавесками и занавесочками, смело выглядывают теперь с по-

доконников бесконечно богатые цветами пестрые герани.

Как их любят русские хозяйки и как мила сердцу их, гераней русских, пестрота! Благодарные за сохранение зимой, они изо всех сил теперь цветут, украшая оконцы даже самых бедных хат. Она, герань, неприхотлива и обильна, как русский человек.

На других окнах повыше и пошире цветут нежные олеандры, низенькие разноцветные цинерарии, кактусы, лобелии и прочая милая пестрота.

Запахи этих цветов тонут в запахах жилья. Оттуда, изнутри, от широких русских печей – этих благодетельниц в зимние стужи – тянет теперь парным теплом, запахом печёного хлеба и жирных щей, перекипающих до красна в загнетях⁴⁴.

Всё вбирает в себя прекрасный воздух улицы, а солнце тотчас извлекает из дыма хат и запахов русских печей драгоценный материал на постройку нежных зелёных листочков деревьев и стебельков мягкой травы.

Барбосы, Сокулки, Фингалы, Каквасы, Жучки, Мушки, Лапки спокойно дремлют по подворотням, на траве и даже, демонстративно, на самой дороге, лениво уступая её редким проезжим. Собак никто и не думает привязывать на цепи во дворах. «Они лают, но не кусают. К чему мучить животинку, когда они безвредны», – так рассуждают хозяева. Не любят собаки только: быструю езду – она их волнует, стражников – они ходят с «сеledхой»; почтальонов – они ходят с сумкой и обязательно с палкой. А ребятишки, телята, свиньи, куры, гуси и жулики – эти все проходят спокойно. Разве хозяин прикажет – ну тогда уж потрудятся псы, будьте спокойны. Вся собачья улица подымается и гудит таким концертом, что больно ушам, да и страшновато. Все эти спокойные Барбосы, Цемберы, Каквасы заворачивают кренделем хвосты, щетинят шерсть, делают страшные глаза и галдят под аккомпанемент Жучек, Лапок, Мушек так, что за тричетыре версты слышен этот тревожный гомон, движущийся по улице от одной псиной стаи к другой, с передачей. Серьёзно: собаки знают свои границы и, проводивши врага до конца своего квартала, возвращаются в себя, будучи уверены, что дальше сделают своё дело другие косматые приятели. Задерживаться же в чужом квартале опасно, ибо гнев его собачьих обитателей может обрушиться, вместо прохожего или проезжего, на нарушивших границы ворчунов и пустолаев.

Вот такими уличками и катилась молодая кавалькада за город в чудесную берёзовую рощу. Возле городов ещё хранятся такие рощи и, если хозяева городов берегут их десятками и даже сотнями лет, они обращаются в естественные прекрасные парки, правда, без аллей, но с излюбленными дорожками, полянами и массой цветов.

Такие рощи очень чисты, ибо все, даже самые мелкие, сучки и хворост от падающих со временем сухих веток тщательно подбирают городская беднота, проходящие обозы, таборы и городские жители, выезжающие сюда по воскресным дням попить чайку на «вольном воздухе», а то и кутнуть где-нибудь возле речки на лужайке.

Роща, о которой идёт рассказ, была расположена между рекой, на которой стоял город, и её притоком – маленькой речкой, местами перекрывающей в ручеек, местами разливающейся

Состоятельная ишимская молодёжь. Нач. XX в. Фотография. ИКМ.

в широкое кочковатое болото, богатое утиными выводками, бекасами и дупелями¹⁵.

Почти сразу за городом, проехавши с полверсты по тракту, Эдвард свернул вправо, и линейка покатила по просёлку, поросшему между колеями травой, уже высокой, но совсем ещё свежей и сочной. Трава шелестела о колеса линейки, слоняя с них пыль, набравшуюся в городе. Не скорой рысью, теперь определившимися парами: Паша с Леночкой, за ними Герман с Биной, — следовали верховые за линейкой.

Солнце благодатно освещало прогулку, и от движения и езды настроение у каждого поднималось по-своему. Чудесный, прозрачный, чистейший воздух вливался в грудь так легко и возбуждающе. Молодость, сила и энергия приливали до краёв, и хотелось чем-нибудь выразить приподнятое настроение. Близость девушек, таких прекрасных, действовала на молодых людей, и каждому из них хотелось нравиться, и не только этим девушкам, а всем девушкам на свете!

Роща уже приблизилась. Что и как скажешь про белоствольную подругу российского колорита! Широкие, спокойные, некоторые плакучие, — они сияли сейчас молодыми, облитыми блестящим соком листьями, распутивши свои бурные серьги-черячки — зтот скромный цвет благочестивой обитательницы наших лесов.

Каким-то особым уютом всегда обдаёт берёза, хочется смотреть на неё, скромную, тихую, приветливую, как на добрую ласковую сестру, одетую в не снимаемый мягкий траур. Редко растущие широкие и могучие берёзы красовались своими густыми кронами. И тихо, и спокойно было в роще. Совсем где-то недалеко высивистывали жёлтые невидимые иволги свою простенькую переливистую руладу, однообразную, но никогда ни надоедающую, благодаря особенно приятному для уха мягкому звуку, который по тембру в точности не извлечёшь ни из одного инструмента. Кукушки теперь коротко повторяли свои рыдания, которыми они упились на утренней заре.

X

— Ваня! Ванечка! Почему так берёзки кружатся? Смотри-ка: которые подальше — бегут низко, которые ещё подальше — вперёд, а эти тоже назад? — теребя за рукав брата, лепетала Любочка.

— Перспектива и наше движение, — неумело объяснил Ваня.

— Пер-спек-тива? А? Ну, ты знаешь и хорошо. А я думала, это хоровод. Ну, я ещё глупенькая, правда?

Лошади пошли шагом. В этом месте было особенно хорошо. Дорога шла бугорком через поляну и почему-то широко врезалась в мягкую почву, так, что походила на миниатюрную железнодорожную выемку, склоны которой были усеяны незабудками. Мальчики сейчас же соскочили с линейки, а когда выемка окончилась и открылось ровное поле, сплошь усеянное цветами, сошли и девочки. Здесь, на лёгком ветерке, Эдвард остановил пару.

— Ну! Давай, кто больше! — кричал Серёжа Володьке.

— Давай! — отвечал малыш, хватая горстями цветы вместе с травой.

Девочки Гликерия и Марионилла тщательно выбирали цветы и, набравши достаточно, тут же уселись плести венки из свежих незабудок.

— Как хорошо пахнет! И отчего они называются не-за-буд-ки! Посмотри, Неля: вот веночек, а вот там небо, а цвет такой же!

— Милые незабудочки, вы не незабудочки, а милые небесные, — говорила Лика.

— Только жалко, что всё так скоро проходит, и до города наши венки увянут.

— Ничего, в воде ойдут.

— В воде, говоришь? А лучше бы их не трогать. Ведь они тоже радуются и солнышку, и небу и живут так тихо и мало.

— Да, но зато они берут самое чудесное время — весну. И этой, и будущей и ещё новой весной они будут цвести, будут цвести десятки и сотни вёсен. Нас с тобой давно не будет, а они будут цвести и радоваться солнцу и небу,

радовать людей и всех, кто чувствует их запах и любит голубой их цвет. Нет, уж пусть эти будут наши цветы, а следующие достанутся тем, которые будут после нас. Я хочу, чтобы этот аромат и свежесть были в моей комнате хотя бы один день. Да, кроме того, их так много, что вот и у ребятяшек полные руки, и у нас много, а взгляды на полянку! Нисколько не убавилось. А завтра будет ещё больше.

— Да нет, я так это сказала, не подумала. Мне показалось только, что незабудочка только расцвела, а я её сорвала. Вот и жалко. Ведь каждая из них живет, правда? И почему-то каждую по отдельности жалко, а всех — нет...

Так, воркуя, девочки продолжали плести венки. Ляночка подносила им всё новые и новые букеты.

Ваня, сойдя с линейки, сорвал несколько незабудок и отдельно ландышей. Подошёл к Ляночке и подал незабудки, улыбаясь:

— Со значением!

— Благодарю вас, милый Ваня, — так же улыбувшись, сказала она, принимая цветы.

«Милый», — кольнуло его, — «как с котенком, а всё-таки «милый». Чёрт его знает, почему я отстал на два года, ведь я бы теперь тоже окончил гимназию!» И первый раз он пожалел о своём двухлетнем вторгородничестве и вчерашнее поздравление с переходом в 7-й класс готов был принять за оскорбление.

«Чёрт знает: «семиклассник», даже не восьмиклассник, а все *Irse*⁴⁶ проклятый со своими цезарями да овидиями», — обрушился он мысленно на латиниста. — «Ну, математик, положим, не виноват, но тоже мог бы пропустить. Черти проклятые — они даже не понимают, какое тут серьёзное дело. Не учились они сами, что ли? Не были молоды? Нет, дьявол, давай им, хоть тресни, учи, решай, думай, думай! Они думают, так легко думать? Черти!» Еле успокоился он, но всё же направился к продаль стоящим Бине и Герману. Вручая ландыши Бине, сказал:

— Ваш кавалер, по-моему, не внимателен. Среди цветов и без цветов его дама, а он и в ус не дует! Гораций! Ты, я вижу, зафилософствовался.

— Виноват! — засуетился Герман и тотчас соскочил с лошади.

— Сию минуту наберу вам много-много, — продолжал он, привязывая Нуара к берёзе.

— Нет, Герман! Во-первых, вы опоздали, а во-вторых, как я их повежу. Разве милый Ванечка возьмёт на себя этот труд?

Опять «Ванечка» и опять «милый»! И эта туда же. Свинья!

Но... тон!

— *Avec plaisir, mademoiselle Binal*⁴⁷ — подчеркнул он, нарочито сказав этот шаблон по-французски.

Положение делало его мальчиком среди взрослых, и это его бесило до крайности. «Но, чёрт возьми, Пашка моложе годом, а как успешно ухаживает за Ляночкой. А что он знает: склад, кассу, выбор сукон, трико, бархата, шёлка. И разговор, вероятно, дальше не идет. Положи, девочке что и требуется? А интересно, правда, о чем они говорят?»

Медленно, как бы занятой сбором цветов, он приблизился к брату, сидящему теперь как в дамском седле — зацепившись правой ногой за переднюю луку казачьего седла, — и к Ляночке, которая, опустив поводья, заплетала венок на берёзе, низко склонившей свои пышные ветви. Не глядя на Павла, она говорила:

— Иначе вы отстанете. Провинция засосёт вас совершенно. Ум у вас богатый, практический, не беда, что не далась гимназия. Выписывайте себе газеты, журналы, книги. Составляйте библиотеку, да не для того, чтобы она полку украшала, а читайте, читайте. Досуга у вас хватит. Выпишите русских поэтов, классиков, критиков. Вы, наверное, многое не читали. Ну, наугад! Читали «Анну Каренину» Льва Толстого?

— Нет!

— Стыдно!

— Ну, а кто написал «Горе от ума»?

— Кажется... Некрасов! — заранее смеясь, без особого смущения, отвечал Павел.

— Здурово! Вот что, Павел Исидорович! С осени я уеду в Петербург. Папа определяет меня на курсы Бестужева. Если к будущим незабудкам вы будете такой же профан — прощайте навсегда!

— Вы знаете меня немножко, Ляночка, правда? Так вот, к будущим незабудкам у меня будут и книги, и журналы. Я прочту и поэтов, и классиков. Клянусь вам этим венком, который вы заплели на берёзе. Его никто не тронет. А на будущий год здесь же около него — извольте меня прозакраменовать. Идёт?

— Идёт!

Ляночка окончила венок и затем запела прекрасным грудным сопрано: «Во поле берёзонька стояла». Шутя спев эту песенку по поводу своего венка, она через паузу запела хабанеру из «Кармен» Бизе. Так звучал её голос, так разлилась среди редких берёз её песня, что даже Эдвард, слезший с козел и оправлявший коней, пробурчал: «Вот эта поет. Да! Можно сказать! Должно, цыганская кровь заговорила на воле!» Да, замолчали все, пока пела Ляночка. И голос её так уповательно звучал в тишине берёз.

— Как люблю я тебя! — думал Павел.

— Как люблю я тебя! — думал Иван.

Словно зачарованные, словно чем-то подавленные, оба они не нашли слов, чтобы выразить свою благодарность и восторг певице.

Только Герман крикнул:

— *Charmant, mon petit oissillon!*⁴⁸

— Почему маленькая и почему птичка? — скрипя губки, спросила его Бина. — Как вы всё-таки... как бы вам сказать...

— Глуп?

— Ну, да... недалёк, что ли, простите за откровенность. Говорите о мудреных вещах: у вас и Кант, и Конт, и Шопенгауэр, и Ницше со своим Заратустрой и всё у вас, простите, набрано для коллекции, для блеска, для дешёвки... И ваша эта похвала по-французски. Как это банально и как надоело, надоело...

Альбина была полна злости и зависти. Всё сплелось в её собственной фальшивой наигранной душе. Ей было больно от простоты и естественности Ляночки и досадно от не столь уж глупого комплимента Германа.

Но в этом возрасте всё быстро проходит. Молодость и солнце, весна и цветы сгладили постепенно эту маленькую шероховатость, и простые события пошли чередом.

XI

— Пора! До-мой! К обе-ду! — закричали Лика и Марионилла. — Эдва-рд! Лошаде-ей!

Не торопясь засобирались. Через пять минут группа — теперь с корзинами и букетами цветов, а девочки в голубых венках со снятыми с голов шляпками, — возвращалась в город.

— Ваня! Пусть Эдвард провезёт нас по городу, а не сразу домой, — попросила старшая се-

стра брата, считая, что он хозяин прогулки и от его повеления зависит всякая мелочь.

— Идёт, с удовольствием! Эдвард, проедешь по Малой, потом по Никольской и тогда домой.

— Слушаюсь, — чуть обернувшись, сказал кучер.

В том же, как и выезжали, порядке въехали в город. Двигались крупной рысью. Иноходец Паши и Алмаз Леночки ничуть не увеличивали дистанцию между экипажем и красиво шли голова в голову. Каурая Звёздочка Бины шла так же прекрасно, но ей тормозил Нуар. Жирный, толстый Нуар был уже в пене и сбویل, переходя в карьер. Герман волновался, шпорил, дёргал поводья и этим ещё больше нервил коня.

От собора по Никольской довольно продолжительный и равномерный спуск — любимое место для пробы быстроты бега. При повороте на эту улицу Ваня сказал тихо Эдварду:

— Дай полный!

Пара пошла всё быстрее и быстрее. Дорога была гладкая, но пыльная. К середине улицы девочки уже держали руками свои венки, чтобы их не сбילו встречным воздухом. Сытые сильные кони мчались во всю рысь. Экипаж бесшумно катился. От быстрой езды захватывало дыхание.

Что же наездники? Павел, поняв каверзу Ивана, командовал Леночке:

— Дайте поводья!

И сам хлестнул плетью своего иноходца. Этот вздрогнул и помчал. Алмаз, вытянув шею, двинулся в ряд с Варваром, и пара по-прежнему ничуть не нарушила дистанции с экипажем, мчась за ним саженях в семи. Несколько иное было у второй пары. Бина также почувствовала предстоящее испытание, но заволновалась за своего партнера:

— Ну, вперед! Ещё! Ещё!

Нуар сбویل, скакал, задерживал. Германа трясло и от езды, и от волнения. Отстать — скандал! Он, красный, как рак, с совершенно растерянным лицом, ёрзал в седле, забыв уже всякие правила езды. Его трясло, больно трясло!

А первая пара уходила и уходила...

— Эх! Вы! Наездник лихой! Жокей! — злобно глянула Бина на Германа и... О! Какой ужас! Штрипки у брюк, натянутые до отказа на ногах Германа, от тряски и шенкелей⁴⁹ лопнули обе сразу и его брюки задралась почти до колен, обнажив его носки, пристёгнутые английскими булаваками к кальсонам. Такое убранство ног, да ещё в шпорах, привело Бину в неопишное бешенство... А, главное, главное — они едут по улице, где масса знакомых. Вот они смотрят, кланяются. Боже! Какой срам! Какой невообразимый срам...

Она пустила поводья, ударив хлыстом круп кобылицы. Звёздочка метнулась и тотчас оставила Нуара... Бина мчалась одна.

Её старался теперь во весь карьер догнать Герман, ёрзавший по седлу, потерявший стремяна и не замечающий сгоряча позорного непорядка в костюме.

И вдруг спохватывшиеся собаки (а, быть может, кто-либо ухватил на них) с двух сторон взяли в работу злополучного жокея.

Встречные кричали: «Лихо! Шенрок, лихо! Догоняй! Э-эх!»

Собачья громыхла, билась под ногами у коня, чуть не хватала его за морду. Штук пятнадцать псов больших и маленьких крутились с диким лаем впереди, с боков, сзади...

Герман гнал нещадно: бил шенкелями, шпорил, кричал и дёргал поводья.

Ишимский житель. Нач. XX в.
Фотография Лузьянова. ИКМ.

Но вот какая-то шавка крутнулась под передней ногой Нуара, сама испугавшись огромного Барбоса, и Нуар споткнулся. Брякнулся на колени, но когда вскочил на ноги — всадника на нём уже не было. Герман со всего размаха воткнулся головой в пыль! На полёте как-то дёрнул рукой и, зацепив ею за золотой шнурок пенсне, оборвал его. Очки слетели, и Герман ослеп! Без шапки, с задранными штанами, в шпорах, грязный от пыли, приставшей комьями к его потному лицу, близорукий донельзя, он топтался на месте, лез в пыль, прикладывая платок к сбитому своему английскому пробору, и бормотал: «Панс-нэ? Где панс-нэ? Боже! Где же панс-нэ?»

Собаки, видя, что их дело сделано, ворча разбежались. Некоторые, особо рьяные, ещё немного проводили Нуара, который рысцой, покачивая стремянами и путаясь в поводе, пошёл домой.

Около Германа собралась толпа участливых прохожих, видевших этот «клевок». Сдерживаясь от смеха и в то же время желая услужить, какой-то мешанин спрашивал:

— Что, господин? Ошибло здорово?

— Где панс-нэ? Где панс-нэ?

— Вот тут пан сел. Здесь пан сел. Вишь как его ошарашило! Ищет, где сел? Видать, поляк: паном себя называет!

— Да, брат, пан не сел. А упал крепко.

— Постой, он очухается!

— Ну где же панс-нэ? — чуть не плакал Герман, ничего и никого, кроме силуэтов, не ви-

Вид улицы Малой Никольской от Базарной площади к югу, с магазинами товарищества «Перминов и Родионов» и «Братьев Кутырёвых». 1910-е. Фоторепродукция. ИКМ.

девший. Правая его рука была уже без перчатки, и он глубоко бороздил ею пыль.

– Эх вы, жопы старые, он спрашивает, где пан съел? А вы – сел!

– Съел?

– Ну да, съел. Блямбу⁵⁰, значит съел, не знаешь? Вот я тебе дам в ухо – значит, ты съел! Небойсь, не знаешь?

– Правильно. Это верно!

– Здесь, барин, вот тут пан съел!

– Где же, дайте скорее! Дайте мне, пожалуйста.

– Вот те раз! Что же ему, блямбу дать!

– Чудаки! Это же не русский. Это поляк, али, даже, более того, может, храмцуз какой.

– Черт его поймет, что он хочет?

– Уж больно здорово башку расшиб.

Герман на корточках и на четвереньках, наклоняясь носом в самую пыль, искал пенсне, ибо от этой находки зависела вся его дальнейшая «прогулка».

Пока происходила эта сцена, собравшая десятка полтора прохожих, расстроенная Бина домчалась до Винокуровых и молча быстро стала приготавливаться к спешиванию.

Лена и Павел ещё были в седлах. Они звонко и оживлённо смеялись с Эдвардом, поддразнивая его, что он не мог уйти от них.

– Ладно! В следующий раз гнедых заложу, тогда посмотрим: Павел-то Исидорович не подгадит, а вы, барышня, шпоры будете чистить.

– Ну, ну, увидим. Только раньше надо сказать, чтобы я Алмаза подготовила.

В это время, помахивая стремянами и по-прежнему путаясь в поводу, мимо открытых ворот прошёл Нуар. Леночка тотчас заметила это и, ни звука не сказав, тронула разгорячённого ещё коня. Она миглом вылетела из ворот и, повернув его направо, оборотясь, крикнула Павлу: «Ловите Нуара!» Павел понял команду, так же быстро махнул в ворота и через несколько минут уже вёл Нуара в поводу.

Леночка, сломя голову, мчалась по улице и ещё издали определила место аварии по пестрой группе людей, всё ещё участвовавшей и бесильно окружавших поверженного «жокея».

– В чём дело? Что случилось? – задыхаясь от волнения, спросила Леночка у первого из толпы.

– Да вот, барышня, сверзился он здорово с коня и теперь бормочет что-то непонятное! Где

пан сел? Где пан съел? А добиться больше ничего нельзя.

– Боже мой! Да он очки ищет, очки! Он без них ничего не видит, – тотчас поняла Лена. – Поищите, пожалуйста, их – они где-нибудь здесь!

Герман, услышав знакомый голос, то жмуря, то выпучивая глаза старался разглядеть асадницу.

– Mille pardon, mademoiselle Helene. Pince-nez, j'ai perdu pince-nez!⁵¹

– Да ладно уже, не извиняйтесь Герман. Сейчас найдём их!

При всей сдержанности, при всей чуткости и такте, Леночка не удержалась от заливающего смеха – так потешен был злополучный пинхон. Потный, с грязным от пыли лицом, в одной перчатке на левой руке, в запылённом кителе, с задранной теперь уже одной штаниной, в шпорах, без кепки, взъерошенный, с маленьким курносым личиком, блуждающими, не видящими глазами – он был и жалок, и смешон до карикатурности. Да ещё с этим «mille pardon, j'ai perdu pince-nez»!

В толпе начался хихикающий вольный перевод на русский прононс этой пустяковой фразы.

– Врёшь, сам съел, какой там пан? Ха, ха!

– Ну и чудышко! Уродит же Господь зтакую чучелу!

– Ищи, ищи очки, потом разберем. Ха-ха!

– Вот они, барышня! Вот они! – закричали девочки, наклонившись и вытягивая из под сапог толстого мешанина пенсне, отлетевшее от места падения по крайней мере на пять-шесть сажен. Правое стекло было раздавлено и пружина погнута.

– Вот пострели их! Как это я не заметил: под ногой были очки-то! – говорил толстяк.

Девочка подбежала не к Герману, а к Леночке и подала ей находку. Она покрутила их, покачала головой, понимая, что нос Германа не пригоден конечно, для расширившейся и согнутой пружины. Тем не менее, сейчас же подъехала к Шенроку и вручила ему потерю. Кривая физиономию, дёргая носом и подымая подбородок вперёд, старался Герман прикрепить спасительное единственное стекло к глазам.

Сразу всё пошло хорошо. Кто-то подал кепку, стэк, перчатку, одёрнул вторую штанину, и грязный кавалер, воображая, что он стал вновь

comme il faut²², к своей радости увидел, что сюда шла линейка Винокуровых, которую тотчас выслали Паша. Германа учтиво усадили, он сделал всем под козырёк, держа левою рукою у правого глаза ободок пенсне.

— Mille pardon, au revoir, mes amis!²³

Эдвард, еле сдерживая смех, помчал его к Винокуровым, а толпа, доставив себе удовольствие, всё ещё не расходилась, хохоча над храмусом, ибо присутствующий здесь поляк сказал:

— Ни-и! Какой это пуляк? Польского в нем ниц нема. Це москаль, або фронцошиш!

— Да бросьте вы — это Шенрокова парень. Я по Воронку узнал. Прошлом годе старик Шенроков купил этого Воронку у Пивоварова водовоза. Зда-аровые бочки таскал. Такой чертило! — резонёрским тоном вразумлял толпу рабочий-подёнщик, нёсший малярную кисть и ведро половой краски.

Посудачивши ещё, обыватели разошлись.

XII

— А знаешь, что? — говорил негромко за обедом Иван Исидорович Павлу. — Я нашёл ложу для наших дам на завтрашний бенефис.

— Ну? — спросил Паша.

— Балкон Петровских!

— Верно!

— Господа! Ровно в три часа дня завтра приглашаю вас в гости к Виктору Евлампиевичу Петровских²⁴. После блестящего дебюта Германа сегодня — завтра состоится бенефис известного всем артиста Тахта. Это псевдоним знаменитого дрессировщика... Коньяка выпьете, Альбина Викторовна?

— С удовольствием, — оживилась всё ещё надутая Бина.

В это время показавшись в дверях привелший себя в порядок, уже в мундире, припудренный, со ссадиной на лбу, прихрамывающий Герман.

— Но храм разрушенный... — продекламировал он.

— ... всё храм! — закончил Иван Исидорович.

— Кумир поверженный... — продолжал Герман.

— ... всё бог! — закончила, громко смеясь, Бина.

— Bravo, Гораций! Рюмку коньяка за неподражаемый перпендикуляр! А я не знал, кого взять в репетиторы по геометрии. Вот жаль!

«Золотая молодёжь», весело болтая, обедала.

Завтра новые развлечения, послезавтра ещё что-нибудь.

Надо же «убить» время!

XIII

На следующий день с утра среди голубятников города царил странное оживление. Взрослые, бородачи, подростки и малыши словно крадучись перебежали друг к другу, сдержанно советовались, отбирали верных и лёгких голубей в заранее отведённые ящики и корзины.

Кажется, все адреса голубятников обегал Чуточка и каждому по несколько раз отдавал распоряжения.

Все, даже заядлые враги по голубиным делам, объединились, предчувствуя интересное дело!

Матери не могли дозваться своих сынов и сыншек пообедать. Да и не знали даже, где они пропадали.

Около трёх часов дня сторонами, по бурьянам, по огородам, в обход людных улиц с раз-

ных сторон города по-воровски прокрадывалась по направлению к собору чуть ли ни целая сотня бездельников; несколько лошадей, запряжённых в телеги с поставленными на них и закрытыми пологими большими коробами, в которых вывозят зимой снег, навоз и прочее, тихонько, чтобы не обратить ничего внимания, пробралось за собор.

Были вовлечены в это и «засоборные кадеты», которым за участие в бенефисе был обещан Чуточкой гонорар в виде четверти водки.

Ничего не замечал и не чувствовал старый Тахта, старательно фугованный филёнки для шкафа, которые делал по заказу. Сегодня он работал на дворе, так как даже в сенках было душно.

Стоял жаркий день.

В это время к обеду собрались гости у Петровских, с балкона дома которых была отлично видна вся Соборная площадь и дом Аграфены Романовны, где жил Тахта.

Окна второго этажа были открыты, и из квартиры Виктора Евлампиевича Петровских слышался прекрасный голос Леночки, певшей в сопровождении скрипки модные тогда романсы Денца.

Ровно в четыре часа у ворот дома Аграфены Романовны остановился фазтон Винокуровых, сегодня запряжённый гнедыми. В экипаже сидели Иван и Павел. Иван, лениво развалившись, проявлял как будто полную безучастность.

В калитке стояла толстая крендельщица Горошиха, почти заполнившая собою весь проход.

— А что, дома Тахта? — спросил Павел.

— Дома. А где ему быть? Дома, дома!

— Вызови-ка его сюда, красавица!

Иван чуть улыбнулся. Горошиха поняла глупую иронию барчука и пробурчала: «Ишь ты, валет козырный, жиром те окати», но тут же с готовностью сказала:

— Сейчас, сейчас, барин!

Она отлично знала Винокуровых.

Переваливаясь, как утица, как могла скоро, пошла она звать Тахта.

Горошиха сообщила ему, что подъехали молодые Винокуровы и что они зовут его. Тахта отряхнул с себя стружки, поправил шнурок на голове, спустил засученные рукава и направился к воротам.

Иван в той же позе равнодушно постукивал стеком по каблуку. Павел тихонько посвистывал.

Тахта вышел, издали поклонившись, подошёл вплотную к экипажу и спросил:

— Что изволите, Павел Сидорович?

Он знал Павла, потому что часто бывал у Винокурова в магазине, чтобы купить тилу или ситцу. Тахта сам хозяйничал и покупал хорошо: Феня всегда была довольна его покупками.

— Да вот, Тахта, Иван Исидорович хотел посмотреть твоих голубей и купить самых лучших. За ценой мы не стоим. А своих я всех распродал по дешёвке: крышелёты сделались — ребята избаловали.

— Только, — протянул Ваня, — только покажите их на лету. Кстати, вон тучка поднимается. Под тучку голуби отлично летают.

— Что же, — немного подумавши и взглянув на тучку, сказал старик. — Можно, можно. Тахта! Иван Сидорович, значит, позабавиться на каникулах хотите. Это ничего, я сейчас!

И пошёл старик к лестнице, и влез на неё, и турнул под тучку сорок отборнейших летунов

Улица Большая Никольская. Вид от городской управы к югу.
Вдали виден Богоявленский собор. 1910-е. Фоторепродукция. ИКМ.

во главе с голубкой, верным жожаком блестящих голубиных полётов...

Ещё в голубятне Тахта услышал удар колокола на колокольне собора. Набожный старик перекрестился и быстро подумал: «Как рано к вечерне? Что такое?» Дальше он почуял какой-то непонятный, поднимающийся и всё усиливающийся шум и рев.

Когда он взглянул в дверцу голубятни – фатона уже не было, а со всех сторон выростали фигуры и из корзин, из ящиков, из рук, из-под рубах, из мешков, из коробов, из бурьяна, с огорода, из хозяйского цветника, с колокольни собора и из-за собора, из-под берега – отовсюду, буквально отовсюду звивались десятками, сотнями до тысячи голубей. В то же время – крик, шум, свист. Палки, камни, комья глины летели со всех сторон, градом осыпая постройку Аграфены Романовны, ибо многие голуби, истомлённые засадой, обалдевшие, напуганные диким концертом, тут же садились. В воздухе творилась невообразимая сумятица. Подброшенные стаи перепутались и летели в разные стороны. Разобрать что-либо не было никакой возможности!

Дьячок Дюков – это он, пользуясь своим духовным саном и положением, как условлено было, сделал сигнальный удар в колокол, – молотился по колокольне, свистя в четыре пальца и размахивая своей шляпой. Можно было подумать, что бесы вселились в дьяка, он сверху видел, что стая, которую выпустил его сынишка, присоединилась к Чуточкиной, не затронув стаи Тахты. Чуточка как шальной носился по площади, орал, свистел и командовал, имея резерв около часовни в нескольких корзинах. Он выкидывал новые и новые стайки птиц.

Иван Фёдорович Нехороших стоял посреди площади, залезши с ногами в короб, из которого он двинул в атаку не менее пятидесяти лету-

нов и теперь, держа вожжи и задрав голову, с волнением наблюдал, что его стая врзалась в тахтину.

Чуточка влопыхах, глядя только вверх, свистя и ревя до хрипоты, сбил о кирпич до крови большой палец правой ноги и на одной левой, обливаясь потом, красный, как кумач, скакал к Ивану Фёдоровичу, крича:

– Нехоросий, давай ессё! Давай ессё! Где Юхов? Где Миська Лыков?⁵⁵

В это время из-за собора, где ночлежники командовали эти два купчика, из бурьянов поднимались новые стаи, и «засоборные кадеты» – полупьяные, полуголые, рваные – с гоголом, ревом и свистом бежали сюда же. И на земле, и в воздухе творился ужасный переполох.

Тахта, ошеломлённый надругательством, поражённый подлостью, коварством и бесстыдством – Тахта растерялся.

Он юркнул в голубятню и под грохот кирпичей и палок, которыми осыпали крышу проходимцы, думая осадить стаю привычным приёмом, выгнал из голубятни всех до одного голубей. Всех до одного, не щадя и пискунов! Вылетел и... Клубок!

Между тем туча, чёрная, как ночь, быстро надвигалась. Начались первые порывы ветра. Передние края тучи беспорядочными вихрями низко клубились уже над головой.

По трактовой дороге с запада несло непроглядное облако пыли и держало направление прямо на город. Зашумели, застонали деревья. Начался необыкновенный шквал. В тучах пыли и грохоте приближающейся стихии поднялись над городом тысячи птиц: диких голубей, галок, ворон и ястребов – этих быстролётных и злых хищников в омуте урагана. Первые ослепительные молнии и ещё далекий, но могучий гром предавщали редкую грозу.

Ветер бушевал невероятно. Толстые ветви тополей рвал он с согнутых чуть не вдвое деревьев и бросал через улицу во дворы. Крыши грохотали, заборы и ворота трещали в единоборстве с ветром и некоторые рушились.

Всё больше и больше чернело. В небе царил гроза.

Тахта, стоявший на крыше, как белый ком с развевающейся бородой, со своими белыми кудрями, еле удерживался за трубу под напором шквала. Сквозь густую завесу пыли и вихря, падающих и вздымающихся облаков он уже ничего в небе не видел. Лишь изредка там сверкали чёрные быстрые линии птиц. А каких? Галки это, ястребы или голуби?

Кузьма был недалеко за рекой на озере. Увидев тучу, он собрался домой. Заметив что-то неладное в своём доме, он сначала прибавил шагу, но, объятый уже тревогой и начиная понимать беду, понёсся бегом со своими корчагами и мордами⁹⁰. Ветер, дувший ему в спину, толкал его с невероятной быстротой.

Он примчался домой, бросил свои снасти у окна снаружи и решил расправиться с обидчиками.

В этот миг старый Тахта и Кузьма увидели быстро падающий с облаков чёрненький комочек.

— Кузька! Кузя! — не своим голосом закричал Тахта. — Гляди, Клубок! Сейчас убьётся, убьётся! Ох! Что же это, Господи!

Кузьма помчался напересёк падающей птице.

Никогда так не бегал он. Направление было к часовне.

Сбиваемый ветром Клубок делал наклонную линию, но в своём турмане он уже был безволен! Голубь со страшной трагической быстротой падал на землю. Кузьма изо всех сил несся к нему.

Лучше Кузьмы никто не ловил деревянного шарб, обжигающего своей силой рэки. Кузьма умел делать прекрасную оттяжку.

На бешеном бегу он соображал, как схватить Клубка.

Эх! Кузя! Кузя! И зачем у тебя такие широкие штаны?! Ведь по полторы полосы тика штанина! Эти паруса сейчас заплетали ему босые ноги, и тщетно бедняга напрягал и рвал свои железные мускулы, изо всех сил стараясь не бежать, а лететь, чувствуя, что может не успеть к падению дорожного чёрненького комочка.

Но вот тот и другой близко — один с неба, другой по земле мчатся они друг к другу.

Трепетному сердцу голубка осталось жить полсекунды. Ещё миг — и, о горе! Под порывом ветра Клубок оказался по другую сторону часовни, а Кузя — по эту. Кузьма шархнулся в обход, но одна тысячная секунды решила дело. Клубочек с размаха ударился и, трепыхаясь, судорожно повис, пронзённый насквозь позолоченным копьём церковной решетки!..

— Сто? Не успел? — услышал Кузьма простодушный вопрос Чуточки, который также хотел было помочь схватить Клубка.

— А! А! Сволочь! Первый попался! — и со всего плеча так хватил в ухо купеческого сына Алёшку Марденского, что этот, сделавши своими длинными ногами шесть-семь заплетающихся косых шагов, грохнулся наземь.

Кузьма осторожно снял голубя с колья решётки и поспешил к отцу, чтобы сдать ему дорогую жертву и успеть скорей расправиться с первым, кто попадет под руку.

Что же Тахта?

Он видел бег Кузьмы, видел полёт Клубка. Увлечённый этой страшной игрой, старик не удержался и от порыва ветра скользнул по крыше, уже влажной от первых крупных капель дождя. Покатился Тахта вниз и не миновать бы ему сотрясения его старых костей, но на счастье он свалился с крыши как раз в том месте, где Кузьма бросил корчаги и морду.

Лежа, поранивши руки, упираясь локтями в землю, он поднял только голову, чтобы видеть конец трагедии Клубка.

— Эх, опоздает! Эх, опоздает! Пропал голубь.

В это время над ним наклонилась взволнованная Леночка и спрашивала:

— Ушиблись? Бедный дедушка!

— Уйди. Уйдите, барышня. Уйди, пожалуйста! Я могу выругаться! Уйдите!

Глаза Тахты были такие, что не изобразит не один самый талантливый трагик на сцене, ни один художник — на полотне. Огонь, злоба, мечь, бескрайняя, страшная бездна ненависти — вот что было в этих глазах! Глаза Тахты выразили всё, что она должна была понять и понюхала на всю свою жизнь! Чужое, страшное, роковое, непоправимое, никогда не сглаживаемое лучилось в этих беспредельно ненавидящих чёрно-серых глазах семидесятилетнего Тахты.

Буря выла неимоверно. Туча гремела, чёрное небо пронизывалось ветвистыми зигзагами ослепляющих трепетных змей и вслед за ними сыпался ужасающий грохот.

Тахта лежал под потоком и ливнем дождя, но и не думал двигаться. В руках у него свис мёртвый Клубок. Его разгоряченная, обезумевшая голова требовала такого необыкновенного освежения.

Он поднялся только когда к нему подошла закутанная в полосатые половики Аграфена Романовна и сказала:

— Пётр Данилович! Простудишься. Иди домой.

Тахта поднялся во весь рост. Потянулся, как после крепкого сна и сказал:

— Тах-та! Аграфена Романовна! Вот они... господа! Тах-та!

И пошёл старик, понуря голову во двор и сени.

XIV

Кузьма, передав мёртвого окровавленного Клубка отцу, быстро помчался на площадь.

Округлившись, с выступившей желтизной, сверкающие чёрные глаза его не предвещали пощады обидчикам.

На ходу он засучил свои огромные штаны выше колен и рукава выше локтей, однако не вооружился даже хворостинной. Он знал, что его загорелые громадные железные кулаки сделают всё, что просила сейчас его взбешённая негодованием тура.

Иван Фёдорович Нехороших, взволнованный соединением его стаи со стаей Тахты, изо всех сил старался разыскать в бушующем небе сотню драгоценных птиц.

Вдруг он почувствовал летящего к нему Кузьму. Ожидая недоброго, по-прежнему стоя в коробу, он зацолкал на лошадь и задргал вожжами. Лошадь беспокоилась, напуганная непонятными ей свистками и ревом, и потому рванулась. Но в этот момент в заднее колесо влилась стальная рука Кузьмы.

Иван Фёдорович ударил кнутом добрую лошадь. Кузьма забороздил ногами по влажной

пыли. Чувствуя, что лошадь его волочит, он хватил левой рукой неприязанный короб и опрокинул его вместе с Иваном Фёдоровичем на землю...

Догадался Иван Фёдорович отпустить вожжи – не миновать бы ему иначе тяжёлых колёс. Лошадь, тарыхта и дребезжа пустой телегой, во весь опор понеслась под горку.

Кузьма метался над Иваном Фёдоровичем. – А-а, дружочек! Со сволочами связался! Убью... Лезь, сукин сын, под короб. У-убью!

– Кузя!
– Убью! Лезь под короб!
И поддал сидящему на земле Ивану Фёдоровичу такого тумака, что тот, сразу вспомнив свою уличную юность и опрокинув кверху дном короб, с быстротой ящерицы исчез под ним.

– Только вылезь, подлюка – убью! Сиди, стерва, тут.

Глаза Кузьмы в это время щупали площадь. И на кой чёрт дьячок спустился с колокольни? Он тысячу раз пожалел об этом. Присидел бы там, и прошло бы всё. Так нет! Видя Кузьму, он метался по церковной ограде, ища где бы укрыться или удрать незамеченным домой. Он приседал на корточки за каменным фундаментом решётки, каждую секунду выглядывая из-за каменных столбов и маячил на белом фоне собора.

– А! А! Вон где!? Хорош!
С быстротой тигра Кузьма влетел в церковную калитку, покрыв в десять секунд расстояние не менее тридцати сажен.

Дьячок, подобрав полы подрясника⁵⁷, метнулся вокруг собора и, как заяц, то останавливаясь, то бросаясь в сторону, мчался от мстителя. Он сорвал с головы свою шляпу, длинные волосы его взлохматились. С обезумевшими глазами, зелёный от страха он размахивал шляпой и скороговоркой задыхаясь шептал:

– Святой Боже... святой Крепкий, святой Бессмертный... помилуй нас! Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!.. Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!..

– Не уйдешь, лохматый дьявол... не уйдешь! Врё-ёшь! – гудел и шипел свирепствовавший еще больше Кузьма.

– Г-э-э-э! – и схватил дьячка за воротник подрясника.

Не выдержал подарок благочинного⁵⁸... Репсовый⁵⁹ подрясник с жалобным визгом разлетелся от шеи до пояса. Кузьма рванул ещё раз, стараясь притянуть к себе жертву, и выворотил рукав подрясника до обшлага, оторвав тут же почти все крючки и застёжки. Дьяк упал на траву, и как подстреленная сова, начал отбиваться ногами.

– А? Так? Дух нечистый! – бормотал Кузя, хватая дьячка за ногу. Вмиг опойковый⁶⁰ новый сапог сорвался с ноги и начал молотить хозяйна, перевёртывающегося с боку на бок.

Усладив Дюкова, Кузя, даже не думая, швырнул сапог с такой силой на крышу придела⁶¹, что этот, описав в бушевавшем воздухе какую-то неизвестную самому Декарту кривую, – улёгся, как ни в чем не бывало, за водосточным желобом зелёной крыши придела на высоте не менее восьми саженей....

– Вставай!
– Не встану! Убьёшь!
– Вставай! Убью!
– Помилуй...
– Бога моли, антихрист!

И с этими словами, вырвав из рук дьячка его фетровую шляпчёнку, Кузьма надёрнул её

на острие решётки так, что она, продырявленная, покрутившись жалкой тряпкой, заиграла под ветром.

Кузьма поднял дьячка, как пёрышко, и бросил его за ограду.

– Беги!
– Не побегу. Убьёшь!
– Беги, чёртова дудка! – растянул Кузя, поддав ему классический подзатыльник.

Теперь дьяк в одном сапоге, в растерзанном подряснике, без шляпы, попробовал наутек. Но разве это было возможно! Кузя позади его только командовал: «Куда? Направо! Прямо! Живо! Стой!»

У самого короба, под которым был Иван Фёдорович, Кузьма левой рукой схватил дьячка, правой приподнял короб и втолкнул туда «чёртову дудку». Этот не только не сопротивлялся, но брыкнул туда сам, обретя своё чудесное спасение под коробом.

Кузя отёр подолом рубахи мокрое от пота и дождя лицо. Пыл его не только не проходил, но требовал новых и новых возмездий.

– Теперь – долговязый. Где он?
Крупный свистящий дождь падал косыми порывами. С крыш полились первые грязные от осевшей пыли потоки. Облака пыли вихрем неслись на восток со страшной быстротой, но уже далеко за городом. Казалось, там происходит огромный пожар.

Ах, дурацкое любопытство! И на кой же стоять Чуточке под балконом Петровских в кустах сирени, наблюдать за расправой Кузьмы и даже иметь глупость хохотать над компаньонами.

– Увидел. Ага! – пробормотал или подумал Кузьма и бросился в сторону маячившей в кустах жёлтой соломенной шляпы Чуточки. С бега он схватил Чуточку поперёк туловища и, как громадную куклу, понёс к коробу.

– Ты сево? Я от дозика стоял, – нёс чепуху Чуточка. – Ты же узе бил меня. Это, брат, зирно. Уз всем по ровняку.

– Молчи, оглобля! И лезь под короб!
– Да там и места ус нету!
– Хватит. Ну?

И этому пришлось вторая по счету блямба, после которой длинный Чуточка поторопился в убежище друзей. Ноги его долго не вмещались под коробом.

– Ну-у! Если кто вылезет – амба! Вечная память!

«Ещё два! Они там, союзнички, в «засоборном»», – подумал Кузьма.

Дождь, ливший уже сплошным, но ещё не ровным потоком, непрерывные слепящие молнии и оглушительный грохот не умирляли душевной стихии мстителя.

Под потоками лиеня, по лужам, по мокрому бурьяну и крапивам, качавшимся волнами от порывов ветра и сплетавшимся в непроходимый травяной войлок, бежал Кузьма в «Засоборный корпус».

Два приятеля, купеческие сыны Юхов Оська и Лыков Мишка, укрывшись от бури в ночлежном доме, соорудили здесь вторую четвертину, невесть откуда появившуюся. Но разве перед купеческой мощной и неизбывной спиртной алчностью «засоборных кадетов» могут быть препятствия? Ни буря, ни ливень, ни молния с громом – всё нипочём!

Появление мокрого свирепого Кузьмы и его быстрая расправа были всё же чудовищно неожиданны в этом доме всевозможных чудес и комбинаций. Кузьма знал, что братия пьяна муками его отца. Галдит и орёт от полученного

Дом Еманаковых на Соборной площади, прототип дома Петровских.
1890-1900-е. Фотография. ИКМ.

магарыча за содействие издевательствам, — и он решил издевательствам перекрывать их издевательства. Без разбора направо и налево он стал раздавать кулачищами свой гонорар статистам бенефиса. И удивительно! Никто и не подумал оказать ему хотя бы малейшее сопротивление.

Ногами и кулаками он выгнал всех, человек двадцать, под ливень и scomандовал:

— В бурьян! Убью, кто встанет. Лежи, пока не встанешь!

Схватив Оську и Мишку за шиворот, он крепко стукнул их лбами и толчками поволок к коробу.

— За-за-за что? Ку-ку-зяка, нас-то?

— За то, что любите чужими руками жар загребать. Иди, иди. Живо! Лбы разобью! Садись верхом! Уйдёт кто — поймаю и убью.

Мокрые, полупьяные, без шапок уселись два друга верхом на коробу, не понимая, почему Кузьме нужно было посадить их сюда.

Дождь лил, словно туча решила здесь отдать всю свою силу.

Проделав все эти операции, успокоенный Кузьма побрел по глубоким лужам домой. Дождь был тёплый, настоящий летний. Кузьма не думал, что с его жертвами будет дальше. Они могли тотчас выбраться из-под короба и уйти — ему было это безразлично. Он был отомщён, и всё.

И действительно, когда он скрылся из вида, пленники, мокрые, как мыши, не глядя друг на друга, осторожно прижимаясь к стенам домов, потянулись восвояси, браня и себя, и Кузьму, и Винокурова, и голубиную страсть, и тесный короб, и ливневый дождь.

XV

Леночка, отскочив, как ужаленная, от Тахты, возмущённая издевательствами над стариком, возвратилась к Петровским, где продолжался под тучку и бурю обед. За столом были

знакомые нам молодые люди и несколько друзей Петровского. Они весело обсуждали события. Иван Исидорович чувствовал себя героем.

— Что, сильно поцарапало Тахту? — спросил Павел.

Лена не ответила.

— Понравился вам бенефис знаменитого артиста Тахты? — протянул Иван.

Лена не отвечала. Её лицо было бледно, и какая-то беспокойная мысль, казалось, сверлила её мозг.

— Дайте мне коньяку, — сказала она, не сядя за стол.

Герман и Павел тотчас падали ей одну за другой две рюмки.

— Ещё!

Она выпила третью.

Нужно сказать, что это было уже что-то неладное. Лена вообще не пила вина. Вся компания наблюдала за её движениями. Она взяла висящий на спинке стула стэк Германа. Пройдясь по столовой и, остановившись против Ивана, сказала:

— Да! Спасибо вам, Иван Исидорович, за урок и бенефис!

Она закусила губы, кровь залила её щеки. Глаза сверкнули:

— А вот, по-цыгански... моя плата за ложу!

И, широко размахнувшись стэком, со всего плеча влепила его в правую щеку Ивана, слив взмах руки с ослепительной молнией, и удар — с грозным грохотом близкого ошеломляющего грома.

Иван, сидевший по обыкновению развалившись на стуле, только успел крикнуть:

— Ой!

Герман бросился на балкон.

Леночка швырнула на пол стэк и исчезла.

В тот же вечер она уехала из города к своей тёте.

XVI

Буря миновала. Ливень, заполнивший выше берегов все канавы и образовавший широкие, почти во всю улицу, потоки, перешёл в ровный утихающий дождь. Запад, откуда шла туча, засиял светлым ровным закатом. Освежённый воздух лил теперь запах тополей.

Открылись створки окон, засмеялись цветы и заиграли под легким ветерком занавесочки. Улицы заполнились шумом босоножих ребятишек, весело шлёпающих по теплым лужам. Не удержать мамам шалунов от этого удовольствия перед сладким беззаботным их сном.

— Не кручинься, дядя Петро! — говорила толстая Горошиха, — не кручинься. Наживешь ещё голубков получше. Ишь, ведь, жиром те окати, как подъехали. С фарсом. Что ты, что ты! А сам-от молодой — как быдто и не его дело. Ну я Павлу-то Сидорычу начитаю, жиром тя окати!

Тахта мрачно слушал добрую Горошиху, и казалось, не понимал ничего. Его старый ум не мог постичь вероломства, наглости и такого обмана. Он никому никакого зла не сделал. Он только любил голубков и воспитывал их по-своему, как умел.

О голубке он старался сейчас не думать. Его старое сердце сжималось от мысли, что ей, его любимой Софочке, уже, наверное, оторвали её невинную маленькую головку.

Ну, что вы делаете? Любил старик голубей...

Кузьма тем временем влез на голубятню и был удивлён массой голубей, набившихся в чердак. Он не мог их сосчитать, но, кроме своих, там было не меньше сотни чужих. Гроза и буря загнали птиц под кровлю, и в хаосе событий никто и не обратил внимания, что голуби один за другим забирались туда.

Однако лучших, отборных своих не было, не было и голубки. Кузьма тщательно обыскал все ящики и гнезда.

Вечером за ужином Тахта не ел. Семья сидела молча.

Зашла Аграфена Романовна:

— Полно, полно, Пётр Данилович! Что уж так унывать... Ещё, может, и живы твои-то. Вон они какие умные у тебя. Оттого все и зарились на них. Ничего хорошего от людей не услышат твои вороги, кроме плохого. Все тебя жалеют, и вот ведь какая оказия: ни полиция и ни суд даже внимания не обратят на такую напасть. Крыши-то поломали, огороды помяли. Куда это годится? Прямо разбой и не диво бы «парижане»⁶², а то ведь купечество. Куда это годится?

— Садитесь, Аграфена Романовна, чайку чашечку!

— Сяду, напей, Федосьюшка. А мой-то Пётр-то Ананьич! О, Господи! Смеяться только некому было: когда Петро-то Данильч стал всех своих оставших голубей-то выгонять и когда это «парижане»-то начали кирпичами да палками бросать — он давай за курицами бегать. Поразгонял всех чисто, уж ума-то нету: он и не знал, чем Петру-то Данильчу помочь. Да, ведь, на крышу загнал некоторых.

Тахта едва заметно усмехнулся. Этого только и нужно было доброй женщине. Она понимала горе старика и ей самой было обидно и больно за него. Она рассуждала так: Петро Данилович живёт как хочет и умеет, ему уже семьдесят лет. Вот ему не надо богатства, в его душе мир и благодать. Для жизни своей он по силам работает, вина он не пьёт, детей, кроме Кузьмы, нет. Ну, а для удовольствия и души занимается голубями и Бог с ним! У всякого своё

дорогое. Он же, честный, справедливый и добрый человек, доживает свой век в спокойе. Разве лучше вон такой же старик, и хороший ведь мастер — «Лыко-мочало», Павел Ефремович Букин? Каждый базарный день оборванный, голый лежит то в грязи, то в пыли, пьяный до послесуду. А семья от этого в несчастье. Да, Петра Даниловича нельзя осуждать, у всякого своё.

Тахта, не глядя ни на кого, заговорил:
— Кузьма, обойди все голубятни. Проси отдать её.

Было понятно, о ком идет речь.
— Не жалею ничего, давай выкуп какой спросят. Всё продам. Струмент продам — только найди и выкупи...

Почему Тахта ценил свою потерянную голубку? В чём тут был секрет? И была ли тут какая либо ненормальность?

Нет. Тахта был до страсти спортсмен. Он воспитывал избранное им поколение и добивался тех качеств лётного строжайшего голубя, которые идеально совместились в его воспитаннице.

Так же страдал бы охотник, потерявший вдруг любимую, натасканную собаку. Так же горевал бы хозяин, если бы у него увели, с его точки зрения, лучшую в мире лошадь! Есть у людей привязанность к вещам, и эти привязанности возводятся в высокие степени — к животным.

Быть может, здесь имело место и тщеславие старого Тахты: ведь о голубке говорили все его приятели и неприятели. Она уводила его стайку в недостижимую высоту, исчезая из поля зрения самых острых глаз.

Тахта под утро только тревожно уснул.

XVII

— Тахтинька! Дедушка, а? Дедушка!

— Кто тут? Чего надо?

Его за рукав тянул Васютка.

— Дедушка, да скорей-же. Бежим на злку!

Тахта, всполошённый, не помня себя и ничего не понимая, послушно выбежал за Васей во двор.

— Гляди, гляди, дедушка! Во-о-он! Гляди-ка!

Мальчик, казалось, сам хотел вытянуться до неба.

Прекрасное раннее, раннее утро сияло чистой омытой лазурью. Тишина, казалось, вселилась во всё, вознаграждая ощущения за вчерашний грозный грохот и бешеный ураган.

Что видели в голубом сияющем просторе острые глазки Васи?

Тахта до слез напрягал всю силу своих дальноруких глаз.

Не то померещились, не то вправду почудились ему вспышки далёких-далёких светлых исчезающих искорок.

— Нет. Ничего. Так мерещится, — сказал он.

— Да нет, дедушка. Ей-богу же. Гляди, во-он!

Во-о-он!

— Не вижу, — словно обидевшись на себя, проговорил Тахта. — Не вижу. Да и тебе мерещится.

— Ах, какой ты дедушка, слепой. Я уж не разбудил бы тебя, если бы не видел. Ещё до солнышка я сидел у ворот и ждал. И, дедушка, да вон же они! Вон они, дедушка! Эх ты, дедушка!

Вася таскал Тахту за подол его длинной рубахи, стараясь занять для него удобное для видения место, думал, что что-то мешает Тахте видеть то, что отчетливо видел он.

— Ба-а-тюшки! Васюнька! Вижу! Вижу! Ох ты, милый мой!

Тахта схватил, как прутик, Васю на руки. Стал мять его в своих громадных объятиях и крутить с ним, как мальчик с игрушкой по двору.
— Мои! Наши! Васютка, она ведёт! Она!!!

XVIII

Опытный, старый голубятник Иван Фёдорович Нехороших выпустил свою полсотню голубей в тот момент круга, когда можно было больше всего ждать соединения. И не ошибся. Его стая, как мы и говорили, врезалась в Тахтину. Эта, слегка дрогнув, расступилась, чуть смешалась, но, вобрав в себя гостей, уверенно пошла за голубкой, не отдавшей своего первенства никому и не терявшей вольты.

Порывы налетевшего урагана сбивали теперь удвоенную стаю, и голубка ощущала её грузность. Облака пыли заслонили землю. Края тучи, клубившиеся то горизонтальными, то вертикальными вблами, страшно тормозили полёт. Голубка бросалась ввысь, надеясь выйти за тучи. Вздвигнувшись за ней стаю схватил такой ужасающий вихрь, что только особо сильные пришли за ней. Четверть стаи отбило и придавило к земле. На этих, разрозненных, потерявших путь, налетели сразу три ястреба.

От ястребов голуби бросаются обыкновенно по прямой арасильную. Два голубя стали жертвами хищников. Третий ястреб не мог схватить быстрого голубя. Этот, как камень, бросился вниз, с огромной высоты достиг построек и исчез под первым попавшимся навесом. Ястребок, стрелой мчавшийся за ним, оставил его только у самой кровли.

Так часть стаи была разбита, и поодиночке голуби испивали горькую участь. Голубку с остальными силачами продолжало бросать шквалом. Здесь, в выси, не было той беспорядочности и завихренности, как ниже, но тянул прямой западный огромной силы ветер. Стаю сносило очень быстро. Гроза догоняла голубку. Разряды происходили уже в непосредственной близости. Молнии и короткий треск напряженной передней поверхности тучи понуждали голубку броситься глубоко вниз. У поверхности земли, уже где-то далеко-далеко от родной голубятни, над полями, лугами и шумными рощами мчалась гонимая бурей стая. Вдруг, почуяв впереди какой-то зловещий шум и страшное гудение, голубка шарахнулась вверх. Ближайшие к ней сделали то же самое, но инертный хвост стаи врезался в качающиеся густые провода телеграфа, и не менее десятка искалеченных птиц посыпались на землю, как подстреленные. Три из них были убиты, остальные с перебитыми крыльями, со свернутыми шейками, с переломанными или отрезанными прочь лапками забили на землю.

Это произошло совсем близко от села Падуно-Лебяжьего, расположенного в ста двадцати верстах от родной кровли. Голубка вела ещё поредевшую стаю дальше и через две-три минуты, описав с большим трудом небольших два круга около высокой церковной колокольни, опустила прямо на ребень глухих её перил.

Стая последовала за ней и заполнила колокольню густой волнующейся массой. Птицы долго не могли успокоиться. Вытягивая шейки, они недоумённо осматривались, но уже чуяли свое спасение. Здесь, в затишье, они встретили и проводили грозу, здесь они отдохнули после короткой ночи и отсюда с рассветом послушно и дружно вспорхнули вслед за своей водительницей.

Набрав громадную высоту, с которой отчётливо был виден длинный путь обратно и где не было ни малейшей опасности, голубиная стая резала по прямой тихий, прозрачный утренний воздух и через час лёта уже кружила над родными кровлями.

Голуби Ивана Фёдоровича в большей части пострадали в опасном и трудном путешествии. Они не проявляли ни малейшего порыва отделиться от стаи Тахты, также понесшей немалые жертвы. Компактная стая содержала не менее шести десятков самых крепких, самых высотных представителей двух лучших голубятен.

Убедившись в возвращении своей любимицы, Тахта вместе с Васей поспешил на чердак. Только сейчас старый увидел, что его голубятня густо наполнена вчерашними невольными врагами, теперь пленниками. Кузьма даже не сказал отцу об этом, зная, что он не придаст этому никакого значения.

Наскоро загнав пришельцев в два самых обширных ящика, Тахта выпустил на волю свои сигнальных ветеранов, которые через минуту закружили неввысоко над постройками. Винт, по которому спускались голуби, быстро увеличивался и, по обыкновению, на высоте двухсот сажень началась красивейшая голубиная игра.

Победительница тяжелого испытания сегодня особенно энергично бросалась вперёд. Казалось, откуда берутся у неё, маленькой, такие большие силы?

Спустя две-три минуты дед и Васютка вновь были в голубятне.

Между старым Тахтой и маленьким Васей началась с этих пор бескорыстная неразрывная дружба. Тахта приобрёл способного ученика по столярному делу и любимому спорту.

А сейчас Вася считал результаты минувшего боевого дня.

Тахта же, озарённый ярким пучком лучей восходящего солнца, пробивавшимся через ветхую кровлю, сиял своей сединой и обильно кормил и своих, и чужих голубков.

С особенной своей ласковой улыбкой он любовался ненаглядной любимой голубкой тихо повторяя: «Тах-та, милая, тах-та!»

*«В первый раз и почти окончательно в этой редакции закончено 27 марта 1943 года»
Беловой вариант — 31 мая 1951 года»*

*Подготовка к публикации —
О.А.Мишкина, Г.А.Крамор,
К.С.Труханова.
Комментарии — Г.А.Крамор,
О.А.Мишкина.*

Примечания

1 В описываемой местности угадывается район Киселёвского мыса с улицами Береговой, Малой Никольской, Большой Никольской и Соборной площадью.

2 Первый каменный храм Приишимья — Богоявленский собор. Строился в течение сорока лет, начиная с 1775 года. Построен в стиле сибирского (тобольского) барокко. Стилиевые характеристики — «византизм», «го-тика» — данные Постниковым, носят художественный характер. Интерьер нижнего, отапливаемого зимой этажа с престолами во имя Богоявления и святителя Николая Мирликийского, действительно — «мрачен и низок», верхний, летний — Успенский — светел и просторен.

3 Такая часовенка — памятник на месте первого алтаря города, деревенной Никольской церкви — действительно существовала в нескольких десятках метров к северо-западу от Богоявленского собора. Разрушена в советское время.

- 4 Улица Киселевская, ныне – Коркинская.
- 5 Городовые.
- 6 На Соборной площади действительно находился ночлежный дом, обитателями которого были мужчины от 21-67 лет, в т.ч. ссыльные из городов и губерний России, Малороссии, Польши.
- 7 *Прасол* – скупщик мяса и рыбы, торговец скотом.
- 8 Здание уездного училища, открытого в Ишиме в 1817 году. Снесено в 1980-х. Ныне на его месте – корпус № 2 педагогического института.
- 9 Парафрагиз прошения из молитвы Господней: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».
- 10 *Подёнщик* – рабочий, нанмавшийся посуточно; обычно выполнял малоквалифицированную работу.
- 11 *Подгуровиль* – подогнать; от «турить» – гнать, спешить; побуждать.
- 12 *Турман* – голубь-вертун; делать турмана – перекувырнуться.
- 13 *Сажень* – старая русская мера длины, равная 3 аршинам, или 12 четвертям, или 7 английским или русским футам. В метрической системе – 2,13 метра.
- 14 *Дьячок* – просторечное именование псаломщика – церковнослужителя, читающего и поющего на клиросе во время службы. В клировых ведомостях Богоявленского собора такая или подобная фамилия (Дюков) не встречается; возможно, собирательный образ.
- 15 *Ирмос* – короткое песнопение перед каждой «песней» канона – стихов, посвящённых святому или праздничному событию данного дня в православном богослужении. Канон читается на утрени, которая в приходской богослужебной практике того времени обычно соединялась с литургией и служилась утром, но могла служить и вечером. Автор несколько путает понятия «вечерни» и «вечерней службы», в которой могут быть соединены вечерня и утреня.
- 16 Александр Васильевич Марденский – мещанин, имевший в городе Ишиме торговое предприятие 2-го разряда (торговую лавку).
- 17 Священник с таким именем в годы, описываемые Постниковым (начало XX века), также не встречается в клировых ведомостях Богоявленского собора.
- 18 *Глас* – один из восьми «стандартных» напевов, на которые поётся тот или иной стих.
- 19 Прототипом Исидора Прохоровича Винокурова стал купец I гильдии, гласный городской Думы Иосиф Прохорович Бокарев, имевший особняк на углу Бокаревской улицы и Базарной площади (ныне угол улиц Пономарева и Гагарина, здание УВД). У И.П.Бокарева было шестеро детей: Иван, Павел, Никодим, Георгий, Владимир, Марионилла, Лидия.
- 20 *Кредешин* (китайский зрел) – тонкая ткань из натурального шёлка.
- 21 *Файдешин* («китайский фэй») – плотная шёлковая ткань средней плотности с тонкими поперечными рубчиками, употребляемая для шитья женского платья.
- 22 *Шифон* – шёлковая или хлопчатобумажная тонкая мягкая ткань.
- 23 Грамматические формы латинского языка, являвшегося обязательным элементом классического образования, первой ступенью которого была гимназия.
- 24 *Чесуча* – шёлковая ткань полотняного переплетения, имеет желтовато-песочный цвет и вырабатывается из особого сорта шёлка – туссора.
- 25 Гимназисты и студенты обязаны были носить форму и во время каникул.
- 26 *Гнедой* – темно-рыжий, с чёрным хвостом и гривой.
- 27 *Чальд* – серый, с примесью шерсти другого цвета.
- 28 *Фазтон* – повозка с мягким откидывающимся верхом.
- 29 *Линейка* – длинный открытый многоместный экипаж с продольной перегородкой, в котором сидят боком к направлению движения.
- 30 *Хорошо!* (фр.)
- 31 Фамилии ишимских городских жителей мещанского сословия.
- 32 *Бенефис* – спектакль или концерт в пользу или в честь какого-либо актёра. Здесь употреблено в ироническом смысле.
- 33 *Бурш* – студент в Германии, принадлежавший к одной из студенческих корпораций, члены которой отличались участием в дуэлях, кутежах и т.п.
- 34 Иван Васильевич Анисимов (1860-1914) действительно был основателем первой типографии в Ишиме.
- 35 Вероятно, имеется в виду особняк почтово-телеграфной конторы постройки второй половины XIX века, стоявший напротив дома И.П.Бокарева. Первоначально принадлежал дворянину, полкову Виктору Казимировичу Ясевичу. Ныне – главпочтамт.
- 36 Такая действительно существовала в Тобольске.
- 37 *Амазонка* – женское длинное платье специального покроя для верховой езды.
- 38 *Каурый* – конская масть: стан рыжеватый, светло-буроватый, впржегелть, хвост и грива такие же или светлее, а ремени потемнее, но не чёрный.
- 39 *Стэк*, или *стек* – тонкая палочка с ремешком петлей на конце, применяемая как хлыст при верховой езде.
- 40 *Вороной* – сплошь чёрный.
- 41 Нельзя не заметить, что автор использует имена коней для характеристики персонажей-седоков. Алмаз – типично цыганское имя; Звёздочка – подчеркнута славянское; Нуар – французское слово, переводится как «чёрный».
- 42 А, мой дорогой друг Иван, вы уже здесь? (фр.)
- 43 Здесь (фр.)
- 44 *Заняла, заняла* – площадка перед устьем русской печи, куда сгребаются угли, шесток.
- 45 Мещанская роща, расположенная в междуречье Ишима и Мергенки. Начинаясь примерно от современной ул. Магистральной, вдоль ул. Казанской. Вырублена во время Великой Отечественной войны для снабжения города дровами. Частично восстановлена путём посадок в районе современной школы № 7.
- 46 Сам (лат.), прозвище латиниста, учителя латинского языка (Прим. А.П.)
- 47 С удовольствием, мадемуазель Бина! (фр.)
- 48 Прекрасно, мой маленький птенчик! (фр.)
- 49 *Шенкель* – внутренняя, обращённая к лошади часть ноги от колена до щиколотки; при помощи шенкелей всадник управляет лошастью. Здесь под шенкелем разумеются именно эти управляющие движения.
- 50 *Блямба* – опухоль от ушиба, шишка; *блямбу шибить* – получить сильный удар.
- 51 Тысяча извинений, мадемуазель Элен! Пенсне, я потерял пенсне! (фр.)
- 52 Как надо (фр.), – т.е. приличный, соответствующий правилам светского поведения.
- 53 Тысяча извинений, до свидания, мои друзья! (фр.)
- 54 На Соборной площади располагался дом купца I гильдии, Почётного гражданина Олимпия Александровича Еманакоева. Его сын Виктор Олимпиевич был практически ровесником и знакомым Анатолия Алексеевича Постникова.
- 55 Сыновья ишимских купцов Тохова и Клыкова.
- 56 Плетёные из ивового прута рыболовные снасти.
- 57 *Подрясник* – длиннополая одежда лиц духовного звания, западного покроя.
- 58 *Благочинный* – старший священник церковного округа – благочиния. Несколько благочиний составляют епархию.
- 59 *Репс* – плотная шерстяная, хлопчатобумажная или шёлковая ткань в мелкий рубчик.
- 60 *Олеок* – теллячья кожа.
- 61 *Придел* – здесь: пристрой к основному зданию церкви, в котором устраивается особый престол и алтарь. У Богоявленского собора такого пристроя не было. Возможно, автор имеет в виду алтарный пристрой с восточной стороны – алсида.
- 62 «Парижане», по-местному – хулиганы. (Прим. А.П.)

Вкратце об авторах

1. **Борденко Нинель Акимовна**, учитель, заведующая библиотекой пансионата с лечением «Ишимский», основатель музея пансионата (открыт в 1998). Ныне проживает в г. Каменске-Уральском.
2. **Евтихий (Иван Тимофеевич Курочкин)**, епископ Домодедовский, викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, управляющий российскими приходами Русской Православной Церкви Заграницей, настоятель ставропигиального градо-Ишимского кафедрального Богоявленского собора.
3. **Заворохин Василий Петрович**, преподаватель филиала Тюменского государственного университета в г. Ишиме. Научные интересы – история сибирского крестьянства XIX – начала XX вв.
4. **Истомин Валентин Георгиевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры философии, экономики, истории Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова, автор научных трудов (монографии, статей) по истории общественно-политической жизни крестьянства Сибири, учебного пособия «История России как цивилизации. XX век», ответственный редактор и составитель межвузовского сборника статей «Западносибирское краеведение» (5 выпусков, 1993-2003), рецензент 1-5-го выпусков альманаха «Коркина слобода», соавтор (с М.А. Бровка) учебного пособия «Ишим – город исторический» (2000).
5. **Козлова Валентина Леонтьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Тюменского государственного нефтегазового университета. Научные интересы – этнография русского крестьянства, литература Тюменской области. Автор методического пособия «Традиционная одежда русского населения Западной Сибири» (Тюмень, 2002).
6. **Колесников Александр Дмитриевич**, доктор исторических наук, профессор Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии (г. Омск), автор многочисленных научных трудов по истории освоения русскими Сибири и участия сибиряков в Великой Отечественной войне.
7. **Коновалова Елена Никифоровна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории науки и техники Зауралья при Тюменском государственном нефтегазовом университете. Основатель клуба «Тюменская старина». Научные интересы – история исследования Тюменского края, история книгоиздания, картографирования. Автор монографии «Книга Тобольской губернии. 1790-1917. Сводный каталог местных изданий» (Новосибирск, 2006).
8. **Крамор Геннадий Андреевич**, сотрудник Литературного музея П.П. Ершова в г. Ишиме. Внештатный корреспондент газет «Ишимская правда», «Тюменские известия». Лауреат фестиваля «Тюменская пресса-2006» в номинации «Общественный корреспондент года», дипломант I степени фестиваля «Православие и СМИ» в номинации «Пресса» (2007). Краеведческие интересы – история православия в Сибири, провинциальная архитектура.
9. **Кузурманов Георгий Петрович**, краевед, коллекционер, фотограф. Автор ряда статей по истории Приишимья.
10. **Метелёва Нина Константиновна**, старший преподаватель кафедры русского языка Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова.
11. **Мишкина Ольга Анатольевна**, научный сотрудник Ишимского городского историко-краеведческого музея. Автор ряда статей по истории культуры края.
12. **Ожгибесова Ольга Адольфовна**, журналист, редактор газеты «Тюменский эфир» (ГТРК «Регион-Тюмень»). Автор многочисленных публикаций в областных и городских изданиях, в т.ч. в журнале «Уральский следопыт» (г. Екатеринбург). Лауреат фестиваля «Тюменская пресса-2003» в номинации «Публицист года», призёр фестиваля «Тюменская пресса-2006» в номинации «Лучший журнальный проект года», обладатель премии Союза журналистов России «За журналистское мастерство».
13. **Проскуракова Надежда Леонидовна**, директор Литературного музея П.П. Ершова в г. Ишиме. Краеведческие интересы – культура края, крестьянское восстание 1921 года. Автор сценариев документальных фильмов по истории Ишима и Приишимья. Редактор детского познавательного журнала «Конёк-Горбунок».
14. **Савченкова Татьяна Павловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. Научные и краеведческие интересы – жизнь и творчество П.П. Ершова, региональное литературоведение, история сибирской архитектуры. Редактор ряда краеведческих сборников, «Ершовского сборника». Автор многих научных и популярных статей, книги «Ишим и литература. Век XIX-й» (Ишим, 2004).
15. **Самсонова Ольга Николаевна**, научный сотрудник Ишимского городского историко-краеведческого музея. Автор ряда статей по истории культуры края.
16. **Сметанкина Марина Николаевна**, сотрудник Литературного музея П.П. Ершова в г. Ишиме.
17. **Соскина Лидия Константиновна**, учитель истории и краеведения, руководитель секции юных краеведов, директор музея школы № 1 г. Ишима. Автор статей о знаменитых людях Приишимья.
18. **Шадурский Витольд Игнатьевич (1927-2007)**, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. Автор многих научных и популярных статей, монографий «Культура земледелия российских крестьян Сибири XVII – начала XX вв.» и «Культура земледелия коренных народов Азиатской России с момента возникновения земледелия до XVII в.».
19. **Ярков Александр Павлович**, доктор исторических наук, искусствовед, профессор Тюменского государственного университета.

Принятые сокращения:

- АРГО – Архив Русского географического общества (г. С.-Петербург)
ГАТО – Государственный архив Тюменской области (г. Тюмень)
ГИМ – Государственный Исторический музей (г. Москва)
ИКМ – Ишимский городской историко-краеведческий музей
ИФ ГАТО – Госархив в г. Ишиме
ЛМЕ – Литературный музей П.П. Ершова в г. Ишиме
РНБ – Российская национальная библиотека (г. С.-Петербург)
ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТОКМ – Тюменский областной краеведческий музей
ТФ ГАТО – Госархив в г. Тобольске

КОРКИНА СЛОБОДА Краеведческий альманах Выпуск 9.

Художник: Р. Симанов.
Вёрстка: И. Емельянова.

Издательская лицензия ЛР № 020036 от 22.11.1996 г.

98499

Отпечатано в филиале «Ишимская типография» ОАО «ТИД»,
ул.Чкалова,17. Заказ № 4257. Формат 60x84 1/8. Тираж 999 экз.
Объем 19,53 усл.п.л. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Ариал». Подписано в печать 07.12.2007 г.

Автономное учреждение
"Ишимская городская
централизованная
библиотечная система"

Наши вернисаж

Художник

Александр Костюков

